

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Структуры и символы российской государственности

Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования

Опричнина и «земщина»: к изучению административной практики в русском государстве 1560–1580-х гг.

Кодификационные проекты императора Николая I

История российского конституционализма

Политическая история российского конституционализма XX в.

Образование СССР и его первая Конституция

Конституционные принципы свободы совести и всеобщего избирательного права в СССР

Уроки Конституции 1993 г.

Правонарушение на выборах во Всероссийское Учредительное собрание на территории Витебской губернии

«Круглый стол»

О.М. Медушевская. «Теория и методология когнитивной истории»

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
НАУКА

1

январь
февраль
2010

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ (*главный редактор*),
А.В. ГОЛУБЕВ (*зам. главного редактора*), **Д. ДАЛЬМАНН** (*Германия*),
А.Е. ИВАНОВ, **А.В. ИГНАТЬЕВ**, **А.П. КОРЕЛИН**, **В.А. КУЧКИН**,
Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, **Е.И. ПИВОВАР**, **Ю.С. ПИВОВАРОВ**,
В.Н. ПЛЕШКОВ, **Н.М. РОГОЖИН**, **А.Н. САХАРОВ**,
Д. СВАК (*Венгрия*), **С.С. СЕКИРИНСКИЙ**, **В.А. ТИШКОВ**, **В.В. ТРЕПАВЛОВ**,
ДЖ. ХОСКИНГ (*Великобритания*), **В.В. ШЕЛОХАЕВ**

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru
otech_ist1@mail.ru

Ответственный секретарь М.А. Новикова
Тел. 8-499 723-69-10

EDITORIAL BOARD

A.N. MEDUSHEVSKY (*Editor-in Chief*),
A.V. GOLUBEV (*Deputy Editor-in-Chief*), **DITTMAR DAHLMANN** (*Germany*), **A.E. IVANOV**,
A.V. IGNATIEV, **A.P. KORELIN**, **V.A. KUCHKIN**, **L.N. NEZHINSKY**,
E.I. PIVOVAR, **Yu.S. PIVOVAROV**, **V.N. PLESHKOV**, **N.M. ROGOZHIN**,
A.N. SAKHAROV, **GYULA SZVÁK** (*Hungary*), **S.S. SEKIRINSKY**,
V.A. TISHKOV, **V.V. TREPAVLOV**, **GEOFFREY HOSKING** (*United Kingdom*),
V.V. SHELOKHAEV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Managing Editor M.A. Novikova
Тел. 8-499 723-69-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСК И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНОГО ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

МНЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ В СТАТЬЯХ, ОТРАЖАЮТ ЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АВТОРОВ И НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО СОВПАДАЮТ С ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА.

Структуры и символы российской государственности

© 2010 г. Е. В. ПЧЕЛОВ*

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ТИТУЛ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ: СТРУКТУРА И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Титулы российских государей с конца XV в. состояли из нескольких, выделяемых исследователями, частей. В начальной, инвокативной части, содержалось указание на религиозный источник власти. Первоначально это была формула «Божиею милостию». Затем в так называемой «субъектной» части назывались имя и статус носителя титула («великий князь», «государь всея Руси», «царь» и т.д.). Территориальная или объектная часть включала в себя статусные наименования тех земель, на которые распространялась власть государя. История объектного (территориального, владетельного) титула русских государей (начало исследованию которого было положено еще А.Б. Лакиером в середине XIX в.¹) – одна из тем, нашедших отражение в современной отечественной историографии. Ее изучением плодотворно занимается С.М. Каштанов, сосредоточивший свое внимание также и на отдельных элементах объектного титула², появляются работы, находящиеся в контексте его научной школы³. Сохраняют свою актуальность наблюдения над начальной историей этого титула И. Илиевой⁴, А.В. Лаушкина⁵, В.А. Кучкина⁶, дополненные в недавнее время М. Агоштон⁷. Наконец, специальные исследования истории объектной части государева титула на значительном временном промежутке предприняли А.Л. Хорошкевич⁸ и А.И. Филюшкин⁹, обобщивший большой фактический материал по истории титула в целом (за X–XVI вв.).

Выводы двух последних исследований не слишком «утешительны» для выяснения принципов формирования объектного титула и его семантики. Так, Хорошкевич, рассматривая объектный титул исключительно в контексте идеологических «притязаний» и дипломатических контактов, т.е. реальных событий внешней политики (воспринимая их при этом с позиций представлений современного исследователя), делает вывод, что «механической, непосредственной по времени связи между приобретением земли и включением ее наименования в титул не было, за исключением казанского, астраханского и ливонского титулов». «Обязательный корпус» титулов объектной части, по ее мнению, составляли бывшие независимые княжества, именовавшиеся «великими», к которым затем прибавлялись наименования других земель, в зависимости от конкретных политических обстоятельств (или общей геополитической обстановки, чем объясняется слишком позднее вхождение в титул названий Нижнего Новгорода и Ярославля). «Титул притязаний, – полагает Хорошкевич, – постоянно предшествовал титулу реального обладания, формулируя задачи внешней политики как на востоке, так и на западе» (этот тезис иллюстрируется примерами титульных определений «лифляндский», «полоцкий» и обозначений Сибирской земли и Северной страны)¹⁰.

Филюшкин, одним из методов исследования которого стало наложение упоминаемых в титуле территориальных объектов на современную географическую карту, пришел к следующим выводам. 1. Государев владетельный титул – это «идеальный конструкт»: «границы державы, которые реконструировались бы по титулу, не совпадали с реальными рубежами страны» (замечу, что при вышеназванном методе другого

---

* Пчелов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

результата ожидать было бы сложно). 2. «Для отбора земель в титул были важны как раз рубежи и новые приобретения», важен был именно «порубежный» аспект «государева имени» (поскольку расширение границ государства естественным образом происходит путем присоединения ближайших к этим границам земель, то и этот вывод можно считать вполне тривиальным). 3. «На картах видно, что основная линия распространения титула... была горизонтальной – идеальный облик России строился в виде территории, вытянутой с востока на запад» (поскольку этот вывод базируется на анализе современных географических карт с нанесенными на них объектами эпохи Средневековья, то не вполне понятно, какое отношение он имеет собственно к восприятию географического пространства именно в ту эпоху). 4. «Мы вынуждены повторить вывод о неясности критериев включения ряда внутренних земель в государев титул. На картах не видно никакой закономерности. В присвоении титулований российские государи не стремились адекватно “промаркировать” территорию страны. Их выбор достаточно произволен. Так как его... нельзя объяснить, исходя из историко-хронологических критериев, остается признать, что либо мы не располагаем достаточной информацией и методологическим инструментарием для понимания принципов формирования владетельного титула, либо на его облик оказали сильное влияние факторы случайности и произвольного выбора, прецедента, затем возведенного в систему»¹¹. Иными словами, объектный титул формировался по каким-то неясным принципам, а, возможно, и вовсе хаотично.

Такое объяснение не может удовлетворить исследователя: представить себе, что столь важное явление, каковым бесспорно являлся государев титул (достаточно вспомнить хотя бы повышенное внимание русских дипломатов к правильному написанию царской титулатуры в документах или хрестоматийные сведения о царском титуле у Котошихина¹², равно, как и подробное объяснение титула иностранцами, побывавшими в Московии¹³), формировалось бессистемно и произвольно, крайне затруднительно. Напротив, титул всегда был одним из важнейших способов репрезентации правителя, и допустить вариант стихийности или случайности в процессе любой его трансформации – значит поставить под сомнение и саму суть подобных изменений. Ибо совершенно непонятно в таком случае, зачем нужно было, к примеру, дополнять титул новым объектом, если само упоминание этого объекта не несло существенной семантической нагрузки, а возникало достаточно произвольно. Исследования ряда объектов владетельного титула русских государей¹⁴ позволяют высказать несколько соображений, которые, возможно, смогут прояснить вопрос о том, что же собственно представлял собой объектный титул, и каким образом происходило его формирование, а также обозначить ряд перспектив в исследовании этой темы.

Представим в самых общих чертах историю объектного титула. Впервые он появился в 1449 г. в договорной грамоте Василия II с Казимиром IV и состоял из четырех элементов: «Князь великий... Московский, и Новгородский, и Ростовский, и Пермский»¹⁵. В 1474 г. впервые в документах зафиксирован объектный титул Ивана III, состоящий из трех наименований: «Великий князь... Володимерский, и Новгородский, и Московский»¹⁶.

В грамоте от 14 марта 1484 г. объектный титул обозначен как: «Володимерски и Московски и Новгородски и Псковски и Югорьски и Вятски и Пермьски и иных»¹⁷. Это изменение титула М. Агоштон связывает с походом на Югру князя Ф. Курбского и И. Салтыка Травина, которые 1 октября 1483 г. доставили в Москву пленных югорских князей¹⁸. Примечательно также перенесение определения «Новгородский» со второго на третье место. Его первоначальное расположение в титуле Ивана III, возможно, объясняется тем, что в официальной московской трактовке событий 1471 г. Новгород понимался как бы изначально находившимся под властью великих князей – «Володимерских и Новагорода Великаго и всея Руси» (Московский летописный свод 1472 г., в составе Никаноровской летописи)¹⁹. Такое понимание способствовало сопряжению в титуле объектов «Владимирский» и «Новгородский», разделенных в 1484 г. объектом «Московский». Это разделение, возможно, было обусловлено расширением самого

объектного титула и необходимостью включения в него объекта «Псковский». Сочетание «Новгородский, Псковский», маркирующее два схожих государственных образования севера Руси, выглядело более логичным, нежели «Новгородский, Московский, Псковский». Требуют объяснения включения в титул объектов «Вятский» и (отчасти) «Пермский». Агоштон полагает, что место объекта «Пермский» в титуле Ивана III восходит к аналогичной концовке объектного титула Василия II 1449 г.²⁰

В 1487 г. в титул был добавлен объект «Тверский», вставший между «Псковским» и «Югорским», что было связано с присоединением Тверского княжества в 1485 г. Агоштон полагает, что титульное место «Великого княжества Тверского» «подчеркивало значение этой территории в системе Московского государства – ниже Новгорода и Пскова, но выше любых областей на востоке страны»²¹, что вполне справедливо. Наконец, в 1490 г. объектный титул был дополнен наименованием «Болгарский», появление которого было связано с установлением в 1487 г. протектората над Казанским ханством²². Этот объект завершал титул Ивана III. Его место в конце объектного титула, с одной стороны, определялось временем этого «приобретения» для Москвы, с другой, условным характером власти Московского великого князя над Казанским ханством (протекторат).

К 1490 г. титул существенно увеличился и стал состоять из девяти наименований: «Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Угорский, и Вятский, и Пермский, и Болгарский, и иных», в таком виде он зафиксирован и на известной печати 1497 г.²³ В 1514 г., при Василии III, титул увеличился еще более существенно. Он состоял уже из 22 наименований, причем был разделен на две части: «Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский и Болгарский и иных, Государь и Великий князь Новагорода Низовские земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных»²⁴. При Иване IV произошло еще несколько дополнений: с 1553 г. «великий князь... Казанский», с 1554 г. «Астраханский», с 1555 г. «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель» (в конце титула), с 1556 г. «царь Казанский, царь Астраханский», с 1558 г. в титуле фиксируется Ливония (в разнообразных вариантах), с 1563 г. «Полоцкий» (на месте прежних «Волоцкий, Ржевский, Бельский») ²⁵. При Федоре Ивановиче с 1589 г. «государь Иверския земли (Карталинских и) Грузинских царей, и Кабардинския земли Черкасских и Горских князей»²⁶. При Борисе Годунове с 1599 г. «царь Сибирский»²⁷. Следующие крупные изменения произошли в период войны с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче: с 1652 г. в титуле присутствуют слова «Великия и Малыя Руси самодержец», с 1654 г. наименования «Киевский», «Черниговский», «Полоцкий» (вторично, после времени Ивана IV), «Мстиславский» и «Великия, Малыя и Белья Руси самодержец», с 1655 г. «Великий князь Литовский», «Волынский», «Подольский» (часть этих обозначений позднее утратилась)²⁸. При Петре I после окончания Северной войны в титуле появилось новое определение статуса «Император и самодержец Всероссийский» и добавились объектные определения «князь Эстляндский, Лифляндский, Корельский»²⁹. При Екатерине II вернулись наименования литовских и белорусских земель, был добавлен титул «Царица Херсониса Таврического» (в 1784 г.)³⁰ и наименования «Курляндская и Семигальская». При Александре I в 1815 г. произошло дополнение «Царь Польский»³¹, при Николае I в 1828 г. в титул добавились слова «государь... Армянския области», а название Финляндии, существовавшее в титуле со времени Александра I, приобрело вид «Великий князь Финляндский»³², при Александре II в 1857 г. добавился титул «Царя Грузинского», созданный на основе имевшегося в титуле определения «Грузинских царей»³³, наконец, окончательный вид объектный титул приобрел при Александре III в 1882 г. – он состоял уже из 54 наименований, и в соответствии с этим был сформирован последний вариант Большого государственного герба Российской империи³⁴. Такова в самых общих чертах история объектного титула (без рассмотрения некоторых оборотов общей географической ориентировки, типа «и иным многим землям Восточным и Северным государь» и т.п.).

Вне всякого сомнения, объектный титул русских государей, как и объектные титулы любых других правителей, фиксировал присоединение новых земель и территорий (реальное или желаемое) и в этом смысле отражал историческую реальность своего времени. Однако представления современных историков об этой реальности могут существенным образом отличаться от ее восприятия современниками событий. История титула блестяще иллюстрирует эту особенность. Например, начало присоединения Сибири в историографии традиционно связывается с походом Ермака в начале 1580-х гг. Казалось бы, именно с этого времени «сибирский» территориальный объект должен был войти в титул. Но на самом деле наименование «Сибирская земля» впервые встречается в титуле еще в июне 1555 г., потому что в январе того года сибирский правитель Едигер обратился к Ивану IV с просьбой взять Сибирь «под его руку». А титулование «царь Сибирский» появилось в титуле в 1599 г., поскольку в августе предшествующего, 1598 г., войско Кучума было окончательно разгромлено тарскими воеводами³⁵. Совершенно очевидно, что именно события 1555 г. и 1598 г. (а вовсе не поход Ермака) и были в восприятии их современников важнейшими этапами установления власти Московского царя над Сибирью. Другой пример: присоединение Астрахани во всех пособиях по русской истории датируется 1556 г. А в титуле наименование «Астраханский» появилось уже в сентябре 1554 г.³⁶, поскольку именно в этом году русские войска вошли в Астрахань. С этим событием и связывалось современниками присоединение Астраханского ханства к России (что хорошо иллюстрируют датировки некоторых дипломатических документов, где перечислено, каким годом Московского, Казанского и Астраханского царствований государя датируется данный документ³⁷). Иными словами, восприятие значимости тех или иных событий и явлений, связанных с расширением Московского государства, современниками этих событий и нынешними исследователями (с позиций науки и представлений сегодняшнего дня) может кардинально различаться. Поэтому не имеет особого смысла комментирование титульных объектов сведениями о реальном процессе вхождения этих объектов в состав Московского государства – важно восприятие этой «реальности» и понимание ее людьми того времени. Важно выяснить не столько, какова была «действительная власть» государя над теми или иными землями, отраженными в титуле, сколько в связи с чем и почему эта власть считалась таковой. Принятие во внимание этого аспекта может помочь и в выяснении вопроса о временном промежутке между присоединением территории (реальном или мнимом) и ее фиксацией в титуле. Исследование истории ряда титульных объектов, как кажется, показывает, что титул весьма оперативно и очень гибко «реагировал» на присоединение новых земель (во всяком случае, обозначения Сибири, Ливонии и Кавказа ясно свидетельствуют об этом).

При анализе титула необходимо учитывать особенности топографических и географических представлений людей прошлого. В этом контексте наложение титульных объектов (причем так, как они понимаются сейчас) на современную географическую карту и определение общего «вектора» титульного «пространства» в соответствии с этой картой мне представляется малопродуктивным. Совершенно очевидно, что современники могли воспринимать взаимное месторасположение различных географических объектов совсем не так, как люди сегодняшнего дня. Очень мало, что можно сказать в этом смысле о русских людях конца XV–XVI вв., но ряд европейских карт опирался на сведения русских информантов (например, карты Б. Аньезе, А. Виеда и других европейских картографов³⁸). На картах XVI в. присутствуют многие титульные объекты. Например, на карте Виеды 1570 г. (составленной по сведениям Ивана Ляцкого) в северо-восточной ее части зафиксирована Вятская земля, над нею слева Югра, справа Конда, справа от Конды Великая Пермь, а над нею Обдорья. На картах из изданий С. Герберштейна³⁹ Югра, напротив, занимает самое крайнее положение на северо-востоке. В то же время, на этих картах Тверь расположена к западу или чуть к северо-западу от Москвы. Еще дальше на запад, чуть севернее, находится Великий Новгород. Псков расположен почти точно на запад от Москвы, Смоленск – сильно на юго-запад, Нижний Новгород – на восток, Рязань – на юго-восток (на других, более

поздних картах XVI в. даже ближе к югу). Почти точно к северу от Москвы находят-ся один за другим Ростов, Ярославль, Белоозеро. Вряд ли продуктивно сопоставлять титульные объекты с их расположением на европейских географических картах того времени, однако, возможно, в некоторых случаях устойчивые особенности взаимной географической соотнесенности этих объектов в старой картографической традиции следует иметь в виду – во всяком случае, это сопоставление имеет не меньший смысл, чем сличение объектного титула с современной географической картой.

Относительно собственно объектного титула обращают на себя внимание следующие особенности.

Структура объектного титула русских государей, по всей видимости, имела иностранные прототипы, среди которых могли быть: титул императора Священной Римской Империи Германской нации⁴⁰, титул короля Польского и великого князя Литовского⁴¹, титулы сербских правителей⁴². Объектные титулы также употреблялись в титулатуре и других европейских (королей Швеции, Дании) и восточных (Османских султанов) государей⁴³. Причем аналогии может обнаруживать не только сама структура титула, но даже и отдельные территориальные атрибуты (при том, что, по верному наблюдению, С.М. Каштанова «порядок расстановки и конкретный состав территориальных титулов определялись русскими государственными деятелями с учетом политических интересов и политической идеологии правящих верхов Русского государства»⁴⁴). К сожалению, детального сопоставления русского объектного титула с современными ему объектными титулами других монархов, даже императора Священной Римской Империи, до сих пор не проведено. Между тем, такое сопоставление может объяснить появление в титуле отдельных наименований. Например, форма «Черкасских и Горских князей», возможно, возникла в русском титуле по образцу (и в какой-то степени в противовес) титула крымских ханов, в котором имелись слова «множества татар и бесчисленных ногаев и черкесов повелитель»⁴⁵.

Форма титула могла зависеть, с одной стороны, от адресата, с другой стороны, от вида документа. На эту особенность уже неоднократно обращали внимание исследователи, выделяя различные типы интитуляции грамот и варианты, в частности, объектного титула. При этом количество вариантов (при двух-трех основных) может быть порой весьма велико, а число вариантов наименований отдельных объектов и того больше (ливонский территориальный атрибут существовал, по крайней мере, в четырнадцати вариантах⁴⁶).

Тем не менее, обычно использовались лишь несколько вариантов объектного титула: полный и более краткий (краткие) (до слов «Болгарский и иных»), которые позволяют вычленив в объектном титуле две «основные» части. При этом более полная форма титула считалась и более почетной. При обращении к европейским христианским государям использовались более полные формы, а при обращении к восточным (в том числе мусульманским) – более краткие.

Титульные определения статуса, применяемые к тем или иным территориальным объектам, также нуждаются в детальном исследовании. Такие титулы, как «царь» (Казанский, Астраханский и другие), «великий князь» (Тверской, Смоленский...), «государь», «повелитель», «обладатель», сопряженные с определенными наименованиями, могли свидетельствовать не только о ранговом статусе того или иного владения, но и фиксировать сам характер оногo (условное владение, протекторат, присоединение). Значение тонких нюансов употребления тех или иных статусных титулов на примере Сибири было блестяще продемонстрировано Каштановым⁴⁷. По отношению к Пскову употребление титула «государь» (а не «великий князь») восходило, например, к старой, псковской традиции⁴⁸. При этом отнюдь не очевидно, можно ли отдельные наименования (например, «Пермский, Вятский, Болгарский») воспринимать не как собственно определения, а в контексте того статуса, который имеет тот или иной предшествующий им территориальный элемент (как это делает Агоштон⁴⁹). Например, из сочетания «великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных» с абсолютной очевидностью не следует, что титул «великий князь» в данном

случае применим ко всем территориальным наименованиям в этой части объектного титула.

Существенной, на мой взгляд, является возможность понимания объектного титула не как некоего однородного явления, а как определенной системы. Объектный титул имел довольно четкую внутреннюю структуру, т.е. состоял из нескольких частей. Поэтому названия новых территорий, входившие в титул, добавлялись к этим частям, т.е. вписывались определенным образом в уже имеющуюся структуру титула, попутно уточняя и «развивая» ее.

Эта структура в определенной степени зависела от политического статуса той или иной территории. Так, безусловно, «царства», которые были по статусу выше «великих княжеств», занимали в титуле одно из первых мест. Первые три места с конца XV в. принадлежали названиям стольных городов Руси как главной «вотчины» московских правителей («Владимирский, Московский, Новгородский»). В то же время земли, подчиненность которых царской власти носила более условный характер, входили в заключительную часть титула (Сибирская земля «под рукой» государя; Ливонская/Лифляндская земля; Иверская (Кахетия) и Кабардинская земли под формальным протекторатом России). Наблюдения над использованием в титуле термина «земля» применительно к некоторым объектам позволяют полагать, что его употребление как раз и служило показателем более мягких форм зависимости (в отличие от непосредственного включения в состав государства)⁵⁰. Таким образом, помимо статусной иерархии, определенное значение имела и «категория» владения, но видеть лишь в этих «показателях» единственный принцип формального структурирования объектного титула невозможно.

Исследователи обращали внимание и на географическую «ориентировку» титульных объектов. Так, Каштанов, исследуя сибирский территориальный компонент титула, отметил, что, по крайней мере, в заключительной своей части объектный титул явно был «направлен» на северо-восток⁵¹. Филлюшкин вообще считает горизонтальное направление (правда, почему-то «с востока на запад») основным для формирования «идеального облика России» в рамках территориального титула⁵². Мне представляется, что существенное значение имело не просто горизонтальное расположение векторного типа, а, скорее, различение центра и периферии.

В самом деле, построение структуры территориального титула предполагает не столько восприятие всей совокупности объектов как некоего единого целого (подобно государствам в их границах на современной географической карте, где уже внутри государств выделяются области, провинции и другие объекты), сколько восприятие некоего локального центра, вокруг которого располагается более или менее отдаленная периферия. Если в качестве такого центра мы будем рассматривать Москву (что в данном случае вполне очевидно), то структура объектного титула (так, как она сложилась при Василии III и во многом продолжала сохраняться в дальнейшем) может предстать в следующем виде.

После объектов «Владимирский, Московский, Новгородский» (и, начиная с 1550-х гг., «Царь Казанский, Царь Астраханский») следуют объекты «Псковский», «Смоленский» и «Тверской». Они маркируют западное направление (от Москвы). Далее идут объекты «Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский», «указывающие» на восток. Затем следуют наименования Нижнего Новгорода, Чернигова и Рязани. Два последних объекта явно обозначают южный вектор. Возможно, с этим перекликается и обозначение «Низовская земля», присутствующая в наименовании нижегородского компонента. Следующие объекты «Волоцкий, Ржевский, Вельский», как кажется, нарушают эту схему (они просуществовали в титуле не слишком долго).

Наконец, объекты «Ростовский, Ярославский, Белозерский», а затем «Удорский, Обдорский, Кондинский», по всей видимости, «отсылают» к северному направлению. Символично, что в полном титуле объектная часть завершается наименованием «Северной страны» (с 1554 г.). Примечательно, что в объяснении русских дипломатов, относящемся, впрочем, к значительно более позднему времени (1656 г.), Сибирь ассоциировалась с Севером⁵³.

Таким образом, если рассматривать объектный титул в плане векторной локализации, то выявляется система, направленная на все четыре стороны света (на запад, на восток, на юг и на север). Косвенное подтверждение тому, что такая ориентировка могла иметь определенное значение, могут служить присутствовавшие в титуле (спорадически, а в случае с «Северной страной» даже устойчиво) обозначения, восходящие к наименованиям сторон света («землям Восточным, и Западным, и Северным... государь»).

Однако важным было не только реальное «содержание» объектного титула, но и символический смысл его структуры. Анализ этой структуры на протяжении почти всего времени существования объектного титула позволяет предположить, что в ее основе лежал тернарный принцип. Конечно, его ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Жизнь вносила свои коррективы, какие-то объекты добавлялись, некоторые исчезали, но в целом титул «стремился» к сохранению и воспроизводству этого принципа. Удивительно, что такое положение сохранялось, по-видимому, на протяжении почти всего времени истории объектного титула.

В самом деле, первые признаки этого принципа прослеживаются уже в титуле Ивана III 1490-х гг., состоявшем из 9 (3 по 3) объектов, а в объектном титуле российских императоров второй половины XIX – начала XX в. мы видим ту же самую, четко выдержанную тернарную структуру (6 царств, 6 великих княжеств, два раза по 12 княжеств и всего 24,6 кавказских земель и 6 объектов родового титула).

Устойчивые триады объектов вполне очевидны в следующих случаях: «Владимирский, Московский, Новгородский»; «Псковский (затем Смоленский), Тверской, Югорский»; «Пермский, Вятский, Болгарский»; «Новгород Низовские земли, Черниговский, Рязанский»; «Волоцкий, Ржевский, Бельский»; «Ростовский, Ярославский, Белозерский»; «Удорский, Обдорский, Кондинский»; с конца XVI в. также «Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский».

В соответствии с этим наименования вновь присоединенных территорий, как правило, добавлялись между этих триад и редко «разрывали» их (при этом, возможно, могло учитываться и общее число титульных объектов). Например, дополнение «Полотский» было внесено после «Рязанского» и перед «Ростовским». Существенно, что новые объекты не просто добавлялись в конец титула, а могли дополнять те или иные его части (причины их титульного местоположения в каждом случае требуют специального рассмотрения).

Именно тернарная структура, по всей видимости, определила тот факт, что кавказский территориальный атрибут также формировался по этому принципу: «государь Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» (с 1589 г.), «государь Иверские земли Карталинских и Грузинских царей» (в этой форме с 1605 г.). Когда Алексей Михайлович в период войны с Речью Посполитой изменил царский титул, то на первое место выдвинулась новая триада – «Великия, и Малыя, и Белья России самодержец». Характерно также троекратное повторение «и прочая, и прочая, и прочая» в поздних вариантах титула. Показательно при этом, что в «Титулярнике» 1672 г. объектный титул проиллюстрирован 33 печатями (гербами) земель. Большинство они сгруппированы по три. По сообщению А. Мейсберга, в Москве существовало «33 главных правительственных места, называемых приказами»⁵⁴.

Тернарная структура, без сомнения, восходит к символу Святой Троицы. Упоминание Троицы присутствовало и в самом государевом титуле при Василии III, Иване Грозном, Федоре Иоанновиче, Михаиле Федоровиче (в начальной, invocативной его части – «Бога в Троице славимаго милостию»; как показал Филюшкин, первоначально упоминание Троицы в титуле возникло, по всей видимости, в дипломатической переписке с османским двором⁵⁵) и просуществовало в отдельных случаях даже до конца XVII в.⁵⁶ Эта начальная часть титула повлияла и на тернарную структуру тугры в грамотах русских государей турецким султанам⁵⁷. Показательно, что впервые тернарная структура объектного титула появилась при Иване III. Она эволюционировала от трех объектов в 1474 г. к девяти в 1490 г.⁵⁸

Кроме того, в объектном титуле заметны даже элементы ассонативного характера – речь идет о паре «Удорский, Обдорский». Сопряженность этих объектов обусловлена их географической близостью, но очевидно в данном случае и чисто фонетическое созвучие (несмотря на то, что наименование «Удорский» должно было бы произноситься с ударением на первом слоге). О том, что это созвучие ощущалось как вполне актуальное, свидетельствует геральдика: обе территории обозначались практически одинаковыми эмблемами/гербами еще со времен Ивана Грозного (Большая печать конца 1570-х гг.). В «Титулярнике» 1672 г. и на геральдической тарели 1675 г., сделанной Юрием Фробосом для царя Алексея Михайловича, обе эти эмблемы объединены в одном картуше.

Возможность такой ассонативной пары в русском титуле, в какой-то степени, подтверждается и наличием подобных пар в титулах иностранных – «Руский, Пруский» в титуле Великих князей литовских⁵⁹, «Беломорский, Черноморский» (иногда наоборот) в титуле турецких султанов⁶⁰.

Ассонанс мог определять и место обозначения территорий в объектном титуле. Так, в 1563 г., практически сразу же после взятия Полоцка Иваном IV, в объектный титул было добавлено наименование «Полоцкий»⁶¹. Оно заняло место между «Рязанским» и «Ростовским», там, где раньше стояли «Волотский, Ржевский, Бельский». Совершенно очевидно, что это место определялось созвучием «Волотский/Волоцкий» – «Полотский / Полоцкий». Таким образом, общая эвфония титула не нарушалась. В тех же случаях, когда в дипломатической переписке использовалась краткая форма титула (например, в грамотах турецкому султану), наименование «Полоцкий», имевшее для Ивана IV принципиальное значение, добавлялось в первую часть объектного титула, но не в качестве дополнительного элемента, а вместо одного из уже имевшихся. Так в грамоте Ивана IV Селиму II от марта 1571 г. наименование «Полотцкий» заменило объект «Югорский»⁶². Такое изменение лишней раз показывает внутреннюю неразрывность титульных объектных «триад» и подтверждает тернарный принцип структуры объектного титула.

Еще одна любопытная особенность в структуре титула возникла в середине XVI в., когда в заключительной части объектного титула появилось обозначение «всея» (в большинстве случаев применительно к объекту «Северная страна»), корреспондировавшееся с аналогичным словом в начальной части («всея Руси»). Таким образом, объектный титул как бы начинался с этого обозначения и этим же обозначением заканчивался. Это слово выполняло роль своеобразного «обрамления» всей структуры объектного титула, маркируя его начало и конец (впоследствии, с добавлением кавказской части эта особенность перестала быть очевидной).

Между тем, помимо структурно-символических характеристик объектного титула как системы, на его формирование, разумеется, оказывали важнейшее влияние и конкретные геополитические события и явления. Титул развивался, пополнялся новыми объектами, при этом некоторые объекты могли со временем исчезнуть (а потом даже появиться вновь), а другие сохранялись очень долгое время в качестве своего рода «воспоминаний». Важнейшие вопросы в этом контексте: порядок перечисления объектов в титуле и особенности отражения в нем реальной ситуации.

Некоторые принципы, влиявшие собственно на порядок перечисления объектов в титуле (такие, как статусность территории, время присоединения и географическая локализация), уже были упомянуты выше. Местоположение объекта в общем перечне определялось комплексом различных причин. Так, можно проследить некоторые географические закономерности, определяемые территориальной близостью объектов друг с другом (вернее, их удаленностью от московского «центра»). В титуле Ивана III таковы сочетания «Новгородский, Псковский»; «Югорский, Вятский, Пермский», в титуле Василия III и его преемников – «Ростовский, Ярославский, Белозерский»; «Удорский, Обдорский, Кондинский». Сложнее определить, почему, например, «Рязанский» стоит после «Черниговского», а не наоборот. Может быть, здесь сыграла роль память о происхождении рязанских князей от черниговских.

В некоторых случаях происходили инверсии: так, после «Югорского» при Иване III шли «Вятский» и «Пермский», а при Василии III и позднее – наоборот, сначала «Пермский», а затем «Вятский» (об особенностях понимания титула «Вятский» в 1490-х гг. в контексте дипломатической переписки с Польшей и Литвой см. работы В.А. Кучкина и М. Агоштон⁶³).

Одно из первых принципиальных новшеств в структуре титула произошло при Василии III в 1514 г. (поводом для этого, вероятно, послужило взятие Смоленска⁶⁴). Титул был существенно дополнен и как бы разделен на две части: от «Владимирского» и до «Болгарского и иных» (краткий вариант), и от «Новгорода Низовские земли» до «Кондинского» (полный вариант), при этом вторая часть оказалась длиннее первой. Вторая часть открывалась (подобно первой) титулами «государь и великий князь». Появление нижегородского объекта в титуле (в начале его второй части), казалось бы, не находит адекватного объяснения⁶⁵.

Но, если проанализировать саму структуру титула, можно предположить, что это появление было обусловлено наличием Великого Новгорода среди объектов начальной части. И действительно, наименование «Новгородский», стоящее сразу же после «Владимирского» и «Московского», как бы открывает первую часть объектного титула. Подобно ему наименование «Новгорода Низовские земли» открывает его вторую, вновь созданную часть. Здесь опять-таки мы, вероятно, сталкиваемся с некоторыми особенностями формальной структуры титула, оказавшими влияние на расположение тех или иных объектов в его составе. Уже говорилось также и о том, что краткая форма титула (первая объектная часть) использовалась в грамотах к восточным, мусульманским правителям, а полная (обе объектные части) в грамотах к европейским государям.

С другой стороны, увеличение титула в 1514 г. непосредственно отражало и произошедшие политические изменения не только в плане присоединения Смоленска. О них свидетельствует триада «Волоцкий, Ржевский, Бельский», вызвавшая недоумение у А.Л. Хорошкевич и А.И. Филюшкина. На самом деле ее появление в титуле находит вполне удовлетворительное объяснение. Волоцкий удел был присоединен к владениям Великого Московского князя в 1513 г., после смерти князя Федора Борисовича, двоюродного брата Василия III, который владел этим княжеством. Ему же принадлежала и половина Ржевы (вторая половина Ржевы входила в удел Ружского князя Ивана Борисовича, младшего брата Федора, умершего в 1505 г.)⁶⁶. После смерти бездетного Федора Борисовича, весь Ржевский удел сосредоточился в руках Василия III. Новый титул как раз и отражал эти новые приобретения.

Сложнее обстоит дело с титулом «Бельский». С. Герберштейн писал, что в период правления польского короля Казимира IV «Василий, князь Белой, называемый иначе Бельским, перешел на сторону Иоанна, отца Василия, и отдал во власть его себя и свои владения. ...У него было трое сыновей, которых мы видели при государе. Из числа их Дмитрий, по значению своего отца, пользовался великим уважением и почетом. Хотя эти три брата жили бельским отцовским наследством, содержась годовыми доходами с него, однако они не дерзали отправиться туда, ибо государь Московии отнял у них Бельское княжество и присвоил себе этот титул»⁶⁷. Речь в данном случае идет о знаменитом роде князей Бельских, потомков Гедимины, представители которого выехали на Русь в конце XV в. Герберштейн упоминает князя Дмитрия Федоровича Бельского, приближенного Василия III и его двоюродного племянника (отец Дмитрия – князь Федор Иванович Бельский – был женат на двоюродной сестре Василия III). Но имя выехавшего на Русь князя Бельского Герберштейн называет неверно – он был Федором, а не Василием. Вероятно, ошибка возникла из-за путаницы: помимо Бельских на русской службе находились и князья Белевские, которые также выехали из Литвы в правление Ивана III – на рубеже 1480-х и 1490-х гг. Это были братья Иван, Андрей и Василий Васильевичи⁶⁸. Однако существенно, что Герберштейн упоминает о том, что именно Василий III отнял у Бельских их княжество. Подобные сведения встречаются и у А. Мейерберга, побывавшего в Московии много позже, уже при Алексее Михайловиче, но очень подробно описывающего и русские земли, и объектный титул. Согласно Мей-

ербергу, бельский князь Василий «был не лучшей верности, как и соседние северские князья, да и для такой же, как у них, судьбы перебежал от Ягайловых детей к великому князю московскому Ивану, сыну Василия Темного, потому что сын этого Ивана, Василий, несправедливо отнял Бельское княжество у троих сыновей его»⁶⁹. Очевидно, что эти сведения восходят к Герберштейну. Но когда же произошло упомянутое событие? Время смерти князя Федора Ивановича Бельского неизвестно – последний раз его имя упоминается в 1506 г. Имя его сына Дмитрия появляется в источниках в 1519 г., имена двух других сыновей – еще позже⁷⁰. Можно думать, таким образом, что лишение Бельских их удела великим князем произошло на рубеже 1500-х и 1510-х гг., т.е. примерно в то время, когда в государевом титуле и появилось это наименование.

Конкретные причины появления наименований некоторых объектов в титуле в ранний период его истории, впрочем, не всегда ясны. Очевидно лишь, что их появление не во всех случаях было связано с теми или иными событиями, предшествовавшими ему в обозримом ближайшем прошлом (на что уже обращали внимание исследователи) – ведь могли быть одномоментные пополнения титула сразу целым рядом объектов (как было при Василии III, что позволяет говорить в данном случае о настоящей реформе территориального титула). Тем не менее, начиная с Ивана Грозного, титул довольно верно отражал реальность (фактическую или воспринимаемую таковой), постепенно пополняясь новыми элементами. С.М. Каштанов показал, что первоначально в объектный титул входили наименования тех земель, где власть великого князя «хотя и признавалась, но была недостаточно прочной». Именно таким был четырехчастный территориальный титул Василия II⁷¹. Иными словами, наименование «Московский» «покрывало» собственно территорию владений великого князя, а остальные наименования (Новгородский, Ростовский, Пермский) очерчивали следующий, более широкий круг владений, которые подчинялись великому князю условно.

При Иване III ситуация изменилась: с начала 1480-х гг. объектный титул стал очерчивать круг земель, присоединенных к Московскому государству вполне фактически. Хотя в реальности в ряде случаев «обладание» этими землями и не было полным, конкретные действия по их присоединению уже были совершены (походы на Казань, Вятку, Югру, присоединение Новгорода, Твери и т.д.). Следовательно, объектный титул из титула обладания «условного» стал титулом обладания «реального». Такое изменение заставляет сомневаться в эволюционной зависимости объектного титула Ивана III от объектного титула его отца. Скорее, титул 1484 г. восходит к титулу 1474 г. и не имеет генетической связи с титулом 1449 г. Иными словами, принципы формирования объектного титула при Василии II и при Иване III были различными. Объектный титул при Иване III, по всей видимости, начал формироваться заново, с «чистого листа», о чем свидетельствует и само количество объектов (три в 1474 г. вместо четырех в 1449 г.), и их порядок (отсутствие в титуле 1449 г. объекта «Владимирский» и «обратное», по сравнению с титулом 1474 г., расположение объектов «Новгородский» и «Московский»), и отсутствие в титуле 1474 г. объекта «Ростовский», присутствовавшего в титуле 1449 г. (так же, как и отсутствие объекта «Пермский», появившегося в титуле Ивана III только в 1484 г.). Отмечу, что сложно объяснить отсутствие объекта «Ростовский», если признать зависимость титула Ивана III от титула Василия II, учитывая, что с 1474 г. все Ростовское княжество находилось в руках московских князей.

Если проследить дальнейшее развитие титула, можно заметить, что случаев «чистого» притязания, притязания, не подкрепленного никакими реальными действиями, в объектном титуле русских государей не было. Так, титул «Псковский» при Иване III был, безусловно, титулом обладания (так, как оно виделось в Москве), потому что псковским государем считался великий московский князь. Титул «Рязанский» при Василии III (в 1510-х гг.) был также практически титулом обладания, потому что Рязанское княжество к тому времени утратило право вести самостоятельную внешнюю политику, что было равносильно признанию главенства Москвы. Более того, как видно на примерах Сибири и Кавказа⁷², реальный статус новых земель (их присоединение или вассалитет) порой очень тонко и внимательно отражался в титуле, и нюансы этих

территориальных «приобретений» влияли на соответствующие титульные формулировки.

В ряде случаев можно заметить значительную быстроту «реакции» титула на изменение состава подвластных России территорий. За исключением радикальных изменений (таких, как изменения при Иване III и Василии III) объектный титул весьма оперативно реагировал на события такого рода (взятие Смоленска, ликвидация Волоцкого и Ржевского уделов, присоединение Казани и Астрахани, протекторат над Сибирским ханством и его последующее подчинение, взятие Полоцка и Юрьева, протекторат над Кахетией и Кабардой, протекторат над Карталинским царством, завоевания в период войны с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче).

Примечательно, что в ряде случаев эти дополнения были инициированы дипломатическими контактами со Священной Римской Империей Германской нации, объектный титул правителя которой мог быть формальным образцом для аналогичного русского титула. Так, наименования «Болгарский»⁷³, новый вариант титула 1514 г.⁷⁴, наименования «царь Сибирский»⁷⁵, «государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей»⁷⁶ впервые зафиксированы именно в процессе дипломатических контактов с самым «главным» на тот момент государством Европы.

В то же время некоторые объекты могли позднее из титула исчезнуть (как произошло с наименованиями «Волоцкий, Ржевский, Бельский»); некоторое время, в 1560 г., в титуле присутствовало даже обозначение «Ногайский»⁷⁷, правда, в качестве «адресного» титула), а иногда возродиться вновь («Ростовский» при Василии III). Каждый раз это, очевидно, обуславливалось своими причинами, но, по-видимому, реальная утрата земель играла в этом процессе не последнюю роль. В случае «Волоцкого, Ржевского и Бельского» можно думать, что их исчезновение объяснялось «незначительностью» данных территорий, которая стала ощущаться со временем (когда-то они имели для титула определенную актуальность). В случае «Ростовского» следует иметь в виду, что он появился вновь не «индивидуально», а вкуче с рядом других объектов при «реформе» титула в правление Василия III. Если объект, тем не менее, казался особо существенным, и память о нем сохранялась долго, то мог возникнуть титул воспоминания. Именно таковым был титул «Лифляндский», употреблявшийся даже в первые годы царствования Михаила Федоровича⁷⁸. Самым длительным по времени рудиментом оказалась «Северная страна», когда-то попавшая в титул и с тех пор из него не исчезающая – она «удержалась» в титуле вплоть до 1917 г., хотя уже в конце XVII в. никто не представлял, что же реально она когда-то обозначала.

Пример «Северной страны» может продемонстрировать опасность поспешных интерпретаций отдельных наименований титула при его исследовании. Недавно Хорошкевич предположила, что под «Северной страной» царского титула следует понимать землю Норботтен, находящуюся на севере Скандинавского полуострова. «Калька перевода этого топонима и была занесена в титул царя в ходе русско-шведской войны 1556–1557 гг.» – полагает исследовательница. Свою гипотезу она подкрепляет ссылкой на дипломатический документ 1556 г., где прямо указано, что «Нарботская земля» по-русски именуется «Северной страной»⁷⁹. Эта версия вошла в работу А.И. Филюшкина как доказанный факт⁸⁰. Однако она вызывает сомнения: во-первых, русско-шведская война не привела к территориальным приобретениям России на севере Скандинавии, а во-вторых, наименование Северной страны вошло в титул царя раньше начала самой войны, в 1554 г. (причем в интитуляции грамоты на Афон), и, как показал С.М. Каштанов, восходит к концу XV в., имея отношение скорее к системе обозначения сторон света, нежели к конкретному топониму⁸¹. Свидетельство же документа 1556 г. может носить вполне независимый характер и объясняться более поздним по времени совпадением; причем эта интерпретация могла возникнуть не без влияния самого обозначения «Северной страны», уже к тому времени в титуле присутствовавшего. Наличие этой интерпретации еще вовсе не означает, что именно таким образом и понимался данный объект титула изначально⁸².

В целом, территориальный титул российских государей, во-первых, имел довольно четкую и продуманную структуру, устойчиво сохранявшуюся на протяжении почти всей его истории, а, во-вторых, формировался по определенным принципам, достаточно оперативно реагируя на присоединение (а в отдельных случаях и утрату) тех или иных земель и отражая их статус так, как его понимала российская сторона.

Примечания

¹ *Лакиер А.Б.* История титула государей России // Журнал министерства народного просвещения. 1847. Ч. 56. № 10. С. 81–108; № 11. С. 109–122.

² *Каишанов С.М.* О титуле московских государей в XV–XVIII вв. // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 181–187; *его же.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 32–38; *его же.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 3–21.

³ *Комочев Н.А.* К вопросу об изменениях в царском титуле при царе Алексее Михайловиче // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Мат-лы XVIII науч. конф. кафедры ИВИД ИАИ РГГУ. М., 2006. С. 253–256.

⁴ *Ильева И.* Владетельский титул московских великих князей (с середины XV до первой четверти XVI в.) // Bulgarian Historical Review. 1984. № 2. P. 75–87.

⁵ *Лаушкин А.В.* К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1995. № 6. С. 26–36.

⁶ *Кучкин В.А.* Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999. С. 8–14.

⁷ *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 146–167, 238–317.

⁸ *Хорошкевич А.Л.* Из истории великокняжеской титулатуры в конце XIV – конце XVI в. // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти Л.В. Черепнина. Тез. докл. М., 1980. С. 26–30; *ее же.* Отражение представлений о регионах государства всяя Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. S. 102–127.

⁹ *Филошкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 193–210.

¹⁰ *Хорошкевич А.Л.* Отражение представлений... С. 126–127.

¹¹ *Филошкин А.И.* Указ. соч. С. 209–210.

¹² *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 57–61.

¹³ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию; *Рейтенфельс Я.* Сказания о Московии // Утверждение династии (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.). М., 1997. С. 121–150, 392–399.

¹⁴ *Пчелов Е.В.* «... И вся Северные страны повелитель»: элемент царского титула и его геральдическое «воплощение» // Гербовед. № 90. М., 2006. С. 113–119; *его же.* Образы Сибири в символике власти дореволюционной России // Сибирские чтения в РГГУ. Альманах. Вып. 2. М., 2007. С. 47–55; *его же.* Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. Нальчик, 2007.

¹⁵ *Каишанов С.М.* О титуле московских государей... С. 181.

¹⁶ *Агоштон М.* Указ. соч. С. 311.

¹⁷ Там же. С. 147–148.

¹⁸ Там же. С. 295–297. Исследовательница связывает актуальность наименования «Югорский/Угорский» в русском объектном титуле также с возможностью его понимания как «венгерский», что могло служить фактором укрепления международного престижа Великого Московского княжества.

¹⁹ Там же. С. 274–275.

²⁰ Там же. С. 304.

²¹ Там же. С. 148, 291.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же. С. 312.

²⁴ *Каишанов С.М.* О титуле московских государей... С. 183.

²⁵ *Филошкин А.И.* Указ. соч. С. 205–207.

- ²⁶ Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 40–41.
- ²⁷ Лаврентьев А.В. Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 15, 184–185.
- ²⁸ ПСЗ-I. Т. 1. С. 268, 270, 349, 350, 369, 405.
- ²⁹ ПСЗ-I. Т. 6. С. 453.
- ³⁰ ПСЗ-I. Т. 22. С. 17.
- ³¹ ПСЗ-I. Т. 33. С. 195.
- ³² ПСЗ-II. Т. 3. С. 331.
- ³³ ПСЗ-II. Т. 32. Отд. 1. С. 299.
- ³⁴ См.: Лукомский В.К., Типольт Н.А. Русская геральдика. М., 1996. С. 54–59.
- ³⁵ «Сибирская земля» в июне 1555 г. в грамоте турецкому султану (см.: Филлошкин А.И. Указ. соч. С. 206), «Царь Сибирский» в сентябре 1599 г. в грамоте думного дьяка Афанасия Власьева в Прагу к «цесаревым советникам» (посольство к императору Рудольфу II) (Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 2. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею (с 1594 по 1621 г.). СПб., 1852. Стб. 691).
- ³⁶ Филлошкин А.И. Указ. соч. С. 206.
- ³⁷ Например, в грамотах Ивана IV султану Селиму от марта 1571 г. (Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. № 16. С. 29; Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. № 142. С. 290), восточным патриархам и духовенству от марта–апреля 1571 г. (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 143. С. 293; № 145. С. 297; № 146. С. 299; № 147. С. 300; № 148. С. 302; № 149. С. 303).
- ³⁸ Базров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 91–103.
- ³⁹ Там же. С. 102; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 135, 139, 146, 149.
- ⁴⁰ Каишанов С.М. О титуле московских государей... С. 184; Агоштон М. Указ. соч. С. 242, 312.
- ⁴¹ Каишанов С.М. О титуле московских государей... С. 184; Агоштон М. Указ. соч. С. 239–241 (Первый объектный титул московского князя (Василия II), зафиксированный в его докончании с Казимиром Ягеллончиком от 1449 г., по количеству объектов «полностью соответствует содержащемуся в тексте титулу Казимира»).
- ⁴² В части обозначения сторон света (см.: Каишанов С.М. Состав и содержание... С. 38).
- ⁴³ Типологически объектная часть титула, как справедливо заметила М. Агоштон, восходит к территориальным «триумфальным эпитетам» римских полководцев, затем римских императоров и, позднее, первых византийских государей.
- ⁴⁴ Каишанов С.М. О титуле московских государей... С. 184.
- ⁴⁵ Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 186.
- ⁴⁶ Приведены в кн.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 43–44.
- ⁴⁷ Каишанов С.М. Сибирский компонент... С. 7–16.
- ⁴⁸ Агоштон М. Указ. соч. С. 275–284.
- ⁴⁹ Там же. С. 291, 297, 301, 305.
- ⁵⁰ Более подробно см.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 41–45.
- ⁵¹ Каишанов С.М. Сибирский компонент... С. 4.
- ⁵² Филлошкин А.И. Указ. соч. С. 210.
- ⁵³ Хорошкевич А.Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 231.
- ⁵⁴ Мейерберг А. Указ. соч. С. 151.
- ⁵⁵ Филлошкин А.И. Указ. соч. С. 89–92.
- ⁵⁶ Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XVI. М., 1791. С. 249 (титул царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича в грамотах к китайскому императору).
- ⁵⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 75. Тугра писалась в «трех кругах».
- ⁵⁸ Агоштон М. Указ. соч. С. 311–313.
- ⁵⁹ См., напр., грамоты Сигизмунда II Августа Девлет-Гирею от 1553 г. (Кабардино-русские отношения. Т. 1. № 2. С. 6), Ивана IV Сигизмунду II Августу от февраля 1557 г., сентября 1558 г. (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 100. С. 228; № 115. С. 249) и другие.
- ⁶⁰ См., напр., грамоты Ивана IV султану Сулейману от ноября 1549 г., сентября 1550 г., ноября 1558 г. (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 53. С. 171; № 67. С. 187; № 117. С. 251), султану Селиму от марта 1571 г. (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 142. С. 290; Кабардино-русские отношения. Т. 1. № 16. С. 27), Федора Ивановича султану Мураду от 6.7.1594 г. (Кабардино-русские отношения. Т. 1. № 43. С. 69) и другие.
- ⁶¹ Хорошкевич А.Л. Отражение представлений... С. 125; Каишанов С.М. Состав и содержание... С. 35 (грамота кахетинскому царю Леону (Левану) от ноября 1564 г.).

- ⁶² Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 142. С. 289.
- ⁶³ Кучкин В.А. Происхождение... С. 25; Агоштон М. Указ. соч. С. 156–159.
- ⁶⁴ Каштанов С.М. О титуле московских государей... С. 183.
- ⁶⁵ Филошкин А.И. Указ. соч. С. 201–202.
- ⁶⁶ Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1998. С. 139–140.
- ⁶⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 144.
- ⁶⁸ О них см.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 129–131.
- ⁶⁹ Мейерберг А. Указ. соч. С. 150.
- ⁷⁰ Зимин А.А. Указ. соч. С. 125–127.
- ⁷¹ Каштанов С.М. О титуле московских государей... С. 182.
- ⁷² Подробнее о «кавказской» части титула см.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 36–48.
- ⁷³ Агоштон М. Указ. соч. С. 308.
- ⁷⁴ Каштанов С.М. О титуле московских государей... С. 183 (в договоре Василия III и Максимилиана I 1514 г.).
- ⁷⁵ Памятники дипломатических сношений... Т. 2. Стб. 691.
- ⁷⁶ См.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 40–41.
- ⁷⁷ После «Казанского» и «Астраханского», в двух грамотах от ноября 1560 г. Константинопольского патриарха Иоасафа II о признании царского титула Ивана IV (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 128. С. 265, № 130. С. 273).
- ⁷⁸ Он встречается даже в 1651 г. (между «Белозерским» и «Удорским») (см. ПСЗ-I. Т. 1. С. 261).
- ⁷⁹ Хорошкевич А.Л. Отражение представлений... С. 123.
- ⁸⁰ Филошкин А.И. Указ. соч. С. 206.
- ⁸¹ Каштанов С.М. Сибирский компонент... С. 4–6.
- ⁸² Понимание иностранцами этого обозначения было совершенно различным: А. Гваньини полагал, что под ним подразумевается «Северское княжество» (см.: Филошкин А.И. Указ. соч.. С. 208), А. Мейерберг – мифическая «Лукомория», Печора, область самоедов и Лапландия, а Я. Рейтенфельс – возможно, область самоедов и лапландцев (хотя это и не очевидно) (см.: Утверждение династии. С. 146–148, 402–405).

© 2010 г. В. А. АРАКЧЕЕВ*

ОПРИЧНИНА И «ЗЕМЩИНА»: К ИЗУЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ 1560–1580-х годов

Вопрос о причинах введения опричнины и влиянии опричного режима на социально-политическое развитие России до настоящего времени остается дискуссионным. Крайние точки зрения на эту проблему за последнее двадцатилетие были высказаны, в том числе, и ведущими российскими историками. А.Л. Хорошкевич обосновала внешнеполитические причины учреждения опричнины, введенной «ради продолжения непопулярной в России Ливонской войны», начатой «страдавшим сложным комплексом неполноценности» Иваном IV¹. И.Я. Фроянов сформулировал диаметрально противоположную концепцию, согласно которой опричина стала «своеобразной формой самозащиты Русского государства» от идеологической войны Запада, «подрывающей основы православной веры, апостольской Церкви и, стало быть, зарождающегося самодержавия»². Очевидно, что изложенные точки зрения балансируют на границе научного и политического дискурсов, внося в атмосферу академических дискуссий отчетливо выраженный мифогенный элемент со свойственной ему дихотомией – противополож-

* Аракчев Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного педагогического университета.

ными представлениями о культурном герое либо как о воплощенном зле, либо как об эманации добра. Таким образом, историки вернулись к изначальным представлениям об опричнине, впервые выраженным ее современниками – самим царем и князем Курбским.

Итоги же сугубо научных изысканий по этой проблеме подвел А.П. Павлов. По его мнению, «опричнина являлась своеобразной реакцией царя на развитие сословно-представительных тенденций и представляла собой попытку, путем введения чрезвычайного положения, пресечь “своеволие” формировавшихся сословий и поставить существовавшие общественные институты под контроль государственной власти»³. Автор доказывает это положение анализом итогов опричной политики; такой анализ вполне правомерен, но должен осуществляться после исследования самой политики в отношении земских миров.

Цель настоящей статьи, состоящая в изучении влияния административной практики опричного и послеопричного времени на эволюцию общественно-политического строя России второй половины XVI в., может быть достигнута исследованием взаимодействия правительственного аппарата с земскими органами самоуправления. Преобразования в приказном аппарате изучались П.А. Садиковым, и фактографическая основа его работ была в сжатом виде воспроизведена в книге А.А. Зимина⁴. Однако выводы Садикова, зачастую намеченные лишь в общих чертах, не оказали заметного влияния на последующую историографию. Н.Е. Носов, в целом высоко оценивавший работы Садикова, развивал концепцию, согласно которой именно опричнина вкуче с войной и разорением приостановила процесс возвышения «третьего сословия» в России, что в сфере городского управления привело к «сужению прав земства и подчинению его таким дворянским органам власти, как городовые приказчики и городские воеводы»⁵. Проблема взаимовлияния правительственной политики и процесса эволюции общества чрезвычайно сложна и может быть решена лишь в результате многопрофильного исследования, которое должно состоять из анализа целей опричной политики, изучения административной практики и синхронных ей общественных процессов и последующей оценки их результатов. Необходимо показать, как соотносилась территория опричнины с волостями и городами, получившими земские учреждения, предпринимались ли попытки со стороны опричного аппарата подавить «своеволие» земских миров и какие новые инструменты применялись в административной практике 1560-х–1580-х гг.

Насколько выполнимы эти задачи по имеющимся в распоряжении историков источникам? Помимо комплексов актовых материалов, публиковавшихся Садиковым и, в настоящее время, А.В. Антоновым и К.В. Барановым, следует отметить исключительное значение Никоновской летописи. Парадоксально, что М.М. Кром, констатирующий «почти полное равнодушие летописей... к каким-либо внутренним мероприятиям административного характера», ссылается именно на Никоновскую летопись как образец сочинения, создававшегося с «церковно-назидательными целями»⁶. Заметим, что, вопреки его мнению, не «разрядные книги», а именно Никоновская летопись сохранила в своем тексте изложение указов о двух ключевых преобразованиях XVI в. – о земской реформе 1552–1556 гг. и об учреждении опричнины⁷.

Оставаясь в ракурсе очерченных исследовательских задач, рассмотрим, прежде всего, летописное изложение указа об опричнине. Существенно важную часть указа занимает перечень городов и волостей, которые царь повелел взять «на свой обиход и царевичев»: «город Можаяск, город Вязму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Лихвин обе половины, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, город Галич со всеми пригородки, с Чюхломою и с Унжею и с Коряковым и з Белгородьем, город Вологду, город Юрьевец Поволской, Балахну и с Узолою, Старую Руссу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостями, город Двину, Каргополе, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское село, Аргунове, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладошской, Тотму, Прибуж. И иные волости государь по-

имал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине»⁸.

Со времени С.Ф. Платонова исследователи обращали самое пристальное внимание на земельную политику опричнины, делая акцент на массовых конфискациях вотчин и перераспределениях поместий. С.Б. Веселовский, А.А. Зимин, В.Б. Кобрин полагали, что опричнина не привела к трансформации структуры служилого землевладения, в то время как П.А. Садиков, Р.Г. Скрынников обнаруживают зримые следы масштабных изменений⁹. Для нашей темы важно обратить внимание на другой аспект опричной политики – был ли ее следствием перелом во взаимоотношениях земских миров и государства.

А.А. Зимин отмечал важность фрагмента царского указа о «поимании» волостей «кормленным окупом», сделав поспешный вывод о том, что опричной четверти подчинялись волости «главным образом чернососного севера», фигурирующие в приведенном перечне¹⁰. С.Б. Веселовский, говоря о включении в состав опричной территории Поморья, взглянул на проблему глубже: «Зачисление этих городов в опричнину не нарушило прав земского самоуправления»¹¹. П.А. Садиков акцентировал внимание на том, что «главным источником доходов нового “особного двора” должен был стать как раз кормленный окуп за наместнич доход, который собирали со своих городов кормлено-четвертные и четвертные дьяки»¹².

Именно объяснение Садикова раскрывает прямой смысл интересующего нас фрагмента. Его грамматическая конструкция построена как расширенное дополнение списка городов и волостей: «И иные волости государь поймал кормленным окупом». Приведенная фраза означает, что помимо поименованных административных единиц, непосредственно составивших опричную территорию, «кормленный окуп за наместнич доход» на содержание опричнины должны были платить «и иные волости», не вошедшие в ее состав. Обозначение вида повинностей, которые «волости» должны были вносить в опричную четверть («кормленный окуп»), дает ответ на вопрос, какие это были «волости». Очевидно, это были административные единицы, затронутые земской реформой 1551–1556 гг., население которых должно было выплачивать кормленный окуп в качестве компенсации за освобождение от власти наместников.

Проанализируем состояние системы местного управления в городах и уездах, составивших опричную территорию, в 1550-х–1560-х гг. Последнее упоминание о кормлении в Вязме в Боярской книге 1556/57 г. относится к 31 марта 1555 г., когда с «Вяземского ключа» съехал П.А. Окинфов. В этом же году на откуп был переведен Малоярославец, с которого 20 июля 1555 г. съехал Н.З. Чеглоков, «а с Ильина дни Ярославца отдан в откуп»¹³. Н.Е. Носов обоснованно предположил, что земская реформа в Вязме и Малоярославце была осуществлена¹⁴.

Отсутствуют прямые данные о земской реформе в Медынском уезде и Балахне, однако Медынский губной наказ от 25 августа 1555 г. содержит обращение к старостам, сотским, пятидесятским и всем крестьянам уезда, из чьей среды, видимо, избирались в помощь губным старостам целовальники¹⁵. Посадское население Балахны до 1570-х гг. обладало уставной грамотой, упомянутой в Описи царского архива: «две грамоты уставные: Ивангородская, по Иванову письму отдана Путилу, да Балахонская – взяты, потому что отставлены». Носов предположил, что речь идет об уставной грамоте наместничьего управления, «отставленной» именно в результате земской реформы 1555 г.¹⁶ Нет прямых данных об отмене кормлений в перечисленных в указе волостях Московского, Коломенского, Кашинского уездов. Тем не менее, в результате исследования Боярской книги Носов пришел к выводу о том, что переход на откуп посадов и волостей этих уездов был осуществлен в 1555–1556 гг.¹⁷

Непосредственных данных о земской реформе в Суздальском уезде в 1550-х гг. нет, но крупнейший посад этого уезда – Шуя – получил земские выборные органы в годы правления Ивана IV. Об этом недвусмысленно говорится в уставной грамоте посаду Шуи 7 июля 1606 г.: «Была у них блаженная памяти государя царя и великого

князя Иван Васильевича всеа Русии жалованная уставная грамота». Содержание новой шуйской грамоты типично для земских грамот середины XVI в.; в числе прочих функций земских судей упомянута обязанность собирать и присылать в Четвертной приказ «наши четвертные доходы за наместничьих пошлинных людей доход и за присуд»¹⁸. Эти налоги, уже не названные в грамоте «кормленным окупом», являются свидетельством осуществления земской реформы 1550-х гг. в Шуе и, возможно, в других волостях Суздальского уезда.

В Старой Руссе, богатейшем посаде Новгородской земли, земская реформа была проведена в 1554/55 г., что следует из записи в Боярской книге о получении С.Ф. Нагаевым «ис писчие в Русе откупу 50 рублей 63 (года. – В.А.)»¹⁹. В двух других волостях Новгородской земли, Оште и Ладого, наместничье управление также было поставлено под контроль земских старост осенью 1555 г.²⁰ О земских учреждениях в волостях и городах Поморья – Двинской земле, Ваге, Тотьме, Устюге, Вологде – хорошо известно по уставным грамотам и актовой документации второй половины XVI в. Важская земля получила уставную грамоту еще в марте 1552 г., Двинская земля – в сентябре 1556 г., Тотьма была переведена на откуп с 1 октября 1555 г. Устюжские волости переходили на откуп в течение 1555 г., в частности, Усецкие и Заецкие волости получили уставную грамоту 15 октября 1555 г.²¹ Носов, исследуя ход земской реформы в Вологде, ограничился сообщением Боярской книги о таком виде кормления, как «правда», высказав мнение, что «сделать ... какое-либо заключение о времени проведения в Вологодской земле земской реформы нельзя»²². Между тем, указание о деятельности в Вологде выборного старосты Ивана Львова и целовальников содержит царская грамота, датированная мартом 1555 г.²³

В перечне городов и волостей, составивших территорию опричнины, наличествуют административные единицы, по которым нет других источников об осуществлении земской реформы в 1550-х гг. Это Можайск, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Галич, Юрьевец Повольский. Решаемся утверждать, что причиной отсутствия таких сведений может быть, во-первых, крайне слабая сохранность актовой документации, отражавшей осуществление правительственных мероприятий второй половины XVI в. Можно считать доказанным, что в ходе реализации Уложения о кормлениях и службе 1555/56 г. было составлено несколько книг, аналогичных по содержанию фрагментарно сохранившейся «Боярской книге» 1556/57 г.²⁴ Во-вторых, перевод волостей и городов на откуп далеко не повсеместно сопровождался ликвидацией института наместников, поскольку земская реформа носила фискальный, а не политический характер²⁵. Поэтому во исполнение указа о введении опричнины на содержание новых структур «кормленный окуп» мог взиматься и с других городов и волостей, где земские учреждения сосуществовали с наместниками. В этом указе результаты земской реформы не только не ставились под сомнение, но, наоборот, вошли в новую систему в качестве ее органичной основы.

Изложенный вывод побуждает иначе взглянуть и на другую проблему – взаимоотношений опричных властей с местными земскими мирами. Крупнейшей опричной территорией с развитой системой земского управления была Двинская земля. Обширные судебные и фискальные полномочия, предоставленные выборным властям Двины, далеко не всегда использовались земскими старостами и судьями во благо. Как свидетельствует царская грамота выборным судьям Макару Григорьеву с товарищами от 25 апреля 1558 г., прежние земские судьи Степан Окулов и Поздняк Негодяев, явившись в Москву по искам о «насилъстве» и кабальных долгах, не представили судебных списков и бежали из Москвы вместе с ответчиками²⁶. Документ демонстрирует отсутствие согласия в торгово-промышленной среде Двины, представители которой вели бескомпромиссную борьбу за промысловые угодья.

Эти естественные интересы двинских «торговых мужиков» в полной мере проявились в годы опричнины. В исследованиях Садикова представлена впечатляющая картина событий 1568 г., связанных с так называемым «правежом» Басарги Федоровича Леонтьева. Одним из доходнейших видов промысла двинян была ловля красной рыбы

на Кольском и Карельском побережье Белого моря. Там располагались земские волости и посады Варзуга, Шуя, Кемь, Кандалакша, Умба, как русские жители которых, так и аборигенное население – «лопари» – также обладали своими промысловыми участками. Конфликты из-за владения угодьями были сопряжены еще и с фискальными проблемами, поскольку, занимаясь промысловым ловом на земской территории, двиняне платили налоги, в том числе «десятую рыбу семгу», в опричную четверть дьяка Дружины Володимерова.

Как обоснованно предположил Садилов, «правеж» Басарги был инициирован верхами промышленников-поморов, прежде всего Истмой Бачуриным, чьи представители доминировали в выборной администрации Двинской земли²⁷. Об этом аспекте экспедиции Басарги, с несущественными неточностями в датах, красочно повествует голландский путешественник Симон ван-Салинген. «В 1568 г., когда началась опричнина, жители Холмогор, принадлежавшие к опричнине великого князя, пожаловались великому князю на то, что жители Варзуги завладели их вотчиной, отчего произошел раздор... Тогда из Москвы был отправлен некто по имени Басарга Федорович с несколькими дворянами и челядью оштрафовать вместе с варзужанами деревни Шую, Кемь, Кереть, Кандалакшу и Умбу..., и упомянутый Басарга собрал несколько тысяч рублей с вышеназванных деревень»²⁸. Опрошенные в 1573–1574 гг. старцы двинских монастырей свидетельствовали: «А про Варзускую, господине, волость слышали еси слухом: запустела от гладу и от мору и от Басаргина правежу. А про дворы, господине, неизвесно нам, хто Варзуские волости дворы секл и развозил». Плодами победы над земскими волостями в полной мере воспользовались торгово-промышленные верхи Двинской земли, добившиеся проведения межевания, по результатам которого «теми всеми угодья» стали промышлять двиняне²⁹.

События 1568 г. в Поморье следует расценивать в контексте известных в науке данных о взаимоотношениях земщины и опричнины в 1566–1570 гг. После завершения Земского собора во второй половине июля 1566 г. группа дворян в количестве от 200 до 300 человек передала Ивану IV челобитную с просьбой отменить опричнину. Садилов, Зимин и Скрынников полагают, что челобитчики были участниками Земского собора; Х.-Й. Торке считает это мнение не доказанным³⁰. Существенно важным представляется другое обстоятельство: в земской фронде не приняли участия 75 московских гостей и купцов, присутствовавших на Земском соборе 1566 г. Просьба об отмене опричнины исходила исключительно от служилых людей, и последовавшие репрессии против диссидентов не затронули торгово-промышленное население столицы.

В свете приведенных фактов следует рассматривать и карательный поход Ивана IV на Новгород и Псков в январе–феврале 1570 г. Поход преследовал две основных цели: пополнение опричной казны путем насильственных конфискаций сокровищ у монастырей и верхушки посада и наказание ненадежных, с точки зрения царя, местных дворян и приказной администрации. Среди 2 170–2 180 человек, погибших во время карательной экспедиции в Новгороде численно, конечно, преобладали посадские люди, в числе которых были новгородские гости Ф. Сырков и А. Тараканов. Объективно посадская община Новгорода понесла колоссальные людские и материальные потери и была ослаблена. Однако, земские органы самоуправления в Новгороде и, особенно, в Пскове продолжали функционировать в 1570-х гг. В Новгороде действовал аппарат пятиконечных старост; в Пскове существовала разветвленная система земских старост, денежных сборщиков, ценовальников в концах и сотнях³¹.

Формирование нового опричного порядка управления приняло формы беспрецедентного террора, ударившего, в том числе и по посадам и волостям. Однако в источниках нет прямых указаний на искоренение опричниками созданных в ходе реформ земских учреждений. Взаимоотношения опричных властей с земскими мирами на своей территории строились прежде всего на принципах фискального террора, когда волостям и посадам во главе с земскими старостами адресовывались нарастающие требования выплаты налогов. Однако, как показывает дальнейшее исследование, репрессивные формы фиска активно применялись и в земской части государства.

Существенно важным для этого аспекта нашей темы является изучение такого административного института как посланники. Деятельность государевых посланников исследовали Н.С. Чаев, В.И. Корецкий, Б.Н. Флоря³². Основываясь на источниках 1581–1584 гг., относящихся к Поморью, названные исследователи по-разному определяли компетенцию и функции посланников. Изучив деятельность посланников в монастырских вотчинах Поморья в 1584–1585 гг., Чаев пришел к выводу о том, что посланники осуществляли комплексные мероприятия по реализации постановлений соборов 1580 г. и 1584 г. Первоочередной задачей посланников, по его мнению, был сбор недоимок по выплатам сошных налогов и таможенных пошлин. Кроме того, посланники осуществляли «обыск» черносошных земель, перешедших в руки монастырей, и бывших земских тягловцев, заложившихся за монастыри. Закладчиков надлежало свозить на тяглые места, а ответственность за исправную выплату ими налогов возлагать на волостных крестьян³³. Корецкий, вопреки мнению Чаева, полагал, что деятельность посланников носила ограниченный характер и была «частью широких правительственных мероприятий по борьбе с закладничеством как средством избежания государственного тягла»³⁴. Флоря также определил посланников как чрезвычайных фискальных агентов правительства, которые облагали местное население экстраординарными налогами и собирали их³⁵.

Рассмотрим упоминания посланников в актах 1560–1570-х гг. и проанализируем основные направления их деятельности. Доказательность выводов в таком исследовании напрямую зависит от полноты источниковой базы: необходимо опираться по возможности на все упоминания этих агентов государственного управления. Источники о деятельности посланников можно подразделить на две группы: акты, в которых посланники лишь упоминаются наряду с другими чиновниками и акты делопроизводства самих посланников.

Начнем исследование с источников первой группы. Впервые посланники как агенты центрального правительства на местах упоминаются в приговоре о разбойных делах от 18 января 1555 г. В ст. 9 приговора описывается ситуация, когда дети боярские и крестьяне «грамот великого князя не слушают, и которых посланников посылает государь с Москвы, и к тем посланником к обыском не ездят же»³⁶. Преемственность посланников, упомянутых в приговоре 1555 г. и одноименных чиновников, упоминаемых в позднейших по времени источниках, не очевидна. Возможно, между этими понятиями существовала разница, обуславливаемая разной емкостью терминов. В то же время, изучение опубликованных актов показывает, что институт государевых посланников возник значительно раньше 1580-х гг., а действовали посланники не только на территории черносошных земель Севера России.

В ходе исследования актов Симонова, Новодевичьего, Суздальского Спасо-Евфимьева, Соловецкого, Кирилло-Белозерского монастырей удалось выявить более 30 документов, содержащих упоминания посланников. В актах Симонова монастыря посланники впервые упомянуты в жалованной грамоте от 1 августа 1565 г. в контексте с гонцами: «и гонцом нашим и всяким посланником подвод не дают». В данном случае под посланниками могли подразумеваться послы в иностранные государства, но уже в тексте указной грамоты в Соль Галицкую от 14 февраля 1567 г. содержится первое несомненное упоминание посланников как фискальных агентов. Грамоту, подписанную дьяком Андреем Васильевым, предписывалось держать «иных для наших посланников и тамошников»³⁷.

Столь же недвусмысленное упоминание этой категории администраторов содержится в грамоте от 18 февраля 1569 г., адресованной городовым приказчикам во Владимир; в этом документе «земские посланники» названы в одном ряду с выборными старостами и денежными сборщиками³⁸. В указной грамоте выборному старосте и целовальникам Московского уезда от 16 марта 1569 г. содержится запрет собирать налоги в земщину с владений Симонова монастыря, а саму грамоту предписано хранить «для иных наших земских денежных зборов и всяких посланников». В грамотах 1577 г. в Бежецкий Верх и Юрьевский уезд посланники упоминаются в контексте с

городовыми приказчиками, которые взимали ямские деньги и прочие подати. Наконец, в жалованной грамоте 1584 г. на монастырские вотчины в 18-ти уездах Замосковского края, подписанной дворовым дьяком Андреем Арцыбашевым, возглавлявшим Большой приход, царь обязывался «посланников своих в тое их монастырскую вотчину для своих всяких податей не посылать»³⁹.

Таким образом, акты Симонова монастыря, относившегося к опричной территории, содержали запретительные формулы, обращенные к земским властям сопредельных земель, лежавших чересполосно с опричными. Документы, относящиеся к земщине, единичны, но среди них имеется царская грамота от 26 июня 1569 г., подписанная земским дьяком Ю. Сидоровым, которая была адресована земским старостам Заклинской засады Псковской земли. В грамоте предписывалось отделить земли Никольского монастыря в податном отношении от других владений. Этот акт предназначался для предъявления «прежним государевым посланником для государевых податей», когда «государевы посланники в ту засаду поедут по нашим наказом государевых данных денег и посошных людей правити»⁴⁰.

Аналогичные функции выполняли посланники, упомянутые в документах 1571–1572 гг., предметом рассмотрения в которых были вотчины Троице-Сергиева монастыря. Грамота от 20 марта 1572 г. в Гороховец содержала привилегию монастырским властям самостоятельно платить налоги «на Москве и в Слободе» и лишь для посланников было сделано исключение: «А коли велим з Гороховского уезда посоху збирати, и с тое их монастырские вотчины посоху збирати самим же и посланником отдавати самим, хто приедет для посохи в Гороховской уезд збирати»⁴¹.

В жалованных грамотах Новодевичьему монастырю посланники упоминаются в 1570-х гг. Одна из формул грамоты от 26 июля 1571 г. посвящена невзиманию с монастырских вотчин великокняжеских и «посолских кормов», а в следующем обороте говорится о том, что «наши князи и бояре и воеводи ратные и посланники и всякие ездоки в их селех и деревнях ни у кого сильно не ставятца». В этом контексте деятельность посланников определенно связана с обеспечением нужд обороны страны. В дальнейшем эта норма повторена в жалованных грамотах 1573 г. и 1575 г.⁴² Посланники в числе других государственных чиновников – городских приказчиков и мытчиков – упоминаются в указных грамотах наместникам и городovým приказчикам 1575–1582 гг., а также в жалованных грамотах 1576 г. и 1580 г. Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю⁴³. Помимо сбора налогов посланники могли выполнять и разовые поручения, как, например, государев посланник В.Н. Кочуров, который 7 июля 1576 г. продал в пользу казны «немецкой» двор на посаде Костромы⁴⁴.

Очевидно, что во второй половине 60-х гг. XVI в. (первое бесспорное упоминание – 1567 г.) в фискальной номенклатуре Русского государства появляется новое должностное лицо – посланник. Происхождение термина «посланник», видимо, связано с профессиональной деятельностью этих чиновников – сбором податей на чрезвычайные расходы, в первую очередь, на нужды обороны на местах, куда их посылали из столицы. Аналогичный административный институт существовал в средневековой Европе до XV в.; это были *missus vices gerens* – «посланники, исполняющие поручения». Они выполняли как судебные функции, так и особые поручения по сбору налогов⁴⁵. Сходство функций и даже терминологии (*missus* – посланники) административных институтов Западной Европы и России свидетельствует о принципиальном совпадении инструментария, применявшегося централизующимися государствами эпохи средневековья.

Сфера деятельности посланников хорошо видна из делопроизводственных материалов Соловецкого монастыря, в актах которого посланники упоминаются с 1573 г. Источники отмечают такую важнейшую функцию посланников, как набор посошных людей для армии. Посоху или деньги на посоху в вотчинах Соловецкого монастыря собирали следующие посланники: А.Г. Квашнин в 1573 г., Д.И. Мосальский в 1570-е гг., некий Михаил Иванович в 1578 г., В.Т. Евлашков в 1579 г., И.В. Сомов в 1582 г.⁴⁶ Однако основным родом деятельности посланников был государственный фиск.

В 1574 г. посланник Г. Секирин собирал деньги на полоняничный откуп. В 1578 г. некий посланник Андрей Иванович разбирает тяжбу по выплатам налогов между жителями Неноксы и старцами Антониева Сийского монастыря⁴⁷.

В 1580 г. посланник С.И. Фролов собирал налоги «в государеву денежную службу за плавные люди». В 1581 г. посланник И.В. Титов также собирал «государевы деньги за плавных людей». Кроме того, сохранились сведения об экстраординарных сборах 1582 г. и 1583 г., когда с Двинского уезда были взяты «государевы деньги» в размере 2 и 4 тыс. руб. В Неноксе и Лудской волости эту важнейшую акцию осуществляли государевы посланники С. Фролов в 1582 г. и З. Шестаков в 1583 г. В некоторых случаях посланников подменяли государевы дьяки. Так, в декабре 1580 г. полоняничные деньги с жителей Сумской волости взимали государевы дьяки И. Осеев и Т. Репьев⁴⁸. Посланники выполняли и разного рода чрезвычайные поручения. Указная грамота Ивана IV 1583 г. о запрещении использовать на строительстве Кольского острога крестьян соловецкой вотчины предназначалась для уведомления «приказных людей и посланников»⁴⁹.

Персональный состав посланников характеризуется отсутствием среди них представителей высших чинов Государева двора. Лишь Афиноген Гаврилов сын Квашнин входил в состав выбора по Дорогобужу и, соответственно, боярского списка 1588–1589 гг. и списка выборных дворян начала 1590-х гг.⁵⁰ Другие же посланники отсутствуют в реестрах служилых людей своего времени, что обозначает их статус администраторов низшего звена: поскольку посланники командировались в большинство уездов страны, то каждый раз было задействовано немало чиновников этого ранга.

Вторую группу источников составляют документы земских миров, касающиеся деятельности посланников, и акты делопроизводства самих посланников. 28 и 29 декабря 1584 г. датированы отписи сотников двух тяглых общин Двинской земли, в которых упоминаются мирские расходы на прием посланников: «Что приеждал на Колмогоры государьской посланник Дементьян, обыскивали про обельные про монастыри, и про немцы аглинские, и про Ивана Белоборода, да что послали к тому ж земскому обыску земских людей с сотниками, и священника, и дьяка земского»⁵¹. Н.С. Чаеву удалось отыскать в собрании Белозерских актов Археографической комиссии 4 документа, которые он определил как фрагменты делопроизводства, ведшегося одним из посланников, возможно, Тимофеем Шокуровым или Дементием Яковлевым⁵². Эти уникальные источники дают возможность предметно описать положение вещей, с которым сталкивались посланники на местах, и условия, в которых проходила их деятельность⁵³.

В обыкших речах жителей Неноксы детально охарактеризована чрезвычайно запутанная ситуация с выплатой налогов, сложившаяся на соляных промыслах Поморья. Недовольство черной общины вызывала усиливавшаяся экспансия Кирилло-Белозерского монастыря и вологодских купцов Кобелевых. Так, еще в 1578 г. один из лучших людей посада Неноксы продал свой двор и соляную варницу Кирилловскому монастырю, но при этом по сошному письму двор продолжал числиться на черном тяглом месте. С 1581 г. кирилловские старцы начали скупку вновь разрабатываемых варниц, стоявших на государевой земле, черных тяглых дворов и амбаров. Посажане Неноксы были озабочены не столько самим фактом покупки тяглых мест, сколько тем, что дворы и уголья не были выделены из черных земель в особый податной округ.

«А от нас, государь, те их монастырские и Федора Кобелева черные промыслы из тягла из черных сох не выведены, и не отставлены, и мы, государь, черные тяглые остальные людшка с тех промыслов в государевых податех в земских розметех в конец загибли, платячи за тех силных людей, за монастыри». Поскольку перешедшие в монастырь промысловые уголья находились в одном податном округе (в одной «кости») с черными, и на них не распространялись иммунитетные привилегии, монастырские власти были обязаны участвовать в волостном разрубе по выплатам налогов. Однако, к вящему недовольству ненокшан, старцы с ними «на счет ... не садились в своих черных промыслах», и за 1582–1584 гг. не доплатили в волостной разруб более 150 руб.⁵⁴

Столь запутанная ситуация была прямым следствием непоследовательной политики Ивана IV по отношению к монастырям. С одной стороны, произносились громогласные декларации со ссылкой на опыт реформации в Англии⁵⁵, с другой стороны, Грозный давал в монастыри щедрые вклады, в том числе и земельные. Отсутствие государственной воли рельефно проявлялось в продолжающемся существовании монастырских тарханов и неурегулированности податных отношений между монастырями и чернососными тяглыми общинами.

Правительство Федора Ивановича в стремлении наполнить бюджет и упорядочить сбор промысловых и прямых налогов провело церковный собор 1584 г. Важнейшие решения собора содержались в статье приговора об отмене тарханов и запрете держать тяглых людей в качестве закладчиков в монастырских вотчинах. Закладничество подлежало безусловной ликвидации: «А митрополиту, и владыкам, и монастырем земель не покупати и закладней не держати. А хто после сего уложенья купит землю в которой монастырь, или закладня учнет за собою которой монастырь держати, и те земли имати на государя безденежно. А которые ныне закладни за митрополитом, и за владыками, и за монастыри, и те земли поимати на государя; а в денгах ведает Бог да государь, как своих богомолцов пожалует»⁵⁶. Кроме того, июльское уложение предписывало выделить земли монастырей-тарханчиков в особые податные округа, отделенные от черных земель⁵⁷. Отчаявшись бороться с закладничеством с помощью местных властей, правительство использует для этой цели специально командированных из центра агентов – посланников.

Таким образом, после кончины Ивана IV институт посланников не только сохранился: его компетенция была существенно расширена. Посланники упоминаются в жалованных грамотах, выданных правительством Федора Ивановича в июне–октябре 1584 г. Симонову и Кирилл-Белозерскому монастырям⁵⁸. Особенно интересна для нас указная грамота городовому приказчику на Белоозеро от 11 октября 1584 г., в которой подтверждалось право Кириллова монастыря платить все причитающиеся с крестьян подати непосредственно в Москве. В перечне чиновников, занимавшихся сбором налогов и «въезжавших» с этой целью в монастырскую вотчину, первую позицию занимают посланники: «В их монастырскую вотчину нашим посланником и розсылщиком и губным старостам и городовым приказщиком для наших денежных доходов не въезжати». В грамоте описана ситуация августа–сентября 1584 г., когда во исполнение решений церковного собора, «наши посланники по всем городом в их кириловскую вотчину учали въезжати, и к денежным збором и к тамгам учали кириловских крестьян выбирати»⁵⁹.

Реконструировать деятельность чрезвычайного сыскного института возможно по выписи из наказа, адресованного одному из посланников, действовавших в Поморье зимой 1584–1585 гг.⁶⁰ Перед посланниками стояли следующие основные задачи. 1. Посланник был обязан «обыскать», сколько черных земель, и в том числе промысловых угодий, на Двине перешло в руки монастырей. 2. Необходимо было выяснить, кто из тяглых людей и как давно передал монастырю черные земли и угодья. 3. Следовало исчислить размер податей, взимавшихся с утраченных черных земель. 4. Необходимо было выяснить количество закладчиков за каждым монастырем и размер выплачивавшихся этими закладчиками податей. 5. Сыску подлежали и соляные промыслы: варницы, числившиеся за монастырем, а также вид и размер налоговых поступлений в казну с каждой варницы. 6. Следовало выяснить, платят ли монастыри подати с земскими людьми по сошному письму, и помогают ли они двинянам в других земских повинностях. 7. Конечным результатом сыскной деятельности посланника было определение размера налогов, не платившихся ежегодно каждым монастырем с бывших черных земель, и таким образом надлежало определить, как много тяглые общины переплатили в казну за утраченные ими земли.

Как можно судить из данного перечня, правительство было в наибольшей мере озабочено неравномерностью в распределении податных обязанностей между тяглыми общинами и монастырями. Купив или получив в результате заклада черные угодья и

варницы, монастырские власти бесосновательно распространяли на эти земли свои имунитетные привилегии, и, прежде всего, основную – возможность платить налоги самостоятельно в Москве, не участвуя в волостных разрубках. Тяглые же общины, вынужденные платить сошные налоги в полном объеме по составленным ранее платежницам, были не в состоянии привлечь старцев к участию в волостной раскладке. Опираясь на царские жалованные грамоты, монастырские власти не пускали в свои вотчины не только городских приказчиков, но и посланников. Разрешить эту запутанную ситуацию было возможно, лишь наделив посланников чрезвычайными полномочиями по проверке владельческих прав и податной исправности тех монастырских владений, которые входили в состав земских податных округов.

Так институт посланников превратился в ключевую структуру государственного аппарата 1580-х гг. О результативности работы посланников можно судить по двум документам, датируемым 7 и 8 января 1585 г. Отпись в получении денег с Антониева Сийского монастыря свидетельствует, что посланник Тимофей Шокуров, руководствуясь наказом и росписью за приписью дьяка Андрея Щелкалова, в начале января 1585 г. «доправил» на монастырских властях государевы подати с промыслов и угодий. Одновременно, шел сыск и вывоз на тяглые места закладчиков. С земских людей посланник брал поручные записи, в которых становые люди ручались, что бывший закладчик будет жить «на государеве земли на тяглом месте» и платить подати «с становыми людьми ровно»⁶¹.

Полномочия посланников по проверке владельческих прав естественно усложняли их функции, и от времени начала царствования Федора Ивановича до нас дошли сведения о разборе посланниками земельных споров. Давно введено в научный оборот судное дело 1584 г. рязанского вотчинника Тимофея Шиловского с дьяком Андреем Шерефединовым, в котором исследователей интересовало упоминание «уложения» Ивана IV⁶². Для нас данный документ интересен в первую очередь потому, что в нем описана деятельность посланников: «Да шлюсь, государь, из виноватых в виденье на твоих государевых розсыльщиках, в город Переславль на Федора на Сухоткина, да на Ивана на Омелянова, и на твоих государевых пушкарей на Ивана на Долгово, да на Ивана на Чейкина, да на затинщика на Леву, и на их товарищев, которые с ними ездили, в том, что он ныне, государь, с твоим государевым посланником с Ъваном Скрипицыным да с Родионовым человеком Петрова сына Безнина с Васильем Дубневым, а назывались твоим государевым посланником, ко мне в вотчину в село Шилово с понятими с владычными крестьяны из деревни из Костянтинова Степаном с Окуловым и его товарищи, и ездили в вотчину в село Шилово; изымав, сковали и сковав меня, Тимошку, вели к Москве»⁶³.

Насколько видно из материалов судного дела, посланник И. Скрипицын в сопровождении группы служилых людей по прибору из Переяславля Рязанского, холопа Р.П. Безнина и понятих из архиепископских крестьян арестовали Т. Шиловского в с. Шилово, которое он считал своим и не покидал. Возможно, посланник Скрипицын и превысил свои полномочия, стремясь услужить могущественному царскому дьяку Шерефединову, но для нас важно подчеркнуть другое обстоятельство. В 1584 г. посланники хорошо известны на частновладельческих землях Рязанской земли, они действуют, опираясь на отряд местных служилых людей, прикомандированных к ним и беспрекословно выполняющих их указания. По всей видимости, нет оснований считать, что деятельность посланников была направлена исключительно на выполнение постановлений земско-церковных соборов 1580 и 1584 гг. и проходила преимущественно на монастырских и черносошных землях Севера. Посланники «строили» волости и посады Поморья, осуществляли сбор налогов и сыск закладчиков в замосковных вотчинах крупнейших монастырей, представляли интересы государства в земельных спорах. Именно посланники в 1570–1580-х гг. были призваны сократить ущерб, наносимый государственному фиску бегством и закладничеством тяглого населения.

Важнейший вопрос при анализе деятельности посланников состоит в решении проблемы их места в государственной иерархии. Каким учреждениям подчинялись по-

сланники, кто составлял указы для них и направлял их в те или иные уезды? В документах, связанных с деятельностью посланников, упоминаются известные приказные деятели того времени, среди которых особый интерес представляют Андрей Васильев, Юрий Сидоров, Парфентий Родионов, Андрей и Василий Щелкаловы. Ведомству Андрея Щелкалова подчинялся посланник Шокуров, который руководствовался наказом и росписью, заверенными самим дьяком. Другие дьяки лишь упомянуты в цитированных нами актах. Юрий Сидоров после учреждения опричнины остался земским дьяком; в земщине же, в приказе Большого прихода служил в 1569 г. Парфентий Родионов.

Трое из упомянутых дьяков – А. Васильев и братья Щелкаловы – управляли четвертями; возникшая после учреждения опричнины Земская четверть первоначально находилась в ведении дьяка Посольского приказа Андрея Васильева (1567–1570 гг.) После казни Васильева по «Новгородскому изменному делу» в 1570 г. его преемником стал дьяк Василий Яковлевич Щелкалов⁶⁴. Под управлением Василия Щелкалова в 1570–1580-х гг. находились такие территории, как Ярославль, Белоозеро, Галич и Вологда. Одновременно его брат Андрей Щелкалов в 1570 г. объединил в своих руках Казанский, Нижегородский и Мецкерский дворцы. Две грамоты в Свяжск – 1581 г. и 1586 г. – были подписаны Андреем Щелкаловым⁶⁵. Акты, свидетельствующие о заведовании Щелкалова «Казанским дворцом», сохранились за период с 1577 по 1587 гг., что позволило П.А. Садикову заключить, что в звании начальника Казанского дворца Щелкалов пробыл до середины 1587 г.⁶⁶ Двинская земля до смерти Ивана IV находилась в ведении дьяка Андрея Арцыбашева; последнее указание на «Дворовую четверть» Арцыбашева относится к 1 февраля 1584 г. После вступления на трон Федора «Дворовая четверть» как территориальный приказ была наряду с другими земскими четвертями перекроена, и большинство северных областей Поморья ушло в четверть дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова. Документально финансовое управление Двиной в четверти Щелкалова можно проследить с декабря 1584 г.⁶⁷ Таким образом, деятельность посланников в Соли Галицкой, на Двине и в Поволжье направлялась из четвертей Андрея и Василия Щелкаловых.

В этой связи далеко не случайным фактом является совпадение времени образования четвертных приказов в момент учреждения опричнины и первых упоминаний посланников в актах (1565, бесспорно – 1567 г.). Будучи институтом чрезвычайного управления страной, опричина оказала влияние и на земскую систему управления, где действовали «всякие земские посланники»⁶⁸. Соотнесение фактов деятельности посланников с административной принадлежностью территорий, на которых они выполняли свои функции, позволяет заключить, что во второй половине 1560-х гг. посланники направлялись на места земскими финансовыми приказами – Большим приходом (П. Родионов) и Земской четвертью (А. Васильев). После ликвидации опричнины, которая, как считает А.П. Павлов, «препятствовала созданию четкой общегосударственной системы учреждений по управлению отдельными землями государства»⁶⁹, посланники становятся подведомственными общегосударственным четвертям. Возникновение института посланников было стимулировано опричной политикой, приведшей к чересполосице земских и опричных земель, вынуждавшей земские приказы изобретать экстраординарные формы управления.

Изложенный материал позволяет утверждать, что опричина не была антитезой «земле», но опиралась на нее. Формирование нового порядка взаимоотношений царя с подданными, конфликт Ивана IV со своим окружением, приведший к реорганизации Государева двора и выделению «опричнины» на его содержание, вынудили царя апеллировать к земским мирам, что проявилось уже в его известном обращении к жителям московского посада⁷⁰. Торгово-промышленная верхушка земских миров, как это было на Двине в 1568 г., восприняла опричные методы управления и использовала их для ущемления прав конкурентов. Земская же часть государства, являясь объектом посягательств опричников, не была носителем альтернативных тенденций в развитии общества. Именно практика работы земских приказов породила такой специфический административный институт, как посланники, чьи прерогативы были малоотличимы от функций опричников.

Примечания

¹ *Хорошкевич А.Л.* Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85.

² *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: на путях к опричнине. М., 2007.

³ *Павлов А.П.* Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в. (К вопросу о сословно-представительной монархии) // Russische und Ukrainische vom. 16.–18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2001. P. 33.

⁴ *Садилов П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 364–387.

⁵ *Носов Н.Е.* Русский город в XVI столетии // Россия и Италия: Мат-лы IV конф. советских и итальянских историков. М., 1972. С. 60; *его же.* Становление сословно-представительных учреждений в России XVI в. Л., 1969.

⁶ *Кромм М.М.* К пониманию московской «политики» XVI в. // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 284–285.

⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XIII. М., 2000. С. 268–269; 394–395. Ср.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Комментарии. Л., 1987. С. 28.

⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 394–395.

⁹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 30–31, 178–179; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 314; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1985. С. 136–160; *Садилов П.А.* Очерки... С. 63; *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. СПб., 1992. С. 243–261.

¹⁰ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 379.

¹¹ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 158.

¹² *Садилов П.А.* Очерки... С. 307.

¹³ *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556 /57 г. // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 90, 85.

¹⁴ *Носов Н.Е.* Становление... С. 483, 462.

¹⁵ Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 179–185.

¹⁶ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 год. М., 1960. С. 34; *Носов Н.Е.* Становление... С. 476.

¹⁷ *Носов Н.Е.* Становление... С. 427, 432–433, 464–465.

¹⁸ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 148.

¹⁹ *Антонов А.В.* Указ. соч. С. 84.

²⁰ *Аракчеев В.А.* К вопросу о географии и хронологии земской реформы 1551–1556 гг. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 47.

²¹ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты... С. 103, 134; *Антонов А.В.* Указ. соч. С. 90.

²² *Носов Н.Е.* Становление... С. 474.

²³ *Садилов П.А.* Очерки... Ч. III. Документы. № 7. С. 423.

²⁴ *Носов Н.Е.* Становление... С. 412–413.

²⁵ *Аракчеев В.А.* К вопросу о географии и хронологии земской реформы... С. 48.

²⁶ *Шмидт С.О.* Неизвестные документы XVI в. // Исторический архив. 1961. № 4. С. 153–154.

²⁷ *Садилов П.А.* Очерки... С. 198.

²⁸ *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 304–305.

²⁹ *Садилов П.А.* Очерки... Ч. III. Документы. № 20. С. 462.

³⁰ *Садилов П.А.* Очерки... С. 29; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 203; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 294; *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 5.

³¹ Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001. С. 47, 53; *Аракчеев В.А.* Земская реформа XVI века: общероссийские тенденции и региональные особенности // Отечественная история. 2006. № 4. С. 4–7.

³² *Чаев Н.С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 152–156; *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 95, 110; *Флоря Б.Н.* Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. С. 121–124.

- ³³ *Чаев Н.С.* Указ. соч. С. 152–156.
- ³⁴ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 95, 110.
- ³⁵ *Флора Б.Н.* Указ. соч. С. 121–124.
- ³⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Л., 1986 (далее – ЗАРГ). № 6. С. 34.
- ³⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983 (далее – АФЗХ АМСМ). № 147. С. 178; № 157. С. 204.
- ³⁸ Там же. № 176. С. 225.
- ³⁹ Там же. № 178. С. 227; № 190. С. 237; № 191. С. 238; № 192. С. 239; № 199. С. 245; *Дьяконов М.А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Юрьев, 1897. № 20. С. 18.
- ⁴⁰ Труды Псковского археологического общества. 1909–1910. Вып. 6. Псков, 1910. С. 42–43.
- ⁴¹ *Садиков П.А.* Из истории опричнины // Исторический архив. 1940. Т. III. № 59. С. 267.
- ⁴² Акты российского государства: Акты московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998. № 128: С. 307; № 131. С. 319.
- ⁴³ *Дьяконов М.А.* Указ. соч. № 23. С. 22; № 26. С. 26; № 28. С. 29; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 194. С. 362; № 212. С. 389.
- ⁴⁴ *Садиков П.А.* Из истории опричнины. № 69. С. 278.
- ⁴⁵ *Шмидт К.* Диктатура. СПб., 2005. С. 67–68.
- ⁴⁶ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. № 491. С. 33; № 591. С. 80; № 651. С. 105; № 700. С. 130; № 814. С. 184.
- ⁴⁷ Там же. № 541. С. 55; № 665. С. 114.
- ⁴⁸ Там же. № 727, 728. С. 143; № 756. С. 156; № 786, 787. С. 171; № 856. С. 206–207.
- ⁴⁹ Там же. № 881. С. 220.
- ⁵⁰ *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 247, 353.
- ⁵¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 25. СПб., 1908. Приложение. Акты Лодомской церкви. Стб. 103–105.
- ⁵² *Чаев Н.С.* Указ. соч. С. 153–154.
- ⁵³ *Аракчеев В.А.* Из истории закрепощения в России: прикрепление к тяглу в XVI – начале XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. № 2, 3, 4, 5. С. 66–69.
- ⁵⁴ Там же. № 3. С. 67–68.
- ⁵⁵ *Горсей Д.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 65.
- ⁵⁶ ЗАРГ. Тексты. № 43. С. 61–62.
- ⁵⁷ *Петров В.А.* Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 191–201.
- ⁵⁸ АФЗХ АМСМ. № 199. С. 245; Приложение. № 1.
- ⁵⁹ *Аракчеев В.А.* Из истории закрепощения в России... № 1. С. 65–66.
- ⁶⁰ Там же. № 2. С. 66–67.
- ⁶¹ Там же. № 4, 5. С. 68–69.
- ⁶² *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 39; *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954. С. 304; *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 101.
- ⁶³ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собр. А.И. Юшков. М., 1898. С. 206.
- ⁶⁴ *Садиков П.А.* Очерки... С. 355–358.
- ⁶⁵ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846. № 127; Список старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. 3. М., 1897. С. 228–229.
- ⁶⁶ *Садиков П.А.* Очерки... С. 359–368.
- ⁶⁷ Там же. С. 354.
- ⁶⁸ АФЗХ АМСМ. № 176. С. 225.
- ⁶⁹ *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 202.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 392–394.

КОДИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

История развития российского права как в зеркале отражает историю развития отечественных политических институтов. Вместе с тем они составляют неразрывное единство, обеспечивающее функционирование государственного механизма. Именно поэтому изучение законодательной политики необходимо для создания целостной картины развития государственности. В данной статье речь пойдет о кодификационных проектах второй четверти XIX в.

В историографии доминирует представление, что император Николай I отвергал идею кодификации российского права, предлагая остановиться на двух первых этапах или формах систематизации¹. Но так ли это? Во-первых, именно при этом императоре был создан первый в истории России кодекс уголовных законов – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), во-вторых, при нем были составлены уставы гражданского и уголовного судопроизводства, и, наконец, в-третьих, велась подготовка гражданского уложения. Сюжет о работе над тремя последними проектами практически не рассматривался в исторической и историко-правовой литературе как отдельная проблема.

Исследования о судебном законодательстве императора Николая I ограничиваются, как правило, характеристикой X-го и XV-го томов Свода законов Российской империи²; а также Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Проблемы разработки процессуальных уставов и гражданского уложения при этом императоре в историографии едва затронуты. Специальных работ по этим темам нет. Отдельные, не всегда верные сведения о проводимой в это царствование кодификации можно найти в дореволюционных юбилейных изданиях по истории ряда министерств и ведомств³; а также в некоторых работах того времени о судебной реформе 1864 г. Так, Г. Джаншиев признавал, что подготовленные при Николае I проекты сыграли определенную роль в создании судебных уставов 1864 г., М. Филиппов подробно рассмотрел проекты Комитета 6 декабря 1826 г. по судоустройству, а В. Плетнев полагал, что хотя решение о создании процессуальных кодексов было принято в 1836 г., его реализация стала возможна только через 20 лет, в ходе подготовки новых уставов⁴. Историко-юридические исследования до 1917 г., как правило, сосредотачивались на характеристике действующего права, процесс разработки законодательства в них не рассматривался⁵. После 1917 г. отечественная историческая и историко-правовая мысль уделяла основное внимание реализации судебной реформы и контрреформам. О подготовке реформы писали не часто и, как правило, правоведы. С разницей в почти четверть века вышли две монографии на эту тему. Автор первой, Б.В. Виленский, особо подчеркивал, что «корни судебной реформы уходят в предыдущий период», а «истоки ее следует искать» и в проектах II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – СЕИВК). Автор второй, М.Г. Коротких, рассмотрел проект гражданского судопроизводства, подготовленный при Николае I, правда, не коснувшись обстоятельств его создания⁶. Краткий перечень работ по кодификации уголовно-процессуального права во второй четверти XIX в. приводится в диссертации Д.В. Горожанкиной⁷. Крупнейший специалист в области истории отечественного права первой половины XIX в. С.В. Ковдан, констатируя, что кодификация отраслевого законодательства началась сразу после окончания двух первых этапов его систематизации⁸, дальше этот сюжет не развивает. Таким образом, в историко-правовой, а тем более в исторической литературе проблема кодификации судебного законодательства при Николае I фактически не ставилась⁹.

* Ружицкая Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Уже в начале XVIII в. назрела потребность в пересмотре законодательства. После Соборного уложения 1649 г. накопился новый правовой материал. Поэтому при Петре I велись кодификационные работы, в результате которых кодексы, правда, так и не были созданы, однако был издан ряд крупных законов, действовавших наряду с Уложением 1649 г. (например, для уголовного права – «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1716 г., получившее общегражданское применение¹⁰). Систематизационные работы, начавшиеся при Петре I, продолжались на протяжении всего XVIII в., для чего создавались многочисленные комиссии. Из них наибольшую известность получила (восьмая по счету) Уложенная комиссия или Комиссия о сочинении нового уложения (1767–1768 гг.), созданная при Екатерине II. Однако члены этих комиссий пытались создать новое уложение (кодекс), не собрав и не обобщив весь накопившийся законодательный материал, с чем связан неуспех их деятельности.

При Александре I в 1801 г. в очередной (десятый) раз создается Комиссия составления законов. Если на начальном этапе ее задачей было составить «общее законоположение» для всего государства и отдельные для окраин¹¹, то с приходом в нее М.М. Сперанского в 1808 г. главной задачей было провозглашено завершение работ над проектом Гражданского уложения. Кроме него до 1825 г. были созданы проекты уголовного уложения и процессуальных уставов. Часть из них рассматривалась в Государственном совете, однако ни один из проектов не был утвержден.

Тем не менее накопленный практический опыт деятельности Комиссии составления законов создал необходимую базу для следующего этапа систематизации законодательства во второй четверти XIX в., поскольку многие ее проекты получили «достаточно четкую концептуальную проработку, имели хорошо отработанную структуру, достаточно выверенную терминологию», что позволяет говорить о внесении в российское законодательство достижений европейской юриспруденции XVIII – начала XIX в.¹²

Таким образом, вопрос о систематизации российского законодательства не сходил с повестки дня на протяжении всего XVIII в. и начала XIX в. При императоре Николае I систематизация, наконец, была осуществлена, и оформлена система российского права, в своей основе сохранившаяся до 1917 г. Речь идет, прежде всего, о Своде законов (1832 г.) и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.).

В исторической и юридической литературе, когда речь заходит о Своде законов, как правило, употребляется термин «кодификация». Однако Свод не являлся актом кодификации. Полное собрание законов – это их систематизация в виде хронологической инкорпорации. А вот вопрос о форме систематизации Свода является дискуссионным. Раньше правоведы сходились на том, что это был акт предметной инкорпорации¹³. В последнее десятилетие увеличилось число сторонников другой точки зрения. Ее приверженцы полагают, что нельзя рассматривать Полное собрание и Свод законов только как разные формы инкорпорации. В процессе создания Свода применялся более высокий уровень обработки законодательного материала, чем при составлении Полного собрания. По их мнению, Свод является актом отраслевой консолидации законов¹⁴. Полученная форма систематизации Свода законов, по сути, является уникальной¹⁵.

Издание Свода законов имело огромное значение не только для дальнейшего развития русского права и судопроизводства. Свод стал шагом к правовому государству, а также базой для реформ 1860-х гг.

Реализацией следующего этапа систематизации законодательства стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, первый кодекс (пусть и несовершенный) уголовных законов в России¹⁶.

Но во второй четверти XIX в. велись и другие кодификационные работы, которые начались сразу после издания Свода законов. Параллельно с подготовкой Уложения о наказаниях с 1839 г. велись работы по составлению Устава уголовного судопроизводства¹⁷. К числу материалов по его подготовке относится записка Блудова 1844 г. об улучшении следствий, в которой не предусматривалось существенных изменений действовавшего процессуального законодательства. Цель предложений Блудова состояла

в том, чтобы обеспечить более или менее правильное применение Уложения о наказаниях судебными чиновниками, а также ограничить произвол последних¹⁸.

В 1845 г. Блудов докладывал императору, что в текущем году «главнейшею и первою работою» II Отделения являлось «окончательное приготовление материалов для устава о производстве дел по преступлениям и проступкам и потом самое начертание сего устава»¹⁹. В 1850 г. были готовы первые четыре части уголовно-процессуального кодекса²⁰. В 1852 г. работа над проектом «Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам в Империи» была завершена²¹. Процесс по существу изменен не был: он сохранил инквизиционный характер, о суде присяжных даже не упоминалось. К числу улучшений относились предоставление подсудимому возможности ознакомиться с материалами дела, обжаловать приговор, приглашать в судебное заседание родственников и друзей. Из 15-ти особых судопроизводств оставлялось 3: о преступлениях по должности, государственных и религиозных. Был учрежден особый Комитет для рассмотрения проекта, обсуждение затянулось и к началу нового царствования закончено не было. Летом 1855 г. оно продолжалось. Блудов предложил использовать проект для составления процессуального кодекса Царства Польского²². Этот же проект фигурирует в деле подготовки судебной реформы²³.

Заслуга данных проектов в том, что именно они подготовили законодательную основу дальнейшего судебного реформирования: они стали «базой для коренной переработки законодательства в сфере уголовного процесса при подготовке актов судебной реформы 1864 г., прежде всего, Устава уголовного производства»²⁴.

Обратимся теперь к вопросу об уложении гражданских законов. Принятое при Александре I новое уложение, как отмечалось выше, так и не вступило в силу. Позднее самим автором, Сперанским, оно было признано негодным. Усилия законодателей сосредоточились на первых этапах систематизации права – инкорпорации и консолидации. В результате были созданы Полное собрание и Свод законов Российской империи. После этого Сперанский приступил к подготовке уложений. На Свод он смотрел как на необходимую для них ступень, полагая, что *«все законы, по Своду недостающие, должны быть дополнены в Уложении»*²⁵ (курсив мой. – И.Р.).

Сперанскому удалось убедить императора в необходимости третьего этапа систематизации права, о чем свидетельствуют слова Николая I на общем собрании Государственного совета 19 января 1833 г. Монарх констатировал, что II Отделению было поручено «не созидать новых законов, но привести в порядок старые», разделив этот труд на «три разные и постепенные действия». Первый этап – создание Полного собрания, второй – составление Свода законов. После завершения второго этапа, полагал император, «когда сделается нам известным, что мы имеем и в чем могут состоять недостатки наши», необходимо *«приступить к усовершенствованию и дополнению законов»*²⁶ (курсив мой. – И.Р.). Намерение императора составить уложения материального права так же как и процессуальные уставы подтверждает и программа работ II Отделения СЕИВК, приступившего со второй половины 1830-х гг. к третьему этапу систематизации законодательства, т.е. к кодификации²⁷.

В конце 1830-х гг. приоритет был отдан уголовному праву: было создано Уложение о наказаниях.

В марте 1844 г. император выразил желание, «чтобы приступлено было к составлению гражданского уложения», для чего предполагалось учредить специальную Комиссию «под главным надзором и руководством» главноуправляющего II Отделением. Комиссия должна была внести свои предложения в особый высший Комитет и Государственный совет. Идея этого дела, «исполинского по важности своей и по огромности предначертания», по свидетельствам очевидцев, шла «не непосредственно от государя, а от Блудова». У юридически подготовленных людей подобные намерения власти не вызвали энтузиазма. Предполагаемый председатель комиссии Корф записал в дневнике: «Возможно ли еще у нас, и, вообще, составление правильного гражданского уложения, которое, соответствуя потребностям огромной и сложной империи, удовлетворило бы вместе и требованиям науки и не навлекло бы на нас позорной критики просвещенной

Европы? Какие гражданские законы там, где существует еще, например, крепостное состояние?». Его вывод однозначен: пока достаточно десятого тома Свода «в том виде, как он есть теперь»²⁸. Доводы Корфа отчасти помогают в понимании причин, по которым уложение при Николае I так и не было принято.

Между тем в 1844 г. все-таки был учрежден Комитет (а не комиссия) для подготовки Гражданского уложения в Империи и Царстве Польском. О его работе известно немного: только некоторые итоги деятельности (например, проект уложения для Царства Польского, составленный на совершенно иных основаниях, чем для остальной империи, так как в Польше с 1808 г. действовал Кодекс Наполеона).

В 1845 г. одним из направлений деятельности II Отделения стало составление «систематического собрания примерных решений по гражданским делам», которое рассматривалось как «главная из приговорительных работ для проекта нового гражданского Уложения»²⁹. Задачи и методы этой работы были изложены Блудовым в специальной записке от 29 марта 1845 г. (она так и называлась «О составлении собрания судебных решений по делам гражданским»). В записке отмечалось, что возможность подготовки подобного собрания появилась только после окончания алфавитного указателя к Своду законов³⁰. Большая часть записки посвящена предполагаемому порядку работ. Блудов обосновывал необходимость начать со 2-й части Свода, которая содержала решения, «состоявшиеся» на основании уже этого сборника законов, т.е. после 1 января 1835 г. Именно во второй части содержались «тяжебные дела, подходящие под юридические начала, объясненные и утвержденные приведением разных отдельных, иногда не совсем между собой согласных законоположений, в систематическую связь через издание Свода»³¹. Кроме того, полагал Блудов, таким образом «будут немедленно собраны ... сведения, которые, относясь к существующему с 1835 года порядку, и показывая, каким образом в практике применяются и иногда истолковываются постановления гражданских законов в их настоящем виде и выражении, могут служить вернейшим указанием нужных исправлений в сих законах». Это приведет к тому, что «скорее представится возможность предпринять ... *самое предначертание нового гражданского Уложения*»³² (курсив мой. – И.Р.).

Блудов разработал и правила расположения законодательных норм в собрании. Предусматривалось разделить решения «по существу предметов на четыре разряда»: дела о правах лиц и правах наследства, дела о правах на имущество, дела об обязательствах по договорам, судебные постановления по вопросам судопроизводства³³.

Помимо собрания решений по гражданским делам Блудов полагал необходимым заняться подготовкой «краткого, но, по возможности, полного исторического обозрения постановлений о предметах, входящих в состав Гражданского кодекса, начиная с Уложения царя Алексея Михайловича». Такое обозрение необходимо, подчеркивал он, чтобы иметь «точнейшее понятие о настоящем положении нашего гражданского права» («в статьи Свода законов гражданских не вошли или вошли не вполне некоторые довольно важные постановления») и чтобы при составлении проекта нового кодекса «с одной стороны, лучше и вернее определить свойство и цель каждого узаконения, а с другой, и в предполагаемых усовершенствованиях и переменах сохранить первобытный общий характер Русского права и ... печать» русской народности³⁴.

Блудов предлагал также составить сравнительное обозрение иностранных законодательств, намереваясь «ограничиться лишь важнейшими, именно правом Римским как источником всех почти европейских гражданских законов», и французским, прусским и австрийским кодексами. Правовые нормы других государств, по мысли Блудова, будут привлекаться по мере надобности, в случае, когда «они почему-либо заслуживают особенного внимания». Важной частью этой работы, замечал глава II Отделения, должно стать «изучение иностранной судебной юриспруденции, т.е. правил, составившихся из практического применения законов к делам и случаям»³⁵. Все вышеозначенные «приговорительные работы» необходимы, писал Блудов, чтобы приблизить время, когда «мы будем в состоянии приступить к общему пересмотру наших гражданских законов».

Составление исторического обозрения, и сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства Блудов планировал поручить тем же чиновникам, которые будут заниматься собранием судебных решений. При этом чиновник, собирающий, например, решения по законам о наследстве, должен будет готовить и обозрение законов о наследстве, и «сравнительную синоптическую таблицу постановлений Свода (о наследстве. – *И.Р.*) с правилами иностранных законодательств», выделяя вопросы, которые возникали «в делах о наследстве, и, указывая, как они разрешались в судебной практике в России и в других государствах». Таким образом «чиновники должны будут, по необходимости, почти невольно и неприметно, но с особенным тщанием и подробно изучать, каждый по своей части, один из предметов гражданского права, со всех сторон и во всех его отношениях»³⁶.

Блудов также предлагал запросить через министра юстиции замечания председателей Палат, губернских прокуроров и обер-прокуроров и обер-секретарей Сената на Свод гражданских законов и их соображения по практике применения этих законов и «о средствах их исправления или усовершенствования»³⁷. С 1845 г. началась реализация этого плана.

Записка 29 марта 1845 г. – единственная специальная записка, посвященная нормам гражданского материального права, доступная современному исследователю. В деле пересмотра гражданского законодательства так же, как и крестьянского, соблюдалась строгая секретность. Во всеподданнейшем докладе от 8 августа 1846 г. «О работах, производящихся во II Отделении СЕИВК» Блудов писал: «Мы имеем в виду для усовершенствования отечественного законодательства две особой важности работы: предначертание нового устава судопроизводства по делам о преступлениях и проступках и исправление законов гражданских». Последнее – «пересмотр и исправление законов гражданских» – как «более важное дело составляет предмет особой ныне представляемой ... всеподданнейшей докладной записки»³⁸. Однако подобной записки в деле, где подшиты доклады, отчеты и другая документация за год, нет. Аналогичную картину наблюдаем и в последующие годы: в каждом годовом отчете есть упоминание об отдельно представленной записке по гражданским законам, но самих записок нет³⁹.

В конце 1847 г. Блудов представил Николаю I доклад с планом дальнейших работ над гражданским уложением⁴⁰, с 1848 г. эти работы активизировались. 23 мая 1848 г. на высочайшее усмотрение была представлена записка «О наследстве по общему установленному законами порядку». К записке прилагалось историческое обозрение российских законов о наследстве и таблица, в которой они сравнивались с законами других стран. 25 ноября того же года императору была подана такая же записка о наследстве по духовным завещаниям («О правилах составления, хранения и исполнения духовных завещаний»)⁴¹.

В 1849 г. были составлены записки по вопросам принятия и раздела наследства, платежа долгов наследниками по завещанию, исполнения духовных завещаний душеприказчиками⁴². Причем были привлечены не только французские и прусские, но сардинские и испанские законы⁴³ (тот самый особый случай, о котором писал Блудов в 1845 г.). В своем отчетном докладе за 1849 г. он напоминал императору, что «в нескольких всеподданнейших докладах» уже представлял «мысли о необходимости исправления» существующих законов о наследстве («как по обыкновенному законами и, можно сказать, самой природой определенному порядку, так и по завещаниям») и предлагал «предначертать несколько дополнительных ... постановлений в главе о наследстве»⁴⁴.

В 1849 г. активно шла работа и по пересмотру законов о браках, а точнее об условиях заключения и расторжения браков. Были составлены записки «О дополнении постановлений, относительно расторжения браков лиц евангелическо-лютеранского исповедания» (20 октября)⁴⁵, «О пересмотре узаконений, определяющих требуемые для заключения браков условия», «О последствиях незаконных браков» (4 ноября)⁴⁶. По последнему вопросу еще в 1844 г. «при рассмотрении одного частного дела учрежденный для этого особый Комитет ... положил: приступить к общему тщательному пересмотру всех узаконений как о гражданских последствиях браков, признанных

противозаконными, так и порядке производства возникающих по оным дел». Соответственно к 1849 г. были подготовлены проекты новой редакции 4-го отделения 1-й гл. X т. Свода законов и изменений нескольких его статей (они были представлены сначала обер-прокурору Сената – на предмет соответствия действующему законодательству, затем – в Государственный совет)⁴⁷.

В 1850 г. в Государственном совете и Комитете министров рассматривались вопросы подготовки изменений и дополнений законов о наследстве (в том числе о «наследстве по завещаниям с определением степени, ниже которой не могут быть делимы недвижимые населенные имения») и законов о браках⁴⁸. Второму отделению было поручено продолжать свою деятельность в том же направлении. О дальнейшей судьбе этих проектов сведений мало, известно только, что проект изменений законов о наследстве по завещаниям рассматривался в Государственном совете в 1855 г.⁴⁹ Аналогичная работа велась по исправлению других отраслей гражданского законодательства. Самые значительные изменения касались договорного или обязательственного права, которое с развитием капиталистических отношений, безусловно, нуждалось в новых нормах.

В том же 1850 г. чиновником Отделения А. Анненским было составлено сводное «обозрение всех постановлений по гражданской части»⁵⁰. Однако дальнейшие работы по гражданскому уложению были отложены, и к составлению непосредственно самого уложения так и не приступили, поскольку с 1849 г. основным направлением деятельности II Отделения стала подготовка процессуальных кодексов.

Судебная реформа 1864 г. не затронула гражданское материальное право, именно под его нормы, зафиксированные в первой книге X тома Свода законов, составлялся новый Устав судопроизводства. В конце 1860-х гг. и в 1870-е гг. процесс подготовки гражданского уложения продолжился. В 1882–1905 гг. Редакционная комиссия подготовила проект, который так и не был реализован. Известно, что и в 1916 г. шли работы над Гражданским уложением. Но им так и не суждено было завершиться. Почему? Гражданское право теснее других отраслей законодательства связано с обычным правом. На это указывалось еще при обсуждении гражданского Уложения в Государственном совете в 1812 г. «Гражданские законы непосредственно касаются всех общественных связей, состоявшихся в продолжение многих веков, – записано в журнале общего собрания, – и потому, нельзя полагать, чтобы можно было переменить их вдруг изданием нового уложения... Мы ошибемся, если вообразим, что с переменной на бумаге текста гражданских законов, столь же легко и скоро переменится существующее право»⁵¹.

Тогда члены Совета задался вопросом, какой метод избрать при подготовке Уложения: пойти по пути заимствования из иностранного права или строго придерживаться существующего русского и ограничиться восполнением лишь самых серьезных пробелов и исправлением наиболее существенных недостатков? Члены Совета подчеркивали, что законы утверждены временем и «долгим существованием», и изменение их может остаться только фактом права⁵². Как нельзя более справедливо это было по отношению к России, где чрезвычайно сильна была живучесть и жизнеспособность обычного права. Его нормы были общеупотребительными в среде крестьянства, составлявшего более 90% населения⁵³. Помещичьи крестьяне вообще не были субъектами гражданского права, будучи только его объектами; они частично выпадали и из орбиты действия уголовного права, так как право суда и расправы над своими крепостными при совершении ими маловажных проступков принадлежало помещикам.

Неудивительно поэтому, что когда император Николай I обратил внимание на неполноту и несообразность некоторых гражданских законов и несоответствие их судебной практике, стали по мере надобности составлять проекты постановлений, *дополняющие* первую часть X-го т. Свода законов. Составлялись проекты постановлений как по целым областям гражданских правоотношений (об этом рассказано выше), так и по частным вопросам, например, об отдале на сохранение движимых имуществ, о вознаграждении за вред и убытки и т.п. Последнее законоположение так и вошло в собрание законов как «Высочайше утвержденные *изменяемые статьи Свода законов* о вознаграждении за вред и убытки»⁵⁴ (курсив мой. – *И.Р.*).

«Сии опыты показали, – писал официальный историк II Отделения, – что, независимо от общего пересмотра наших гражданских законов, весьма полезно, по мере надобности, составлять проекты к исправлению некоторых отдельных их частей, тем более, что этот порядок действия не только не повлек за собою никаких неудобств, но и признавался лучшим для усовершенствования гражданского Уложения»⁵⁵. Такой «порядок действия» удобен, говорилось во всеподданнейшем докладе Блудова 1847 г., так как гражданское право «по самой цели своей составляется из предметов столь многочисленных и разнообразных, что нередко каждый из них заключает в себе нечто целое, имеющее свои особенные свойства и соответствующие им начала»⁵⁶. Совсем другое дело – уголовное право, в котором существует неразрывная взаимосвязь между всеми частями⁵⁷.

Подобное, по частям, исправление гражданских законов более согласуется, по мнению Блудова, с «существенными выгодами общества». «Действие постановлений постепенное лучше влияет на права и весь гражданский быт народа, – полагал главноуправляющий II Отделением, – нежели внезапное издание нового уложения, должностующего совокупно и единовременно изменить или преобразовать многие прежние условия общества»⁵⁸. В том же докладе 1847 г. о «предварительных соображениях для начертания нового кодекса гражданских законов», Блудов обосновал свой метод исправления этих законов – по частям. Члены Государственного совета, выслушав этот доклад, рекомендовали II Отделению «без дальнейших отлагательств приступить к некоторым отдельным исправлениям наших законов гражданских»⁵⁹ (подобное успешно делалось и раньше).

Примеры таких отдельных исправлений мы находим в переписке председателя Государственного совета И.В. Васильчикова с Д.Н. Блудовым за 1845 г., посвященной вопросам имущественного права. Решающую роль в этих «исправлениях» нередко играл император. Так, например, именно он «соизволил указать» в связи с делом капитана Голощапова, что *цель* дополнения правовых норм «состоит в том, чтобы опасения лишить себя и наследников всякого достояния» должны «удерживать, сколько возможно более неблагонамеренных людей, от расхищения казенного имущества». «Для достижения сей цели, – писал Блудов, – Его Величеству благоугодно было поручить нам рассмотреть, не представится ли удобным и полезным постановить, чтобы по казенным взысканиям от лиц, избличенных уголовным судом в похищении казенной собственности, ... обращалось в казну недвижимое их населенное имение по цене, какая установлена для писания купчих крепостей в разных губерниях с удовлетворением из причитающейся суммы и законных кредиторов их». Блудов сообщил, что «счел своим долгом еще раз внимательно сообразить сей вопрос с действующими узаконениями и потом уже приступить к изысканию средств для исполнения в точности Высочайше изъявленной по сему предмету воли»⁶⁰. Васильчиков отвечал, что «совершенно согласен в том, что при постановлении сей меры следует, с одной стороны, обеспечить казну от могущей при сем последовать потери, а, с другой – оградить права добросовестных кредиторов и невинных наследников»⁶¹.

Сохранилась их переписка подобного содержания и об установлении «по ограждению частного кредита и прав добросовестных кредиторов», и о проекте «постановления для предупреждения злонамеренной передачи имущества между супругами»⁶². Именно император обратил внимание своих сановников на недостаточную защиту прав кредиторов. Уже в следующем, 1846 г. были составлены проекты отдельных законов и положений, в том числе и о мерах против злонамеренной передачи имений между супругами, об отмене закона, запрещающего исчислять проценты свыше удвоения денежного капитала и другое⁶³. В итоге в законодательство были внесены соответствующие изменения.

Таким образом, при Николае I законодательные вопросы решали, дополняя и исправляя существующие нормы. При этом от общего пересмотра гражданских законов вовсе не отказывались⁶⁴. Подобное положение, на мой взгляд, устраивало власть, разделявшую точку зрения Н.М. Карамзина: существующее право принципиально имеет

большую ценность, чем вновь издаваемые законы. Существует и противоположная точка зрения: работая над Сводом гражданских законов, Сперанский внес в него ряд положений из западноевропейского, прежде всего, французского права («Code civile» Наполеона). Поэтому острой необходимости в уложении не было. Так полагало большинство дореволюционных историков права, которые утверждали, что Сперанский замаскировал заимствования ссылками на старые законы, и расходились только в оценке объема этих заимствований⁶⁵. Сам Сперанский объяснял сходство тем, что «в источнике своем, т.е. в римском праве, все уложения будут всегда сходны»⁶⁶. Внимательное изучение X-го тома Свода законов не подтверждает данное положение.

Так чья же тень витала над кодификаторами гражданского права весь XIX в. – Сперанского или Карамзина? Что помешало созданию Гражданского уложения – «тайная модернизация» гражданского права Сперанским в начале 1830-х гг., «завет» Карамзина, свято верившего в традиционализм русского народа, «изобретенные» Блудовым частичные исправления, недостаточный уровень кодификационной техники или иные факторы?

Современный исследователь А.Н. Медушевский объясняет проблему нереализованности готовых проектов гражданского уложения консерватизмом русского дворянства и правящих кругов, а также «фактическим сохранением традиционалистских представлений в обществе о земельном праве. В своем стремлении к преодолению этих устойчивых социальных стереотипов, – пишет он, – кодификаторы допускали возможность инкорпорировать по существу феодальные институты в институциональную систему гражданского общества», подобные попытки были обречены на неудачу⁶⁷.

Препятствием к окончательному прояснению вопроса о гражданском уложении является практически полное отсутствие документальных источников. Больше «повезло» гражданскому судопроизводству. История нового устава гражданского процесса началась в ноябре 1848 г.⁶⁸ Во время доклада Блудова император «изъявил волю», чтобы тот «приступил немедленно к новому, общему и тщательному обозрению нашего гражданского судопроизводства и к изысканию средств для исправления недостатков оного, давно уже ощущаемых, сколько сие возможно в нынешнем положении дел и при настоящем составе наших учреждений судебных»⁶⁹.

В результате появилась записка «О судопроизводстве гражданском», поданная на высочайшее имя 20 января 1849 г. Речь в ней шла о подготовке нового устава. Блудов изложил свои соображения, заметив, что «необходимо иметь в виду и положения иностранных по сей части законодательств», но «не для того, конечно, чтобы подражать им, ибо сие», по его мнению, «было бы не только не полезно и неудобно, но даже и невозможно, по крайней мере, в настоящее время, а для того, чтобы узнать точные причины, коими многие правительства были побуждаемы к преобразованиям большею частью неудачным, заранее отстранить самую мысль о принятии мер, уже на опыте оказавшихся неудовлетворительными»⁷⁰. Затем следовал обзор принципов судопроизводства ряда иностранных государств и состояния его в нашей стране⁷¹. Принципиальные вопросы содержались в конце записки. «В заключение сего моего всеподданнейшего доклада, – писал главноуправляющий II Отделением, – считаю долгом рассмотреть еще один довольно неясный вопрос: можно ли приступить к исправлению нашего гражданского судопроизводства прежде исправления самого кодекса законов гражданских? Вопрос, подобный сему, представлялся и пред начертанием Уложения о наказаниях». Тогда император, напоминая Блудов, распорядился заняться сначала «составлением самого кодекса уголовного, и к тому были причины весьма уважительные»⁷². Главный предмет следствий по делам о преступлениях и проступках – «определить свойства события, тому следствию подлежащего, разрешить представляющийся в каждом уголовном деле первый вопрос: преступно ли деяние, сделавшееся предметом сего следствия, т.е. принадлежит ли оно к тем, которые воспрещены законом под страхом наказания». Поэтому, пока не означены с точностью все виды преступных действий, нельзя приступать к исправлению главнейшей части уголовного судопроизводства, которая заключает в себе правила для следствия и на которой основывается весь дальнейший ход дела.

Но связь гражданского судопроизводства с кодексом законов гражданских, подчеркивал Блудов, совершенно иная. Каким бы образом, с большею или меньшею положительностью и ясностью не были определены права и отношения частных лиц по имуществам их и между собой, самым ли законом, или по взаимным между ними соглашениям, эти права и отношения должны быть охраняемы действием власти судебной в порядке наиболее удобном и простейшем, и «сей порядок может быть один и тот же в главных основаниях, несмотря на изменения в постановлениях гражданского кодекса».

Таким образом, по мнению Блудова, не только без всякого «неудобства, но даже и с пользой» можно, не ожидая пересмотра законов гражданских, приступить к исправлению судопроизводства. Чем скорее оно будет исправлено, тем лучше, но, может быть, «затруднительно сделать в нем все нужные изменения в одно время изданием полного нового устава гражданского судопроизводства». Поэтому Блудов предлагал сначала ограничиться введением одних «важнейших улучшений», определив все, что относится к порядку подачи прошений, доставления их ответчикам, представления объяснений на просьбы истцов, приготовления дел к докладу, решения оных, объявления решений, взятие апелляции, а с тем вместе и все, что касается частных жалоб и прошений. Затем, писал он, останется еще рассмотреть постановления довольно «многосложные о доказательствах» и исправить другие части судопроизводства.

Подобным образом, замечал главноуправляющий, поступили в новейшие времена прусское, баварское, баденское и ганноверское правительства, которые вместо издания общих уставов судопроизводства «приготовляли» и вводили постепенно важные изменения в существующие уставы, «предоставляя времени и опыту дальнейшее развитие начатого»⁷³.

В силу вышеизложенного понятно, почему доклад, представленный императору 8 сентября 1849 г., назывался «Об исправлении нашего гражданского судопроизводства», а не «О проекте нового устава». Замечания, касающиеся как недостатков этого исправления, так и самого судопроизводства, Блудов направил также в министерство юстиции (естественно, после одобрения монархом). Каковы же недостатки гражданского судопроизводства в России с точки зрения Дмитрия Николаевича?

Насколько «наше гражданское судопроизводство неудобно и запутанно», свидетельствует тот факт, отмечал Блудов, что после исправления дела будут идти удовлетворительнее и втрое быстрее, а некоторые – вчетверо и впятеро. В России – «большие расстояния, и потому сроки для явки больше, чем в других землях». Кроме того, в европейских государствах «большее число образованных и добросовестных поверенных и ходатаев по делам», чем у нас. Итак, запутанность судопроизводства, огромная территория, недостаток кадров, – вот что предстояло преодолеть II Отделению.

Несмотря на сопротивление Блудова, впрочем, быстро и легко сломленное монаршей волей, II Отделение приступило к составлению именно *нового устава*, который, по выражению главноуправляющего, должен был стать «лишь опытом проекта». Чиновники Отделения пересмотрели практические замечания почти всех председателей гражданских палат и губернских прокуроров на Свод законов. Эти сведения были предоставлены министерством юстиции, специально занимавшимся их сбором. Так же, как в случае с созданием уголовного уложения, теоретические работы выполняло II Отделение, а их практическим обоснованием ведало министерство. Организационные вопросы решал глава Отделения. Блудов отсылал готовые проекты министру юстиции, который возвращал их со своими соображениями и замечаниями⁷⁴.

В следующем, 1850 г. выявились разногласия между Блудовым и Паниным по поводу «мыслей и предположений», которые должны лечь в основание проекта⁷⁵. Министр в целом соглашался с замечаниями и предложениями Блудова. Некоторые вопросы возникли из-за того, что у него к тому времени не имелось еще полного текста проекта. Но были «мнения, по коим руководитель Второго отделения и министр» были «несогласны» в принципе, поэтому их необходимо было представить в Государственный совет. Один из таких вопросов – порядок доклада дел в судебных местах. Панин

предлагал оставить, как было, когда для доклада в суде использовались выписки, Блудов отстаивал порядок доклада по подлинным актам, что, по его мнению, давало выигрыш времени и уменьшение канцелярских расходов, а также и «более ручательства для тяжущихся и судей». Безусловно, вариант Блудова был гораздо более удобен, к тому времени в большинстве развитых стран он уже вошел в практику⁷⁶.

Второй вопрос, по которому проявились разногласия между Паниным и Блудовым, был еще более принципиальным: министр предлагал оставить старый порядок – прокурор просматривает решения после суда и делает замечания, а обер-прокурор Сената может протестовать. Блудов настаивал, чтобы заключения прокуроров подавались прежде решения судов по делу. При этом глава II Отделения изъявлял надежду, что по этим спорным пунктам они придут к соглашению, когда министр ознакомится с полностью готовым проектом. Однако и в 1855 г. оставались нерешенные вопросы⁷⁷.

К сентябрю 1849 г., как отмечалось в докладе, первая половина проекта, составленного, по словам Блудова, лично им (прежде всего из соображений конфиденциальности), была исправлена окончательно, вторая должна была быть закончена не позднее лета 1850 г. Готовые части – этот «недовершенный труд» – были представлены императору тогда же. Таким образом, Николай I лично контролировал процесс работы над уставом гражданского судопроизводства, так же как в свое время ход подготовки уложения о наказаниях и уголовного процессуального кодекса⁷⁸.

К концу 1850 г. проект был готов окончательно и по повелению императора передан в министерство юстиции. В записке на высочайшее имя от 29 марта 1851 г. «О проекте устава судопроизводства гражданского» Блудов напоминает, что просил разрешения учредить «совместный особый комитет наподобие» того, что рассматривал Уложение о наказаниях перед внесением его в Государственный совет, в чем его поддерживает и министр юстиции. Далее он сообщал, что в данный момент II Отделение занимается «приготовлением» к проекту Приложений (в том числе перечнем бумаг, которые по новым правилам будут составляться самими судами при производстве дел гражданских). Это – важные дополнения к уставу, «могущие даже служить объяснением одного, ибо в них определяется способ исполнения и применения гражданских законов». Они тоже будут переданы в министерство юстиции⁷⁹.

В представленном проекте нового гражданского судопроизводства Блудов предлагал ввести элементы состязательного процесса: стороны должны были следить за ходом дела, собирать доказательства-справки, обстоятельства дела докладывал член суда в присутствии сторон, полиция отстранялась от сбора доказательств и т.п. Однако теория формальных доказательств осталась почти без изменений. Сокращалось количество инстанций, по которым должно было пройти дело (с 11 до 4).

Большое внимание уделялось неудовлетворительному составу судов, при котором «не только члены, но и председательствующие не в состоянии записать вкратце данную резолюцию». По полученным с мест министерством юстиции сведениям «истцы и их поверенные, часто необразованные, безграмотные, не сведущие ни в законах, ни в судебных обрядах люди, не имеющие точного и ясного понятия о своем деле, подают в судебные места прошения пространные, смешивают разнородные дела и одни и те же факты повторяют во всех пунктах»⁸⁰. Записка министерства, приложенная к проекту, констатировала, что выборные в судах «по большей части не знают ни законов, ни форм, ни порядка гражданского судопроизводства, довольно сложного и трудного, в особенности, для людей не только не имеющих предварительных юридических знаний, но часто безграмотных». Вывод проекта неутешителен: «Выборные судьи наши весьма часто не соответствуют важности обязанностей, возложенных на них законами»⁸¹.

Для введения нового порядка судопроизводства необходимо улучшение состава судов, для чего предлагалось готовить «чиновников, способных и благонадежных во всех отношениях, дабы законы наши не были ... мертвою буквою за недостатком исполнителей». Главная причина «неудобств» в производстве дел, записано в проекте, – «недостаток юридического образования в народе». Поэтому планировалось не «дозволять тяжущимся подавать по делу более четырех бумаг с каждой стороны, и в этих бумагах

обстоятельства дела должны быть так мастерски изложены, чтобы не было недомолвок, и доказательства дела должны быть представлены при сих двух бумагах, ибо дальнейшее развитие или дополнение их в следующих инстанциях строго запрещается». Таким образом, письменный процесс сохранялся, хотя количество необходимых бумаг значительно сокращалось.

Проектом выдвигались меры для преодоления *медленности* в производстве дел: в зависимости от характера дел они должны были отправляться обязательно либо «с первой почтой», либо «на другой день», либо «не позже, чем на третий день». Проект не предусматривал введения законодательства, испытанного практикой западноевропейских стран: устный и гласный процесс, принцип равенства сторон, учреждение адвокатуры, хотя его нововведения являлись шагами в направлении указанных принципов⁸².

14 июня 1851 г. был учрежден Комитет для рассмотрения проекта нового устава гражданского судопроизводства в составе товарища министра юстиции П.Д. Илличевского, сенаторов А.Ф. Веймарна и М.М. Карниолина-Пинского и члена Консультации при министерстве Карцева. Со стороны II Отделения в Комитет вошел Р.М. Губе, в качестве делопроизводителя дел – чиновник Отделения, участвовавший в составлении проекта⁸³. Этот чиновник не назван, но из отчета 1855 г. следует, что им был никто иной, как С.И. Зарудный, будущий деятель судебной реформы. Из того же отчета выясняется, что председателем Комитета был сам главноуправляющий II Отделением. При учреждении Комитета в 1851 г. Блудов просил разрешения «доставить» его членам проект, чтобы к началу заседаний они успели бы приготовить свои «замечания и мысли».

Общий комитет для рассмотрения проекта гражданского судопроизводства закончил работу в конце 1854 г. (на последнем этапе вместо Карцева там работал М.Н. Любошинский, начальник департамента министерства юстиции, знакомый с проектом). Комитет сделал 38 замечаний по проекту, все «малозначительные или по редакции». Все вопросы были сняты единогласно, кроме одного: о необходимости при введении устава изменить некоторые судебные места. Положительно был решен вопрос о прямом докладе дел членами суда⁸⁴.

Смерть Николая I помешала утверждению проекта. Комитет по проекту устава гражданского судопроизводства в Российской империи продолжил свою работу и в новое царствование. Коротко остановлюсь на дальнейшей судьбе проекта. В июне 1857 г. он был снабжен новой объяснительной запиской, написанной Блудовым, и представлен в Государственный совет⁸⁵. Несмотря на заявления главноуправляющего II Отделением о принятии «совершенно отличной от настоящей системы судопроизводства» (объяснительная записка), а также на некоторые внесенные в проект изменения он по-прежнему представлял собой план постепенного, достаточно медленного обновления существующего порядка гражданского судопроизводства⁸⁶. Между тем силы, имеющие большое влияние на императора Александра II, выдвигали требование немедленной и радикальной реформы судопроизводства, без учета готовности к ней российской правовой системы. В таких условиях Блудов отказался от руководства судебными преобразованиями и в 1861 г. передал дело в государственную канцелярию, в специальную Комиссию. К концу 1863 г. там были подготовлены будущие проекты судебной реформы⁸⁷, в том числе Устав гражданского судопроизводства, и началось их обсуждение в Государственном совете.

Работа Комиссии во главе с государственным секретарем В.П. Бутковым во многом была облегчена наличием готовых проектов II Отделения: законодатели оставляли в неприкосновенности «блудовские законопроекты в части, соответствовавшей взглядам членов Комиссии»⁸⁸. Так, например, не составлялись записки о гражданском судопроизводстве, поскольку, по мнению членов Комиссии, вопрос был достаточно разработан II Отделением и департаментами Государственного совета и требовал лишь дополнений. Содержащиеся в предложенном Блудовым проекте о судостроительстве идеи о мировых судах, по сути, остались неизменными вплоть до принятия судебных уставов⁸⁹. Кроме того, в ходе кодификационных работ, проводившихся во II Отделении при императоре Николае I были созданы кадры юристов, будущих активных участни-

ков реформы правосудия, наиболее ярким представителем их является С.И. Зарудный. Таким образом, опыт предшественников пригодился тем, кто готовил преобразование судебной системы.

Система, как уголовного, так и гражданского материального права Российской империи оформилась при Николае I. Несмотря на свое несовершенство, она просуществовала, подвергаясь новым редакциям, до падения монархии в России.

Право является отражением существующих общественных отношений. Законодательство Николая I отражало реалии русской жизни второй четверти XIX в. В этом плане время правления этого императора представляет несомненный интерес: при нем была завершена почти полуторавековая работа по систематизации российского законодательства (создание Полного собрания и Свода законов Российской империи). При Николае I велись и кодификационные работы, результатом которых стало издание уголовного кодекса – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, подготовка гражданского кодекса или уложения и уставов уголовного и гражданского судопроизводства.

В ходе судебной реформы 1864 г. материальное право оказалось затронуто в самой незначительной степени – из Уложения о наказаниях 652 статьи были изъяты и включены в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями⁹⁰. Остальные документы реформы касались судопроизводства (уголовного и гражданского) и судоустройства. При подготовке новых судебных Уставов законодатели использовали судопроизводственные проекты, подготовленные в царствование императора Николая I.

Таким образом, корни судебной реформы уходят в предыдущий период. Без выяснения генезиса реформы нельзя определить место, которое она занимает среди преобразований 1860-х гг., правильно оценить государственно-правовую историю дореформенной России⁹¹.

Примечания

¹ *Систематизация законодательства* – это деятельность по упорядочению и совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, имеющая целью приведение их в систему. Современная юридическая литература рассматривает три основные формы систематизации законодательства: инкорпорацию, консолидацию и кодификацию. *Инкорпорация* – систематизация законов государства, расположение их в определенном порядке (хронологическом, алфавитном, по отраслям права) без изменения содержания законов. *Консолидация* – «укрупнение, сведение близких по содержанию нормативных актов в один акт» (*Кодан С.В.* Систематизация законодательства в юридической политике Российского государства 30–40-х годов XIX в. // История отечественного государства и права: методология изучения и методика преподавания. Екатеринбург, 2001. С. 161). *Кодификация* – систематизация законов государства по отдельным отраслям права, обычно с пересмотром имеющегося и отменой устаревшего законодательства. В результате создается кодекс – единый законодательный акт, систематизирующий какую-либо область права на основе пересмотра ранее действовавшего законодательства.

² Х т. Свода содержал нормы гражданского права, как материального, так и процессуально-го, XV т. – нормы уголовного права. Вместе они составляют *судебное* законодательство.

³ *Майков П.М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826–1882. СПб., 1906; Исторический очерк деятельности министерства юстиции за сто лет. СПб., 1902; *Варадинов Н.* История министерства внутренних дел. В 8 кн. СПб., 1859–1863; *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1902.

⁴ *Джанишиев Г.* Основы судебной реформы. М., 1891; Эпоха великих реформ. СПб., 1907; *Филиппов М.* Судебная реформа в России. Т. 1. СПб., 1871–1875. С. 611–617; *Плетнев В.* Работы по составлению проектов судебного преобразования до 1861 г. (раздел «Работы по преобразованию судебной части в царствование Николая I») // Судебная реформа. Т. I. М., 1915. С. 270–287.

⁵ *Неволин К.А.* История российских гражданских законов // *Неволин К.А.* Полн. собр. соч. Т. 3, 4. СПб., 1858; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1909; *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права. СПб., 1876.

⁶ *Виленский Б.В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. Саратов, 1963. С. 65–66; *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. Воронеж, 1989.

⁷ *Горожанкина Д.В.* Историко-правовой анализ систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи первой половины XIX века. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. Исследовательница в основном сосредоточилась на характеристике действовавшего в то время уголовно-процессуального права, зафиксированного во 2-й кн. XV-го т. Свода законов.

⁸ *Кодан С.В.* Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 195, 320.

⁹ Исключением является вопрос о подготовке Уложения о наказаниях 1845 г. См., напр.: *Ружицкая И.В.* Судебное законодательство Николая I (работа над Уголовным и Гражданским уложениями) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 41–57.

¹⁰ Современные исследователи пришли к заключению, что из-за «определенной неряшливости систематизаторов» два совершенно самостоятельных закона – «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1716 г., содержащее нормы уголовно-процессуального права, и «Артикул воинский» того же года были опубликованы в одной подборке 1719 г., а затем в таком же виде были помещены в Полное собрание законов под 1716 г. (ПСЗ-I. Т. 4. № 1572). Между тем «Краткое изображение» не является частью «Артикула воинского» (до 1986 г. его ошибочно рассматривали как процессуальный раздел (кн. 1, ч. 2) Артикула), они связаны друг с другом лишь общим переплетом. (См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. М., 1986. С. 404–405; Законодательство Екатерины II. Кн. 2. М., 2000. С. 866–867; *Горожанкина Д.В.* Указ. соч. С. 23–24).

¹¹ Однако основной характер этого «собрания» в докладе не был четко определен. Поэтому некоторые исследователи полагали, что «планировалось составить нечто среднее между сводом уже существующих законов и кодексом новых» (*Нольде А.Э.* М.М. Сперанский. Биография. М., 2004. С. 90).

¹² *Кодан С.В., Тараборин Р.С.* Несостоявшаяся кодификация гражданских законов 1800–1825 гг. Екатеринбург, 2002. С. 58.

¹³ См., напр.: *Колесников А.Н.* Хронологическое собрание как форма инкорпорации законодательства. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1966; *Сидорчук М.В.* Систематизация законодательства в России в 1826–1832 гг. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1983.

¹⁴ *Кодан С.В.* Систематизация законодательства в юридической политике Российского государства 30–40-х годов XIX в. С. 161.

¹⁵ *Шебанов А.Ф.* Из опыта создания Полного собрания законов в дореволюционной России // Правоведение. 1967. № 2. С. 96.

¹⁶ О его создании и содержании см.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М., 1988. С. 160–409; *Архипов И.В.* Систематизация уголовного законодательства России в 30–70-е годы XIX века. Саратов, 1997. С. 5–75; *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 159–200.

¹⁷ Еще в 1836 г. был подготовлен проект об улучшении следственной части, предусматривавший ослабление теории формальных доказательств и отмену института оставления в подозрении.

¹⁸ РГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 70 а, л. 25. См. также: *Горожанкина Д.В.* Историко-правовой анализ систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи первой половины XIX в. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 30–31.

¹⁹ РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 6, л. 7.

²⁰ Там же, д. 10, л. 163 (О положении порученных II Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии и главноуправляющему оного дел и работ (2 ноября 1850 г.)). Тогда же, в 1850 г., император обратил внимание Комитета министров на быстрое увеличение числа арестантов. Комитет предоставил II Отделению по согласованию с министерствами юстиции и внутренних дел разработать меры, которые могли бы быть немедленно введены для улучшения уголовного процесса. С этой целью была образована специальная Комиссия, признавшая, что «неудобно, даже и невозможно издавать отдельно от всего Устава какие-либо и особенно важные новые правила в порядке производства дел уголовных» (*Сердошин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2. Ч. II. С. 15–18. См. также: Дело о преобразовании судебной части в России. Т. 7. Ч. I. СПб., б.г.).

²¹ РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 11, л. 339.

²² Там же, д. 13, л. 193, 194. «Особый комитет ныне рассматривает устав судопроизводства уголовного в Империи», – писал Блудов в этом собственноручно написанном докладе от 4 июня 1855 г. и предлагал послать проект устава в Польшу и «даже в переводе», чтобы представить в Комитет, рассматривающий таковой для Царства Польского. В Польше в 1847 г. было введено в

действие Уложение о наказаниях, поэтому и судопроизводственные уставы должны были быть «сходны», – объяснял он.

²³ Проект находится в материалах Комиссии В.П. Буткова. Он был представлен Блудовым императору 10 декабря 1859 г., в Государственный совет – 14 апреля 1860 г., высочайше утвержден 8 июня 1860 г.

²⁴ *Горожанкина Д.В.* Историко-правовой анализ... Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. С. 14–15.

²⁵ ОР РНБ, ф. 731, д. 996, л. 3–4, 5 об., 7 («Предположения к окончательному составлению законов»), доклад Сперанского Николаю I в январе 1826 г.).

²⁶ *Корф М.А.* Император Николай I в совещательных собраниях // Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 73. Далее следует запись: «Сим Государь Император занимался, сим занимается ныне и *впредь* неизменно заниматься будет».

²⁷ Существует мнение, что кодификационные работы начались гораздо раньше, его приверженцы полагают, что «работа по составлению Полного собрания, Свода законов и отдельных уложений велась не хронологически последовательно, что было бы наиболее логично, а практически одновременно» (*Баранов В.М., Демичев А.А.* Свод законов Российской империи как политико-юридический результат разноплановой систематизационной деятельности // Систематизация законодательства в России: история и современность. 175-летию издания Свода законов Российской империи. М.; Н. Новгород; Екатеринбург, 2008. С. 18).

²⁸ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 7, л. 172–172 об.

²⁹ РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 6 (1845 г.), л. 189. Еще 30 ноября 1844 г. в специальном докладе Блудов, обосновывая необходимость заняться «систематическим собранием судебных решений», подчеркивал, что оно должно стать «одним из оснований ... общего во всех частях пересмотра и исправления нашего гражданского уложения и судопроизводства» (Там же, л. 12 об.–13).

³⁰ Подготовка указателя началась сразу после нового издания Свода 1842 г., а в 1844 г. приступили к его публикации (Там же, л. 126).

³¹ 1-я часть Свода – решения и заключения, высочайше утвержденные до вступления в силу Свода, т.е. до 1 января 1835 г. (Там же, л. 189–191).

³² Там же, л. 191 об.–192.

³³ Там же, л. 192 об.–193.

³⁴ Там же, л. 195 об.–198 («При предначертании проекта нового Кодекса должно стараться не изменять коренных правил, не удаляться от народных понятий наших о праве»).

³⁵ Там же, л. 198 об.–199. («Тщательное рассмотрение сих правил и узаконений, на коих они основаны, может быть не только пособием для лучшего истолкования наших собственных законов, где сие нужно, но и указанием недостаточности оных в некоторых отношениях и мер для их исправления»).

³⁶ Там же, л. 200–201.

³⁷ Там же, л. 201 об.–202 (как и при начале работ по проекту нового уголовного уложения).

³⁸ РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 6 (1845 г.), л. 238–238 об.

³⁹ За 1847, 1848, 1849 гг.

⁴⁰ Сам доклад отсутствует, есть лишь указание на него в общем отчете. На него ссылался П.М. Майков; см. ниже.

⁴¹ РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 8, л. 379–413.

⁴² Там же, ф. 9, л. 272–313 («По кодексу Наполеона наследники по завещанию суть трех родов: 1) получающие все имущество; 2) получающие определенную часть: треть и т.п. или все движимое, или все недвижимое имущество; 3) лица, коим то или иное имущество или вещи в завещании поименовано». Там же, л. 306).

⁴³ Там же, л. 322.

⁴⁴ Там же, л. 272–272 об., 322 об.

⁴⁵ Появление этой записки связано с конкретными случаями: лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор довел до сведения министра внутренних дел о двух случаях расторжения браков между лицами лютеранского исповедания «в явное нарушение, если не буквы, то смысла и духа действующих по сему предмету постановлений устава евангелическо-лютеранских в России церквей». На основе принятых частных решений были составлены дополнения к законам (Там же, д. 9, л. 200–200 об.).

⁴⁶ Там же, л. 200, 213–235.

⁴⁷ Там же, л. 213–234 об. О пересмотре узаконений, определяющих требуемые для заключения браков условия (4 ноября).

⁴⁸ Там же, д. 10, л. 175–175 об.

⁴⁹ Там же, д. 13, 1855 г., л. 323. Это был проект 1848 г. «Правила составления, хранения и исполнения духовных завещаний». В объяснительной записке Блудов отмечал, что Николай I неоднократно обращал внимание на «неполноту и несообразность некоторых постановлений наших законов гражданских», поэтому II Отделение давно занималось законами о наследстве и что он, Блудов, собирался внести проект всех постановлений о наследстве в Совет, но председатель Совета срочно потребовал законы только о духовных завещаниях.

⁵⁰ Там же, д. 10,1(1850 г.), л. 345.

⁵¹ Цит. по: *Латкин В.М.* Учебник истории русского права (XVIII–XIX вв.). СПб., 1899. С. 92.

⁵² Там же.

⁵³ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. СПб., 1999. С. 139.

⁵⁴ ПСЗ-II. Т. 26. № 25055.

⁵⁵ *Майков П.М.* Краткий очерк деятельности Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826–1876. СПб., 1876. С. 35–37.

⁵⁶ Таковы все законы, отмечал Блудов, относящиеся к бракам, опеке, наследству, духовным завещаниям и другие.

⁵⁷ *Майков П.М.* Второе отделение... С. 349.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 346.

⁶⁰ РГИА, ф. 651 (Васильчиковых), оп. 1, д. 57, л. 4–4 об. Письмо от 22 июля 1845 г.; Свод законов. Т. V. Устав о пошлинах. Ст. 363 (изд. 1842 г.)

⁶¹ Там же, л. 11.

⁶² Там же, л. 7, 9.

⁶³ РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 7, л. 239, 240.

⁶⁴ В архиве нередко попадаются дела такого плана: «По высочайше утвержденному мнению Государственного совета о мнении при общем пересмотре гражданских законов вопроса о нераздробляемости домов» (Там же, оп. 1, 1846 г., д. 3).

⁶⁵ *Серге́евич В.И.* Лекции и исследования. СПб., 1883. С. 609; *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права. Т. 1. СПб., 1876. С. 392–393; РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 7, л. 238–238 об.; *Филиппов А.Н.* Сперанский как кодификатор русского права // *Голос минувшего.* Т. 10. 1892. С. 205; *Виленский Б.В.* Лекции по истории государства и права СССР. Саратов, 1985. С. 149.

⁶⁶ План государственного преобразования М.М. Сперанского. М., 1905. С. 339.

⁶⁷ *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России. XVIII – начало XXI века. М., 2005. С. 241 (речь идет о проекте 1905 г.). Медушевский добавляет: «С этим связана настойчивая апелляция к принципу неприкосновенности частной собственности».

⁶⁸ Нормы гражданского судопроизводства (процессуального права) содержались во 2 кн. X т. Свода законов.

⁶⁹ РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 9, (1849 г.), л. 16 об.

⁷⁰ Там же, л. 17–17 об.

⁷¹ Там же, л. 17 об.–105.

⁷² Там же, л. 105 об.–106.

⁷³ Там же, л. 106 об.–109. Сходные идеи Блудов излагал и в 1847 г. в докладе о гражданском уложении.

⁷⁴ Там же, л. 167–172 об.

⁷⁵ Там же, д. 10, л. 72. О положении дела по проекту нового устава гражданского судопроизводства. 6 апреля 1850 г.

⁷⁶ Положение о докладе дел по подлинным делам было внесено в проект в 1854 г. Комитетом для рассмотрения нового устава гражданского судопроизводства, о котором речь пойдет ниже.

⁷⁷ Там же, д. 13 (1855 г.), л. 56.

⁷⁸ Там же, д. 10, л. 72–74.

⁷⁹ Там же, л. 103–105.

⁸⁰ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3207. Замечания на проект нового порядка судопроизводства в России. Л. 8–9 (объяснение к гл. 1, разд. III проекта).

⁸¹ Там же, л. 6 об.

⁸² *Коротких М.Г.* Указ. соч. С. 44. Переходный характер проекта позволил использовать его в дальнейшем при подготовке судебной реформы, необходимо было только развить идеи проекта в нужном направлении.

⁸³ РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 4 (1852 г.), л. 157.

⁸⁴ О проекте нового устава судопроизводства гражданского. 2 декабря 1854 г. (Там же, д. 12 (1853–1854 гг.), л. 405–423). См. также: Там же, д. 11, л. 271. О дополнениях к проекту нового устава судопроизводства гражданского (6 марта 1852 г.). Прямой доклад – доклад дел по подлинным делам, а не по выпискам.

⁸⁵ Проект рассматривался с 15 ноября 1857 г. по 8 мая 1859 г. (Журнал о главных началах, принятых соединенными департаментами гражданским и законов при рассмотрении нового устава гражданского судопроизводства // ОР РНБ, ф. 637, д. 289).

⁸⁶ Блудов писал, что цель своих проектов он видит в том, чтобы «поставить наше Отечество в переходное» по отношению к передовой практике западноевропейского права положение (См.: *Коротких М.Г.* Указ. соч. С. 91).

⁸⁷ 2 ноября 1864 г. были опубликованы нормативные акты, составившие судебную реформу: Уставы гражданского и уголовного судопроизводства, Учреждение о судебных установлениях (судоустройство) и Положение о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

⁸⁸ *Коротких В.Г.* Указ. соч. С. 98.

⁸⁹ Там же. С. 97–98.

⁹⁰ Некоторые статьи Уложения о наказаниях были введены в специальные уставы, например, в Таможенный, Устав о казенных лесах, Питейный устав и др.

⁹¹ *Виленский Б.В.* Подготовка судебной реформы. С. 65–66; *Коротких В.Г.* Указ. соч. С. 4.

История российского конституционализма

© 2010 г. А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА XX века

Обращение к стандартам мировой политической мысли, ставшее возможным в постсоветский период, делает необходимым переосмысление теории российского конституционализма, его истории и современности в рамках единого понятийного аппарата, социально-психологических оснований его развития. Простое сопоставление языка классических дореволюционных работ по государственному праву и квазюридической литературы периода советской диктатуры раскрывает архаичность последней и отражает экзотический характер советского конституционного эксперимента в сравнительной перспективе. С тех пор история многое расставила по своим местам: «семантические» расхождения между интеллигенцией и советской властью оказались сняты самым фактом исчезновения последней. Однако отказ от советского номинального конституционализма как основы политической системы не исключает его научного осмысления: изучение социальных патологий и деформаций – такая же важная задача для ученых, как и изучение здорового организма. Номинальный конституционализм и стоящая за ним практика репрессий не только сформировали «правовые» нормы жизни целого ряда поколений, но и оказали чрезвычайно разрушительное воздействие на правовое сознание населения, особенно юристов, государственных чиновников и судей, последствия которого еще долго будут сказываться в конституционных дебатах. Пятнадцатилетие действующей российской Конституции 1993 г., стало событием, позволяющим судить о тенденциях современного российского конституционализма, его сходстве и отличиях от предшествующего конституционного прорыва, предпринятого столетие назад¹. Это возвращает нас к классике либеральной мысли, дает возможность осмыслить историю и современность в рамках единой исследовательской логики, наконец, поставить вопрос о перспективах либеральных конституционных реформ в нашей стране.

Сравнение программы классического русского либерального конституционализма и тех компонентов конституционной практики, которые представлены в текущем политическом процессе, приобретает очевидную актуальность. Данное сравнение представляется методологически оправданным по следующим основаниям: во-первых, оно ведется с позиций сравнительного метода, раскрывающего такие компоненты правовых реформ, которые являются универсальными и представлены в истории многих стран нового и новейшего времени при переходе к демократии; во-вторых, выявляет сходство социальных функций конституционализма двух эпох; в-третьих, позволяет установить практику конституционной инженерии – на современном этапе использовать технологии либерализма предшествующего этапа, учитывая как позитивный, так и негативный опыт их применения за истекшее столетие². Данное исследование дает ответы на следующие вопросы: в какой мере политическая программа русского либерализма реализована столетие спустя и что современная политическая практика может позаимствовать из опыта либерального конституционного движения начала XX в.; почему все крупнейшие революционные кризисы в истории России заканчи-

---

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Российская история».

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

вались восстановлением авторитарной модели государственной власти; в какой мере этот вывод применим к современной эпохе; в чем трудности реализации программы либерального конституционализма на современном этапе; и, наконец, что предстоит сделать для успешного проведения данной программы в жизнь. В нашу задачу входит сопоставить политическую программу русского либерального конституционализма с теми компонентами конституционной реформы, которые стали актуальны с переходом к демократическому строю в постсоветский период.

Конституционный вопрос и пути его решения

Решение конституционного вопроса – центральный компонент политической программы русского либерализма. В рамках этого подхода раскрывается генезис и основные этапы истории российского конституционного движения – от первых попыток ограничения монархической власти в период образования данной системы (политические проекты начала XVII в., проекты верховников и шляхетства 1730 г., правовая программа Просвещенного абсолютизма второй половины XVIII в.) к появлению после Французской революции современной интерпретации конституции и формированию трех различных векторов конституционализма XIX в. – либерального, радикально-революционного и авторитарно-бюрократического³. В трудах классиков политической философии либерализма – теоретиков государственной (юридической) школы – разработана общая концепция российской государственности, перехода от абсолютизма к конституционной монархии и республике. Становление политической идеологии Просвещения и Французской революции, конституционная революция в США и последующая отмена рабства в результате гражданской войны, учет опыта парламентаризма Великобритании и юридических основ объединения Германии и Италии – стали теми вехами политической истории, которые стимулировали сравнительные исследования и влияли на формулирование конституционной программы русского либерализма пореформенной России второй половины XIX в. Труды гегельянцев – Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского, последующих юристов и социологов права – Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, М.М. Ковалевского – заложили основы ее сравнительной социологической интерпретации и политической оценки с позиций либерализма⁴. То поколение мыслителей и политиков, которое выступило в начале XX в. и активно действовало в период революций (Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев, П.Н. Милюков, В.М. Гессен, Ф.Ф. Кокошкин) – осмыслило с позиций неокантианства конфликт общественного идеала и позитивного права, предложив целостную программу конституционных преобразований и правовой политики в условиях революционных кризисов начала XX в.⁵

Логика политического развития нового времени связана в рамках этого подхода с переходом от сословного общества к гражданскому и от абсолютизма к правовому государству. Традиционный тип абсолютистских монархий, основанный на концентрации всех видов власти в руках монарха, перестает быть адекватным ситуации перехода к демократии в силу недифференцированности законодательной и правительственной власти, соответственно, – законов и указов. Данному типу организации либерализм противопоставляет конституционный тип политической системы, основанный на принципах парламентаризма, народного представительства и разделения властей⁶. С этих позиций был аккумулирован значительный материал по ключевым проблемам теории конституционного права: общественного договора, суверенитета, форм правления и политических режимов, субъективных публичных прав, структуры парламентов, ответственного правительства, устройства избирательных систем, центрального и местного управления и самоуправления, административной юстиции. Это – модель правового государства, которое в своей деятельности ограничено правом, подчиняется ему, а не стоит над правом или вне его⁷. Реконструкция программы основных политических течений русского либерализма начала XX в. – земского конституционализма и Конституционно-демократической партии, конституционных проектов и заявлений Временного правительства целесообразна в сравнительной перспективе: само назва-

ние этих течений не случайно, но выражает основную идею – дать стране либеральную конституцию⁸. «Бывают слова, – отмечал П.Н. Милюков, – которые звучат заклинанием и останавливают кровь; бывают и другие, такие же слова-символы, из-за которых кровь льется, ведутся внешние и гражданские войны, сокрушаются и возникают режимы»⁹. Понятие «конституции» – выступало как символ, обозначение целого общественного движения, отстаивавшего право и закон, равный для всех, противостоящий популизму и экстремизму. В результате Февральской революции 1917 г. был осуществлен переход к республиканскому строю и начали формироваться основы демократической политической системы – всеобщего избирательного права, многопартийности, разделения властей, парламентаризма. В ходе обсуждения этих вопросов, в частности, подготовки Учредительного собрания, были сформулированы принципиальные идеи о стратегии демократического обновления России¹⁰. Крушение демократической системы и установление однопартийной диктатуры в результате октябрьского переворота 1917 г. и роспуска Учредительного собрания сделало их реализацию невозможной¹¹. Лишь на исходе XX в., в результате преодоления диктатуры и принятия демократической Конституции 1993 г. страна начала выходить на тот уровень обсуждения вопросов, который был утрачен в 1917 г.¹² Обращение к идеологии классического конституционализма в постсоветский период – есть признание ее востребованности для текущей модернизации государственного строя.

Анализ программы русского либерализма с позиций современной теории права и конституционной инженерии целесообразен по следующим параметрам: теоретические основы решения проблемы соотношения права и справедливости, концепция правового государства, общий подход к решению конституционного вопроса (роль Конституанты и выдвинутых ею проектов политического устройства); концепция переходного периода от авторитаризма к демократии и возможных срывов на этом пути; проблема преемственности и разрыва права, в частности, правовые гарантии собственности и возможности ее отчуждения при проведении необходимых социальных преобразований (проблема социальных функций собственности); выяснение социального содержания и подлинности конституционных гарантий прав человека (негативная и позитивная теория прав, реальный и мнимый конституционализм); форма государственного устройства (унитарное или федеративное государство) и структура законодательной власти (однопалатный или двухпалатный парламент); разделение властей, форма правления и тип политического режима (монархия или республика, проблема ответственного правительства); оценка советского опыта номинального конституционализма с этих позиций и поиск выхода из него; местное управление и самоуправление (критерии их разделения); чрезвычайные формы государственной власти и их правовая квалификация; административные и судебные реформы; изменения, которые целесообразно внести в действующую российскую конституцию исходя из этого анализа.

Право и справедливость в условиях социального кризиса

Вопрос о соотношении права и нравственности (справедливости), ключевой для всех эпох социальных трансформаций, вызвал к жизни три направления русской философии права начала XX в., оказавших несомненное влияние на мировое конституционное развитие: этическая (деонтологическая) теория, психологическая теория права и социологическая теория права. Первое направление (определявшееся как «возрождение естественного права») – противопоставляло нравственный идеал и позитивное право. К этому направлению, наиболее видным представителем которого стал П.И. Новгородцев, принадлежали или разделяли его идеи другие крупные русские юристы начала XX в. – В.М. Гессен, И.А. Покровский, князя С.Н. и Е.Н. Трубецкие. Опираясь на философию неокантианства, данное направление стремилось переосмыслить существующее (позитивное) право с позиций высокого нравственного идеала, противопоставить сущему – должное (идеал справедливости), действующей правовой системе русского

самодержавия – концепцию либеральных правовых реформ. Задачу философии права Новгородцев усматривал в том, чтобы «оценивать факты существующего с этической точки зрения», что позволяло «критически отнестись к действительности и оценить ее с точки зрения идеала», выдвинуть «этический критицизм, в котором и состоит самая сущность естественного права»¹³. С этих позиций либерализмом решалась проблема фундаментальных прав – установления гражданского равенства, неприкосновенности личности и жилища, защиты собственности и права на достойное человеческое существование, свободы совести (вероисповедания), обеспечения основных политических прав и справедливого правосудия, отмены смертной казни. Это направление наиболее близко деонтологическим трактовкам права, ставшим основой современной (сформировавшейся после Второй мировой войны) доктрины прав человека, положенной в основу Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), всех международно-правовых актов в этой области и национальных конституций, признающих их верховенство¹⁴. Это положение закреплено и в современной российской Конституции 1993 г.¹⁵ Современное решение проблемы отношения права и справедливости определяет защиту прав личности как безусловной ценности, отказ от правового нигилизма революционных партий и методов терроризма, практику конституционного правосудия¹⁶.

Второе направление – психологическая теория – решало проблему соотношения права и нравственности путем отождествления права и человеческой психики. Данная трактовка права, представленная в учении Л.И. Петражицкого, усматривала причину кризиса права начала XX в. в утрате баланса позитивного и интуитивного права, конфликт которых в перспективе мог вести к революционному разрушению существующего правового строя во имя деструктивной идеи абстрактной социальной справедливости (или «равенства») ¹⁷. Психологический подход, вызвавший острую критику со стороны традиционной позитивистской юриспруденции, оказался, однако, чрезвычайно перспективен для создания основ современной социологии и антропологии права: он позволял увидеть проблему там, где традиционная юриспруденция видела решение, например, объяснить ситуацию превращения антиправовых феноменов в правовые (как это в действительности и произошло в России в октябре 1917 г.) и наоборот, существование и взаимодействие различных типов правосознания в одном обществе, ответить на вопросы о причинах правового дуализма, природе правового нигилизма, социальных факторах, затрудняющих рецепцию римского и западного права в России, сконструировать технологии направленной правовой модернизации и политики права в обществах традиционного и переходного типа¹⁸.

Третье направление – социологическая школа права – рассматривала социальные факторы развития права, интерпретируя его как разграничение интересов или их социальную защиту. Смысл права основатели данного направления (Коркунов, Муромцев и Г.Ф. Шершеневич) усматривали в защите индивидуализма, личных прав и свободы творчества. Отстаивая либеральную программу общественного переустройства, они подчеркивали значение государственной власти как инструмента модернизации, осуществляемой через право и административные институты. Ученик Р. фон Иеринга, Муромцев сформулировал основы российской социологической школы права: дал целостное определение права как «социальной защиты» и реализации общественных интересов, обосновал разделение догмы права, истории и политики права, подчеркивая значение социальных аспектов права и самостоятельную роль судебной практики¹⁹. В общественной деятельности он последовательно отстаивал идеал правового государства и необходимость борьбы за право, выступая как правозащитник, парламентарий и автор одного из важных либеральных конституционных проектов²⁰. Проект Муромцева представлял собой своего рода первую российскую хартию прав человека, создавал теоретическую и политическую основу конституционно-демократического движения в России, оказавшегося наиболее подготовленным к введению институтов парламентаризма и народного представительства в ходе конституционной революции 1905–1907 гг.

В рамках рассмотренных теоретических направлений намечены те ключевые параметры, которые составляют предмет дебатов в современной науке: идея распре-

делительной справедливости (выдвигающая на первый план концепцию равенства возможностей при формулировании правового порядка)²¹, идея легалистской справедливости (подчеркивающая приоритет норм действующего позитивного права перед абстрактными нравственными нормами)²² и идея комбинирования позитивного права и традиций правосознания данного общества как основы справедливости²³. Последняя концепция выводит проблему на более широкий уровень взаимодействия права, этических представлений общества и исторической традиции их взаимодействия и применения на практике. В этой перспективе решаются сложные вопросы отношения права и нравственности в различных обществах на стадии их радикальных изменений, выработки публичных прав и субъективных публичных прав как антитезы государственному произволу в новое и новейшее время, наконец, вопросы защиты прав, в частности – права на акты гражданского неповиновения (знаменитое *Jus resistendi*) в случае нарушения государством (политической властью) тех прав индивида, которые закреплены в конституции или предполагаются существующими изначально в силу природы вещей. Именно этот постулат лег в основу стратегии правозащитного (диссидентского) движения в советской России и Восточной Европе последней трети XX в., отстаивавшего ценности либерализма в рамках формального требования к власти соблюдать собственную конституцию²⁴.

Правовое государство и личность

Стержневым компонентом идеологии конституционализма стала концепция правового государства, в трактовке которого в начале XX в., как и на современном этапе, отражаются основные линии политических противоречий. Либеральная концепция правового государства включает принципы разделения гражданского общества и государства, выражающего их частного и публичного права, обеспечения основных прав граждан, как области, автономной или даже полностью независимой от государственного вмешательства и административно-полицейского контроля²⁵. В соответствии с этим основная функция государства состоит в сохранении и защите данной политико-правовой системы. Гарантии прав личности, собственности и гражданской свободы закрепляются в новых принципах государственного устройства – создания новой избирательной системы, введения институтов народного представительства, независимого судопроизводства, определенной автономности политических партий и прессы. Реализация этих принципов в начале XX в. фактически означала переход от сословно-абсолютистской модели общественного устройства к либерально-демократической в форме конституционной монархии, а затем к президентской или парламентской республике²⁶. С юридической точки зрения реализация принципов правового государства означает прежде всего верховенство конституционного права и законодательных прерогатив парламента над законодательными прерогативами исполнительной власти, установление контроля над бюрократией, которая должна в идеале стать не более чем рациональным инструментом реализации законодательно выраженных интересов общества. Политически реализация данного принципа означает, что важнейшим критерием легитимности власти является соответствие ее действий конституционному законодательству (а не только политической целесообразности). Правовое государство, таким образом, – это государство, которое в соответствии со своей конституцией обязано осуществлять право, принятое путем народного волеизъявления или народным представительством, не нарушать это право в своей собственной деятельности и подчиняться контролю независимого суда (в рамках теории разделения властей).

Современные российские споры о правовом государстве в принципе соответствуют тем направлениям, которые представлены в классической юриспруденции. Они отражают, во-первых, различие философских концепций права и нравственности, соответственно усматривая в правовом государстве этический идеал, нормы позитивного права, отражающие социально-психологические или поведенческие стереотипы общества или, скорее, эффективную социологическую конструкцию, представляющую реа-

лизованный выбор данной эпохи. Во-вторых, масштаб понятия отражает столкновение идеологических установок общественных движений – либералов-западников, консерваторов-почвенников и прагматиков-реалистов, заимствуя у них основные аргументы (принятие западной модели правового государства, отказ от нее во имя сохранения «самобытности» или создание гибридных модификаций). Исходя из этого, типология форм правового государства делает акцент на различные содержательные компоненты, различая либеральное правовое государство (провозглашение верховенства законов, принципа разделения властей и индивидуальных свобод); демократическое правовое государство (дополняющее концепцию широким правом политического участия) и социальное правовое государство (включающее принципы социальных гарантий и их реализации); или, наконец, привнося в данное понятие элементы социальной демократии, национализма или экологических доктрин, порожденных современными конституционными спорами (в том числе связанными с биологическими, экологическими и информационными правами третьего и четвертого поколений). В-третьих, различие позиций определяется стратегией построения правового и конституционного государства, причем ключевое значение приобретает соотношение двух этих близких понятий. В рамках одного подхода правовое государство – это «понятие по существу метаюридическое», которое охватывает элементы постоянные и изменчивые, а также представления о целях и средствах их достижения. Второе понятие – «конституционное государство» – означает реализацию идеала правового государства в исторически и юридически обусловленных рамках конкретного общества. Иначе говоря, соотношение между двумя понятиями напоминает соотношение между идеалом (недостижимым именно в силу своего абсолютного совершенства) и реальностью позитивного права (представленной конкретными юридическими нормами, устанавливающими четкую грань между абсолютистским и конституционным типами государств)²⁷. Напротив, другой подход не проводит различий двух понятий и не разделяет их во времени. Правовое (конституционное) государство, исходя из этого, есть скорее инструментальное понятие – «государство, которое в своих отношениях к подданным связано правом, подчиняется праву, иными словами – государство, члены которого по отношению к нему имеют не только обязанности, но и права, являются не только подданными, но и гражданами»²⁸. Совокупность гарантий прав индивида со стороны государства – это конституция. Государство, подчиняющееся нормам права – есть конституционное государство. Это означает, что реализация идеала правового государства возможна как непосредственное решение практической политической задачи – введения конституционного строя.

Концентрированное выражение данных теоретический подход получил в доктрине субъективных публичных прав. Найдя теоретическое обоснование в германской правовой мысли (в трудах Р. фон Иеринга и Г. Еллинека)²⁹, она перешла в российскую юриспруденцию. Если в абсолютистском государстве индивид есть лишь объект власти, то в правовом (или конституционном) – он становится ее субъектом, превращаясь из подданного в полноправного гражданина. Соответственно он становится субъектом определенных публичных обязанностей и прав. Эти права имеют два измерения – объективное (фиксирующее границы вмешательства государства в жизнь индивида) и субъективное (содержащее права индивида в отношении государства). Особое значение имеет второе измерение, поскольку именно оно закрепляет новую реальность положения человека в государстве и дает ему возможность отстаивать свои права по отношению к власти в судебном и административном порядке³⁰. Концепция субъективных прав имела практическое значение для классификации конституционных прав, создания конституционной и административной юстиции³¹. Идея неотъемлемых прав личности сохраняла свое значение и в русской постреволюционной эмиграции³².

В контексте правовой идеологии русского либерализма сформулированы следующие актуальные сегодня парадигмы: правовой дуализм как выражение раскола ценностных представлений о праве (обсуждение проблемы с позиций естественного права, исторической школы и социологической школы права) (Муромцев, Коркунов,

Новгородцев); преодоление разрыва правосознания и позитивного права как основа выхода из социального кризиса (Петражицкий), концепция гражданского общества и правового государства, рассмотренная с позиций как национального (Кокошкин), так и международного права (Котляревский); доктрина субъективных публичных прав – основополагающий ориентир при проведении социальных и политических преобразований; модель отношения права и силы в публичном праве как теоретическая схема конфликта демократии и авторитаризма (Гессен); теория переходного периода и легитимности власти, а также выработка отношения к экстремистским течениям (Б.А. Кистяковский)³³. Обсуждение этих центральных вопросов на современном этапе не только не утратило актуальности, но выявляет принципиальное различие позиций (четко проявившееся, например, в текущих дискуссиях, приуроченных к столетию сборника «Вехи»)³⁴.

Концепция переходного периода от авторитаризма к демократии

Цельная концепция переходного периода от авторитаризма к демократии, сформулированная в политической теории русского конституционализма, дает ответы на большинство вопросов, поставленных в литературе о переходных процессах во второй половине XX в., и определенно сохраняет актуальность в постсоветский период. Эта концепция включала трактовку соотношения общества и государства в революционные периоды; модернизации в правовых и неправовых формах; концепцию социальной революции и реформы; конституционного кризиса и двух способов его разрешения (конституционная революция и конституционная реформа); демократии и авторитаризма.

Существо конституционного кризиса предстает как противопоставление права (выражения нравственного идеала) и силы (не опирающейся на нравственную основу). Между ними возможны три различных комбинации: перерождения права в силу (в результате чего право становится бессильным и происходит утверждение авторитаризма); превращение силы в право (когда происходит легитимация существующего порядка вещей) и, наконец, столкновение одной силы с другой, когда каждая претендует на то, что является правом (на деле не являясь им в момент столкновения). Такая ситуация возникает в условиях революции, когда происходит столкновение силы, «которая была правом», с силой, «которая хочет им стать». Отсюда – возможность различного вклада революций в развитие права: революция преступна, когда она посягает на живое право, но социально приемлема, когда она устраняет отжившее право. Именно эта, третья модель, положена в основу интерпретации изменения права в условиях российской конституционной революции 1905 г., результатом которой, как считали либералы, стал переход от старого права к новому, от абсолютизма к конституционной монархии (с изданием Манифеста 17 октября 1905 г.)³⁵.

Разграничение понятий социальной и конституционной революций – ключевой элемент стратегии правовых реформ. Либеральная программа исключала социальную революцию, предполагая, что социальные преобразования должны осуществляться правовыми методами. Однако, при решении конституционного вопроса в русском либерализме присутствовали различные стратегии – конституционной реформы и конституционной революции. Понятие конституционной революции принципиально отличалось от понятия социальной революции тем, что затрагивало исключительно сферу правового регулирования (такие изменения конституции, которые делаются с вынужденным нарушением положений предшествующего основного законодательства). Обосновывая новую программу политического переустройства, либералы в принципе отстаивали реформационную стратегию против революционной, допуская последнюю лишь в ограниченной степени (не социальная, а именно конституционная революция).

В условиях революционного кризиса 1905–1907 гг., а позднее Февральской революции 1917 г., две линии – умеренная и радикальная обозначились очень четко внутри

самой Конституционно-демократической партии. Они изначально существенно расходились в решении вопроса о стратегии политических преобразований – темпах, средствах и способах достижения цели: постепенное введение конституционной системы на основе земского самоуправления или немедленное введение конституции. Решение главной проблемы – проводить политическую реформу снизу (через земства) или сверху (путем инициативы центральной власти) – определило различные концепции движения к правовому государству³⁶. Спор умеренной (С.А. Муромцев, В.А. Маклаков)³⁷ и радикальной (П.Н. Милюков, Ф.Ф. Кокошкин)³⁸ тенденций включал следующие позиции: должна ли будущая конституция быть дарованной (октроированной) верховной властью или договорной – принятой в результате народного волеизъявления; следует ли для ее принятия ограничиться согласием монарха или необходим созыв Учредительного собрания; какой тип Конституанты нужен России – созываемый по инициативе верховной власти и под ее контролем или формируемый на основе всеобщих выборов и выражающий волю народа. Вопрос о стратегии переходного периода (договорная модель или модель разрыва), стал актуален в период Первой российской революции в связи с отношением к идее сотрудничества с монархией и возможности создать коалиционное правительство под эгидой власти (три попытки создания такого ответственного правительства закончились неудачей)³⁹, обсуждением избирательной системы (спор между европейскими и российскими теоретиками конституционализма о целесообразности и возможности введения всеобщего избирательного права в аграрной России)⁴⁰; разработкой принципов парламентской деятельности, организации политических партий и отношением к экстремистским партиям (М.Я. Острогорский)⁴¹; выяснением применимости западных политических технологий конституционных реформ. В 1905, а затем в 1917 г. ключевыми были вопросы о соотношении монархического и народного суверенитета; необходимом масштабе конституционных ограничений власти главы государства и перспективной форме правления (конституционная монархия или республика, ее варианты).

Обсуждение проблем учредительной власти в условиях конституционных революций 1917 г. и 1993 г. включает сходства и различия. Сходство определяется тем, что в обоих случаях кризис был разрешен конституционной революцией, но не реформой. Различие – в юридических основаниях и технике разработки и принятия новой конституции. Если в первом случае была заимствована французская модель Конституанты (Третьей республики), которая при всей демократичности была трудно реализуема в условиях революции, то во втором – Учредительное собрание так и не было создано. Первоначально доминировала идея политических реформ, осуществляемых путем конституционных поправок к действовавшей тогда советской конституции 1977 г. Инициатива введения новых политических институтов исходила от верховной власти и имела сходство с октроированной моделью реформы. С развитием кризиса политической системы выяснилась недостаточность стратегии реформ. Конституция 1993 г. была принята в результате конституционной революции (переворота) и легитимирована народным волеизъявлением (всенародным голосованием) и последующими выборами. Сопоставление либеральных проектов «Основного закона Российской империи» в редакции 1906 г. и проектов современной российской конституции позволяет выявить конфликтность позиций умеренного и радикального либерализма, отразившуюся как в решении содержательных вопросов, так и в организации подготовительных работ и наравлениях применения юридической техники.

В целом идеи, сформулированные в период российских революций начала XX в., оказались вновь актуальны в условиях конституционного кризиса периода перестройки и, особенно, 1991–1993 гг., заложив основу дебатов по всем ключевым вопросам – соотношения конституирующей и конституционной власти (необходимость созыва Конституанты или решение вопроса путем внесения поправок в действующую конституцию 1977 г.), возможности конституционной революции и конституционной реформы (стратегия последней оказалась вновь невостребованной), модели отношения интеллигенции к власти (вопрос о сотрудничестве с правительством «старого» порядка). Если

в условиях революции начала 1917 г. либерализм вынужден был отступить, то в конце XX в. произошло возрождение его идей, а вклад либеральных принципов способствовал выходу из тупика однопартийной диктатуры. В целом, однако, договорный транзит от авторитаризма к демократии оказался невозможен как в начале, так и в конце века, определив разрыв правовой преемственности, принятие новых конституционных правил в результате переворота и последующую тенденцию российской политической системы к авторитаризму в обоих случаях.

Правовая преемственность при проведении социальных реформ – основное условие их легитимности. Правовые гарантии права собственности – важнейший элемент гражданского общества и правового государства. Однако очень трудно обеспечить это право в условиях, когда страна стоит перед необходимостью изменения традиционалистских отношений собственности и большая часть населения отрицает их историческую легитимность (как было в начале XX в. и на его исходе). Мы рассмотрели эту проблему в специальном исследовании о проектах аграрных реформ, констатируя сходство тех проблем, с которыми (хотя и в разном социальном окружении) сталкивались реформаторы периода Столыпина и современные инициаторы земельных реформ. Легитимное решение проблемы предложил либерализм, который в России включал как последовательных сторонников частной собственности, так и плюрализма ее форм. Оно состоит в реализации концепции защиты частной собственности при сохранении ее социальных функций, – принцип, закрепленный в программных документах либералов начала XX в. и в современной российской конституции (ст. 35 Конституции РФ 1993 г.) – в соответствии с мировой практикой либерального конституционализма. Этот подход положен в основу разрешения земельного вопроса в России (ст. 36 Конституции 1993 г.). В либеральной мысли (Петражицкий, Новгородцев) было проанализировано явление правового дуализма и предложена технология его преодоления – осуществление рациональной кодификации гражданского права. Формы собственности на землю, согласно данной логике, могут быть многообразны, частная собственность – вполне легитимна, а ее отчуждение возможно только на основе справедливой компенсации. Таким образом, защита собственности как важнейший либеральный приоритет не исключает перераспределения имущества в ходе реформ, но позволяет осуществить это правовым путем (с предоставлением справедливой компенсации собственнику) и с сохранением целевого назначения собственности (отсюда – острота дискуссии по вопросу о размерах справедливой компенсации и критериев ее определения). Различие позиций по этим вопросам связано с дифференциацией классического либерализма и неолиберализма на рубеже XIX–XX вв., позиции которых воспроизводятся в постсоветский период: обсуждением социальных компонентов программы (в частности, вопрос о негативных и позитивных правах); выяснением допустимости государственного вмешательства в экономику и возможной степени такого вмешательства для защиты социальных прав личности (например, при проведении земельной реформы); противоречиями перехода от авторитаризма к демократии (между социальными, национальными, политическими аспектами демократизации), стадиями этого процесса и скачками в нем (различные попытки ускорить реформы).

Конституционный параллелизм и срывы демократического процесса

Выяснение социального содержания и подлинности конституционных гарантий делает ключевым вопрос о возможности правового государства в России. Между абсолютистским и правовым государством, – согласно позиции умеренного либерализма, – нет непреодолимой грани, но есть момент перехода, вхождения в новое состояние. Это переходное состояние, однако, может составить целую эпоху, а его результат, учитывая неподготовленность общества, отнюдь не является predetermined. Эта логика в прошлом и настоящем часто ведет к откатам демократических реформ, что выражается в циклическом характере смены периодов подъема и падения конституционализма (смена фаз деконституционализации, конституционализации и реконституционализа-

ции). Они представлены в больших циклах российского конституционализма, заканчивавшихся до сих пор установлением конституционного параллелизма – разрывом формальной и реальной конституции, определяющей содержание авторитарной системы.

Учитывая логику развития российской политической системы, важно отказаться от линейной концепции перехода к демократии, принимать во внимание возможность срывов демократического процесса, реставрационных тенденций и консолидации власти в авторитарных формах – номинального и мнимого конституционализма. Сопоставление моделей реального и мнимого конституционализма – пример применения данного метода при анализе перехода от абсолютизма к конституционной монархии в начале XX в., – сохраняет свое значение при изучении постсоветского конституционного строя. Проблема соотношения реального и мнимого конституционализма – не есть исключительно российская специфика, однако, она актуализируется в России на переходных стадиях (когда возникает стремление соединить ценности демократии с устойчивостью и восстановлением «управляемости» политической системы). Конституционное «нетерпение» – психологическое состояние, вполне понятное в эпохи революций: оно присуще либеральным радикалам, позиция которых становилась более жесткой по мере разворачивания кризиса системы «старого» порядка (в новейшее время эта эволюция прослеживается в аналогичном изменении позиции Межрегиональной депутатской группы в отношении курса М.С. Горбачева). Главная особенность переходного конституционного строя в обоих случаях начала и конца XX в. – усматривается в противоречии между выдвижением народного суверенитета и трактовкой прав человека, с одной стороны, и достаточно авторитарной моделью исполнительной власти, ставящей главу государства над системой разделения властей, – с другой. Сохраняющиеся тенденции к авторитаризму в современной конституционной системе понятны в исторической ретроспективе.

Срывы переходного периода – исключительно важная проблема для современности. Эта проблематика включает вопросы конституционной цикличности, изменения политического режима (при общей слабости парламентаризма, партий и общественных движений), типологии президентских режимов. Политическая теория русского конституционализма не только раскрывает основные элементы теории правового и конституционного государства, но содержит сравнительный анализ его параметров в различных странах мира, трудностей, с которыми сталкивается их конструирование в переходный период, особенно в России начала XX в., а также возможных ошибок и провалов на этом пути, к которым относятся различные варианты реставрации авторитаризма. К последним принадлежит попытка реализовать «отвратительный лозунг диктатуры пролетариата» (В.М. Гессен)⁴². Именно эта идея стала легитимирующей основой большевистского переворота 1917 г., получив формальное закрепление в Конституции РСФСР 1918 г., закрепившей диктатуру как форму правления⁴³. Диктатура пролетариата — термин К. Маркса, неопределенно использованный им в смысле утверждения классового господства в постреволюционный переходный период. Интерпретация данного понятия как реальной формы правления (основанной на неограниченной, диктаторской власти революционного государства и партийного авангарда) была дана Лениным и стала обоснованием необходимости ликвидации демократических институтов и массового террора. Официальная советская идеология использовала неопределенность понятия диктатуры пролетариата, наполняя его различным политическим содержанием в периоды усиления репрессий или ограниченной либерализации режима.

Концепция советского конституционализма, как вполне номинального, получила развитие в русской эмигрантской правовой литературе. В ней было показано, что политическая система, созданная Конституцией 1918 г. и Конституцией СССР 1924 г., представляет собой прямую противоположность либеральному конституционализму. Отличительные черты первых советских конституций усматривались, во-первых, в их идеологической природе (идеология поставлена над правом); во-вторых, в ограниченном, фактически сословном, характере избирательного права, которое оказывалось неравным (поскольку было предоставлено низшим социальным слоям при исключении

всех прочих), непрямым (при многоступенчатой системе выборов в советы, в частности, введении «двухклассной» системы для крестьян) и нетайным (в силу политического контроля, безальтернативности и предсказуемости выборов); в-третьих, в неэффективности советов как органов государственной власти (возникших как институты социальной мобилизации и перераспределения собственности и очень скоро выявивших свою неспособность к осуществлению функций реального управления); в-четвертых, в формальном отрицании принципа разделения властей в рамках концепции так называемого «работающего правительства», т.е. фактической диктатуры; в-пятых, в сосредоточении всей реальной (и неконституционной) власти в руках коммунистической партии, точнее – ее верхушки, которая, не будучи упомянута в тексте Основного закона, в условиях чрезвычайного положения оказалась вне всякого конституционного контроля. Это позволяло интерпретировать советскую политическую систему как новую разновидность абсолютизма, противостоящую правовому государству (Б. Миркин-Гуцевич)⁴⁴, сравнивать ее, как предлагал Н.С. Тимашев, с итальянским фашизмом, а ее исторические прототипы, за неимением современных аналогов, усматривать в римском принципате, средневековой теократии или правлении японского микадо⁴⁵. Задача юридической науки, исходя из этого, – усматривалась в разработке такой стратегии преобразований, которая способна была бы реализовать идеал правового государства в постсоветский период без радикальных революционных потрясений.

Государственное устройство: автономия и федерация

Национальное и государственное единство страны согласно либеральной программе конституционализма есть безусловный приоритет и должно быть обеспечено не внешним принуждением, но созданием социального и национального консенсуса в обществе (то, что мы назвали бы сейчас гражданской нацией). При таком подходе сильная центральная власть оказывалась совместима со значительной децентрализацией, признанием областных и национальных своеобразий и региональных законов. Выход усматривался не в выборе в пользу одной из чистых форм – федерализма или унитаризма, а в постепенном и растянутом во времени процессе предоставления статуса автономий территориям, которые достигли соответствующей культурной и правовой зрелости, причем, позднее не исключалось превращение автономий в субъекты федеративного государства. Поиск оптимальных форм государственного устройства и соотношения централизации и децентрализации (федерализм, различные виды автономии, административной и функциональной децентрализации), ключевую роль в котором играли Ф.Ф. Кокошкин и С.А. Котляревский, привел первоначально к отказу от федерализма. Во всяком случае, создание федерации по национальному признаку (который отстаивали левые партии) представлялось ошибочным и неэффективным путем, поскольку данная модель «в своем последовательном развитии привела бы к полному разрушению государственного единства России и к установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)»⁴⁶. В качестве первоочередной выдвигалась идея автономии и областного представительства. Временное правительство, теоретически допуская возможность принятия такого решения Учредительным собранием, отказалось до его созыва удовлетворить просьбу Украинской Центральной рады о предоставлении автономии⁴⁷ и не пошло на расширение прерогатив Финляндского Сейма⁴⁸.

Позднее (в постреволюционный период) концепция федерализма была принята либеральной мыслью, однако в трактовке, отличной от советской: во-первых, субъекты федерации не привязывались к нациям, а тем более этносам; во-вторых, исключалось право сепарации (юридически неуместное для федеративного государства); в-третьих, приоритет отдавался защите гражданских индивидуальных прав, а не национальных меньшинств. Федеративная система в России после свержения большевизма признавалась «возможной, желательной и необходимой» (С.А. Корф), а альтернатива ей определялась как продолжение имперской экспансии, в частности на территории, ставшие

независимыми государствами⁴⁹. Осуществление федерализма предполагало введение двухпалатного парламента, верхняя палата которого должна выражать интересы субъектов федерации, и независимой судебной власти, способной разрешать конфликты Центра и регионов путем толкования конституции и регионального законодательства. Решение усматривалось (М.М. Винавером) в предоставлении субъектам федерации максимальной самостоятельности при сохранении за центром единого контроля над объединенными вооруженными силами, иностранной политикой и финансами. Институты парламентаризма, следуя данной логике, получают реализацию не только в центре, но и в регионах. Для контроля за применением конституционного законодательства в этой области вводится институт представителей центральной власти на местах. Конфликты, затрагивающие интересы центральной или местной власти должны рассматриваться в судебном порядке – Верховным судом, организованным по образцу существующего в США⁵⁰.

Либеральная критика советской концепции федерализма (Котляревский, Тимашев) сохраняет свое значение до настоящего времени. Она указывала на то, что важнейший принцип советского конституционализма – «право наций на самоопределение вплоть до отделения» (закрепленный в Конституции 1924 г. и представленный затем в советских конституциях 1936 г. и 1977 г.⁵¹) – является юридически бессмысленным в федеративном государстве. Он составляет принцип конфедеративного, а не федеративного политического образования: СССР, следовательно, не являлся федеративным государством даже с формально-юридической точки зрения (не говоря о фактическом положении дел)⁵². В перспективе (при ослаблении партийной диктатуры, цементирующей систему номинального конституционализма) принцип самоопределения, – считали либеральные конституционалисты, – может привести к распаду государства. Этот прогноз получил полное подтверждение на исходе XX в. в период распада СССР, когда слабеющий Центр столкнулся со стремлением союзных республик к независимости, которая была гарантирована ст.72 Конституции СССР 1977 г., гласившей, что за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР⁵³. В постсоветский период, когда выяснилась неэффективность ленинской трактовки федерализма, поиск оптимальной конструкции федерализма идет фактически по линии принятия либеральных рекомендаций. Некоторые из них сформулировал Котляревский: «Когда централисты указывают, что в федеративном государстве проще решать дела и издавать законы из центра, они отрицают самый смысл федеративного устройства»⁵⁴. Еще в 1920-е гг. он подчеркивал необходимость реформирования советской модели федерализма, фиксации его финансовой и бюджетной составляющей, развитие институтов самоуправления, преодоления юридических и административных диспропорций⁵⁵. Современные дебаты о реформировании федерализма включают все эти темы: определение конституционной модели федерализма; преодоление асимметричности существующей модели; изменение соотношения национальных и социально-экономических границ субъектов и возможности их пересмотра; бюджетный федерализм, федеральная интервенция, выборность (или назначение) губернаторов.

Другой стороной той же проблемы является вопрос о структуре парламента, бикамерализм – трактовка двухпалатности. Сюда относится решение вопроса о том, должен парламент состоять из одной или двух палат (в отличие от Милюкова Кокошкин выступал сторонником двухпалатной системы, но не выводил бикамерализм из федеративного устройства, связывая важность верхней палаты скорее с функцией законодательного фильтра)⁵⁶. Далее – обсуждение вопроса о том, должен бикамерализм быть сильным, слабым или умеренным (в соответствии с различиями в мировом опыте и российскими условиями), что из себя должна представлять верхняя палата – быть палатой федеративного государства (как это было номинально зафиксировано после революции советской Конституцией 1924 г., введившей Совет национальностей ЦИК СССР⁵⁷), представлять земства (как предполагал Муромцев в своем конституционном проекте) или выступать в качестве административного института (как Государственный совет Российской империи). Троекратный порядок изменения процедуры формирования Совета Федерации

(и воссоздание Государственного совета) в этом контексте – есть поиск оптимальной модели бикамерализма в постсоветской России. Этот поиск, как показывают текущие инициативы по реформированию верхней палаты, в том числе выдвинутые с принятием новейших поправок к Конституции 1993 г. – далек от завершающей стадии⁵⁸. Он отражает незавершенность российского федерализма, чрезвычайно различные видения его перспектив и возможностей политической организации в рамках верхней палаты.

Форма правления и тип политического режима

Концепция суверенитета и разделения властей определялась либеральной теорией правового государства, но включала различные трактовки этих понятий. Различия были связаны, во-первых, с определением существа государственной власти (договорная теория, теория государства как юридического отношения или лица, социологические теории государства и власти); во-вторых, интерпретацией суверенитета (монархического или народного) и его реализации в публичном праве; в-третьих, различиями в трактовке разделения властей (понятия разделения властей, их равновесия или распределения функций). Два основных принципа современного конституционализма – народного суверенитета и разделения властей, – разрабатывавшиеся философами и положенные в основу политической практики времен Американской и Французской революции, а затем составившие основу современного конституционного права, нуждались в корректировке с позиций исторического опыта. С одной стороны, договорная теория суверенитета в ее трактовке Руссо теоретически могла служить не только обоснованием представительного строя, но и диктатуры якобинского типа: метафизический характер теории народной воли и заложенная в ней концепция подчинения вели к установлению тирании большинства и подавлению индивидуальных свобод. С другой стороны, теория разделения властей Монтескье, в ее буквальной трактовке, могла оказаться (и часто оказывалась) препятствием при формировании дееспособного правительства, вести к дестабилизации политической системы, особенно в условиях революционного кризиса переходного периода. Наконец, с третьей стороны, существовали доктринальные и практические трудности согласования этих двух принципов: жесткая трактовка теории народного суверенитета означала отказ от представительного правления (поскольку народ должен непосредственно осуществлять власть) и недопустимость разделения властей (поскольку суверенитет неделим) – конструкция, реализованная Конвентом; напротив, концепция представительного правления и разделения властей могла означать последовательное делегирование полномочий от народа – парламенту и от него – правительству, что в конечном счете могло привести к установлению режима личной власти (как это было продемонстрировано бонапартизмом, в политической системе которого народ оказался представлен одним лицом – Первым Консулом)⁵⁹.

Решение этих трудных теоретических вопросов в условиях формирования конституционной демократии в России предполагало корректировку обоих принципов – отказ от жесткой трактовки народного суверенитета (через принятие идеи представительного правления) и столь же жесткой трактовки разделения властей (путем интерпретации его как «уравновешения властей»). В этой новой интерпретации учитывались следующие моменты: во-первых, механистическая концепция разделения властей противоречит принципу единства государственной власти (или суверенитета); во-вторых, опасность представляет отождествление властей с определенными социальными элементами общества (народным представительством, аристократией и монархом); в-третьих, нельзя смешивать в одном термине разделение органов власти и функций власти (т.е. формальные и материальные критерии подразделения). В этом споре учитывались и другие аргументы: трудность практического осуществления разделения властей и возможное ослабление исполнительной власти. Разделение властей, поэтому, предлагалось понимать скорее как «обособление» или «распределение» властей, но не их механическое равенство⁶⁰. Более радикальный подход к решению этой проблемы

был представлен теми юристами, которые вообще предлагали отказаться от доктрины разделения властей. Они (как Кистяковский и А.С. Алексеев) мотивировали свою позицию защитой парламентского суверенитета. Согласно этой позиции, парламентская система (как она реализована в Великобритании) представляет прямую противоположность системе разделения властей; система жесткого разделения властей, даже будучи конституционно зафиксированной, фактически не действует на практике (например, в США, где законодательная и исполнительная власть действуют совместно в комиссиях Конгресса), а попытки ее реализации ведут к революциям и частым государственным переворотам (как это неоднократно было продемонстрировано во Франции, а затем в странах Латинской Америки, заимствовавших принцип разделения властей из Конституции США). Необходимо, поэтому, – считали они, – не разъединение властей, а напротив – их «объединение путем парламентской системы правительства»⁶¹. Отсюда – формула разделения функций власти.

Причина столь жесткого неприятия формулы Монтескье заключается в предпочтении русскими либералами монистического парламентаризма перед разделенным правлением. Полновластие парламента (реализованное в Великобритании и во Франции периода Третьей республики) являлось для них высшим выражением демократизма, а возможные ограничения парламентаризма (например, в президентской системе США) – выступали как отступление от магистральной исторической тенденции. Это отстаивание монистического парламентаризма – вполне в духе времени, не учитывало тех негативных следствий данной системы, которые стали очевидны позднее, в эпоху кризиса парламентаризма в Европе межвоенного периода. Тем не менее, данная концепция повлияла на позицию в отношении российских реформ: их продолжение связывалось прежде всего с концепцией ответственного (перед Думой) министерства. Отсюда решение центрального вопроса – о желательной форме правления вообще и в российских условиях в частности (монархия или республика), а в дальнейшем определение характера будущего республиканского режима – должен он быть парламентским, президентским или смешанным. Русский либерализм рубежа XIX–XX вв. (как и западный того же времени) отождествлял демократию с парламентским режимом, который исторически мог быть реализован в форме конституционной (парламентской) монархии или парламентской республики. Именно в этом направлении парламентского режима с президентом, избираемым законодательной властью осуществлялась корректировка программы Конституционно-демократической партии в 1917 г.⁶²

Данная корректировка основных принципов классической доктрины конституционализма – народного суверенитета и разделения властей – имела принципиальное значение в условиях российского перехода к демократии, который колебался между демагогическими призывами всеобщего равенства и отмены государства (в коммунистических и анархистских учениях) до установления жесткой монархической диктатуры (в учениях консерваторов и сторонников сохранения самодержавия). В этом контексте решающим оказывался вопрос о форме правления – монархия или республика. Типы монархий (абсолютистская, дуалистическая и парламентская) анализировались с позиций тех политических режимов, которые могут прийти им на смену (президентская, смешанная или парламентская республика). Ключевой вопрос о том, кто должен быть гарантом конституции – парламент, президент или конституционный суд – решался первоначально в пользу первого, но в постреволюционный период – в пользу последнего: создание Конституционного трибунала в целях защиты конституционности законов – интерпретировалось как принципиальная инновация в «юридическом зодчестве», представленная впервые в Чехословацкой конституции 1918 г.⁶³ Если теоретически предпочтение отдавалось парламентской монархии или парламентской республике, то в период Гражданской войны и после нее обсуждалась также модель смешанной формы или президентской республики: инструктивным примером выступала Конституция Веймарской республики 1919 г. От либеральных аналитиков, как, например, Б.Э. Нольде, определившего ее как «один из классических образцов мировой политической архитектуры», не укрылись такие ее особенности, как ограниченный характер

федерализма, опасно широкая роль общенациональных референдумов, а также отличие конструкции разделения властей от парламентской (французской) модели, выразившееся в институте сильной президентской власти (как в отношении ее прерогатив, так и избрания президента на общенациональных выборах, а не парламентом) – факторов, способствовавших формированию плебисцитарного режима⁶⁴. С этих позиций обсуждались проблемы, ставшие актуальными для переходных режимов послевоенной Европы: феномен конституционного параллелизма, революционные перевороты в праве и выход из них (путем подавления модели советского типа с помощью режима президентской диктатуры).

В период острого революционного кризиса либералы не исключали установления сильного президентского режима, даже поддерживали идею временной единоличной диктатуры (бонапартизма), которую рассматривали как возможный противовес большевистской однопартийной диктатуре. Данная концепция была сформулирована наиболее четко в Веймарской республике К. Шмиттом⁶⁵, но представлена ранее в русской политической мысли периода Гражданской войны (Новгородцевым, Милюковым и другими)⁶⁶. Принципиальное значение имеет юридический подход к разделению двух типов диктатур. Их классификация, в отличие от марксистской, не основывалась на социальной (классовой) природе данных режимов, а проводилась по критерию правовых оснований приобретения диктаторских полномочий, их юридических рамок, а также соответствующих функций в обществе. Один из этих типов определялся Шмиттом понятием «суверенная диктатура», где диктаторские полномочия предоставлялись конституирующей (учредительной) властью. В задачу данного типа диктатуры (примеры: революционное Национальное собрание Франции и «диктатура пролетариата» в России) входило установить новую конституцию вместо старой (что осуществлялось путем разрыва правовой преемственности). Сохраняя формальную зависимость от воли доверителя (нации или «пролетариата»), данный тип диктатуры фактически не мог быть ограничен правовым путем в силу факта самообретения власти (или, точнее, ее узурпации). Этот тип диктатуры, следовательно, был направлен на революционное разрушение общества. Его опасность состояла, прежде всего, в выведении политической власти из-под правового контроля, превращении ее в тиранию (причем в аутентичном античном понимании). Действительно, реальный носитель власти – коммунистическая партия – отсутствует в первых двух советских конституциях и впервые упоминается только в Конституции 1936 г., оставаясь реальным и бесконтрольным носителем власти. Другой тип диктатуры «комиссариатская диктатура» – был назван так потому, что диктаторская власть наделялась полномочиями конституированной (т.е. существующей и законной) властью. Эта диктатура, известная с римских времен, была характерна для абсолютистских монархий и нашла наиболее четкое выражение в бонапартистской модели власти (периода консульства). Смысл диктатуры данного вида состоял не в изменении, а в сохранении существующей конституции путем временного приостановления действия ее статей. Ее легитимирующим основанием становился не классовый принцип, а идея национального возрождения. Это был, следовательно, чрезвычайный режим, нацеленный на защиту *status quo*. Данная конструкция была призвана обосновать временное ограничение конституционных прав во имя сохранения конституции как целого перед лицом сил, вообще отрицающих ценность права. Именно эта конструкция лежала в основе позиции конституционных демократов, когда они противопоставляли идею большевистской диктатуры (зафиксированной в Конституции 1918 г.) модель диктатуры бонапартистского типа в лице Корнилова, Колчака или Деникина⁶⁷.

Как в начале XX в. (в ходе Первой русской революции), так и в его конце реализовалась модель конституционного устройства, вводящего слабый парламент и сильную власть главы государства. В постсоветский период Конституция 1993 г. ввела смешанный политический режим французского образца (в его голлистской интерпретации периода Пятой республики), который, однако, получил трактовку, позволяющую ему функционировать в качестве президентского или даже сверхпрезидентского режима. Режим, созданный в результате конституционной революции 1993 г., во многом напо-

минал систему, сложившуюся в России после революции 1905 г., а Конституция 1993 г. оказалась поразительно схожей с «Основными законами Российской империи» в редакции 1906 г. в том, что касается статуса парламента и прерогатив главы государства⁶⁸. Данная система, определившаяся как «мнимый конституционализм», не была, однако, тоталитарной: в обоих случаях она означала несомненный шаг вперед в принятии принципов правового государства и разделения властей (однозначно отвергавшихся как абсолютистской, так и советской юридической доктриной и конституционной практикой). Именно Конституция 1993 г. юридически зафиксировала принцип разделения властей (ст. 10), сделал это впервые в российской истории. Идея восстановления полноценного парламентско-президентского режима вполне соответствует логике проектов российского либерализма, позволяя осуществить в перспективе его лозунг об ответственном правительстве. С этих позиций актуален анализ дуалистических систем в истории, причин их неустойчивости; переворотов в них, а также других особенностей российских переходных режимов – прерогатив главы государства, соотношения указа и закона (Жоркунов), института исключительного положения (Гессен), указного права главы государства и контроля за его применением, границ делегированных полномочий администрации (Н.И. Лазаревский)⁶⁹. Как в старой, так и в современной литературе критики обращают внимание на феномен параллельной конституции – изменения и преобразования конституции путем ее толкования и интерпретации. Дискуссия о том, являлись ли Манифест 17 октября 1905 г. и последующие Основные законы 1906 г. – полноценной конституцией или представляли собой скорее документы мнимого конституционализма (Милоков, Котляревский, Струве, Кистяковский, Гессен) – не привела к однозначному решению⁷⁰. Но его не существует и в отношении современного конституционного строя (который определяется как направляемая демократия, параконституционализм, авторитаризм и даже латентная монархия). Поправки, принятые к Конституции 1993 г. в 2008 г., очевидно, не только не останавливают, но еще более укрепляют данный вектор развития конституционализма, вплотную подводя к реализации модели имперской президентской власти⁷¹.

Конструкция центрального и местного управления, а также роль самоуправления – оригинальный самостоятельный элемент либеральной программы. Первые политические организации либералов – кружок «Беседа», а затем две ведущие либеральные организации – «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов» – исходили из того, что единая либеральная партия должна формироваться на основе земского ядра и сохранять земские традиции в своем развитии. Сюда относятся специально разработанные созданной в 1906 г. ЦК Кадетской партии Комиссией о местном самоуправлении предложения о реформе местного управления и самоуправления – пересмотр положения о земских учреждениях, городского положения, о мелкой земской единице, о введении земства в неземских губерниях, о реформе местного управления. Эти проекты, хотя и не были реализованы, стали позднее отправной точкой реформационных инициатив Временного правительства в феврале 1917 г. В целом это проект движения к правовому государству через земские учреждения и развитую систему местного самоуправления. Ключевое значение отводилось трем направлениям реформ: первое – мелкая земская единица как самоуправляющийся территориальный союз, состоящий в прямой и непосредственной связи с уездным и губернским земством⁷². Те же идеи проводились на уровне городского управления, в основу реформирования которого предлагалось положить наделение институтов городского самоуправления большей независимостью и более существенными функциями. Второе направление – переосмысление структуры государственного управления в регионах: преодоление чрезмерной концентрации власти в руках назначаемых губернаторов и отсутствия социального и правового контроля над ними. Для реализации идеи законности на региональном уровне предлагалась реорганизация губернаторской деятельности, связанная с разграничением функций надзора и управления. Предлагалось ограничить власть губернатора выполнением исключительно функций сильного и независимого общеправительственного надзора и отобрать у него функции активного управления. Третье – вопрос об ответственности

местных властей перед населением предполагалось решить путем создания административной юстиции, четкой постановки в законе вопросов самоуправления, а также изменения судопроизводственных правил о придании суду чиновников за должностные преступления. В этом контексте информативны предложения об установлении более эффективного правового контроля над исполнительной властью и полицией. Выдвинутая либерализмом концепция рационализации бюрократии включала следующие положения: подъем нравственного уровня чиновничества, укрепления чувства законности, повышение образовательного ценза, требование специальной подготовки как необходимого условия занятия административных должностей, улучшение материального положения служащих, точнейшая законодательная регламентация обязанностей и прав администрации, ограждение населения от произвола и усмотрения чиновников путем установления практически осуществимых и действительных способов привлечения их к ответственности за нарушение служебного долга, ограждение чиновников от произвола начальства посредством усовершенствования дисциплинарного, материального и процессуального права. Эти проблемы не только сохранили свое значение, но стали центральными компонентами современных административных реформ⁷³.

Следуя общей логике либерализма и целей создания гражданского общества и правового государства, можно констатировать целесообразность обсуждения следующих изменений в действующую российскую конституцию: расширение гарантий общественного плюрализма; решение проблем федерализма (более четкое разграничение предметов ведения федерации и субъектов, формирование четких параметров компетенции законодательной и исполнительной власти последних, бюджетный федерализм) и бикамерализма (логика формирования верхней палаты); переход к функционирующей смешанной президентско-парламентской системе; повышение для этого контрольных функций парламента и достижение четкости в распределении полномочий между президентом и правительством (ответственное правительство); укрепление независимости судебной власти и конкретизация полномочий прокуратуры; решение проблем правового обеспечения местного самоуправления в его отношении к органам государственной власти; создание административной юстиции.

* * *

Таким образом, политическая программа классического русского либерализма вполне созвучна задачам постсоветской конституционной борьбы за правовое государство. Она явилась результатом теоретических споров и обобщением практики на всем протяжении существования российского либерализма как самостоятельного политического течения, включая революционные и реставрационные периоды. Следует подчеркнуть, что в отличие от программ всех других политических сил, именно либеральная программа выдвинула наиболее четкую концепцию решения конституционного вопроса, предложив проекты конституции, основанные на международном опыте. В сравнении с другими стратегиями конституционных реформ в современной России (консервативной и леворадикальной) либерализм выступает с наиболее реалистической и прагматической программой. Она включает обеспечение доверия власти и общества; его институциональное выражение в гражданском обществе и правовом государстве. Отметим актуальность обращения к историческому опыту либерализма при решении проблем современной конституционной практики. Конституция 1993 г. вписывается в цикличность российского конституционализма; отражает механизмы реформ и контрреформ, присущие российской истории, а также непрочный баланс демократии и авторитаризма в переходный период. В сравнительно-историческом контексте с ее принятием встали вопросы стратегии и тактики реформ, их проведения на технологическом уровне. В то же время, российские конституционалисты разработали теоретические и технологические подходы к реализации конституционализма в неподготовленной социальной среде. Несмотря на трудности и срывы конституционного развития в России (которые лучше всего объяснены в рамках самого этого направления), именно либеральная

концепция конституционализма стала определяющей при проведении политических преобразований постсоветского периода. Она не только стала основой конституционных реформ на современном этапе, но и содержит значительный потенциал развития в будущем вопреки авторитарным тенденциям российской государственности.

Примечания

¹ 15 лет Российской Конституции // Отечественная история. 2008. № 6.

² Конституционное развитие России. Задачи институционального проектирования. М., 2007.

³ Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в. М., 2000.

⁴ Государственная школа // Общественная мысль России XVIII–XX века. М., 2005. С. 117–119.

⁵ Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004; Российские либералы. М., 2001.

⁶ *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 г. СПб., 1906; *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права // *Градовский А.Д.* Собр. соч. в 9 т. Т. 7–9. СПб., 1901–1904; *Ковалевский М.М.* Общее конституционное право. СПб., 1908; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1–2. СПб., 1909; *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907; *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912; *Гессен В.М.* Теория конституционного государства. СПб., 1914; *Milyoukov P.* Constitutional Government for Russia. N.Y., 1908.

⁷ Конституционное государство. СПб., 1905; Политический строй современных государств. Т. 1–2. СПб., 1905.

⁸ Программа Конституционно-демократической партии // Программы политических партий России. Конец XIX–XX вв. М., 1995. С. 326–333.

⁹ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 318–319, 328–329.

¹⁰ К 90-летию Февральской революции // Отечественная история. 2007. № 6.

¹¹ К 90-летию первой российской Конституции // Отечественная история. 2008. № 2.

¹² «Круглый стол»: «Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания» // Отечественная история. 2008. № 6.

¹³ *Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии права XVI–XIX вв. М., 1918. С. 8; *его же.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902; *Гессен В.М.* Возрождение естественного права. СПб., 1902.

¹⁴ См.: Конституция Европейского Союза: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы с комментарием. М., 2005.

¹⁵ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Ст. 15 п.4 и ст. 17 п. 2.

¹⁶ Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции РФ. М., 2002.

¹⁷ *Петражицкий Л.И.* Социальная революция // Право и общество в эпоху перемен. М., 2008.

¹⁸ *Тимашев Н.С.* Развитие социологии права и ее сфера // *Беккер Г.Б., Босков А.* Современная социологическая теория. М., 1961. С.479–508.

¹⁹ *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права // *Муромцев С.А.* Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004.

²⁰ Проект Основного закона Российской империи и Проект избирательного закона в редакции С.А. Муромцева // Конституционные проекты в России. М., 2000. Док. 41.

²¹ *Rawls J.* Justice as Fairness. A Restatement. Cambridge (Mass.), 2003.

²² *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. L., 2006.

²³ *Macintyre A.* After Virtue. University of Notre Dame Press, 2003.

²⁴ *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1978.

²⁵ *Гессен В.М.* О правовом государстве. СПб., 1906.

²⁶ Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999.

²⁷ *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.

²⁸ *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 267.

²⁹ *Jellinek G.* System der subjektiven öffentlichen Rechte, 1892. Tübingen, 1905.

³⁰ *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1917; *его же.* О неприкосновенности личности. СПб., 1908.

³¹ Корф С.А. Административная юстиция. СПб., 1910.

³² Гурвич Г.Д. Идея неотъемлемых прав лица в политической доктрине XVII–XVIII веков // Труды русских ученых за границей. Сборник академической группы в Берлине под ред. А.И. Каминки. Берлин, 1922. Т. I.

³³ Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

³⁴ См. «круглый стол»: Столетие «Вех» // Российская история. 2009. № 5.

³⁵ Гессен В.М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 353–357.

³⁶ Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001.

³⁷ Маклаков В.А. Первая государственная Дума. Воспоминания современника. М., 2006.

³⁸ П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат. М., 2000.

³⁹ Подробнее: Милоков П.Н. Три попытки. К истории русского лжеконституционализма. Париж, 1921.

⁴⁰ Дискуссия по этому поводу между М. Вебером и Г. Еллинеком, с одной стороны, и русскими конституционалистами, – с другой, отражена в переписке Б.А. Кистяковского с П.Б. Струве. См.: РГАСПИ, ф.279, оп.1, д.80, л.152–155.

⁴¹ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1998.

⁴² Гессен В.М. Русское Учредительное собрание и выборы в него. Пг., 1917. С. 22.

⁴³ Ст. 9 Конституции РСФСР 1918 г. констатировала: «Основная задача рассчитанной на переходный момент Конституции РСФСР заключается в установлении диктатуры».

⁴⁴ Mirkine-Guetzevitch B. La Théorie Générale de l'Etat Sovietique. P., 1928.

⁴⁵ Timashev N.S. Grundzüge der Sowjetverfassung. Heidelberg, 1925. S. 112.

⁴⁶ Кокошкин Ф.Ф. Тезисы к докладу «Автономия и федерация» // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915–1917). М., 2000. С. 580–581.

⁴⁷ Рассмотрение резолюции Украинской Центральной Рады в Киеве с требованием автономии: ГА РФ, ф.1792, оп. 1, д. 3, л. 63–72.

⁴⁸ См.: «Проект определения Временного правительства касательно предложения правительства Сейму Финляндии о передаче решения некоторых дел финляндскому генерал-губернатору и финляндскому Сейму» // ГА РФ, ф.1792, оп.1, д.15, л. 27–33. См. там же: д. 3, л. 100; д. 4., л. 218–373; д. 6, л. 30–40.

⁴⁹ Корф С.А. Возможна ли в России федерация? // Современные записки. 1921. Т. III. С. 173–190.

⁵⁰ Vinaver M.M. Fédération, autonomie, droits de nationalités // La Russie d' aujourd'hui et de demain. P., 1920.

⁵¹ Ст. 4 Конституции 1924 г.: «За каждой из Союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза»; то же положение закреплено в ст. 17 Конституции СССР 1936 г. (где говорится о праве свободного выхода из СССР) и буквально воспроизведено в ст. 72 Конституции СССР 1977 г.

⁵² Тимашев Н.С. Проблема национального права в советской России // Современные записки. 1926. Т. XXIX. С. 396.

⁵³ Ст. 72 Конституции СССР 1977 г.: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР».

⁵⁴ Котляревский С.А. СССР и союзные республики. М.; Л., 1926. С. 140.

⁵⁵ Котляревский С.А. Бюджетное право РСФСР и СССР. Пг., 1924; *его же*. Бюджет и местные финансы. М., 1926.

⁵⁶ Милоков П.Н. Демократизм и вторая палата. М., 1905; Кокошкин Ф.Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства. Двухпалатная система // Русские ведомости. 1905. № 152.

⁵⁷ Ст. 13 и 15 Конституции СССР 1924 г., Ст. 33 и 35 Конституции СССР 1936 г. (Совет национальностей Верховного Совета СССР).

⁵⁸ Совет Федерации: эволюция статуса и функций. М., 2003.

⁵⁹ Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. 1–3. СПб., 1906.

⁶⁰ Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 66–67.

⁶¹ Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 482–486.

⁶² Кокошкин Ф.Ф. О пересмотре партийной программы в вопросе о государственном строе. Доклад на VII Съезде Конституционно-демократической партии 25–28 марта 1917 г. // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915–1917 гг.). С. 377.

- ⁶³ Миркин-Гуцевич Б. Чехословацкая конституция // Современные записки. 1922. Т. X. С. 301–312.
- ⁶⁴ Нольде Б.Э. Германская империя // Современные записки. 1921. Т. IV. С. 174–187.
- ⁶⁵ Schmitt C. Die Diktatur. München, 1921.
- ⁶⁶ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2 (1918–1920). М., 2000. С. 195. См. также: Новгородцев П.И. Демократия на распутье. Берлин, 1923.
- ⁶⁷ Проекты установления диктатуры подобного типа см.: Всероссийский национальный центр. М., 2001.
- ⁶⁸ Ср. напр., ст. 4 «Основных законов» 1906 г. и ст. 80 Конституции РФ 1993 г.
- ⁶⁹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908.
- ⁷⁰ Милоков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907; Кистяковский Б.А. Конституция дарованная и конституция завоеванная // Полярная звезда. 1906. № 11; Гессен В.М. Самодержавие и Манифест 17 октября // На рубеже. СПб., 1906; Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912.
- ⁷¹ Медушевский А.Н. Конституционный параллелизм: морфология российских политических реформ // Политическое образование // <http://www.politobraz.ru/novie-publikatsii/2009-04-29/konstitutsionnyy-parallelizm-morfologiya-rossiyskih-politicheskikh-reform.html>
- ⁷² Мелкая земская единица. СПб., 1902; Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904.
- ⁷³ Реформа государства // Отечественные записки. 2004. № 2; Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. М., 2007.

© 2010 г. В. Л. ШЕЙНИС*

ОБРАЗОВАНИЕ СССР И ЕГО ПЕРВАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Четыре с половиной года отделяли первую советскую Конституцию 1918 г. от провозглашения СССР и 5 лет – от новой союзной Конституции. За это время в жизни советских республик произошли глубокие изменения. В том или ином виде они наложили отпечаток на новый конституционный проект.

Метаморфозы партии и Советского государства

Не оправдался расчет на близкое пришествие социалистической революции в Европе, во многом определявший идеологию и стратегию большевиков до и после Октября. Еще в июле 1920 г. казалось, что, согласно коммунистической лексике эпохи, переживнув через труп «белогвардейской Польши», Красная армия поможет «пролетариям и пролетаркам всех стран» сбросить «капиталистическую сволочь»¹. Установка была столь устойчива, что сокрушительное поражение красных под Варшавой не заставило соотнести полученный урок с ожиданиями и тем более – с догмой. На IX партконференции в сентябре 1920 г. Ленин, Троцкий, Бухарин и другие большевистские вожди объясняли делегатам, что задача была «прощупать под ребра белую Польшу... так крепко, чтобы из этого, может быть, получилась бы Советская Польша», а если это не получилось, то только из-за того, что не удалось «добраться» то ли «до промышленного пролетариата Польши» за Вислой и в Варшаве, то ли до рабочих Средней Европы, прежде всего Германии. Но международная революция созрела и «в Польше мы ударим молотом по Версальскому миру»².

То, что с ходу не удалось проложить путь к «мировому пожару» и «на штыках принести счастье и мир трудящемуся человечеству», осознавалось постепенно. В 1921 г., признавая, что «вызвать революцию не удалось», Ленин убеждал делегатов III Конгресса

* Шейнис Виктор Леонидович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

са Коминтерна, что развитие революции «идет вперед» и «за последние годы и месяцы эти революционные симптомы были в Европе гораздо серьезнее, чем мы подозревали». Однако «поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали» – и потому необходимо «приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории». Зигзаг, правда, представлялся не слишком протяженным: «сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах»³. Понадобилось еще 2 года, чтобы на XII съезде партии Зиновьев, выступавший с политическим отчетом ЦК, признал: «Замедление международной пролетарской революции стало фактом, и никто не возьмется сказать, на сколько лет это замедление растянется», потому что «победа империалистов Антанты оказалась в некоторых пунктах близкой к победам наполеоновского масштаба». Это была еще не смена стратегической парадигмы – она произойдет позже. Но из контекста рассуждений докладчика вытекало, что «замедление может растянуться не на годы, а на десятилетия»⁴. Так рисовалось партийной верхушке положение советских республик в мире на более или менее обозримую перспективу к моменту, когда пришла пора обновления Конституции.

Изменения в социально-экономической жизни страны и во внутренней политике правящей партии были еще более основательными. Мировая революция задерживается, на помощь европейского пролетариата рассчитывать не приходится – значит, надо перестраивать отношения с крестьянским большинством населения, терпение которого на исходе. Грозные сигналы, поданные восстаниями в Кронштадте, на Тамбовщине, прямым сопотрявлением продотрядовцам во многих губерниях, большевистские вожди, только-только прошедшие гражданскую войну – не в пример их эпигонам, ослабленным десятилетиями собственной непререкаемой власти – восприняли сразу⁵. Их ответом стал переход к нэпу. Хотя масштабы национализации промышленности и торговли были признаны чрезмерными, дозволение крестьянам оставлять у себя и отправлять на рынок «излишки» своего продукта расценивалось как отступление с пути социалистической революции. Еще год назад, говорил Ленин на X съезде партии, мы полагали, что «наше движение будет идти по прямой линии», но «движение пошло зигзагами»⁶. Зигзаг в развитии мировой революции, наступивший по причинам, от русских революционеров не зависящим, должен, следовательно, быть повторен зигзагом в осознанной смене их социально-экономической политики.

Идеология этого поворота была заявлена с предельной откровенностью. Хотя военный коммунизм был навязан крайней нуждой, войной и разорением, он не был ошибкой, утверждал Ленин. Более того, «его надо поставить нам в заслугу». Ибо «прежняя наша программа», оказавшаяся «практически несостоятельной», была «теоретически правильной»⁷. Создавая «наспех государственный аппарат для изъятия хлеба у крестьян и сосредоточения его в своих руках», «крайне громоздкий и неповоротливый», вместо «буржуазного аппарата управления хозяйством», вводя уравнильное распределение, мы надеялись, вторил Ленину Троцкий в 1922 г., перейти от военного коммунизма, «примитивного государственного хозяйства», «к социализму без больших хозяйственных поворотов, потрясений и отступлений, т.е. по более или менее прямой восходящей линии». Нэп – отступление, но не капитуляция, а зигзаг⁸.

Крутому повороту в экономической политике предшествовали партийные постановления. Его оформление в советских институтах было делом техники. Сами же партийные решения, предопределившие характер развития на ряд лет вперед, представляли серию реактивных импровизаций, продиктованных обстоятельствами и логикой запущенного процесса. Первый шаг – замену продразверстки продналогом, который «должен быть меньше налажавшегося до сих пор путем разверстки обложения» и общая сумма которого «должна быть постоянно уменьшаема», торопились сделать на X съезде партии в марте 1921 г., до начала весенних полевых работ, дабы должным образом ориентировать и мотивировать крестьянина. Поэтому принципиальный вопрос: как смогут крестьяне поступить с оставленной в их распоряжении продукцией – резолюция X съезда оставила открытым.

Предполагалось, что в деревню будет поступать продукция национализированных предприятий, и обмен пойдет главным образом по каналам кооперации. Для того и была отменена принятая на предыдущем съезде резолюция, предусматривавшая по сути дела огосударствление кооперации – ее подчинение ВСНХ и Наркомзему. Лишь узкая щель – и то намеком – оставлена была для собственно рынка: «Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота»⁹. «Известная свобода оборота местного земледелия и местной промышленности в местном масштабе», – растолковывал смысл этой формулы Ленин¹⁰. Два с лишним месяца спустя на X партконференции был сделан следующий шаг – одобрена резолюция, вводившая комплекс мер собственно *новой экономической политики*: обмен не просто продуктами, но товарообмен, поддержка мелких и средних частных хозяйств, сдача государственных предприятий в аренду не одним лишь кооперативам, но и частным лицам, расширение самостоятельности и инициативы крупных предприятий в распоряжении финансовыми средствами и материальными ресурсами¹¹.

Это был первый в истории советской власти переход к рынку. Лидеры большевиков расценивали его как «огромную уступку» – вопреки интерпретации, утвердившейся впоследствии в сталинской историографии нэпа – не только крестьянству, но и «буржуазным отношениям и самой буржуазии»¹². Уступку, поразившую актив правящей партии. Тем не менее «поворот к новой экономической политике был решен..., – говорил Ленин, – с чрезвычайнейшим единодушием, с большим даже единодушием, чем решались другие вопросы в нашей партии»¹³. В будущем этой партии, только привыкшей беспрекословно одобрять любые инициативы своих вождей, предстояло с редкостным единодушием поддерживать и не такие повороты. А в начале 1920-х гг. большевистские вожди настойчиво разъясняли своим товарищам, что рамки для капитализма, да и самого рыночного оборота поставлены «достаточно узкие, достаточно умеренные»¹⁴. И хотя «будет продолжаться процесс частного капиталистического накопления», «мы постараемся, чтобы в политической области у нее [буржуазии] не было никакого накопления»¹⁵.

Эти слова Троцкого будут многократно повторены Сталиным уже после сокрушения своего главного политического противника в партии. И они выражали суть большевистского подхода к нэпу. При некотором размягчении экономической монополии государства – о формах и мере такого ослабления станут идти яростные споры до тех пор, пока они вообще будут допускаться в партии, – ее политическая монополия непререкаема и неколебима. Она утвердилась в годы военного коммунизма, пришла оттуда, да и «самый переход от военного коммунизма к нэпу, – как признавала одна из партийных резолюций, – совершался в значительной мере методами военного коммунизма»¹⁶. Все это определило сущность того государственного правопорядка, который призвана была подтвердить и закрепить новая Конституция. Ее создатели будут исходить из того, что политически нэп – вовсе не альтернатива военному коммунизму, а представляет некую форму экономического квазилиберализма, границы которого жестко очерчены политической монополией правящей партии.

К 1922 г. *система политической власти*, нареченная диктатурой пролетариата, в основном была достроена. В ней оставался один существенный пробел, по поводу которого Ленин с нарастающей тревогой высказывал озабоченность. Оппозиционные партии, как буржуазные, так и социалистические, были запрещены, их лидеры – арестованы или изгнаны из страны, свобода печати уничтожена, и «философские парходы» увозили в эмиграцию тех, кто представлял верхний культурный слой российского общества. Вне правящей партии организованных политических сил, способных бросить вызов ее политической монополии, не осталось. Проблема, однако, заключалась в самой партии. Численно она увеличилась в несколько раз: с 240 тыс. членов перед Октябрьским переворотом до 732 тыс. в марте 1921 г. и – несмотря на начавшиеся после введения нэпа чистки рядов – до 864 тыс. в мае 1924 г.¹⁷ Ленин вполне отдавал себе отчет в том, что «политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партий-

ной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него», – писал он в марте 1922 г.¹⁸ Иными словами, сохранение диктатуры зависит не от пролетариата и даже не от партии, а от монопольной позиции ее «тончайшего слоя», которая зиждется на такой зыбкой и преходящей субстанции, как его авторитет.

Чтобы отвести беду, основатель партии видел два средства.

Во-первых, запрет фракций с собственными платформами, организацией и т.п. Острая внутривнутрипартийная дискуссия, предшествовавшая X съезду и завершившаяся на нем, была сочтена вредной. Резолюция «О единстве партии»¹⁹, утвержденная на этом съезде, была не первым и не последним шагом на пути к «партии нового типа», по модели которой стало выстраиваться и все мировое коммунистическое движение. Ленинский план построения такой партии еще на II съезде спровоцировал острый конфликт и раскол российских социал-демократов. Последствия же закрепленного на X съезде курса партийного строительства были ничуть не менее значимыми и существенно более долговременными, чем переход к нэпу. Запрет фракций чем дальше, тем больше стал использоваться для подавления любого несогласия с мнением, утвердившимся в партийной верхушке, и прямой дорогой вел к омертвлению тканей в единственной легальной политической партии, к насаждению армейской дисциплины там, где еще недавно кипели споры. Совершить такой переход сразу было невозможно. Пройдет не так уж много времени, и Сталин, патронировавший конституционный процесс, сначала использует упомянутую резолюцию как палицу, сокращающую оппонентов, а затем отправит их всех (а заодно и сотни тысяч партийцев, которые могли быть заподозрены в неконформизме) на эшафот. Но это произойдет позже, а в начале 1920-х гг. такое развитие событий никому еще не могло привидеться. А потому создание СССР, а затем и подготовка его новой Конституции сопровождалась столкновением разных позиций. Конечно, только внутри партии, ибо силы, стоявшие вне партийных рядов, от участия в конституционном процессе, в отличие от 1918 г., были отстранены.

Во-вторых, Ленина тревожило соперничество Сталина и Троцкого, в чем он усматривал «большую половину опасности... раскола» самого «тончайшего слоя» партийной элиты. Купировать эту опасность он предложил двояким образом: перемещением Сталина с должности генсека и увеличением числа членов центральных органов партии: ЦК – до 50 или 100 человек за счет рабочих, а ЦКК – путем привлечения 75–100 новых членов из рабочих и крестьян²⁰. Ленин, как и многие коммунисты его поколения, мистически верил в исключительно полезные для партии качества рабочих, усвоивших пролетарскую психологию по жизненному опыту «многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей»; следовательно, – в эффективность контроля над бюрократическим советским аппаратом и исцеления самой партии от бюрократизма фактически посредством умножения чиновников «рабочего происхождения» в политических и контрольных органах.

Истоки этого заблуждения, смущавшего его последователей даже годы спустя, заслуживают отдельного разговора. Но на практике не реализована была ни первая, ни вторая ленинская идея. Вставший у руля еще во время болезни Ленина триумvirат (Сталин, Зиновьев, Каменев) был заинтересован не в поддержании баланса между Сталиным и Троцким, а в устранении второго по значению в годы революции и Гражданской войны большевистского лидера. Лamentаций по поводу того, что партия не последовала рекомендации Ленина о смещении Сталина с поста генсека, кажется, не избежала ни одна «оттепельная» и «перестроечная» публикация, касавшаяся данного вопроса. Но дело не только в этом. Весь «тонкий слой», уже прикосновенный к власти, вовсе не был заинтересован в радикальном расширении своих центральных учреждений за счет новых пришельцев. Поэтому и второе предложение Ленина не было выполнено ни на XII съезде, которому были адресованы его диктовки, ни на XIII – первом после его смерти²¹.

Таким образом, ограниченная экономическая либерализация была компенсирована ужесточением политического контроля над страной и ужесточением режима в партии. Откат революционной волны в Европе, переход к нэпу и трансформация партии образовали тот социально-политический контекст, в котором реорганизация государственного устройства была поставлена в порядок дня. А неотложность существенного обновления Конституции была продиктована завершением Гражданской войны и установлением режимов советского типа на большей части территории бывшей Российской империи.

Собирание земель

Когда принималась первая советская Конституция, власть большевиков распространялась на пространство, немногим превышавшее размеры Московского княжества в конце XV в. Правда, как мы видели, она была написана «на вырост» и до поры либо ее действие непосредственно распространялось на территории, социально и этнически отличные от центральной России, либо она становилась своего рода прототипом для Конституций других советских республик (как, например, Конституции Украины, принятой в марте 1919 г.). К весне 1921 г., когда совершался переход к нэпу, под властью Москвы была воссоединена почти вся (за немногими, хотя и важными исключениями) территория Европейской России. А в конце 1922 г. – также и отдаленные окраины прежнего государства. Фактически совершившееся и закрепленное победами в Гражданской войне объединение нуждалось в конституционном оформлении.

Октябрьские победители решали двоякую задачу: собрать территории распавшейся Российской империи и представить эталон решения национально-колониального вопроса для мировой революции, которая казалась близкой в 1921 г. и надежда на которую еще не угасла в 1923 г. Национальный вопрос стал одним из центральных в повестке X и XII съездов РКП(б). Доктринально, а тем более на практике совместить одно и другое было непросто. Основным докладчиком по этому вопросу на обоих съездах выступал нарком по делам национальностей Сталин, который, как мог, с этим справлялся. На X съезде докладчик, полемизируя с Чичериным, противопоставил национальное самоопределение, «пустой лозунг», с которым «мы... распространились уже 2 года» – «праву народов на отделение»: «лозунг права народов на отделение является революционным и отказаться от него – значит сыграть на руку Антанте»²². Право на отделение, призванное выполнить революционизирующую роль в лагере противника, надо было как-то совместить с централизаторской политической установкой на российских (не только русских) просторах. Пока жива была надежда на скорое пришествие мировой революции, от этого очевидного противоречия можно было отмахнуться. «Нам говорят, – писал Ленин, – что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»²³.

Очень скоро, однако, стало ясно, что многие национальные движения в бывшей Российской империи не только отстаивают независимость и отделение, но и заострены против большевистской власти в России. Добиваясь своих целей, они блокировались с мятежными генералами и войсками Германии или стран Антанты. Простейшим ответом, казалась бы, могла стать «необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации», заявленная Сталиным в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов²⁴. Однако такая интерпретация не только посягала на чистоту принципа самоопределения, издавна отстаивавшегося большевиками, – эквилибристика лозунгами была для них привычным делом, – но и оказалась непригодной на практике.

В одних случаях под давлением обстоятельств приходилось идти на признание самоопределившихся буржуазных государств, возникших на развалинах империи

(Финляндия, Польша, страны Прибалтики). В других, где социальное членение обществ опиралось на непоколебленные еще добуржуазные исторические традиции и не было никакого национального пролетариата, а «трудящиеся массы» в национальных движениях не удавалось отделить от сепаратистов, приходилось опираться на «русский город» в противовес «национальной деревне». И с удивлением обнаруживать, что носителем «пролетарской диктатуры» выступает не только «тонкий слой русских рабочих» (это еще полбеда), но также колонизаторский элемент: «великодержавное кулачье», которое «еще до сих пор держит десятки батраков, имеет сотни голов скота и охотится на киргизов как на дичь». Что «старый русский чиновник, коммунист-батюшка, русский полицейский» каким-то образом проникают и в партию. Что «у всякого русского на окраинах была привилегия быть “пролетарием”», а «власть составлялась из гнуснейших примазавшихся элементов», готовых поддерживать «какую угодно власть, но обязательно власть русскую». Это в Средней Азии. А на Украине, говорили делегаты X съезда, с одной стороны, «национальное движение в условиях разгорающейся революции, по сути своей, является контрреволюционным, отвечающим националистическим тенденциям» зажиточного мужика, мелкобуржуазной интеллигенции. А с другой – «создался своего рода русский красный патриотизм... Наши товарищи... иногда даже смотрят на себя прежде всего как на русских, – они дорожат не столько Советской властью и советской федерацией, сколько у них есть тенденция к “единой, неделимой”»²⁵.

Если Россия не разделила судьбу другой континентальной империи – Австро-Венгерской и сумела воссоединить большую часть своей прежней территории и населения, то произошло это не благодаря лозунгу самоопределения и права народов на отделение. Он сыграл в лучшем случае противоречивую роль и сохранен был главным образом для экспортного исполнения. Конечно, победе большевиков над сепаратистами на национальных окраинах страны способствовал ряд объективных условий. Они опирались на компактный великорусский территориальный массив, который располагался в центре страны и противопоставлялся существенно меньшим и не интегрированным между собой инонациональным анклавам. Иностранная интервенция носила ограниченный характер и благоприятствовала имперским силам, враждебным национальным движениям. И все же в той мере, в какой большевики своей победой обязаны не приводящим обстоятельствам, а самим себе, решающую роль сыграли субъективные факторы.

Во-первых, РКП(б) была интернационалистской партией. Она сумела, несмотря на искривления и издержки, о которых открыто говорили ее функционеры на съездах и которые действительно пытались искоренить ее руководители, сомкнуть социальную стратегию, привлекательную для угнетенных при царизме масс, с положениями принятой в 1919 г. программы: уничтожение всех национальных привилегий, равноправие наций, обещание выстроить федеративное объединение государств, организованных по советскому типу (популярному в то время)²⁶.

Во-вторых, в короткое время партия смогла создать прочную организацию и мобилизовать дееспособный актив на централистской, а не федеративной основе. Когда происходили решающие сражения Гражданской войны, она маневрировала своими ресурсами и главным из них – кадрами, перемещая наиболее эффективных деятелей с одного фронта на другой, из правительства одной республики в правительство другой. РКП(б) создала политический каркас союза советских республик еще до того, как состоялось их формальное объединение.

В-третьих, собирание бывшей империи в значительной мере осуществлялось насильственным – военным путем, а его инструментом становилась Красная армия. Всякий раз, когда местные революционеры оказывались не в состоянии добиться решающего перевеса, на поле боя выходила воинская сила, изначально мобилизованная и сформированная в русских губерниях и опиравшаяся преимущественно на кадровые и материальные ресурсы центральной России. Так было на Украине, по которой многократно прокатились фронты Гражданской войны и где долго свирепствовала самая

лютая анархия. Так было в Закавказье, где под руководством Кавказского бюро ЦК РКП(б) и при активном участии 11-й армии была сначала установлена советская власть в Азербайджане, затем в Армении, где приход красных войск спас провозглашенную ранее национальную республику от турецкого геноцида, и, наконец, в Грузии, где более чем сотысячное хорошо экипированное войско сломило сопротивление наиболее жизнеспособной из закавказских республик, возникших после распада Российской империи. Так же было и в Средней Азии и некоторых других областях.

XII съезд РКП(б) собрался в апреле 1923 г., когда советская власть была установлена почти на всей территории страны, образование СССР было провозглашено и комиссия, назначенная для разработки новой Конституции, приступила к работе. Обсуждение национального вопроса на этом съезде носило острый и даже конфликтный характер.

Союз республик объявили «первым опытом пролетариата в деле урегулирования международных взаимоотношений независимых стран и первым шагом к созданию всемирной Советской республики труда»²⁷. Правда, картина мировой революции теперь виделась по-иному: в Польше отступили, атака на Западе захлебнулась, надо заходить с другой стороны, революционизировать «глубокий тыл империализма – восточные колониальные и полуколониальные страны»²⁸. Иными словами, построение Союза – экспортный продукт, который следует продвигать на восточный политический рынок. Но, вникая в развернувшуюся на съезде дискуссию, можно было понять, что двухлетняя практика обнаружила серьезные проблемы.

«В связи с нэпом во внутренней жизни нарождается новая сила – великодержавный шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации», – говорил Сталин. Не преминул он отметить и зеркальное отображение русского шовинизма, который «вращивает и шовинизмы местные». Они не столь опасны, но все же грозят «превратить некоторые республики в арену национальной склоки». Однако именно великорусский шовинизм, утверждал Сталин (под конец жизни явивший законченный тип великодержавного шовиниста), составляет «в общей системе национального вопроса три четверти целого». К теме «великорусского шовинизма, который бесформенно, без физиономии ползет, капля за каплей впитываясь в уши и глаза, капля за каплей изменяя дух, всю душу наших работников», не раз возвращался и основной докладчик по национальному вопросу, и делегаты съезда. Некоторые из них сочли, что Сталин представил даже излишне оптимистическую картину, ибо источником, распространяющим шовинистические настроения, является сам государственный аппарат. Между тем, от аппарата освободиться нельзя, ибо он выполняет также и позитивную работу – «восстанавливает связь отдельных областей, разорванных в первый период революции»²⁹.

Можно было вслед за Зиновьевым живописать угрозу национальных трений, которые «гораздо опаснее, чем даже голод и людоедство, которые мы пережили» и надеяться создать «атмосферу презрения и бойкота по отношению к каждому, кто не понимает важности национальной проблемы». Или даже согласиться с Бухариным в том, что «мы должны очень часто поступиться хозяйственной целесообразностью для того, чтобы подвести под себя прочный фундамент для нашей власти». На партийном съезде надо сказать открыто: не проявим необходимой чуткости и понимания, предостерегал Раковский, – получим гражданскую войну³⁰.

Проблема заключалась в том, что национальные противоречия порождались не только (и даже не столько) нэпом и развитием рыночных отношений, о чем говорили делегаты съезда. Большевики, сводившие все многообразие социальных отношений к классовым связям и процессам, явно недооценили автономность национальных явлений, в особенности – вековую укорененность национального эгоизма, подозрительности, а с другой стороны – этнической солидарности в многонациональных обществах. Но сверх того в СССР национальное недоверие подпитывала и консервировала – во-

преки декларациям о национальном равноправии и классовой солидарности, вначале искренним, а впоследствии фальшивым – сама организация новой власти, сугубо централистская, антидемократическая, псевдофедеративная.

Поправить дело воспитательными мерами, партийными проработками «национал-уклонистов», поведение которых горячо обсуждалось на съезде, было нельзя. Равно как и приписывать «роковую роль» «торопливости и административному увлечению» Сталина, его озлоблению против пресловутого «социал-национализма», как об этом предупреждал Ленин в одной из своих последних диктовок³¹. Критика обоих «уклонов» в лучшем случае обнажала симптомы заболевания, умеряла и сдерживала межнациональные конфликты. Но только до той поры, когда цементировать многонациональное государство станут на совсем иной основе: прошедший политические и персональные пертурбации политический класс отбросит интернационалистскую идеологию и сделает ставку на жестокое подавление того, что он назовет «космополитизмом» и «буржуазным национализмом». И тогда появятся дискриминируемые и «наказанные» народы. Но к раннебольшевистской концепции решения национального вопроса это уже не будет иметь отношения. Возможно, сохранение на добровольной основе целостности территории, входившей прежде в состав Российской империи, было сродни решению задачи квадратуры круга.

Ленин, отстраненный от дел и изолированный в Горках, сумел все же разглядеть за частным эпизодом известного «грузинского дела» нарастающую угрозу: «“Свобода выхода из союза”, которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ»³². Ленину, однако, не дано было увидеть, откуда «выползет, шипя, гребовая змея», как оторвутся контуры реальной постройки от начертаний плана, из-за которого шел спор, и как обрушится все здание. Все это произойдет позже, а пока он, как и еще не истребленная «старая большевистская гвардия», верил, что принцип национального самоопределения нашел адекватное выражение в советском федерализме и вопрос заключается лишь в том, как и в какие сроки его следует реализовать. Но сама выстраиваемая модель была далека от подлинного федерализма, при котором члены федерации располагают не проблематичным правом выхода из нее («максимум независимости в потенции», как это назвал Сталин³³), а действительной свободой самоуправления и реальными, обеспеченными и конституционно, и политически возможностями решать свои внутренние дела. Федерализм, конструкция которого была заложена на XII съезде, был «специфическим псевдофедерализмом, не дающим ни равенства, ни самоуправления»³⁴. Оставалось лишь воплотить его в нормах союзной Конституции.

На пути к Конституции Союза

К концу 1922 г. собирание земель, входивших ранее в состав Российской империи, кроме Польши, Финляндии, Прибалтики и оккупированной Румынией Бессарабии, было практически завершено. Воинские формирования белых были рассеяны или эвакуированы, интервенты ушли, антибольшевистские восстания подавлены. Лишь в Средней Азии продолжалась партизанская война, но и там основные силы басмачей были разгромлены. Шесть советских социалистических республик, Бухара и Хорезм, ранее формально не включенные в состав царской империи и теперь именовавшиеся народными республиками, а также Дальневосточная республика, номинально парламентская, созданная в качестве буфера (во избежание прямого столкновения с Японией), а в ноябре 1922 г. присоединенная к РСФСР, – все они политически представляли единое пространство с условными внутренними границами. Цементирующей силой была РКП(б) с центральными органами в Москве.

Отношения между республиками формально регулировались как между независимыми государствами, – на основе заключавшихся между ними договоров и поста-

новлений высших органов власти, а сверх того – партийными решениями, которые принимались на съездах, конференциях и пленумах центральных комитетов республиканских партийных организаций либо ЦК РСДРП(б) или в оперативном порядке – их руководящими работниками. Первые договоры были заключены между РСФСР и Азербайджаном в сентябре 1920 г. Договоры предусматривали установление «тесного военного и финансово-экономического союза» между двумя государствами и создание механизма для его реализации (в частности, полномочные органы РСФСР получали право назначать своих представителей с правом решающего голоса в Совнарком и Совнархоз Азербайджана). Через 3 месяца был заключен и ратифицирован договор с Украиной, в котором, с одной стороны, особо оговаривались «право на самоопределение», «независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон», а с другой – учреждался механизм более плотного взаимодействия в виде объединения ключевых комиссариатов (министерств) обеих стран. Согласно договору, объединенные комиссариаты вошли в состав СНК РСФСР и получили в СНК Украины своих уполномоченных, подотчетных Съезду Советов и ЦИК Украины. В свою очередь украинские представители вошли в состав ВЦИК и Съезда Советов России. В том же году договор был заключен с Хорезмом, а в 1921 г. – с Белоруссией, Грузией, Арменией и Бухарой. Содержательно одни договоры тяготели к азербайджанскому, другие – к украинскому образцу³⁵. В итоге еще до провозглашения СССР была выстроена квазигосударственная конструкция, сочетавшая отличительные черты конфедерации, федерации и унитарного государства.

Союз советских республик фактически уже сложился по итогам Гражданской войны. Его необходимо было оформить и закрепить на универсальной юридической основе по неоднократно проговаривавшимся на различных партийных и межгосударственных форумах практическим соображениям – военным, хозяйственным, дипломатическим. Чтобы привести всю совокупность разнообразных договорных отношений к общему знаменателю, необходимо было договориться об общем принципе построения объединенного государства. Россия по Конституции 1918 г. уже была федерацией, в составе которой числились автономии разного уровня – республики и области. Их число постепенно увеличивалось, и к моменту образования СССР в РСФСР насчитывалось 8 автономных республик и 14 автономных областей. (Позднее при перекройке административного деления статус некоторых из них будет повышен: Казахская и Туркестанская станут союзными, а некоторые области превратятся в автономные республики). Универсальным и единообразным решением могло бы стать либо включение номинально независимых республик в состав России наравне с уже существовавшими в ней автономиями, либо возвышение российских автономий до уровня Украины, Грузии и других номинально независимых государств.

Первый вариант органично вписывался и в исконное большевистское предпочтение централизованных структур, и в единоедержавную российскую традицию, приспособляющуюся пока к интернационалистской доктрине. Наиболее влиятельным сторонником автономизации в большевистской верхушке был наркомнац Сталин. В областной (территориальной) автономии в противовес как отделению «окраин» Российского государства («требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно»), так и культурно-национальной автономии (ее творцы сидят «теперь у разбитого корыта своей хитроумной национальной программы»), он усматривал «единственно целесообразную форму союза между центром и окраинами»³⁶.

Второй вариант существовал лишь в теории, как логическая альтернатива первому, заявлен был глухо и на практике не рассматривался. Но он не был чистой абстракцией. Он всплывет в начале 1990-х гг., когда некоторые российские автономии изъявят готовность последовать за уходившими из СССР союзными республиками. Параллельно станет обсуждаться требование образовать в составе РСФСР Русскую республику и сделать ее равноположенной автономным образованиям.

Свой план автономизации независимых советских республик в границах РСФСР Сталин отстаивал до конца сентября 1922 г., когда подготовка их объединения вступила

ла в заключительную стадию. Решение вопроса он видел в «действительном объединении советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик», что предполагало, как он считал, «замену фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик», распространяющейся на язык, культуру, юстицию, внутренние дела, земледелие. Ленин отстаивал более гибкий вариант: создание двухъярусной Федерации с участием в ней РСФСР наравне с другими республиками. Сталин некоторое время противился («Нужна, по-моему, твердость против Ильича», – писал он Каменеву)³⁷. В конечном счете, план автономизации в сталинском варианте был отклонен, но спор переместился в иную плоскость. Открытым был оставлен вопрос, какой объем полномочий будет передан от республик центру. И еще один неразрывно связанный с ним вопрос, в какой мере будет слита на деле государственная власть в России с властью в центре.

Суть споров, сотрясавших официальные партийные инстанции, сводилась к тому, будет ли проектируемая федерация иметь уклон в сторону унитарного или конфедеративного государства. Так, за настояниями украинской делегации сохранить за республиками собственные наркоматы иностранных дел и внешней торговли наряду с общесоюзными и свести к минимуму полномочия единого президиума, возглавляющего ВЦИК СССР и осуществляющего его полномочия в период между сессиями, стояла позиция республиканских национально-политических групп, консолидировавшихся не только на Украине и отстаивавших интересы республик. За подходом Сталина, при всех его рассуждениях об опасности великорусского шовинизма, – иная, централизаторская установка, соответствовавшая видению проблемы и осознанным интересам наиболее влиятельной части партийного актива.

Особенно острый конфликт развернулся по поводу статуса Грузии, где ситуация осложнялась из-за включения республики в промежуточное образование – Закавказскую Федерацию. Коммунистические организации Закавказья в 1920–1922 гг. были подчинены Кавказскому бюро ЦК РКП(б), возглавлявшемуся Г.К. Орджоникидзе. Кавбюро ЦК партии руководило установлением советской власти в закавказских республиках, проводило границы между ними (в частности, по соображениям политической целесообразности включило населенный армянами Карабах в состав Азербайджана и тем самым заложило заряд долговременного действия на Кавказе) и решало иные политические вопросы. С 1921 г. при поддержке политбюро ЦК партии оно направляло объединительные процессы в Закавказье. В августе было принято решение о создании Кавказского экономического союза трех республик, в марте 1922 г. конференция представителей ЦИКов этих республик провозгласила создание Федеративного Союза Советских Социалистических Республик Закавказья во главе с исполнительным органом – Союзным советом, в ведение которого перешли оборона, иностранные дела, внешняя торговля и ряд других сфер государственного управления. 13 декабря 1922 г. был сделан следующий шаг – Союз республик на первом Закавказском съезде советов был преобразован в Закавказскую Социалистическую Федеративную Республику со всеми полагающимися атрибутами: Конституцией, ЦИК, СНК.

Остановить этот процесс попыталась группа грузинских коммунистических лидеров во главе с Б. Мдивани и Ф. Махарадзе. Грузия была промышленно и культурно наиболее развитой республикой в Закавказье, на ее территории находились важнейшие объекты инфраструктуры. Грузинские руководители, исходящие из того, что вхождение в региональное объединение в большей мере свяжет их самостоятельность, выступали против действий Закрайкома партии, который они обвиняли в самоуправстве, и за непосредственное вхождение республики в состав СССР. В ответ им были предъявлены обвинения в совершении ряда акций сепаратистского и националистического характера. Разгорелся скандал. Обе стороны апеллировали к ЦК партии. В Тифлис в конце 1922 г. и начале 1923 г. были направлены две высокопоставленные комиссии. Конфликт был притушен административно: руководство грузинской компартии было смещено, а лидеры «национал-уклонистов» отозваны в Москву. Вся эта прогремевшая

в партии история показала, что только на основе добровольности и согласия построить Союз республик не удастся. ЗСФСР как отдельное образование просуществовала до 1936 г., когда ни о каких позовах к самостоятельности уже не могло быть и речи. Надстройка над тремя из них стала излишней.

Когда 30 декабря 1922 г. собрался I Съезд советов, на котором были представлены делегации всех советских республик, спорные вопросы еще не были решены. Создание СССР было провозглашено, все полагающиеся по такому случаю слова о наступившем «дне торжества новой России над старой, над Россией – жандармом Европы – пала-чом Азии», произнесены³⁸. Но Декларация и Договор об образовании СССР, подготовленные комиссией ЦК РКП(б), были утверждены «в основном» и направлены на дополнительное рассмотрение ЦИК союзных республик. Проект договора был весьма краток, обходил острые углы разногласий и сохранял возможность доработки в разных направлениях: к унитарному государству, федерации и конфедерации. И хотя этот процесс старались провести в ускоренном темпе, доводка ряда принципиальных положений потребовала еще чуть больше полугода.

Спор об организации властных институтов и правах республик был продолжен в Конституционной комиссии, состав и численность которой изменялись Президиумом ВЦИК вне каких-либо правовых рамок. Комиссия рассмотрела и отвергла проекты, представленные Белоруссией и Украиной. В них предусматривалось расширение компетенции республик и повышение самостоятельности ВЦИК по отношению к Съезду советов, на котором российское преобладание было подавляющим. Окончательные решения принимались на XII съезде РКП(б) в апреле и на специальном совещании, которое ЦК партии провел с представителями республик в июне, т.е. не в государственных институтах, а в партийных инстанциях³⁹.

В соответствии с настояниями республик в структуре ВЦИКа была создана вторая палата – Совет национальностей⁴⁰. Но вся конфигурация союзных органов компенсировала эту уступку сосредоточением властных рычагов в центре и отчетливо выраженным преобладанием представителей РСФСР у этих рычагов. Прямая рекомендация удаленного от власти Ленина: «вернуться на следующем съезде Советов назад, т.е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»⁴¹ – была оставлена без внимания. 6 июля 1923 г. окончательно согласованный проект Конституции был принят на сессии ВЦИК и объявлен немедленно вступившим в силу. Его утверждение 31 января 1924 г. на II Съезде советов стало не более чем парадным мероприятием.

Конституция СССР 1924 года

Как и Конституция РСФСР, Конституция Союза включала два раздела. Первый – Декларация об образовании СССР, в неизменном виде воспроизводившая текст, принятый на I Всесоюзном съезде советов в 1922 г. Второй – Договор между РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией о их объединении в одно союзное государство. Договор был существенно дополнен и видоизменен по сравнению с документом 1922 г. Составной частью Конституции стали также 7 приложений: о порядке проведения в жизнь положений Договора, о ВЦИК, о СНК, о Верховном суде и состоящей при нем Прокуратуре, о наркоматах и ВСНХ и об ОГПУ. Все эти приложения были утверждены декретами ВЦИК в течение 1923 г.⁴²

Идеологическая преемственность по отношению к Конституции РСФСР 1918 г. была подчеркнута в Декларации двояким образом: упоминанием диктатуры пролетариата (на этот раз очищенной от «беднейшего крестьянства» как субъекта диктатуры, но зато «сплотившей вокруг себя большинство населения») и утверждением курса на мировую революцию. Зафиксированное на этот раз в Конституции право республик на выход из Союза (чего не было по отношению к автономиям в Российской Конституции 1918 г. и не появилось в новом ее издании 1925 г.⁴³) получило дополнение в виде

права на свободный доступ в него, предусмотренного для советских социалистических республик «как существующих, так и имеющих возникнуть в будущем». Трудно сказать, в какой мере создатели Конституции сохранили веру в мировую революцию, но в последний раз в советском конституционном тексте появилось утверждение, что он послужит «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Что не нашло никакого отражения в Конституции Союза, так это отношения собственности – проблема ключевая в коммунистической доктрине и программе партии. Перевод частной собственности в государственную уже завершён и возвращаться к этому составители союзной Конституции сочли излишним. То, что земля, леса, недра, воды, фабрики, заводы, транспорт и средства связи составляют государственную собственность, было мельком упомянуто лишь в Конституции РСФСР 1925 г. (ст. 15). Но ни в союзной, ни в республиканской Конституции не было сказано ничего об иных формах собственности, об отношениях государственного хозяйства с частным сектором, о кооперации и концессиях, об основах налоговой системы. Лишь в одном из приложений были подробно описаны структура и предметы ведения экономического суперведомства – ВСНХ и состоящих при нем отделов, но все это относилось лишь к государственному хозяйству и управлению (приложение 5). Нэп уже был провозглашен, восстановление частной промышленности и торговли шло полным ходом, первичное накопление разворачивалось в успешных крестьянских хозяйствах, издавались различные декреты и положения, но – на уровне текущего законодательства, подвешавшегося постоянным корректировкам. Отказ конституционно закрепить основы нэпа лучше, чем что-либо другое, свидетельствует, что в мозговых центрах партии доминировало отношение к нему как к временному и конъюнктурному отступлению от генеральной стратегической линии. Если Ленин в конце жизни и стал подходить к выводу, что сосуществование государственных, кооперативных и частных предприятий в СССР – «всерьез и надолго», то эти озарения никоим образом не вошли в сознание большевистского актива. Во всяком случае – к моменту, когда принималась новая Конституция.

Договор открывала глава, перечислявшая 25 предметов ведения верховных органов власти СССР. Аналоги подавляющего большинства этих пунктов содержались в Конституции 1918 г., но там они были отнесены к ведению Съезда и ВЦИК РСФСР. Теперь компетенция органов власти республик существенно сжималась, большая часть их прежних полномочий передавалась наверх. За союзными органами было закреплено проведение внешней политики, вопросы войны и мира, руководство вооруженными силами, транспортным и почтово-телеграфным делом и некоторыми другими сферами государственной жизни, централизация которых органична для федеративных (и даже конфедеративных) государств. Но сверх того к их компетенции были отнесены основы законодательства о судах, о труде, о землеустройстве, здравоохранении и просвещении, определение отраслей промышленности и отдельных предприятий, имеющих общесоюзное значение, установление системы внутренней торговли и т.д. Бюджеты союзных республик подлежали включению в единый государственный бюджет. Заключение концессионных договоров, в том числе и от имени республик, также было отнесено к ведению Союза (ст. 1 и 2).

Под это распределение полномочий была подстроена система наркоматов, которым были переданы соответствующие отрасли народного хозяйства и управления. Наркоматы СССР и союзных республик подразделялись на три категории. Пять наркоматов были предусмотрены только на союзном уровне. Они ведали иностранными, военными и морскими делами, внешней торговлей, путями сообщения, почтой и телеграфом. На следующей ступени располагались объединенные наркоматы, представленные в Союзе и республиках. Это были: ВСНХ, наркоматы финансов, труда, продовольствия (с 1925 г. – внутренней торговли) и рабоче-крестьянской инспекции (ст. 37). Республиканские наркоматы этого типа, указывалось в Конституции, являются органами наркоматов союзных и осуществляют их задания на территории своих рес-

публик (ст. 54). К третьей категории отнесены были наркоматы, действующие только в республиках. В РСФСР были учреждены республиканские наркоматы внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия (преобразован в 1925 г. в наркомат внутренней торговли) и социального обеспечения (ст. 37). Примерно такой же была структура совнаркомов и в других республиках. В результате важнейшие сферы управления были либо непосредственно подчинены Союзу, либо поставлены под его контроль через объединенные наркоматы. Предложение Х. Раковского, в то время председателя СНК Украины, отнять у союзных наркоматов $\frac{9}{10}$ их прав и передать их национальным республикам, шедшее в русле ленинских рекомендаций и поддержанное аплодисментами делегатов XII съезда РКП(б)⁴⁴, конечно, ушло в песок.

Таким образом, ядро всей властной конструкции было перемещено из республик в союзные органы. При подобной конструкции центральной власти реализация прав и интересов республик была поставлена в зависимость, во-первых, от находящихся в их распоряжении конституционных механизмов, позволяющих отстаивать эти интересы в случаях, когда они могли столкнуться с интересами центра; во-вторых, от веса их представительства в центральных органах Союза.

Суверенным правам республик в Конституции была посвящена специальная глава. Она устанавливала, что каждая республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно, за исключением той компетенции, которая передана Союзу (ст. 3). Мы уже видели, что вне этих пределов республикам прав оставлено было не так уж много. Все это выглядело следующим образом. Республики вправе вносить изменения в свои Конституции. Но они должны соответствовать Конституции Союза, которая определяет взаимоотношения между верховными органами власти Союза и республик. Союзные органы имеют право отменять постановления республиканских Съездов советов и ЦИК, нарушающих общую Конституцию (ст. 1, 65). Наконец, за каждой республикой сохранялось право выхода, которое в большинстве федераций отсутствует (ст. 4), но механизм реализации этого права не был предусмотрен до 1991 г. ни в самой Конституции, ни в законах. Указанными положениями гарантии суверенных прав республик исчерпывались. Но и эти статьи в реальной системе отношений оставались «спящими» до того, как наступил распад СССР. Попытки же их осуществления вызвали острый политический кризис, который не удалось разрешить конституционными методами.

Основной закон 1924 г., как и Конституция 1918 г., не предусматривал разделения законодательной и исполнительной ветвей власти. Съезд, ВЦИК и Президиум ВЦИК (которому теперь была отведена целая глава) – все являлись высшими законодательными, исполнительными и распорядительными органами. Совнарком был обозначен в Конституции как «исполнительный и распорядительный орган ЦИК Союза», но ему было предоставлено также право издания правоустанавливающих актов – декретов, «обязательных к исполнению по всей территории СССР» (ст. 11). Конституция, правда, подчеркивала главенствующую роль ВЦИК в издании «декретов и постановлений, определяющих общие нормы политической и экономической жизни Союза ССР, а также вносящих коренные изменения в существующую практику государственных органов Союза ССР» (ст. 18).

Законодатель, однако, не считал нужным оговорить ни аналогичную роль Съезда, ни ответственность ВЦИК перед формирующим его Съездом. Роль Съезда как преимущественно декоративного института трудно было продемонстрировать более наглядно. Правда, за Съездом было закреплено исключительное право изменять «основные начала» Конституции (ст. 2). Но вопрос о том, что в конституционном тексте относится к таким началам, оставался открытым. Из самой же формулировки вытекало, что «неосновные» положения могут пересматриваться ВЦИК и даже его Президиумом; и таким правом эти органы стали широко пользоваться.

Расплывчатость норм Конституции оставляла резерв для законотворчества этих институтов, наделенных правом принимать оперативные решения и исходивших в том из соображений политической и административной целесообразности. Собственно, и

ВЦИК не мог систематически заниматься законодательной, не говоря уже об исполнительной и распорядительной деятельности. Он был слишком многолюден и к тому же многие его члены были обременены иными обязанностями в различных регионах большой страны. Поэтому выходить на арену публичной политики при нормальных условиях ему предстояло три раза в год (ст. 21). А повседневную работу должен был выполнять Президиум ВЦИК. Согласно Конституции он должен был замещать ВЦИК во время перерыва в сессиях, т.е. большую часть года. Для того он был наделен широчайшим набором прав: наблюдать за исполнением Конституции всеми органами власти, приостанавливать и отменять постановления СНК, отдельных наркоматов СССР, ЦИК и Совнаркомов республик, даже приостанавливать постановления республиканских съездов (ст. 29–32). Насчитывающий всего 21 члена (включая 4 председателей ВЦИК), Президиум по сути был органом политбюро ЦК партии, где, собственно, и принимались ключевые политические решения. Обязательны для республик были и декреты и постановления СНК СССР. ЦИК союзных республик могли их опротестовать перед Президиумом ЦИК Союза, за которым оставалось решение споров, но не приостанавливать их исполнение (ст. 42).

В отличие от Конституции 1918 г., где поразительным образом не нашлось места для каких-либо норм о судебной системе (было лишь упомянуто, что ВЦИК ведает законодательством, в том числе относящимся к судоустройству и судопроизводству), в новой Конституции Верховному суду СССР была посвящена отдельная глава. Это был намек на разделение функций наверху властной пирамиды. Намек, правда, очень слабый. Верховный суд учреждался при ВЦИК, 7 из 11 его членов назначались Президиумом ВЦИК, остальные 4 места занимали председатели Верховных судов республик. В числе функций Верховного суда не были упомянуты ни обеспечение нарушенных государственными органами прав граждан и юридических лиц, ни разрешение споров между хозяйствующими субъектами.

К полномочиям Верховного суда было отнесено разрешение споров между союзными республиками, а также заключения о конституционности отдельных постановлений СНК СССР и ЦИК и СНК союзных республик – но лишь по требованию Президиума ВЦИК. В ту же инстанцию Суд мог представлять к отмене «незаконмерные распоряжения и постановления ОГПУ» (но не решать дело по существу). Практически все сколько-нибудь значимые дела, отнесенные к компетенции Верховного суда, он мог принимать к рассмотрению и производству «исключительно по особым на каждый раз постановлениям ЦИК Союза или его Президиума», в некоторых других случаях – по инициативе Прокурора Верховного суда (тоже назначаемого Президиумом ВЦИК), прокуроров союзных республик и ОГПУ СССР. Все вопросы, исходящие не из этих инстанций, могли вноситься «не иначе как через Прокурора Верховного суда СССР или прокуроров союзных республик» (ст. 43–48, приложение 4). Прокурор Верховного суда был наделен правом опротестовывать решения пленума Суда в Президиуме ВЦИК.

Еще одной особенностью судебной системы было учреждение действующей как в военное, так и в мирное время военной юстиции в виде военной и военно-транспортной коллегий Верховного суда (члены которых назначались Президиумом ВЦИК) и разветвленной сети военных трибуналов, а также Специального присутствия Верховного суда для рассмотрения отдельных дел, решения о чем надлежало принимать Президиуму ВЦИК. Таким образом, вся деятельность высшего судебного органа была ограничена и поставлена под контроль все того же многовластного Президиума ВЦИК и его назначенцев.

Самым заметным изменением в тексте Конституции по сравнению с Договором 1922 г. было учреждение в составе ВЦИК второй палаты – Совета Национальностей. Решение об этом было принято в марте 1923 г. по настоянию республик. Порядок формирования Союзного Совета и Совета Национальностей был различным. Первый в количестве 371 члена предстояло избирать на Съезде пропорционально численности населения союзных республик. Состав второго, представители в который назначались самими союзными и автономными республиками и автономными областями, Съездом

лишь утверждался. Его общая численность в тексте Конституции не была оговорена. В соответствии с квотами, отведенными каждому из этих субъектов (представительство союзных и входивших в РСФСР автономных республик было уравнено), на момент утверждения Конституции он должен был насчитывать 86 членов (ст. 13–15).

Численный диспаритет был не столь уж существенен, поскольку для одобрения закона требовалось большинство в обеих палатах, а в случае разногласий – предусматривалась согласительная процедура. Значительно важнее было то, что компетенции палат не были разведены. Еще важнее – что диспаритет был установлен и в самом Совете Национальностей: представители РСФСР вместе с ее автономиями обладали значительным численным перевесом: 59 против 28. При возникновении спора между палатами вопрос надлежало перенести в согласительную комиссию, а если соглашения не удавалось достигнуть и там, спорный вопрос должен был передаваться на усмотрение Съезда, где у представителей РСФСР также было заведомое большинство. Совет национальностей не стал органом федерализма, способным оказывать реальное влияние на решение спорных вопросов.

В самую Конституцию, следовательно, была вписана конструкция унитарного государства. Преобладание союзных органов было гарантировано даже в том случае, если бы государственные решения принимались в рамках конституционно предписанных процедур и если бы свобода обсуждения национально-государственного устройства сохранялась хотя бы на таком уровне, какой она была на XII партийном съезде, а не угасала. Но запас прочности властной конструкции, закладываемый в Конституцию, был даже избыточен. Доминирующее положение в государстве внеконституционного властного центра было хорошо известно всем, кто участвовал в политической жизни, «Здесь говорят о независимых, о самостоятельных республиках советских...», – говорил на XII съезде Ф. Махарадзе, один из лидеров грузинских «национал-уклонистов». – Всем ясно, какая это самостоятельность, какая это независимость. Ведь у нас одна партия, один Центральный орган, который в конечном счете определяет для всех республик, даже для самых малюсеньких, все решительно»⁴⁵.

Но авторитет руководящих партийных органов и начавшиеся чистки партии были недостаточны для поддержания утверждавшегося режима. Для того в Конституции появилась одна из самых значительных новелл – глава в основном тексте и отдельное приложение, посвященные Объединенному Государственному Политическому Управлению (ОГПУ). Тайная политическая полиция получила особый статус в системе государственных органов. ОГПУ было дистанцировано от правительства (совещательный голос в СНК), находилось в ведении Президиума ВЦИК, руководило широко раскинутой сетью своих органов на местах – в союзных республиках (его уполномоченные назначались в СНК республик и руководили работой местных органов), военных округах, на транспорте, – ведало охраной государственной границы и вело «непосредственную оперативную работу в общесоюзном масштабе». ОГПУ имело самостоятельную смету, включенную в госбюджет, было поставлено на снабжение, транспортное и почтово-телеграфное обслуживание наравне с частями Красной армии, на его работников распространялись права и обязанности военнослужащих. В его непосредственном подчинении находились особые войска, выведенные из военного ведомства. За представителем ОГПУ было зарезервировано место в Верховном суде Союза (ст. 45, 61–63, приложение б). Суперструктура, совмещавшая надзорные, сыскные, карательные и разведывательные функции, по сравнению с которой соответствующие учреждения царизма выглядают импровизациями дилетантов⁴⁶, находилась еще в начале пути. Ее ожидало большое будущее.

Составители Конституции 1924 г. не сочли нужным помещать в ней ни раздел о гражданских и политических правах, ни даже отсылку по этому вопросу к Конституциям республик. В Конституции РСФСР 1925 г. воспроизводился перечень свобод (со всеми ограничениями), заявленный уже в 1918 г.: свобода совести, выражения мнений, собраний, союзов и т.д. Равные права были предоставлены, наряду с иностранцами, пребывающим на территории РСФСР, гражданам других союзных республик. Огово-

рено было (слово в слово с текстом 1918 г.) – разумеется, в интересах трудящихся – и лишение «отдельных лиц и отдельных групп прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции» (ст. 4–14). Правда, весной 1925 г. ВЦИК по инициативе М.И. Калинина принял решение включить в Конституцию норму о предоставлении избирательных прав отдельным категориям крестьян, нанимающих рабочую силу. Этому воспротивилось политбюро. Изменения внесли лишь в инструкцию о проведении выборов, но весной 1926 г. оно осудило и инструкцию. С 1925 по 1927 г. число «лишенцев» увеличилось в 2.5 раза⁴⁷.

В неизменном виде союзная и российская Конституции сохранили дискриминационную избирательную систему не всеобщих (перечень «лишенцев» был уточнен и дополнен), не равных (та же пропорция 1:5 между городскими и сельскими избирателями), не прямых (добавилась еще одна – союзная ступень) при не оговоренном конституционно порядке выборов – открытом или тайном (Конституция СССР, ст. 9; Конституция РСФСР, ст. 20, 68, 69). Не регулировала Конституция и формирование избирательных комиссий, порядок выдвижения кандидатов, организацию голосования. Избрание членов Президиума ВЦИК, собственно и вершившего главные государственные дела (разумеется, с подачи и под контролем политбюро), проходило такое количество ступеней, что между ними и избирателями терялась какая бы то ни было связь.

При создании Союза высшие органы РСФСР – ВЦИК, его президиум, СНК и другие – фактически переместились в центральные учреждения СССР. Сохранились и структуры как таковые, и преобладающая часть их персонального состава, несколько увеличившегося за счет сотрудников, делегированных другими республиками. Также и различные наркоматы – общесоюзные практически в полном составе (Наркоминдел вместе с представительствами за границей, Нарковоенмор вместе с Главным командованием, Реввоенсоветом, штабами) и общесоюзные подразделения объединенных наркоматов (ВСНХ и других) перешли с российского на союзный уровень. Реально преемником центрального государственного аппарата прежней РСФСР становился СССР, а не РСФСР, вошедшая в состав Союза. В.И. Ленин в 1923–1924 гг. (номинально) и А.И. Рыков в 1924–1929 гг. были председателями обоих Совнаркомов – СССР и РСФСР.

В общей исторической перспективе номинального советского конституционализма, как было справедливо отмечено в научной литературе, Конституция 1924 г. «сыграла важную роль в интеграции распавшейся царской империи в унитарное государство нового образца. Идея регионального сепаратизма и национализма (носителями которых являлись местные партийно-государственные элиты) была противопоставлена концепция мощной центральной власти, имеющей наднациональный характер»⁴⁸. На пути воссоздания империи в нетрадиционном оформлении был сделан не первый, но очень важный шаг. За ним последуют другие: республиканские Конституции будут унифицированы, сферы управления и контроля со стороны центральной власти – расширены до почти немислимого предела, а местные элиты, заявлявшие хотя бы самые слабые претензии на самостоятельность (или в том заподозренные), будут поголовно истреблены. Все необходимое (хотя, возможно, и недостаточное) в конституционном плане было заложено к середине 1920-х гг. Сталинская концепция автономизации восторжествовала, хотя и под чужим именем – федерации, союза. Республики, юридически подтвердившие вхождение в единое государство, не обрели средств ни для защиты от экспансии центральной власти, ни для воздействия на нее изнутри. Вторая палата псевдопарламента, как и большинство других советских органов, оказалась муляжом. В системе государственного управления все нити вели в Президиум ЦИК Союза. Одним из главных гарантов самосохранения этой системы стало ОГПУ. Заявка на его исключительную роль в государстве уже была заложена в Конституцию. Все, что не добирала государственная организация по части централистской властной вертикали, восполняла высокоцентрализованная и дисциплинированная партия.

Монополия партии на власть, на толкование национальных интересов, полагает А.Н. Медушевский, была единственно возможным способом восстановить и сохранить

утраченное единство многонационального государства, абсорбировать и интегрировать в его состав огромные и разнообразные регионы, ввести бюрократическую рационализацию и иерархизацию в традиционный и иррациональный мир патриархальных национальных окраин⁴⁹. Если это так, то распад исторически сложившейся империи был лишь отсрочен на три четверти века. Испытания, выпавшие на долю этого неладно скроенного мегагосударства: революцию и войну, продолжавшуюся до 1922 г., тотальное разорение и сепаратизм окраин, оно не смогло бы выдержать никаким иным образом. Правда, вернуть под имперско-советский скипетр под девизом мировой пролетарской революции более развитые (и с точки зрения доктрины более к ней восприимчивые) западные регионы не удалось. Это будет сделано – и надолго, и с солидным «привесом» – позже и в ином политическом, да и идеологическом оформлении.

Но тогда остается открытым вопрос: в какой мере сам способ восстановления государственного единства закладывал предпосылки его саморазрушения? Было ли последовавшее развитие в принципе безальтернативным? И еще: почему государство, опиравшееся на тотальное насилие, не просто просуществовало столь продолжительный срок, но и, оказавшись буквально на грани гибели, выдержало испытание еще более невыносимое, может быть, самое страшное и предельное в своей истории? Но ответы на эти вопросы выходят далеко за рамки данной работы.

Примечания

- ¹ 2-й Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1921. С. 48–52; *Сироткин В.* Почему Троцкий проиграл Сталину? М., 2004. С. 55.
- ² IX конференция РКП (б). Протоколы. М., 1972. С. 11, 26, 32, 33, 59, 70 и др.
- ³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 36–37.
- ⁴ XII съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 14.
- ⁵ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 43. С. 59.
- ⁶ Там же. С. 65.
- ⁷ Там же. С. 69, 220.
- ⁸ IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции. М., 1923. С. 80, 82, 84.
- ⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Изд. 7. М., 1953. С. 494–496, 563–564.
- ¹⁰ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 43. С. 63.
- ¹¹ КПСС в резолюциях... С. 574–576.
- ¹² IV Всемирный Конгресс... С. 105.
- ¹³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 73.
- ¹⁴ Там же. Т. 43. С. 231.
- ¹⁵ IV Всемирный Конгресс... С. 92, 93.
- ¹⁶ XII съезд РКП (б). С. 680.
- ¹⁷ Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 702.
- ¹⁸ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 20.
- ¹⁹ КПСС в резолюциях... С. 527–530.
- ²⁰ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 343–348, 383–384.
- ²¹ Состав ЦК на XII и XIII съездах увеличивался на 13 человек (с 27 до 40 и с 40 до 53), причем по 5 членов из 13 переводили из состава кандидатов, избранных на предыдущих съездах. Ни один из них на момент избрания не был рабочим от станка. См.: Центральный комитет, КПСС. ВКП(б). РКП (б). РСДРП(б). 1917–1991. Историко-биографический справочник. М., 2005. С. 8–12.
- ²² X съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 186–187.
- ²³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 115.
- ²⁴ *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 31–32.
- ²⁵ X съезд РКП(б). С. 192, 193, 202, 203.
- ²⁶ КПСС в резолюциях... С. 416–417.
- ²⁷ XII съезд РКП(б). С. 695.
- ²⁸ Там же. С. 480.
- ²⁹ Там же. С. 481, 385, 488, 595.

³⁰ Там же. С. 576, 605, 606, 613.

³¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 357.

³² Там же.

³³ XII съезд РКП(б). С. 483.

³⁴ Пайтс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 183.

³⁵ Карр Э. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. С. 305–308.

³⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 354.

³⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192–193, 198–200, 205–209; Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 211–213, 556–560.

³⁸ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 158.

³⁹ Подробнее о процессе подготовки первой Конституции СССР см.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 511–522.

⁴⁰ XII съезд РКП(б). С. 696.

⁴¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 361–362.

⁴² Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Разделы первый и второй. Приложения.

⁴³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Утверждена XII Всероссийским Съездом Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 11 мая 1925 г.

⁴⁴ XII съезд РКП(б). С. 582.

⁴⁵ Там же. С. 516.

⁴⁶ См.: Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909; Меньшиков Л.П. Охрана и революция. Ч. I, II, III. М., 1925–1932; Роуд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993; Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000.

⁴⁷ Долуцкий И.И., Ворожейкина Т.Е. Политические системы в России и СССР в XX веке. Т. 2. М., 2008. С. 42.

⁴⁸ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 522.

⁴⁹ Там же. С. 524, 525.

© 2010 г. Ф. Л. СИНИЦЫН*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В СССР: попытка реализации и противодействие (1936–1939 гг.)

Как известно, советское правительство провозгласило введение института свободы совести¹ в качестве одного из своих приоритетов². Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 2 февраля 1918 г. гласил: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются»³. Норма о свободе совести была представлена в ст. 13 Конституции РСФСР 1918 г., ст. 4 Конституции РСФСР 1925 г. и ст. 124 Конституции СССР 1936 г.: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами»⁴. Однако свобода совести в советском государстве трактовалась, в целом, однобоко и некорректно – только как свобода *не верить* в Бога, свобода вести антирелигиозную пропаганду. Утверждалось, что «в Советской стране исповедовать любую религию – это дело совести каж-

* Синицын Федор Леонидович, кандидат исторических наук.

дого, и вести антирелигиозную пропаганду – это *долг* (курсив мой. – Ф.С.) каждого сознательного гражданина»⁵. Советская пропаганда обличала «панскую Польшу», где «подавлялась свобода совести» путем введения уголовного наказания за атеизм⁶, но умалчивала о преследовании Православной церкви в этой стране. На практике, свобода совести не только не гарантировалась советским государством, но открыто им нарушалась. Одним из основных нарушений было поражение духовенства в гражданских правах. Ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. гласила, что «не избирают и не могут быть избранными: ... монахи и духовные служители церквей и религиозных культов». В ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г. это положение было дано с уточнением – «монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией»⁷. Однако такое уточнение большой роли не играло.

Религиозное обучение детей и миссионерская деятельность в СССР были запрещены. Хотя положения ст. 4 Конституции РСФСР 1925 г. в первоначальном варианте обеспечивали возможность ведения как антирелигиозной, так и религиозной агитации, в 1929 г. в Конституцию была внесена поправка, отменившая свободу религиозной агитации⁸. Пропаганда давала такому положению вещей лицемерное объяснение: якобы «религиозная агитация... глубоко враждебна нашему народу, нашему государству, науке, всей нашей культуре»⁹. В то же время, государство открыто поддерживало и финансировало антирелигиозную пропаганду. Массовым тиражом выпускалась антирелигиозная литература и периодическая печать, работали 47 антирелигиозных музеев¹⁰. 13 октября 1922 г. при ЦК ВКП(б) была создана Комиссия по антирелигиозной пропаганде («Антирелигиозная комиссия»), руководителем которой стал видный партийный и советский деятель Е.М. Ярославский. Решающую роль в развитии «безбожного движения» в стране сыграла издававшаяся с 1922 г. газета «Безбожник». Вокруг нее быстро сложилась сеть корреспондентов и читателей. В августе 1924 г. в Москве было образовано «Общество друзей газеты “Безбожник”» (ОДГБ). В апреле 1925 г. I съезд ОДГБ постановил создать единое всесоюзное антирелигиозное общество, с июня 1925 г. получившее название «Союз безбожников» (СБ). В июне 1929 г. в Москве на II съезде СБ было принято решение о переименовании организации в «Союз воинствующих безбожников» (СВБ)¹¹. СВБ вел агрессивную антирелигиозную пропаганду, в том числе, при помощи издававшихся массовым тиражом газеты и журнала «Безбожник», журнала «Антирелигиозник», ряда местных антирелигиозных газет и журналов.

Однако в 1936 г. в ряде аспектов государственной политики по отношению к религии произошли определенные изменения. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1936 г. Крещение Руси было признано «положительным этапом в истории русского народа»¹². Христианство, в целом, стало рассматриваться как «прогрессивное явление» в истории Киевской Руси¹³. Даже антирелигиозная печать утверждала, что Крещение Руси было «крупнейшим историческим событием», имевшим «большое значение»¹⁴. В принятой 5 декабря 1936 г. Конституции СССР была отменена норма о дискриминации духовенства в отношении избирательных прав. Ст. 135 Конституции гласила, что «все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от... вероисповедания, социального происхождения... и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными. Депутатом Верховного Совета СССР может быть избран каждый гражданин СССР, достигший 23 лет, независимо от... вероисповедания,.. социального происхождения... и прошлой деятельности»¹⁵. Пропаганда тиражировала этот факт, утверждая, что «в СССР безбожники и верующие пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности»¹⁶. После того, как 1 февраля 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о демократизации избирательного механизма в стране¹⁷, обсуждение вопроса о наделении «лишенцев», в том числе священнослужителей, избирательными правами, проходило в условиях, когда действительно допускались разные точки зрения. Сталин изначально был против сохранения института «лишенцев»¹⁸. Ярославский поддерживал его, утверждая, что «было бы неправильно судом лишать всех священнослужителей избирательных прав, т.е. ставить... в положение преступника», так как

«не только в нашей стране верующие истолковали бы это как стеснение, ограничение свободы вероисповедания, но и во всем мире враги наши использовали бы этот факт против нас»¹⁹. Наконец, в ноябре 1936 г. на Чрезвычайном VIII съезде Советов Сталин окончательно высказался против выдвинутых поправок о запрещении отправления религиозных обрядов и лишения избирательных прав служителей культа и других «элементов»²⁰. Были также отвергнуты поправки о введении уголовной ответственности «классово-враждебных элементов» за «нелегальные собрания» и «подстрекательство к проведению своих кандидатур на выборах»²¹.

Сразу после опубликования проекта новой Конституции СССР 12 июня 1936 г., заложенные в ней изменения были с надеждой встречены в среде священнослужителей. Некоторые из них считали, что в проекте Конституции много библейского», а ст. 124 Конституции «свидетельствует о примирении советских граждан с Богом»²². В с. Котельники Московской обл. священник и церковный староста разясняли верующим, что «Бог вразумил большевиков»²³. В августе 1936 г. в Звенигороде священник высказался, что «вера будет крепчать», так как раньше народ «боялся ходить в церковь, а теперь – свобода совести»²⁴. В Лужайском сельсовете Шахунского района Горьковской обл. священник «устроил молебен и приветствовал Конституцию»²⁵. Курский архиепископ Артемон и Дмитриевский епископ Иоасаф полагали, что с принятием Конституции будет отменена регистрация духовенства в советских административных органах, будут открыты свечные заводы, разрешены колокольные звоны²⁶. Среди духовенства Грузии повсеместно распространилась уверенность, что «скоро откроют все церкви». Аналогичные настроения в отношении открытия мечетей бытовали в Нахичеванской АССР²⁷. В Тамбовском районе Воронежской обл. священник говорил, что изменение Конституции «произошло в результате того, что на Советский Союз воздействовали иностранные государства», и что «скоро вообще власть переменится»²⁸.

Священнослужители полагали, что теперь они «считаются трудящимися», поэтому они «будут впредь исполнять свои религиозные обязанности и одновременно служить в советских учреждениях», в результате чего их положение укрепитя. Они надеялись, что ст. 124 Конституции «означает поворот партии и советской власти в сторону признания за религией и религиозными организациями... положительной роли». Священник одного из сел Ковернинского района Горьковского края сказал: «Братья! Наступили счастливые для всего мира дни. Кем я был раньше? Лишенцем. А теперь и мне дали свободу и меня зовут в Совет». Священнослужители рассчитывали, что будет разрешена религиозная пропаганда вне храмов, восстановлен Закон Божий в школах²⁹. Некоторые священнослужители открыто приветствовали нововведения, представленные в Конституции. Священник одного из сел Дедовичского района Ленинградской обл. прислал в сельсовет письмо, в котором благодарил советскую власть за предоставление ему голоса и предлагал свою помощь в разъяснении избирательного закона среди мирян³⁰. В Черномском районе Московской обл. священник на отчетном собрании «благодарил трудящихся и советскую власть за предоставленное ему право участия в общественной жизни». Священник Пospelов прислал в газету «Тамбовская правда» свои тезисы, в которых назвал советскую власть «богоданной и богоустановленной»³¹. Обновленное духовенство Вяземской епархии в феврале 1937 г. направило письмо И.В. Сталину, в котором выражало «глубочайшую благодарность за дарованные... права»³². Однако наиболее реалистично настроенные священнослужители выражали недоверие к нововведениям. Бывший архимандрит Киево-Печерского монастыря П. Иванов говорил: «Эти права принадлежали гражданам СССР и по прежней Конституции..., а на деле было... открытое издевательство, глумление и преследование... Вот почему никто из верующих... абсолютно не доверяет не только 124-й [статье], но и всей в целом Конституции»³³.

После опубликования проекта Конституции священнослужители начали предпринимать конкретные шаги по реализации вновь предоставленных им прав. В частности, они выдвигали предложения к проекту Конституции, в том числе, об уменьшении налогов на духовенство и храмы, запрещении «издевательств над церковью,

духовенством и верующими», разрешении «праздновать Воскресенье», недопущении «давления за религиозные убеждения» и закрытия храмов без согласия религиозной общины³⁴ и даже о запрещении проведения собраний в колхозах и совхозах во время богослужений³⁵. Священнослужители выступали перед мирянами с разъяснениями Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» (приняты 9 июля 1937 г.). Созданные священниками группы по «проработке» Конституции действовали в Карельской, Татарской АССР, Ленинградской и Омской обл. В Белоруссии церковная власть командировала в ряд районов республики до 40 священников с целью «разъяснения» Конституции³⁶. В Тулуйском сельсовете Каясулинского района Дагестанской АССР мулла А. Салахов по поручению председателя сельсовета провел ряд бесед по разъяснению «Положения о выборах» населению. В Баку мусульманское духовенство само принимало участие в организованных лидерами мусульманской общины курсах по изучению Конституции³⁷.

Священнослужители предпринимали попытки участия в советских мероприятиях, что иногда встречало понимание со стороны местных властей. В Дальнеконстантиновском районе Горьковской обл. сельсовет поручил священнику произвести подписку на заем обороны. В Минеральных Водах председатель избирательной комиссии назначил псаломщика Федоркина организатором предвыборного совещания, поручил ему оповещение граждан. В ряде районов священники по собственной инициативе производили подписку на сбор средств в пользу испанских детей. В Домошском сельсовете Чебарского района Вологодской обл. священник принял участие в двух отчетных собраниях сельсовета. В Ленинградской обл. (Старая Русса, Порховский и Новгородский районы) священнослужители пытались принять участие в организованных местными властями кружках по изучению «Положения о выборах». В с. Гуньковское Московской обл. в президиум собрания сельского актива была выдвинута кандидатура местного священника (не прошла). В Орловском сельсовете Городищенского района Сталинградской обл. священнослужители, по некоторым сведениям, чуть ли не объявили церковь «государственным учреждением», на основании чего требовали «помощи от сельсоветов, отпуска и доставки лесоматериалов для ремонта церкви»³⁸.

Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР сообщала, что после опубликования проекта Конституции «увеличилось количество жалоб и изменился их характер». Почти в каждой жалобе имелись ссылки на ст. 124 и 125 Конституции. Тон заявлений стал «требовательнее, настойчивее». Повседневными стали ходатайства, на основании ст. 135 Конституции, об открытии церквей, разрешении проводить религиозные шествия, церемонии под открытым небом и молебны по домам³⁹. Если в 1935 г. Комиссия по вопросам культов получила 9 221 жалобу и приняла 2 090 ходочков⁴⁰, то в 1936 г. было уже 9 646 жалоб и 2 945 ходочков⁴¹.

Случались попытки самовольного открытия ранее закрытых церквей и молитвенных домов, за что, например, священник с. Хуторово Воронежской обл. был привлечен к ответственности. Молоканская община г. Рассказово вела сбор подписей в пользу открытия молитвенных домов, так как «по новой Конституции все церкви и молитвенные дома должны быть открыты». Члены одного из церковных советов в Россошанском районе Воронежской обл., ссылаясь на Конституцию, вели среди населения агитацию: «Церковь от государства отделена, поэтому нужно требовать от сельсовета немедленного освобождения нашей церкви от находящегося в ней хлеба». За такие высказывания они были арестованы⁴². В Белгороде прошло совещание с участием более 50 священнослужителей. После совещания, «по-своему истолковав ст. 124, 135 и 136 проекта Конституции», они начали вести сбор подписей за открытие церквей⁴³. В июне 1936 г. ламы Баргузинского дацана (Бурятия) жаловались в Комиссию по вопросам культов на «незаконные притеснения», в том числе, изъятие имущества, аресты, высылку⁴⁴. В Орехово-Зуево возвратились 5 священников, которые «ставили вопрос» об открытии церкви⁴⁵. В мае 1937 г. церковные активисты Сталинградской обл. требовали открытия храмов⁴⁶. Священнослужители пытались усилить религиозную агитацию, расширить церковный актив. В д. Лисьи Ямы Ленинградской обл. прошло двухдневное совещание

13 священников и 40 активистов, которые обсуждали «вопрос о новых методах влияния на колхозников»⁴⁷. В Алексеевском сельсовете Кингисеппского района Ленинградской обл. священник призывал мирян выбирать в церковную двадцатку «стахановцев, людей помоложе и поэнергичнее». В Бубаринском сельсовете Боровичского района Ленинградской обл. шла агитация в пользу увеличения количества членов двадцатки и более частого посещения церковных служб. В Луге двадцатка была расширена до 48 человек⁴⁸. В ряде мест священнослужители требовали прекратить антирелигиозную пропаганду в школах⁴⁹. В дополнение к требованиям разрешить крестные ходы, духовенство решалось их совершать без санкции государственных органов, обосновывая это тем, что «Конституция говорит о свободе уличных шествий»⁵⁰. В мае 1937 г. открытые выступления религиозных активистов, в том числе, крестные ходы, имели место в Сталинградской обл.⁵¹ На Украине, в Азово-Черноморском крае, Воронежской, Саратовской обл. и ряде других регионов священнослужители пытались организовать демонстрации в пользу открытия церквей и отправку церковных делегаций в Москву и Киев. При этом руководители религиозных организаций указывали, что «свобода уличных демонстраций обеспечивается Конституцией»⁵². В ряде мест священнослужители изъявляли желание войти в состав сельсоветов, вступить в колхоз, добивались активного участия в рабочих и колхозных собраниях, требовали работы по совместительству в государственных и хозяйственных учреждениях. В Зилаирском районе Башкирской АССР священник Высоцкий открыто заявил местным сельсоветчикам: «Придет время выборов – сядем на ваше место»⁵³.

После принятия новой Конституции были назначены выборы в Верховный Совет СССР (на 12 декабря 1937 г.), Верховные Советы республик (на июнь 1938 г.), местные советы (на декабрь 1939 г.). В связи с тем, что избирательные права были предоставлены, в том числе, «классово-чуждым» элементам, эти выборы следует рассматривать как «испытание на прочность» для советского режима⁵⁴. Сначала власть не опасалась того, что выборы могут перерасти в нечто неуправляемое. Сталин возражал тем, кто говорил, что «это опасно, так как могут проникнуть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т.д.». Он считал так: «Чего тут собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить»⁵⁵. Ярославский вторил вождю: «Какая опасность от того, что служители культов всех вероисповеданий, а их наберется в СССР всего около сотни тысяч (с небольшим), – будут голосовать? Трудно представить себе, чтобы нашелся такой священник в Советском Союзе, за которого массы голосовали бы и выбрали бы его в Совет... Никакой опасности от предоставления им избирательных прав и права быть избираемыми нет»⁵⁶. «Благодушным» настроениям советского руководства в отношении наделения избирательными правами священнослужителей способствовало убеждение, что религия в СССР якобы пришла к окончательному упадку. Антирелигиозная пропаганда распространяла сведения, что в стране «религия не играет никакой роли», «многие молятся Богу лишь ради страховки, на всякий случай»⁵⁷, «социально-экономические корни религии... уничтожены»⁵⁸. Среди советского и партийного актива бытовало мнение, что с «религией уже все покончено», за нее «держатся только старики и старухи»⁵⁹. В феврале 1936 г. Ярославский на юбилейном вечере по случаю десятилетия СВБ доложил, что безбожники к тому времени составляли, как минимум, половину населения СССР. При этом он считал, «что мы уже переваливаем за вторую половину»⁶⁰. В августе 1937 г. Ярославский уверял, что безбожие «распространяется гигантскими шагами, верующих и священников «становится все меньше и меньше»⁶¹. Из некоторых его высказываний, сделанных в 1937 г., можно сделать вывод, что, по его мнению, максимальное число верующих в СССР не должно было превышать $\frac{1}{3}$ населения⁶². Антирелигиозная пропаганда уверяла, что после опубликования Конституции священники будут массово слагать сан⁶³ и даже что «часть служителей культа уже сейчас просит дать какую-нибудь работу, лишь бы уйти из церкви»⁶⁴. В подтверждение приводились отдельные факты сложения сана. В журнале «Безбожник» было опубликовано письмо бывшего архиепископа из Калуги А.В. Рябцовского о том, что он принял решение покинуть

Церковь после того как «был обнародован документ беспримерной исторической важности – проект Сталинской Конституции», который, по мнению Рябцовского, являл собой «все, что нужно для благоустройства человеческого общества»⁶⁵. Очевидно, по причине уверенности в том, что религия больше не представляет опасности, Сталин ратовал за менее воинственное ведение антирелигиозной пропаганды. Когда в апреле 1936 г. в программу X съезда ВЛКСМ хотели включить пункт «Комсомол решительно и беспощадно борется с религиозными предрассудками», он сказал: «Зачем писать “решительно” и “беспощадно”? Терпеливо надо разъяснять молодежи вред религиозных предрассудков»⁶⁶.

Проведенная в январе 1937 г. Всесоюзная перепись населения была призвана оправдать ожидания советского правительства по поводу «изживания» религии. Прогнозировалось широкое распространение атеизма, а процент верующих предполагался небольшой⁶⁷. Однако результаты переписи стали неприятной неожиданностью для советского руководства: доля верующих среди советских граждан оставалась высокой – 57% взрослого населения (в сельской местности – примерно $\frac{2}{3}$ всего населения, в городах – не менее $\frac{1}{3}$)⁶⁸. Не позднее 14 марта 1937 г. начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.А. Краваль писал И.В. Сталину и В.М. Молотову, что «число верующих оказалось больше, ...чем ожидали», а также указывал на то, что «день переписи был установлен неудачно: ...выходной день, да еще и рождественские праздники»⁶⁹, что говорило о сохранявшейся социальной значимости праздника Рождества. Сначала результаты переписи, свидетельствовавшие о высокой религиозности населения, фактически отрицались – пропаганда утверждала, что «одним из замечательных результатов [переписи]... являются показатели роста безбожия среди народов СССР»⁷⁰. Затем этот вопрос пытались обойти: «Как велико число безбожников в нашей стране, мы сказать не можем. Это покажет перепись». «Верующих людей у нас еще много миллионов»⁷¹. Впоследствии, неохотно признали, что «во многих районах нашей страны число верующих достигает внушительной цифры; иногда эта цифра превышает число неверующих»; «религиозные обычаи очень часто еще выполняются немалой частью населения»⁷². В декабре 1937 г. Ярославский отметил, что безбожникам «на ближайшее десятилетие хватит работы»⁷³. Результаты переписи в отношении религиозности населения, как минимум, до июня 1937 г. скрывались даже от Комиссии по вопросам культов. 1 июня 1937 г. председатель Комиссии П.А. Красиков писал и.о. председателя ЦУНХУ И.Д. Верменичеву: «Прошу Вас сообщить мне хотя бы строго секретно те разработки и данные, которыми Вы уже располагаете»⁷⁴.

В дополнение к результатам переписи, которые разрушили ложное представление об искоренении религии в СССР, не оправдались надежды на массовое сложение сана священнослужителями. Комиссия по вопросам культов отмечала, что в их среде преобладали противоположные настроения: «Признавая духовенство, советская власть подтверждает, что не может обойтись без него», «религиозность населения, ранее искусственно подавленная, возрастет», «авторитет служ[ителей] культа среди населения поднимется»⁷⁵. Действительно, к середине 1930-х гг., в целом, произошло изменение отношения простых людей к духовенству. Лишенное государственного покровительства и преследуемое властями духовенство вызывало все большее сочувствие в низах общества. По мнению М.Ю. Крапивина, священник 1930-х годов был уже не старорежимный «жирный поп», а свой брат-труженик, советчик и утешитель⁷⁶.

Таким образом, в начале 1937 г. ситуация в религиозном вопросе кардинальным образом изменилась. Власть осознала, что ошибалась, представляя проблему религиозности населения решенной. Эта ошибка могла стоить дорого, принимая во внимание приближение выборов в Верховный Совет СССР. Можно согласиться с мнением, что в данном аспекте Конституция, «задуманная как особый пропагандистский трюк, как гениальный обман иностранного мира и своего народа, могла стать опасной для власти и для вождя»⁷⁷.

Проведение выборов по новым нормам законодательства, которое предоставило духовенству пассивное и активное избирательное право, всколыхнуло религиозные

круги. Священнослужители развили бурную деятельность по мобилизации религиозного актива, подбору и выдвижению своих кандидатов в депутаты – такая деятельность была отмечена в Татарской, Удмуртской, Чувашской АССР, Горьковской, Западной, Куйбышевской, Ленинградской, Омской, Сталинградской, Ярославской областях РСФСР и Харьковской обл. УССР⁷⁸. В с. Николаевка Воронежской обл. группа во главе с местным священником призвала население «воспользоваться новой Конституцией, быть организованными, чтобы легче продвигать к руководству своих людей»⁷⁹. В с. Богородское Ивановской обл. начетчик Спирлов уверял верующих, что «Христос – коммунист, и все, кто соблюдает его учение, – настоящие коммунисты, а потому выбирать в советы надо только верующих»⁸⁰. В Сайрамском районе Южно-Казахстанской обл. при участии мусульманского духовенства был составлен список своих кандидатов в председатели райисполкома, сельсоветов и других государственных органов⁸¹. Священнослужители устраивали «пробные выборы», в частности, в Узбекской ССР, Карельской АССР, Калининской и Горьковской обл.⁸² В Щекинском сельсовете Северной обл. религиозные активисты убедили колхозников переизбрать председателя колхоза им. Литвинова и выбрать на его место местного псаломщика⁸³. Порой священнослужители совершали предвыборные поездки – в частности, по колхозам Харьковской обл.⁸⁴, а также вели агитацию с помощью «странствующих» религиозных активистов⁸⁵. Агитация велась не только в среде религиозной общины, но и в миру – например, в Ивановской обл. священник вел агитацию в промышленной артели за выдвижение его кандидатуры в Верховный Совет СССР⁸⁶. Священнослужители пытались реализовать свое право на участие в избирательных комиссиях, в частности, в Ленинградской обл. Антирелигиозная пропаганда с возмущением сообщала, что в Мирзояновском районе Южно-Казахстанской обл. из 125 человек, выдвинутых в участковые избирательные комиссии, 55 оказались «классово-чуждыми» – особенно были представлены «сектанты, муллы, попы»⁸⁷.

Разумеется, выдвигая своих кандидатов в депутаты, священнослужители не имели в виду «контрреволюционную» деятельность, которую им приписывала советская пропаганда, а в основном стремились упрочить положение религиозных институтов: например, в Малмыжском районе Кировского края собрание церковных активистов постановило: «Чтобы церковь хорошо работала, ...нужно выдвинуть в Верховный Совет кандидатуру протоиерея»⁸⁸. В то же время, советские органы выявили попытки ряда священнослужителей и религиозных активистов, тем или иным образом, противодействовать проведению выборов – они «призывали верующих проваливать кандидатуры коммунистов»⁸⁹, агитировали против «блока коммунистов и беспартийных»⁹⁰. В Мытищинском районе Московской обл. церковная группа «старалась дискредитировать кандидатуры, выставляемые в Верховный Совет»⁹¹. В Карелии ко дню выборов религиозные активисты приурочивали ремонт молитвенных зданий, в Грузии – организовывали религиозные процессии и массовые богослужения на кладбищах. Распространялись «письма с неба», которые пророчили близкий конец света, а с ним – и конец безбожной власти⁹². Муллы и ишан Ашхабадского района Туркменской ССР «запугивали» женщин, отвлекали их от посещения кружков по изучению избирательного закона. В Уфе были распущены слухи, что «большевики к выборам не подготовились, и выборы не состоятся»⁹³.

Резкая активизация религиозного актива вызвала серьезную озабоченность у советских властей. На февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) А.А. Жданов объявил, что Церковь – это единственная сила, «не подконтрольная правящей партии»⁹⁴. В марте 1937 г. Ярославский констатировал: «Поповщина переходит в наступление»⁹⁵. В ответ была развернута широкая программа противодействия под следующими лозунгами: «Дать отпор поповщине во время предстоящих выборов»; «Не место служителям культов в Советах депутатов трудящихся!»; «Не пропустим враждебных людей в органы советской власти! Разоблачим врагов под маской служителей культа»⁹⁶. Во-первых, пресекалась деятельность по выдвижению религиозными активистами кандидатов в депутаты. Государственные органы отслеживали, чтобы на предвыборных собраниях выдвигали только «нужных» кандидатов. Появление «незапланированных» кандидатов пресекалось⁹⁷. Пропаганда призвала «быть бдительными», чтобы не дать духовен-

ству «помешать успешному проведению избирательной кампании». Особенно это касалось выборов в местные советы, где, как ожидалось, «придется встретиться с более активной работой церковников», которые «питают надежды попасть в Советы... в селах (меньше... в городах)» и будут «действовать более тонкими, более замаскированными приемами»⁹⁸. Юридическим основанием для пресечения выдвижения кандидатов религиозными активистами служили дискриминационные положения ст. 141 Конституции: «Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами»⁹⁹. Этот перечень был исчерпывающим. Религиозные организации, на основании того, что они были «отделены от государства» и «лишены права вмешиваться в государственные дела», выставлять кандидатов в депутаты права не имели¹⁰⁰. Во-вторых, была развернута бурная пропагандистская кампания, направленная на убеждение населения, что все священнослужители – «враги народа», «шпионы», «агенты фашизма». Советская печать утверждала, что служители религии «зачастую являются прямыми агентами и участниками всякого рода контрреволюционных шаек, иностранных разведок, диверсантских бандитских организаций и т.п.»; что «шпионы и диверсанты бродят по нашим селам под видом попов, монахинь, святых и юродивых, собирают сведения шпионского характера, готовят диверсии и террористические акты». Утверждалось также, что «значительное количество попов разоблачено, как враги народа», и что «всякий, даже самый “советский” поп – мракобес, реакционер, враг социализма»¹⁰¹. Для иллюстрации крайней агрессивности этой кампании следует привести заголовки статей в центральной и региональной прессе: «Церковники и сектанты на службе фашизма», «Разоблачать фашистскую агентуру в рясах», «О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности духовенства», «С крестом и маузером», «Враги в рясах», «Попы-шпионы», «Шпионы и диверсанты в рясах», «Церковники и сектанты на службе фашистских разведок»¹⁰². Пропаганда не скупилась на самые отвратительные эпитеты в адрес священнослужителей (например, «шпионско-диверсантская церковно-сектантская мразь»)¹⁰³. В-третьих, с 1937 г. разворачиваются массовые репрессии в отношении священнослужителей. Аресту подверглась большая часть православного духовенства (включая обновленцев), а закрытие церквей приобрело обвальный характер – только в 1937 г. было закрыто 8 тыс. церквей¹⁰⁴. По данным А.Н. Яковлева, в 1937 г. по «церковным делам» было арестовано 136 900 человек, из них расстреляно – 85 300; в 1938 г. – соответственно: 28 300 и 21 500¹⁰⁵. В 1937 г. было арестовано 50 православных епископов (для сравнения – в 1935 г. – 14, в 1936 г. – 20 епископов)¹⁰⁶. В апреле 1938 г. была ликвидирована Комиссия по вопросам культов, которая, пусть предвзято, но все-таки занималась разбором жалоб верующих на незаконные притеснения, принимая в том числе, решения о пресечении незаконного закрытия церквей и мечетей¹⁰⁷. С апреля 1938 г. вопросами религии занимались только специальные структуры НКВД.

Накал репрессий снизился лишь в конце 1939 г., когда у советского руководства появилось намерение проводить более «осмотрительную» политику в отношении религиозных институтов, в том числе, с целью использования Московского Патриархата для подчинения православных приходов на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Государство создало видимость религиозной терпимости в стране, значительно уменьшив масштабы антицерковных акций. В июне 1940 г. была отменена «шести-дневка», восстановлен традиционный для христианского календаря воскресный отдых. Однако уже в 1940 г. произошло новое ужесточение религиозной политики, в том числе, очередной подъем репрессий, прерванный только нападением Германии¹⁰⁸. Если в 1939 г. по «церковным делам» было арестовано 1 500 и расстреляно 900 человек (в 95 раз меньше, чем в 1937 г.), то в 1940 г. – соответственно: 5 100 и 1 100; в 1941 г. – 4 тыс. и 1 900¹⁰⁹.

Репрессии, с особой силой развернутые в отношении священнослужителей и религиозных активистов в 1937–1938 гг., следовали в общем русле политики массового

террора, достигшего в те годы своей кульминации. При этом усугубляющим обстоятельством для духовенства и религиозного актива стало их ярко проявившееся в 1936–1937 гг. стремление реализовать свои конституционные права.

Итак, причина предоставления избирательных прав священнослужителям (что явилось формальным приведением института свободы совести в СССР в корректное состояние) заключалась в стремлении советского руководства представить Конституцию 1936 г. как самую прогрессивную и демократичную в мире¹¹⁰. Новая конституция, щедро «начиненная» всевозможными правами и демократическими принципами, произвела в тот момент сильное впечатление на советских граждан, многие из которых, поверив в действительность предоставленных им прав, почувствовали себя «гораздо свободнее, чем раньше»¹¹¹. Советское руководство уверенно пошло на отмену дискриминации в отношении священнослужителей, полагаясь на уверения «безбожников», что религия более не представляет опасности для режима. Советские вожди, хотя и предвидели определенное оживление религиозных кругов, не предполагали, что эти круги будут столь активны в стремлении реализовать новые конституционные нормы на практике. Однако духовенство с большой надеждой восприняло изменения в законодательстве, открыто приветствовало предоставление священнослужителям избирательных прав, активно пыталось реализовать эти права, а также ряд других прав, как ему казалось, вытекавших из норм новой Конституции (например, право на проведение религиозных шествий). В этом духовенству оказывали поддержку наиболее активные верующие-миряне.

Многие священнослужители и религиозные активисты восприняли введение всеобщего избирательного права как начало серьезного поворота в религиозной политике государства, направленного на облегчение положения конфессий и верующих. Таким ожиданиям могло способствовать признание советским руководством положительной исторической роли Крещения Руси и христианства в целом. Однако эти ожидания были ошибочными. Пересмотр роли Крещения Руси и христианства был продиктован не изменением политики государства по отношению к религии, а курсом советского руководства на возвращение к патриотическим и национальным ценностям, как оказалось, вполне совмещавшимся с политикой «построения социализма в одной стране». В рамках этого курса понятие «Родина» (с приставкой «советская») было вновь введено в государственный лексикон¹¹², в 1934 г. произошло восстановление отечественной истории как учебной и воспитательной дисциплины; в 1936 г. русскому народу было официально предписан статус «великой и передовой нации», а в 1938 г. присвоен своеобразный титул «старшего брата в семье советских народов»¹¹³. В 1936 г. был подвергнут критике поэт Демьян Бедный за очернение богатырей русского былинного эпоса в опере-фарсе «Богатыри». Отмечалось, что богатыри «являются в народном представлении носителями героических черт русского народа»¹¹⁴. И это несмотря на то, что Илья Муромец был монахом Феодосиева монастыря (ныне Киево-Печерская Лавра), канонизированным Русской Православной Церковью. Впоследствии, в пантеон чтимых советской властью героев был включен князь Александр Невский, также канонизированный РПЦ; в ноябре 1938 г. на экранах появился исторический художественный фильм «Александр Невский»¹¹⁵. Советская пропаганда не могла не отметить факт канонизации князя, однако пыталась преуменьшить значимость этого факта, утверждая, что «церковь долго спекулировала именем... героя в своих корыстных целях»¹¹⁶.

На наш взгляд, принимая во внимание высокую религиозность населения СССР, значительная часть духовенства имела высокие шансы быть избранной в депутаты советов разных уровней. Однако власть при помощи антидемократичной системы выдвижения кандидатов, агрессивной антирелигиозной пропаганды и прямых репрессий не позволила священнослужителям и религиозным активистам реализовать свои конституционные права. Советская пропаганда с удовлетворением сообщала, что на выборах в советы «церковники были биты», «все происки церковников и сектантских вожаков потерпели... полный крах»¹¹⁷. При этом, конечно, не уточнялось, какими средствами эта цель была достигнута.

Примечания

¹ Институт свободы совести включает «свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» (Всеобщая декларация прав человека. СПб, 2004. С. 9). См. также: ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.); Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (1981 г.).

² До Октябрьской революции была провозглашена «свобода веры», но введение этого правового института до конца доведено не было. См.: Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Манифест от 17 октября 1905 г. Ст. 39 «Основных Государственных Законов Российской Империи» (приняты 23 апреля 1906 г.) гласила: «Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этою свободой определяются законом». Однако законопроект «О свободе совести», который рассматривался Государственной думой в 1906 г., принят так и не был. См.: *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 775–776.

³ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 373–374.

⁴ История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957. С. 145, 530, 744.

⁵ *Путинцев Ф.* О свободе совести. М., 1937. С. 6.

⁶ Как подавлялась свобода совести в панской Польше // *Безбожник*. 1939. № 9–10. С. 8.

⁷ История Советской Конституции... С. 155, 543–544.

⁸ *Курицын В.М.* История государства и права России. 1929–1940. М., 1998. С. 65.

⁹ Почему попам не предоставлена свобода агитировать за религию? // *Антирелигиозник*. 1939. № 1. С. 49.

¹⁰ *Ярославский Ем.* Задачи антирелигиозной пропаганды // *Антирелигиозник*. 1941. № 5. С. 7.

¹¹ *Покровская С.В.* Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность. 1925–1947. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 20, 21, 27, 32, 34, 39, 49.

¹² РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 982, л. 40.

¹³ *Бахрушин С.В.* К вопросу о Крещении Руси // *Историк-марксист*. 1937. № 2. С. 76.

¹⁴ *Керженцев П.* Фальсификация народного прошлого (о «Богатырях» Д. Бедного) // *Правда*. 1936. 15 ноября; *Никольский В.* Введение христианства на Руси // *Антирелигиозник*. 1939. № 1. С. 31.

¹⁵ История Советской Конституции... С. 745.

¹⁶ Сталинская Конституция и свобода совести // *Безбожник*. 1938. № 11. С. 2.

¹⁷ *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 142.

¹⁸ *Жуков Ю.Н.* Репрессии и Конституция СССР 1936 года // *Вопросы истории*. 2002. № 1. С. 15.

¹⁹ *Ярославский Ем.* Новая Конституция и вопрос о религии // *Антирелигиозник*. 1936. № 4. С. 4, 6.

²⁰ Доклад И.В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР // *Правда*. 1936. 26 ноября.

²¹ *Дорожкина Я.Б.* Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы в Западной Сибири: 1937–1941 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. С. 93.

²² *Федосеев П.* Подготовка к выборам в Советы и антирелигиозная пропаганда // *Антирелигиозник*. 1937. № 8. С. 10.

²³ *Амосов Н.* Антирелигиозная пропаганда летом // *Безбожник*. 1937. № 6. С. 3.

²⁴ *Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и материалы.* М., 1996. С. 277.

²⁵ Предвыборные маневры церковников // *Безбожник*. 1938. № 6. С. 3–4.

²⁶ *Токарев С.В.* Повседневная жизнь провинции в период обсуждения, принятия и реализации Конституции СССР 1936 года. Курск, 2002. С. 19.

²⁷ *Олещук Ф.* За большевистский размах предвыборной агитации // *Антирелигиозник*. 1937. № 9. С. 3.

²⁸ *Токарев С.В.* Указ. соч. С. 13–14.

²⁹ Как строить лекцию на тему «Выборы в Советы и антирелигиозная пропаганда» // *Антирелигиозник*. 1939. № 9. С. 47; *Федосеев П.* Указ. соч. С. 10.

³⁰ *Ефимов П.* Выборы в Советы и разоблачение церковников // *Антирелигиозник*. 1938. № 5. С. 15.

- ³¹ *Путинцев Ф.* Выборы в Советы и разоблачение поповщины. М., 1937. С. 22–24.
- ³² Русская Православная церковь и коммунистическое государство. С. 277.
- ³³ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 9.
- ³⁴ Там же, л. 9–12.
- ³⁵ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 62, л. 69.
- ³⁶ ГА РФ, ф. 5407, оп. 1, д. 107, л. 27; *Путинцев Ф.* Указ. соч. С. 22; *Ефимов П.* Указ. соч. С. 14.
- ³⁷ *Ефимов П.* Указ. соч. С. 14–15.
- ³⁸ *Путинцев Ф.* Указ. соч. С. 18, 30–31; *Ефимов П.* Указ. соч. С. 15–16.
- ³⁹ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 7–8.
- ⁴⁰ Там же, л. 14.
- ⁴¹ Там же, д. 48, л. 5–6.
- ⁴² *Токарев С.В.* Указ. соч. С. 15.
- ⁴³ *Шестакова М.* Трудящиеся СССР о предоставлении права голоса служителям культа // *Антирелигиозник.* 1936. № 5. С. 30.
- ⁴⁴ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 46, л. 59, 67.
- ⁴⁵ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 62, л. 69.
- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 5407, оп. 1, д. 106, л. 97.
- ⁴⁷ *Путинцев Ф.* Указ. соч. С. 23.
- ⁴⁸ *Ефимов П.* Указ. соч. С. 16.
- ⁴⁹ *Путинцев Ф.* Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 9–12.
- ⁵¹ Там же, ф. 5407, оп. 1, д. 106, л. 97.
- ⁵² Русская Православная церковь и коммунистическое государство. С. 317.
- ⁵³ *Путинцев Ф.* Указ. соч. С. 14; *Шестакова М.* Указ. соч. С. 30; Как строить лекцию на тему «Выборы в Советы и антирелигиозная пропаганда». С. 47; *Безбожник.* 1937. № 5. С. 17.
- ⁵⁴ Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 165.
- ⁵⁵ Доклад И.В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР.
- ⁵⁶ *Ярославский Е.* Новая Конституция и вопрос о религии. С. 7–8.
- ⁵⁷ *Фоминов Н.* Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // *Большевик.* 1937. № 20. С. 42.
- ⁵⁸ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 61, л. 2.
- ⁵⁹ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 18.
- ⁶⁰ Там же, ф. 5407, оп. 1, д. 105, л. 14.
- ⁶¹ *Ярославский Ем.* Надо ли давать избирательные права служителям культов // *Безбожник.* 1937. № 8. С. 6.
- ⁶² *Ярославский Ем.* О задачах профсоюзов на антирелигиозном фронте // *Антирелигиозник.* 1937. № 6. С. 3–4.
- ⁶³ Страна обсуждает проект Сталинской Конституции // *Безбожник.* 1936. № 9. С. 5–7.
- ⁶⁴ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 32, л. 13.
- ⁶⁵ *Рябцовский А.В.* Снимаю сан // *Безбожник.* 1937. № 3. С. 19.
- ⁶⁶ *Амосов Н.* Терпеливо разъяснять вред религии // *Безбожник.* 1936. № 9. С. 8.
- ⁶⁷ *Жиромская В.Б., Киселев И.П., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 96.
- ⁶⁸ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 118–119.
- ⁶⁹ Всесоюзная перепись населения 1937 года... С. 40–41.
- ⁷⁰ Всесоюзная перепись населения в 1937 году // *Безбожник.* 1937. № 2. С. 15.
- ⁷¹ *Ярославский Ем.* О задачах профсоюзов на религиозном фронте. С. 4, 9.
- ⁷² *Фоминов Н.* Указ. соч. С. 36.
- ⁷³ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 72, л. 5.
- ⁷⁴ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 49, л. 85.
- ⁷⁵ Там же, д. 32, л. 13.
- ⁷⁶ *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930 годов). Волгоград, 1997. С. 237.
- ⁷⁷ Обезвреженная конституция: основной «закон» СССР. Берлин, 1958. С. 11.
- ⁷⁸ *Путинцев Ф.* Указ. соч. С. 17, 18, 26, 27, 30; *Олеицук Ф.* За большевистский размах предвыборной агитации. С. 4; *Ефимов П.* Указ. соч. С. 14–16; Предвыборные маневры церковников // *Безбожник.* 1938. № 6. С. 3–4.

- ⁷⁹ Токарев С.В. Указ. соч. С. 13–14.
- ⁸⁰ Федосеев П. Подготовка к выборам в Советы и антирелигиозная пропаганда. С. 11–12.
- ⁸¹ Путинцев Ф. Указ. соч. С. 19.
- ⁸² По ленинскому пути // Безбожник. 1938. № 1. С. 3.
- ⁸³ Федосеев П. Указ. соч. С. 11–12.
- ⁸⁴ Олещук Ф. За большевистский размах предвыборной агитации. С. 4.
- ⁸⁵ Амосов Н. Антирелигиозная пропаганда летом. С. 3; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок // Антирелигиозник. 1938. № 3. С. 10.
- ⁸⁶ Ефимов П. Указ. соч. С. 16.
- ⁸⁷ Там же. С. 18.
- ⁸⁸ Там же. С. 14.
- ⁸⁹ Токарев С.В. Указ. соч. С. 15.
- ⁹⁰ По ленинскому пути // Безбожник. 1938. № 1. С. 3; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 9.
- ⁹¹ Предвыборные маневры церковников // Безбожник. 1938. № 6. С. 3–4.
- ⁹² Как строить лекцию на тему «Выборы в Советы и антирелигиозная пропаганда». С. 47.
- ⁹³ Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 10.
- ⁹⁴ Токарев С.В. Указ. соч. С. 19.
- ⁹⁵ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 62, л. 69.
- ⁹⁶ К итогам всесоюзного совещания работников СВБ // Антирелигиозник. 1938. № 1. С. 15; Ярославский Ем. Почему церковников не следует выбирать в Советы // Антирелигиозник. 1938. № 3. С. 5; Лучших людей – в Верховный Совет СССР // Безбожник. 1937. № 11. С. 3.
- ⁹⁷ Кашистратова Я.Б. Выборы 1937 г. в Верховный Совет СССР: выдвижение кандидатов (по материалам Новосибирской области) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993. С. 121–122.
- ⁹⁸ Лучших людей – в Верховный Совет СССР. С. 3; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 10; Стецкий А.И. Поднять новые кадры агитаторов-безбожников // Антирелигиозник. 1938. № 1. С. 11; Ярославский Ем. Почему церковников не следует выбирать в Советы. С. 5; Выборы в Советы и антирелигиозная пропаганда // Антирелигиозник. 1939. № 9. С. 2.
- ⁹⁹ История Советской Конституции... С. 746.
- ¹⁰⁰ Фоминов Н. Указ. соч. С. 40; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 10.
- ¹⁰¹ Итоги выборов в Верховный Совет и задачи антирелигиозной пропаганды // Антирелигиозник. 1938. № 1. С. 8; Первая сессия Советского парламента // Безбожник. 1938. № 2. С. 3; Знать врага // Антирелигиозник. 1939. № 6. С. 3; Олещук Ф. Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрассудков // Большевик. 1939. № 9. С. 47.
- ¹⁰² См.: О контрреволюционной деятельности религиозных мракобесов. М., 1938; Безбожник. 1937. № 7. С. 6–7; № 11. С. 6–7; 1938. № 1. С. 8–9.
- ¹⁰³ Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. С. 10.
- ¹⁰⁴ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М., 2007. С. 445–446.
- ¹⁰⁵ Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995. С. 94–95.
- ¹⁰⁶ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. М., 1996. С. 504.
- ¹⁰⁷ ГА РФ, ф. 5263, оп. 1, д. 45, л. 84.
- ¹⁰⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 94, 97, 104, 105, 110, 112.
- ¹⁰⁹ Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 94–95.
- ¹¹⁰ Токарев С.В. Указ. соч. С. 3.
- ¹¹¹ Обезвреженная конституция: основной «закон» СССР. С. 6, 9.
- ¹¹² За Родину! // Правда. 1934. 9 июня.
- ¹¹³ Волин Б. Великий русский народ. М., 1938. С. 3.
- ¹¹⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 982, л. 40.
- ¹¹⁵ Правда. 1938. 29 ноября. С. 6.
- ¹¹⁶ Фильм о народном герое // Безбожник. 1938. № 12. С. 12.
- ¹¹⁷ Стецкий А.И. Указ. соч. С. 11; Блестящая победа // Безбожник. 1938. № 7. С. 2–3.

УРОКИ КОНСТИТУЦИИ 1993 года

История разработки, принятия, как и содержательные аспекты действующей Конституции Российской Федерации 1993 г., все прошедшие годы находились и продолжают до сих пор находиться в сфере пристального внимания политиков, публицистов, исследователей¹. В экспертном сообществе по-разному оцениваются ход подготовки Конституции: одним близка позиция Президента РФ², другие находят в ней изъяны³. Общим выводом всех публикаций является позитивная оценка Конституции 1993 г. Никто не ставит под сомнение ее значимость в сравнении с фиктивными советскими конституциями. Общеизвестно, что принятие Конституции 1993 г. создало условия для стабилизации политического процесса. И все-таки при ознакомлении с большинством работ возникает впечатление, что их авторы выступают невольными апологетами действующей Конституции, несмотря на то, что окончательный вариант оказался результатом не общественного согласия, а победы одной из противоборствовавших сторон. А это ставит проблему альтернативности. Какой могла быть Конституция в случае доработки варианта Конституционной комиссии? Ведь все то позитивное, что легло в основу ныне действующей Конституции, было заложено еще в первых проектах этой комиссии. А то, что вызывает сегодня большое беспокойство, в ее проектах отсутствовало. Задаваясь подобным вопросом, вовсе не умаляющим историческую значимость Конституции 1993 г., попытаемся на основе анализа опыта разработки и принятия данного основного закона в какой-то мере очертить направления его будущего совершенствования.

Задачу «образовать комиссию по разработке новой Конституции России» Б.Н. Ельцин сформулировал, выступая на I съезде народных депутатов РСФСР в июне 1990 г.⁴ На том съезде был принят ряд важных документов конституционного характера, прежде всего «Декларация о суверенитете». Съезд изменил редакцию ст. 6 Конституции РСФСР 1978 г., закреплявшей руководящую роль коммунистической партии⁵. Съезд также создал Конституционную комиссию во главе с новым Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным. Заместителем председателя комиссии стал первый заместитель Председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатов. Ответственным секретарем – О.Г. Румянцев. Всего в комиссию вошли 102 депутата. Непосредственную, конкретную работу над текстом будущей Конституции вела специальная рабочая группа, состоявшая из 31 члена Конституционной комиссии. В качестве экспертов к работе были привлечены 8 ученых-юристов, которые облекали политические проекты в юридически выверенный текст. Возглавлял эту группу председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин. Рабочая группа и эксперты начали свою работу в августе. Закрепление в тексте Конституции принципиально новых для России принципов подлинной демократии, разделения властей, парламентаризма, реального федерализма, правового и социального государства являлось наиболее легкой задачей. Гораздо более сложным было создание механизма, который бы ликвидировал отчуждение гражданина от власти. Работа шла довольно быстро. Были согласованы структура Конституции, основные принципы и тезисы основных разделов. Уже 30 августа Ельцин провел первую пресс-конференцию, где обнародовал концепцию конституционной реформы.

В ряду конституционных проблем центральными оказались две: федеративное устройство и организация федеральной власти. Относительно федеральных органов власти сформировалось два подхода: одни отстаивали идею президентской республики, другие – парламентской. Тем не менее, и по ним относительно быстро было достигнуто единство взглядов. Так что уже 12 сентября Конституционная комиссия утвердила

---

* Земцов Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории МГТУ им. Н.Э. Баумана.

первый проект Конституции. В течение месяца он дорабатывался на пленарных заседаниях и 12 октября был принят за основу. Спустя месяц этот проект был опубликован в печати для обсуждения. Принятие Конституции было включено в повестку дня II съезда народных депутатов (27 ноября – 15 декабря 1990 г.). Но, во-первых, еще существовал СССР и многие российские нововведения, включая новую Конституцию, наталкивались на сопротивление союзного руководства, во-вторых, резко активизировалось консервативное течение в КПСС, в-третьих, внутри самого демократического лагеря были разные взгляды на будущие политические институты⁶. Поэтому, когда Ельцину перед съездом предложили изменить повестку дня и вместо новой конституции перейти к принятию поправок, он согласился. Уже в 1990 г. на съездах народных депутатов РСФСР в Конституцию было внесено 53 поправки, в 1991 г. – 29⁷, включавших принципы политического плюрализма, разделения властей и другие. В апреле 1991 г. Ельцин настоял на принятии Верховным Советом закона «О Президенте Российской Федерации»⁸. В результате в Конституцию РСФСР был включен новый институт, что изменило баланс сил на федеральном уровне власти.

После провала августовского путча 1991 г. в отношениях между Президентом и Верховным Советом стала назревать напряженность, вызванная принципиально разным отношением к новоогаревскому процессу, направленному на заключение нового союзного договора. Верховный Совет исходил из необходимости сохранения Союза. Ельцин тоже поставил свою подпись под совместным заявлением руководителей республик в Ново-Огареве. Официальное подписание союзного договора было намечено на 20 августа 1991 г. Независимо от того, каким – вынужденным или искренним – было зафиксированное этой подписью стремление Ельцина сохранить Союз в обновленном виде⁹, после августовского путча его позиция радикально изменилась. В ходе противостояния ГКЧП авторитет Ельцина многократно упрочился и его место в будущей независимой России не вызывало сомнений, тогда как роль в будущем реформированном СССР выглядела туманной. Характерно, что в течение полутора месяцев после завершения августовских событий Верховный Совет не мог собраться, поскольку прерогатива открытия очередной сессии Верховного Совета в тот период находилась в руках Президента, а историческое Беловежское соглашение просто готовилось в тайне от Верховного Совета¹⁰.

В таких условиях проблема определения полномочий двух новых институтов – Съезда народных депутатов и Президента – в Конституционной комиссии начала приобретать особую остроту. К марту 1992 г. комиссия подготовила второй вариант Конституции. Верховный Совет последовательно рассмотрел все разделы этого варианта, провел голосование по внесенным поправкам к его отдельным статьям и одобрил представленный текст. 18 апреля 1992 г. VI съезд народных депутатов России утвердил постановление «О проекте Конституции Российской Федерации и порядке дальнейшей работы над ним». Депутаты одобрили общую концепцию конституционных реформ, основные положения проекта и поручили Верховному Совету завершить доработку проекта с учетом предложений и замечаний.

В течение 1990–1992 гг. в Конституцию РСФСР было внесено такое количество изменений, что, по сути, в России уже была новая Конституция. Дальнейшая работа требовалась лишь после ответа на вопрос, каких поправок не хватает для продвижения страны вперед? Этот вопрос неизбежно влек за собой другой – в чем причины социально-экономических трудностей 1991–1992 гг. и как они связаны с Конституцией? Верховный Совет и Президент отвечали на этот последний вопрос по-разному. Верховный Совет видел причины всех трудностей в поспешных реформах. Президент расценивал трудности как результат не преодоленного коммунистического наследия, олицетворяемого в его глазах Верховным Советом.

Еще в середине октября 1992 г. Конституционная комиссия выполнила поручение VI съезда народных депутатов и создала третий вариант проекта Конституции Российской Федерации. Комиссия пошла навстречу депутатам-коммунистам. Но, как отметит позднее О.Г. Румянцев, «мы в этом не видели ничего страшного. Если мы сказали, что

конституционный строй – это наша национальная идея, то мы не собирались вычеркивать представителей коммунистической идеологии и депутатов от КПРФ из наших рядов, из рядов тех, кто также достоин иметь свой голос при обсуждении проекта Конституции»¹¹. В условиях демократии всем требовалось свыкнуться с мыслью, что право на существование имеют разные политические силы. Так, коммунисты обжаловали в Конституционном суде указ Ельцина о запрете КПСС и выиграли дело. Президент же воспринял это не вполне адекватно – как поражение демократии. В течение 1992 г. он последовательно отодвигал депутатский корпус от принятия решений. Напряжение во взаимоотношениях между Президентом и депутатами постоянно нарастало. В этих условиях, с одной стороны, усилилось давление Верховного Совета на Конституционную комиссию с целью заложить в проект Конституции широкие контрольные полномочия съезда и ВС по отношению к Президенту. С другой стороны, Президент стал все решительнее ставить вопросы о необходимости укрепления исполнительной ветви власти. Являясь официально Председателем Конституционной комиссии, Ельцин начал воспринимать Конституционную комиссию как орудие Верховного Совета, а сам Верховный Совет как оплот реакции и консерватизма. Поэтому открывшийся в декабре 1992 г. VII съезд народных депутатов РФ не мог не превратиться в арену политической борьбы.

На съезде Ельцин подверг резкой критике деятельность Верховного Совета¹², обвинил съезд в саботаже реформ и пытался его расколоть, покинув зал заседаний. Однако за ним пошла лишь часть депутатов. Оставшееся большинство фактически одержало победу: депутаты заставили Президента отправить в отставку главу Правительства Е.Т. Гайдара. Относительно конституции было принято компромиссное постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации». Оно было направлено не на завершение процесса принятия новой Конституции, а на замораживание внесения поправок, изменяющих баланс исполнительной и законодательной властей. Съезд постановил вынести основные положения проекта новой Конституции на всероссийский референдум. Выполняя решение съезда, Конституционная комиссия в течение следующего месяца завершила работу над этими положениями. 29 января 1993 г. они были утверждены Верховным Советом. Но достаточно быстро стало понятно, что выносить принятие Конституции на референдум нет смысла. Верховный Совет пришел к выводу, что Конституция все-таки должна быть принята съездом.

Между тем, к весне 1993 г. значимость вопроса о конституции, в сравнении с быстро углублявшимся социально-экономическим кризисом, уменьшилась. Поэтому состоявшийся в марте 1993 г. VIII съезд народных депутатов сконцентрировался на обсуждении социально-экономического положения в стране. По конституционному вопросу съезд ограничился формальным решением: было принято перенести принятие Конституции на следующий съезд. Для Ельцина значимость конституционной реформы также стремительно таяла. На первое место и для него выдвинулась задача преодоления социально-экономического кризиса. Ответственность за его разрастание президент возлагал исключительно на Верховный Совет. Причины же тактических побед Верховного Совета Ельцин и его окружение сводили к бюрократическому опыту аппарата, сформированного Хасбулатовым из числа бывших партработников¹³. В администрации все более склонялись к мысли, что без выхода из правового поля дальнейшие реформы в стране невозможны. «Здорового большинства Верховного Совета нет, – говорил член Президентского совета С.А. Ковалев. – Его нужно припугнуть. Иначе обманут. Референдум – вот та дубинка, которая больше всего пугает депутатов»¹⁴.

20 марта 1993 г. Ельцин попытался ввести особый порядок управления страной, но столкнулся с сильной оппозицией в лице своего вице-президента и представителей других ветвей власти. Для выхода из политического тупика Верховный Совет в марте 1993 г. в срочном порядке собрал IX чрезвычайный съезд народных депутатов. Президент выступил по основному вопросу: «О неотложных мерах по сохранению конституционного строя Российской Федерации». Однако речь в выступлении шла не о будущей Конституции, а о борьбе с Верховным Советом. В частности, Ельцин предложил пере-

смотреть ст. 104 и 109 Конституции, определявшие, на его взгляд, слишком широкие полномочия съезда народных депутатов. Естественно, идея не прошла. Вместе с тем и противники Ельцина не смогли одержать победу. Они попытались отрешить президента от должности, собрать же необходимого для этого количества голосов не смогли: за импичмент проголосовало 617 депутатов при необходимых 689. Съезд подтвердил курс на осуществление конституционной реформы. Он поручил Конституционной комиссии представить согласованный с субъектами Российской Федерации законопроект «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России» на рассмотрение Верховного Совета с последующим вынесением его на рассмотрение X съезда народных депутатов Российской Федерации.

Верховный Совет был готов выйти на одновременные досрочные выборы вместе с Президентом. Вопрос об этих выборах 25 апреля 1993 г. был вынесен на референдум. Его итоги Президент воспринял как свою победу и продолжил наступление на Верховный Совет и Конституционную комиссию.

Комиссия считала более целесообразным превращение России в парламентскую республику, Ельцин и его окружение настаивали на президентской республике. Даже если Ельцин искренне считал президентскую форму более эффективной, эту проблему можно и нужно было обсуждать. В конечном счете, международная практика не дает однозначного ответа на вопрос о степени эффективности той или другой формы республики. Но дискуссия об этом неминуемо потребовала бы оценки действий Ельцина в 1991–1993 гг., когда социально-экономическое положение страны только ухудшалось. Поэтому Президент предпочел исказить суть разногласий. В апреле 1993 г. на совещании руководителей субъектов федерации он обвинил Верховный Совет в блокировании конституционной реформы: «Конституция у нас пока старая, с большим количеством изменений и дополнений. Этот Основной закон тянет государство назад, в прошлое. С прошлым, понятно, порвать нельзя, историческую память нужно сохранять, но надо идти вперед, жить по новым нормам и правилам, конечно, если эти правила соответствуют действительности, внутри не противоречат друг другу, как это имеет место в действующей Конституции. Поэтому Российской Федерации нужен новый Основной закон»¹⁵. На самом деле Верховный Совет вел речь не о невозможности проведения в ближайшем будущем социально-экономических и политических преобразований, а об их направленности, выборе пути дальнейшего исторического развития. В этом отношении не было единства взглядов и в самом обществе.

На одном из апрельских совещаний с юристами Ельцин заинтересовался дореволюционным опытом разрешения кризиса, связанного с роспуском II Государственной думы в 1907 г. Как вспоминает помощник Президента Ю.М. Батулин, по его совету глава государства предложил более осторожный вариант принятия основного закона – Конституционное совещание, дающее более широкий правовой простор для работы над проектом и последующих действий.

30 апреля 1993 г. в печати был опубликован президентский проект Конституции. Его авторы – С.М. Шахрай, А.А. Собчак, С.С. Алексеев и другие юристы – взяли за основу проект Конституционной комиссии, существенно изменив его. 6 мая 1993 г. Президент направил свой проект в Конституционную комиссию, но уже на следующий день получил от нее негативную оценку проекта. Следует признать, что формулировки президентского проекта были более краткими и юридически отточенными, содержали четкое решение ряда дискутировавшихся вопросов (фиксировали частную собственность на землю, вводили запрет на внутренние таможи, разводили компетенцию двух палат парламента и т.д.). В президентском проекте не было расхождений с проектом Конституционной комиссии в понимании народовластия и суверенитета, прав и свобод человека, основных гарантий этих прав и свобод, необходимости сохранения исторически сложившегося единства государства, принципов правосудия. И, все-таки, он был иным по духу. О.Г. Румянцев подчеркивал, что концепция, предложенная Конституционной комиссией, была концепцией новой национальной идеи. Было очень важно показать системную, всеобъемлющую альтернативу ушедшей социальной модели.

В президентском же проекте вообще отсутствовал раздел «гражданское общество». Между тем только развитое гражданское общество могло быть альтернативной авторитаризму, могло явиться преградой на монополию политической власти¹⁶. Сама идея президентской республики, заложенная в проекте Ельцина, не являлась ошибочной. Но отношения, прописанные между Президентом и другими органами власти в президентском проекте, являлись не правовыми, а политическими. Они были направлены на разрешение насущных социально-экономических проблем, на что конституции не рассчитаны. Не случайно вместо понятия «конституционный строй» в президентском проекте присутствовало понятие «государственный строй». Из характеристики государства в президентском проекте выпало определение «социальное». По существу, авторы президентского проекта взяли за образец идеи либерализма манчестерской школы, устранившего государство из экономической и социальной сфер. Между тем, практика западных стран XX в. отвергала подобные крайности.

Учитывая все эти недостатки, созданное Верховным Советом в конце мая – начале июня 1993 г. совещание 2 тыс. депутатов советов всех уровней отвергло президентский проект. 4 июня Верховный Совет предложил свой порядок согласования и принятия проекта конституции. Но Ельцин и его окружение уже месяц как разрабатывали механизм принятия именно президентского проекта. 12 мая 1993 г. Президент издал указ № 660 «О мерах по завершению подготовки новой Конституции Российской Федерации», согласно которому для завершения подготовки проекта Конституции 5 июня в Москве созывалась Конституционное совещание. В его работе принял участие по 4 представителя от каждого субъекта Российской Федерации, 65 представителей Президента и Правительства, 134 представителя федеральных органов государственной власти, в том числе 95 членов Конституционной комиссии, представители от каждой фракции народных депутатов Российской Федерации, 250 представителей местного самоуправления, политических партий, общественных организаций, массовых движений, профсоюзов, товаропроизводителей, предпринимателей, религиозных конфессий. Вроде бы, собирая Конституционное совещание в таком широком составе и предлагая на его обсуждение как президентский проект, так и проект Конституционной комиссии, Президент остался в рамках демократических процедур. Но, критерии отбора участников Конституционного совещания нигде не публиковались. Судя по тому, как шла его подготовка и протекала работа, можно говорить об элементах манипулирования. Конституционное совещание работало больше месяца. В его адрес поступило более 50 тыс. замечаний и предложений. В результате их обсуждения в первоначальный проект было внесено свыше 500 поправок, которые значительно улучшили текст проекта. В проекте появилось около 40 принципиально новых норм. Таким образом, фактически все статьи были изменены. 12 июля 1993 г. проект Совещанием был одобрен. После этого он был направлен в субъекты Российской Федерации для обсуждения на заседаниях высших представительных органов власти. Но они получили также и проект Конституционной комиссии. Исходя из того, что Конституцию, в соответствии с решением IX съезда должен был принять следующий съезд, эти органы не были готовы поддерживать и президентский вариант принятия новой конституции. В подобных условиях Ельцин решил на ликвидацию съезда как политического института.

21 сентября 1993 г. Президент своим указом № 1400 «О поэтапной конституционной реформе» объявил о прекращении полномочий съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Получилось, что во имя принятия конституции нового демократического государства была прекращена работа действующих представительных институтов. Задача Президента состояла в преодолении возникающих противоречий, согласовании разных позиций, а не в том, чтобы тасовать политические институты. Но, сформировавшись как государственный деятель в советских партийных кругах, он не был готов признавать для себя каких-либо ограничений и не осознавал своей функции в качестве арбитра разных ветвей власти. Тем не менее, Ельцин, вероятно, был искренен в своих действиях, воспринимал себя как демократа. Поэтому после подписания указа № 1400 он отдал указание возобновить работу Конституционного совещания. На этом

этапе работы над конституционным проектом были достигнуты определенные позитивные результаты. Самое важное касалось области федеративного устройства. «Федерация освобождалась от конфедеративной начинки, которая в изобилии была введена в проект летом, когда местные элиты жестко торговались с конфликтующими ветвями власти, а президент и Верховный Совет, стремившиеся заручиться их поддержкой, старались переиграть друг друга, разыгрывая партию в поддавки». Но были и прямые потери: если в первоначальном варианте проекта предполагалось, что депутаты Совета Федерации должны избираться населением субъектов Федерации, то в окончательном варианте лично Ельциным была вписана радикальная поправка: в Совет Федерации входят «представители по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти»¹⁷.

В стране, которая встает на демократический путь, было бы логично на всенародное голосование вынести два проекта – от Конституционной комиссии и Конституционного совещания, поскольку были готовы оба варианта. Тем не менее, такой вариант в администрации Президента не рассматривался. 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием вариант Конституционного совещания был принят, поскольку Президент продолжал пользоваться поддержкой большинства граждан страны.

Авторы Конституции, в силу условий в которых она создавалась, оставили без четкой формулировки ряд важных положений. Такая ситуация в юридической науке определяется как пробел. Но в отношении Конституции 1993 г., вероятно, правильнее говорить не просто о пробелах, а об осознанной позиции, которая позволила сохраниться и укрепить авторитарному режиму. Ответственность за этот режим и последовавшие социально-экономические трудности можно было бы свести к Ельцину. «Мы пытаемся найти в ельцинской политике логику, – пишет Л.Г. Шевцова, – осознанные мотивы, последовательность ходов, интересы определенных сил, а на самом деле все было гораздо проще и даже примитивнее. То, что порой воспринимается как повод и причина, на деле было спонтанной реакцией, следствием настроения, вспышкой эмоций, попыткой самоутвердиться, отражением незнания и непонимания реальной ситуации и возможных последствий принимаемых решений»¹⁸. С этим трудно спорить. И все-таки.

С первых дней появления в Москве в 1985 г. в качестве первого секретаря Московского городского комитета КПСС Б.Н. Ельцин воспринимался всеми как реформатор. С 1985 по 1992 г. он несколько раз сменил свои политические взгляды, что дает основание его противникам обвинять Ельцина в беспринципности. Однако в начале каждого нового витка борьбы он всегда находился в меньшинстве. И предстоящая борьба отнюдь не гарантировала Ельцину победу. Поэтому тягой к власти его действия объяснить нельзя. Ельцин теоретически не предвосхищал наиболее эффективные направления развития страны. Но в течение второй половины 1980 – начале 1990 гг., по мере появления новых идей и движений, он примыкал именно к ним. Конечно, возглавив сначала демократическое движение, а потом страну, он во многом действовал так, как это предопределялось самим институтом власти. А власть по своим психологическим характеристикам изначально предполагает подчинение чужой воли. Чтобы этого не происходило, на Западе в XVII в. была создана теория разделения властей, в XVIII в. – теория и идеология конституционализма, а в XIX–XX вв. – система сдержек и противовесов. Конечно, Ельцин не конституционалист. Он воспринимал конституцию как инструмент, юридическое основание отказа от старого государственного механизма и создания нового. Но в советских партийно-государственных кругах конституционализм и не мог сформироваться.

Идея конституционализма не просто созревала в нашей стране медленнее и труднее, чем на Западе; она противоречила нашей национальной политической традиции. Поэтому и в 1990–1991 г. эта идея вышла не из политической, а из академической среды. Основной целью своей работы члены Конституционной комиссии считали разработку принципов и механизма взаимодействия государства и общества. Конституция, правовое государство, в их понимании, должны были стать национальной идеей.

На Конституционном же совещании рассматривали лишь механизм работы будущего государственного механизма.

Современное российское общество по-прежнему переживает эрозию конституционализма, а авторитарный режим не вызывает у него естественного отторжения. Совет по внешней и оборонной политике сразу после отставки Ельцина, в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса, сделал вывод о необходимости сохранения в обозримом будущем сильной президентской власти. «Необходимость сильной президентской власти, единого Центра, главы государства – закономерная потребность российского общества, исторически проживающего на исключительной по своим масштабам территории многонационального федеративного государства и сохраняющего традиции уважительного отношения к сильной центральной власти»¹⁹. Такие же подходы появились и в академической среде: «Формула политической власти, зафиксированная в конституции, адекватна российской ситуации в более длительной перспективе, поскольку связывает сильную президентскую власть задачами демократизации и модернизации страны (нечто вроде современного варианта “просвещенного абсолютизма”»)²⁰. О востребованности авторитаризма заговорили даже бывшие оппоненты Ельцина, как, например, О.Г. Румянцев²¹.

И все-таки, несмотря на значимость этих суждений, остаются сомнения. Не смешиваем ли мы две разных проблемы: причины возникновения данного политического режима и степень его неизбежности? Если авторитаризм не норма, а временный отказ от демократии, вынужденное отклонение, тогда возникают вопросы, каковы его хронологические рамки, кто работает над созданием механизма, который бы заблокировал возможность бесконечного продления подобного состояния?

Даже самая хорошая конституция не способна сама по себе решить все проблемы. В конечном счете, дело не в тексте. Нет же кодифицированной конституции в Англии. Дело в сознании людей, их правовой культуре. Поэтому следует признать, что создание институтов гражданского общества для будущего страны более значимая задача, чем укрепление вертикали власти. И вопрос о востребованности в настоящий исторический момент авторитаризма следует перенести из плоскости его молчаливого признания в сферу серьезных политических дискуссий.

Примечания

¹ Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. Т. 1–20. М., 1995–1996; Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. М., 1992–2008; *Воронин Ю.М.* Стреноженная Россия: Политико-экономический портрет ельцинизма. М., 2003; *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 1994; *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники: 1990–1991. М., 1996; *Коржаков А.В.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997; *Куликов А.С.* Тяжелые звезды. М., 2002; *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. В 2 т. М., 1994; *Шейнис В.Л.* Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 1–2. М., 2005; *Филатов С.А.* Что значит для России Конституция 1993 года? // *Общественные науки и современность.* 2003. № 6. С. 21–27; *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000; *Варламова Н.В.* Конституционный процесс в России (1990–1993 гг.). М., 1998; *Мамут Л.С.* Конституционные основы современной российской государственности // *Общественные науки и современность.* 2008. № 4. С. 46–57; *Чиркин В.Е.* Реформа российской Конституции: этапы и проблемы // *Общественные науки и современность.* 2000. № 5. С. 52–61; *Медушевский А.Н.* Российская конституция в мировом политическом процессе: к десятилетию Конституции РФ 1993 г. // *Мир России.* 2003. Т. XII. № 3. С. 62–103; *его же.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; *Малхозова Ф.В.* Конституционно-политический кризис в России 1992–1993 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005; *Тарасова Е.А.* Российские конституционные кризисы 1992–1993 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.

² *Шаблинский И.Г.* Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995 гг.). М., 1997.

³ Шейнис В.Л. Состязание проектов (к истории создания российской Конституции) // *Общественные науки и современность*. 2003. № 6. С. 5–20.

⁴ Первый съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. М., 1992. С. 232.

⁵ Позднее В.Б. Исаков отметил, что это сделал съезд, состоявший почти на 90% из коммунистов, что никак не вписывается в стереотип о «консерватизме» съезда, его противостоянии демократическим реформам. См.: *Исаков В.Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники: 1990–1991. М., 1996. С. 125.

⁶ *Авакьян С.А.* Указ. соч. С. 101–106.

⁷ *Шаблинский И.Г.* Указ. соч. С. 32–33.

⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. № 17. Ст. 512, 513.

⁹ *Медведев В.А.* В команде Горбачева: взгляд изнутри. М., 1994. С. 183; *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 49.

¹⁰ *Хасбулатов Р.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 208.

¹¹ *Румянцев О.Г.* Выступление на II-й Международной научной конференции «Судьба России: вектор перемен. К 15-летию принятия Конституции Российской Федерации». 10 июня 2008 г. // <http://www.rumiantsev.ru>

¹² Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации. Доклады, сообщения, документы. М., 1993. С. 153–154.

¹³ *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 97, 111.

¹⁴ Там же. С. 148.

¹⁵ Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 1. М., 1995. С. 4.

¹⁶ *Румянцев О.Г.* Круглый стол «Десять лет Конституции Российской Федерации» // <http://www.viperson.ru>

¹⁷ *Шейнис В.Л.* Российская Конституция 1993 г. в исторической ретроспективе // <http://www.ninvestnik.ru>

¹⁸ *Шевцова Л.Г.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 179–180.

¹⁹ Стратегия для России: повестка дня для Президента–2000. М., 2000. С. 212.

²⁰ *Медушевский А.Н.* Российская конституция в мировом политическом процессе... С. 62–103.

²¹ Новые Известия. 2006 г. 12 декабря.

© 2010 г. А.А. ВОРОБЬЕВ*

ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ВЫБОРАХ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

Изучение проблемы выборов во Всероссийское Учредительное собрание в последнее время переживает подъем. Свидетельством возросшего интереса к данной теме явились посвященные 90-летию созыва Учредительного собрания 2 статьи в журнале «Отечественная история». В первой – А.Н. Медушевский рассматривает Всероссийское Учредительное собрание как политический институт революционного периода, делая основной акцент на политико-правовые аспекты его деятельности. Несомненным достоинством статьи является раскрытие связи между Учредительным собранием России и учреждениями парламентского типа европейских и иных государств¹. Во второй статье Л.Г. Протасов, являющийся ныне одним из основных исследователей проблемы выборов в Учредительное собрание на постсоветском пространстве, предпринял попытку определить состав депутатского корпуса Всероссийского Учредительного собрания по избирательным округам, границы которых чаще всего совпали с тогдашними граница-

* **Воробьев Александр Александрович**, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова.

ми губерний России². Статья Протасова содержит немало новых данных, которых не было ранее, однако полного состава членов Учредительного собрания не удалось установить на данный момент никому, что является не единственным пробелом в истории Всероссийского Учредительного собрания.

В существующей на данный момент исторической литературе, посвященной выборам в Учредительное собрание Витебской губ., отсутствует информация о правонарушениях, которые имели место во время голосования. На выборах в этой губернии было создано 11 уездных избирательных комиссий, а в наиболее крупных городах (Витебске, Полоцке и Двинске) организованы отдельные городские избирательные комиссии³. Поскольку на территории части губернии проходила линия фронта, здесь располагались войска русской армии и актуальным являлся вопрос о том, могут ли солдаты (а им были предоставлены избирательные права) голосовать совместно с гражданским населением. Председатель Витебской окружной избирательной комиссии, обеспечивавшей организацию голосования одного избирательного округа, получил в начале октября 1917 г. спешную секретную телеграмму от начальника штаба Двинского военного округа, в которой говорилось, что в войсковой район входили Люцинский, Себежский, Двинский, Дриссенский и Режицкий уезды⁴ и что в этих уездах солдаты должны голосовать отдельно от гражданского населения, а в остальных – вместе с ним. Накануне выборов, 22 октября 1917 г., Витебский губернский комиссар Временного правительства кадет Волкович получил донесение от двинского и невельского уездных комиссаров. Двинский комиссар сообщил, что в Двинске заседает общеармейский съезд (5-й армии Северного фронта), съездом руководят большевики и, по мнению комиссара, это, несомненно, отразится на настроениях в уезде. Его невельский коллега сообщил, что пока в городе и уезде спокойно, но сильно увеличивается количество солдат, прибывающих с фронта⁵. Эти факты свидетельствуют, что солдаты Северного фронта могли влиять на исход выборов. Документы свидетельствуют также о многочисленных правонарушениях в ходе голосования.

В Витебском уезде в Суражской участковой комиссии из-за болезни председателя его обязанности выполнял человек, не имевший права входить в состав комиссии. В Мишутинском избирательном участке незаконно разрешили проголосовать 398 лицам, не внесенным в избирательные списки. В Лужеснянском избирательном участке ящик с бюллетенями захватили члены ВРК (большевики), а комиссию арестовали. Все 476 бюллетеней ввиду этого были признаны спорными, но окружная комиссия по непонятным причинам включила их в число действительных. В воинском избирательном участке 201-го дорожного транспорта выборы проводились только один день вместо трех, протокол подписали люди, не входившие в состав избирательной комиссии. Все 68 бюллетеней были признаны спорными, но окружная комиссия также засчитала их как действительные. В Княжицком участке итоговый протокол, кроме членов комиссии, подписали три члена местного ВРК. В Тадулинском участке проголосовало 24 человека, не внесенных в избирательные списки. В Пестунецком участке к протоколу было приложено предписание Витебского ВРК о допущении посторонних лиц к наблюдению за голосованием и для подсчета голосов. Терапольский и Шалыгинский участки, вопреки решению уездной избирательной комиссии, были объединены в один и голосование там проводилось не три, а два дня. В Путиловском участке два члена комиссии были неграмотными, в Селютском солдаты проводили агитацию прямо у входа в помещение избирательной комиссии; в Малинопольском и Аниськовском проголосовало 100% избирателей, и уездная избирательная комиссия резонно сочла это событие подозрительным. Однако 667 бюллетеней в первом и 521 во втором участках засчитали как действительные, опять-таки, без указания оснований для этого. В Бароникском участке протокол был неправильно составлен и не подписан членами комиссии. В Городнянском уездная комиссия признала недействительными 144 бюллетеня (все за большевистский список № 5) ввиду пометок на них с обратной стороны, в Божаницком протокол не был подписан членами избирательной комиссии и неправильно составлен. В Яновичском участке в состав комиссии незаконно вошел некий член Совета рабочих депутатов, в

Зачернянском уездная комиссия почему-то оставила действительными 44 бюллетеня за список № 1 (эсеров) и 18 за список № 5 (большевиков), хотя в итоговом постановлении от 18 ноября 1917 г. отметила их спорный характер⁶. Нарушения (правда, часто не указывалось какие) имели место и в Коровайнском участке, в Веляшковском голо-совало 108 человек, не внесенных в избирательные списки. В Кольшанском участке голосование начинали ежедневно на 1 час позже и на 1 час позже завершали его, в Михалиновском проголосовало 55 не внесенных в избирательные списки человек, а в Пневском их число составило 19. При завершении голосования уездная избирательная комиссия подсчитала число проголосовавших в трех участках (Лужеснянском, Мишутинском и 201-го дорожного транспорта), где все бюллетени были признаны спорными (напомним, что окружная комиссия их все-таки засчитала): список №1 – 100 человек; № 2 – 6; № 3 – 24; № 4 – 4; № 5 – 597; № 6 – 29; № 7 – 2; № 8 – 17; № 9 – 9; № 10 – 120; № 11 – 0; № 12 – 1; № 13 – 27; № 14 – 3 человека⁷.

При анализе архивных источников было выявлено, что в трех участковых комиссиях Витебского уезда (Пневской, Малинпольской, Веляшковской) все члены комиссий были большевиками, а в Кобыльнической из 4-х членов комиссии трое, включая председателя, были эсерами. В этих комиссиях подавляющее большинство голосов получили соответственно большевики и эсеры, что может свидетельствовать о фальсификации ими результатов выборов. Думается, сегодня мы вправе исключить у эсеров и большевиков голоса не только в трех спорных участках, но и в приведенных ниже четырех других. Необходимо также не принимать в расчет голоса у большевиков и по Аниськовскому участку, так как уездная комиссия установила, что из 519 бюллетеней 481 голю был отдан за большевиков⁸. В силу того, что в Княжицком и Пестунецком участках работа велась под контролем большевистских ВРК, итоги выборов в них следует тоже признать недействительными. В Княжицком участке список № 1 получил 3 голоса, № 8 – 17, № 5 – 553, № 13 – 6, № 10 – 9, № 4 – 1, № 6 – 2, № 12–1, № 14 – 1 голос и 14 бюллетеней были признаны недействительными, при общем количестве проголосовавших 593 человека. В Пестунецком участке за список № 1 проголосовало 2 человека, № 5 – 294, № 6 – 4, № 13 – 19, всего проголосовало 319 человек и 3 бюллетеня были недействительными⁹.

Массовые нарушения процедуры голосования были и в Невельском уезде. В его Сенютинском участке из 375 проголосовавших 230 человек не были внесены в избирательные списки, из них многие были солдатами. По 29-му воинскому, Павловскому, Еменецкому, Позноевскому, Заверешскому, Долысскому, Григоровскому, Овсянкинскому, Шинковскому, Симановскому, Ровенскому и Кошелевскому участкам в протоколах не была почему-то указана численность проголосовавших. В 7-ми из 27-ми воинских участков бюллетени не были прошнурованы и опечатаны, а 23-й воинский участок без разрешения уездной избирательной комиссии был разделен на два: 23а и 23б. По Туричинскому участку во время выборов имела место агитация, но за кого и в какой форме – не сообщалось. По Суминскому участку 32 человека по не названной причине не были допущены к голосованию, по Борисоглебскому все бюллетени были признаны уездной комиссией недействительными, так как имели подписи и пометки. Там за список № 3 был подан 1 голос, за № 13 – 1, № 9 – 2, № 5 – 241, а остальные голосов не получили. В Журавковском и Колошинском участках итоговые протоколы поступили в уездную комиссию только 3 декабря 1917 г. – позже положенного срока. Причина их опозданий указана не была, а бюллетени не были пронумерованы, прошнурованы и опечатаны. При этом окружная комиссия засчитала итоги выборов в двух последних участках. Впрочем, понятно, почему она так поступила. Ведь в Колошинском участке было всего 428 бюллетеней, недействительных не было (все 428 бюллетеней были за список № 5 – большевиков). В Журавковском участке всего было 629 бюллетеней, из которых за № 2 был подан 1, за № 6 – 6, за № 13 – 3 и за № 5 – 619 голосов. При этом военнослужащих, проживавших в Невельском уезде, было больше, чем гражданских избирателей (59 358 человек против 51 743). Совершенно ясно, кто принес победу большевикам в этом уезде. Итоги по Журавковскому и Колошинскому участкам следует аннулировать

вообще, в Сениутинском, 7-м и 27-м воинских участках не засчитывать голоса за эсеров и большевиков, в Соминском – за эсеров, а в Туричинском – за большевиков¹⁰.

Грубейшие нарушения процедуры проведения выборов имели место в Лепельском уезде. Так, в Стрижевском избирательном участке некто Петр Клементьевич Ружинский явился в 1 час 15 мин. дня 12 ноября 1917 г. с револьвером в руках и заставлял избирательную комиссию работать так, как он прикажет, насильно заставлял избирателей голосовать только за список № 5. 13 ноября Ружинский повторил свои действия. В Пышнянскую избирательную комиссию явились прибывшие из Петрограда Александр Судак и Пимон Панкевич. Они вели агитацию за список № 5, затем Судак ушел в д. Заколивье (очевидно с теми же целями), а Панкевич продолжал агитацию. После того как председатель попробовал прекратить эти действия и составил о них протокол, Судак и Панкевич под угрозой расправы заставили его уничтожить протокол у них на глазах. Председатель все-таки сообщил об этом в уездную избирательную комиссию.

В Каменском участке в течение всех трех дней выборов велась агитация за большевистский список и, несмотря на все принятые меры, прекратить ее не было возможности. В Кубличском избирательном участке в работе комиссии принимал участие представитель Лепельского Совета рабочих и солдатских депутатов, в ней же было получено 300 конвертов для бюллетеней другого образца, и были жалобы на якобы малое количество бюллетеней за список № 7.

В Несинском участке состав участковой комиссии был избран накануне выборов. В Ушачском участке использовались конверты другого образца. В Городчевичском участке допустили к голосованию одного человека, не внесенного в избирательные списки. В Усайской комиссии не хватило конвертов и 56 человек из-за этого не смогли проголосовать. В Смолянецкой, Станиславской и Вороньской комиссиях на выборах присутствовали представители Лепельского Совета рабочих и солдатских депутатов. В Заболотском участке 14 ноября 1917 г. голосование завершили в 20 час. 15 мин. вместо 20 час. В Воронечском участке в первый день голосования (12 ноября) выборы начались в 10 час., не в 8 час. из-за болезни председателя комиссии. В Коптевичском участке в состав комиссии незаконно вошли представители Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Бобыничском участке комиссия не представила итоговый протокол, в Улльском незаконно проголосовали солдаты квартировавшей в Улле 2-й роты 393-й Могилевской пешей дружины. Там же большевики требовали допустить к голосованию не внесенных в избирательные списки, угрожали комиссии, агитировали, как хотели, и обвиняли комиссию в том, что она выдает якобы только бюллетени за список № 1¹¹.

В Себежском уезде в Прихабском участке проголосовали прибывшие из Петрограда 244 человека, не внесенных в списки. В Синозерском участке не доставили бланки бюллетеней и конверты, ввиду чего голосовали на простой бумаге, а итоги уездная комиссия признала недействительными. В Езерийской и Могиланской участковых комиссиях работали представители партии эсеров, правда, неясно было, вошли они туда законно или нет. В Пустошкинском участке урна с бюллетенями на ночь оставалась у сторожа, но отмечалось, что печати на ней были целыми. В Могиланском отмечался наплыв людей, не все смогли сделать необходимые отметки в бюллетенях, и 104 бюллетеня были признаны недействительными. В Соинской и Чайкинской избирательных комиссиях выборы проходили с 9 час. до 21 час. (а не с 8 час. до 20 час.), а один из членов Чайкинской комиссии был неграмотным. В Рыковском участке 14 ноября выборы завершились в 16 час. 35 мин. В Сутопком же участке было всего 1 936 действительных бюллетеней, и все за список № 5, хотя избиратели утверждали, что они голосовали и за другие списки. Дело передали прокурору окружного суда, но эти голоса, как ни странно, большевикам засчитали¹².

В Двинском уезде нарушений было гораздо больше, чем в Себежском. В 8-м его участке незаконно проголосовали 55 солдат. Без уведомления уездной избирательной комиссии объединились в один участок 7-й, 8-й, 9-й и 10-й участки Осуньской волости. В 15-м участке голосовали лица, находившиеся на заработках и не внесенные в списки,

не указывалась их численность. Всего в этом участке в избирательных списках было 1 566 человек, из которых голосовало 1 527 человек, причем 515 бюллетеней не имели конвертов. Из них было подано за список № 1 – 39 голосов, № 2 – 2, № 5 – 349, № 6 – 36, № 7 – 6, № 8 – 4, № 10 – 9, № 11 – 68, № 12 – 2 голоса. Еще 209 избирателей в этом же участке голосовали бюллетенями, написанными от руки (из них 207 – за список № 5 и 2 – за № 9). В 18-м участке голосовало много не внесенных в избирательные списки людей. В 23-м участке избирателей было 1 161, а бюллетеней в урне – 1 254. Не хватало бюллетеней списка № 5 и за него голосовали бюллетенями, написанными от руки, или же бюллетенями за другие списки, но там ставили цифру 5. Уездная избирательная комиссия признала 462 бюллетеня, поданные таким образом за список № 5 недействительными, хотя участковая комиссия их признала действительными. В 27-м участке ящик с бюллетенями находился у коменданта местечка Креславка, но печати на нем остались целыми.

В 28-й участковой комиссии без ведома уездной комиссии вместо двух участков самовольно образовали три. В 43-м участке голосовало много солдат, возвратившихся домой и не внесенных в избирательные списки, в итоге по участку проголосовало 2 176 человек, тогда как в избирательных списках значилось 2 568 человек. В 44-м участке наблюдалась та же картина, что и в 43-м. В 48-м в состав комиссии незаконно вошел представитель Совета рабочих и солдатских депутатов. Участки 51-й, 52-й, 53-й, 54-й и 55-й без ведома уездной избирательной комиссии объединились в один. И там же голосовал один человек, не внесенный в избирательные списки.

В 56-м, 57-м, 58-м и 59-м участках отступившие от Якобштадта (ныне г. Екабпилс в Латвии) солдаты 5-й армии Северного фронта уничтожили все избирательные списки. Их составляли по-новому и одновременно голосовали все, кто только хотел. В итоге в 56-м участке проголосовало 242 человека, в 57-м – 91, в 58-м – 41, в 59-м – 230. В 60-м участке выборы вообще не состоялись, по предположению уездной избирательной комиссии из-за близости к линии фронта¹³.

В Полоцком уезде в 1-м участке проходила агитация, но не указывалось, за какой избирательный список. Во 2-м и 3-м участках голосовало 7 не внесенных в списки человек, в 4-м в работе избирательной комиссии приняли участие представители комитета 3-го эскадрона 15-го уланского полка, в 5-м 30 бюллетеней за список № 5 не были вложены в конверты, в 9-м велась агитация (не указано за кого) и несколько мужчин голосовали за своих жен, в 15-м незаметно проголосовали 56 солдат, в 22-м уездная комиссия усмотрела подлог, ибо все бюллетени (502) были поданы за список № 1, а, по словам избирателей, они голосовали и за другие списки. В 27-м участке проголосовало 25, не внесенных в избирательные списки. В 29-м в комиссию незаконно (якобы от избирательных списков) вошло 4 человека. В 33-м участке в состав комиссии вошел один солдат. В 46-м велась агитация за список № 1, но представители Витебского губернского Совета крестьянских депутатов и милиция прекратили ее. В 49-м – голосовало двое не внесенных в избирательные списки. В 51-м велась агитация за список № 5. Угрожая избирателям, большевики выдавали только список № 5, о чем было сообщено окружному прокурору. В 52-м участке голосовали не внесенные в списки избирателей солдаты; в 54-м, 55-м, 57-м и 65-м выборы проходили с 9 час. до 21 час. Проголосовал один избиратель, не внесенный в списки. В 60-м и 61-м участках незаконно в состав комиссий вошли представители союза земельных собственников.

В 70-м – голосовало 17 не внесенных в списки солдат, в 71-м – незаконно проголосовало 4 человека, в 72-м – 1 не внесенный в списки, в 73-м – 3 не внесенных в избирательные списки, в 74-м – 12, в 75-м – 45, в 76-м – 37 не внесенных в списки. В 75-м выборы проходили с 9 час. до 21 час., в 78-м – в состав комиссии незаконно вошел представитель еврейской национальной группы¹⁴.

В Дриссенском уезде нарушений было значительно меньше. В 5-м участке за призыв не голосовать за партии, которые выступают за отделение церкви от государства, был арестован председатель комиссии священник Забелин. Один член комиссии был неграмотным. В 25-м голосовало 25 человек, не внесенных в избирательные списки.

В 55-м и 57-м участках незаконно голосовали солдаты-отпускники: в 55-м – 26 человек, в 57-м – 19. В 74-м участке неправильно составили итоговый протокол, в 75-м – неправильно произвели подсчет голосов. В 78-м – не оказалось (не успели прислать) бюллетеней списков № 5 и № 6¹⁵.

Нарушения были и в Велижском уезде. Так, в Серенейской волости выборы проходили с 9 час. до 21 час. В Борановской волости проголосовало 100% избирателей (1 458 человек), что уездной комиссии показалось подозрительным. И, наконец, в Казаковской волости представителями исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов велась открытая агитация в пользу списка № 5¹⁶.

Мало нарушений было отмечено в Двинской городской избирательной комиссии. В 33-м городском избирательном участке проголосовали два избирателя, не внесенных в списки, а в 1-м и 3-м участках в состав комиссий вошли представители списка № 7, но не было указано, на законных ли основаниях¹⁷.

Полоцкая городская избирательная комиссия отметила только одно нарушение: в 3-м участке в состав его избирательной комиссии незаконно вошли представители Совета рабочих и солдатских депутатов¹⁸.

В Витебске городская избирательная комиссия отметила немало нарушений. В 4-м участке в комиссию вошел представитель списка № 1, делегированный туда местным комитетом партии эсеров. В 7-м участке в его комиссию незаконно вошли представители партий кадетов и эсеров, а также еврейского национального избирательного комитета. Там же с помощью плакатов велась незаконная агитация за список № 5.

И уж совершенно правильно городская комиссия не признала действительными голоса 116-й рабочей инженерной дружины, которая голосовала в Лифляндской губ., а итоги почему-то подали в Витебск. Голоса распределились так: № 1 – 3, № 2 – 1, № 3 – 11, № 4 – 1, № 5 – 508, № 7 – 2, № 11 – 5. Остальные списки голосов не получили. Очевидно, что под давлением большевиков эти итоги засчитали¹⁹. При этом председатель городской комиссии докладывал в окружную комиссию, что выборы в пределах Витебска и в частях Витебского гарнизона прошли в полном порядке и без насильственных действий, в частности, членов партии большевиков²⁰. Возможно, так оно и было.

Зато в других уездах Витебской губ. насильственных и противоправных действий было более чем достаточно.

В административном центре Режицкого уезда прямо во время голосования в помещении городской избирательной комиссии большевики арестовали члена комиссии эсеров Каценеленбогена, во 2-м участке толпа сместила председателя комиссии и назначила нового. В 27-м, 28-м, 29-м, 30-м, 31-м, 32-м, 33-м и 71-м участках голосовали 612 человек, по данным уездной комиссии не внесенные в избирательные списки, и 569 человек, по данным окружной. В 27-м участке было отмечено незаконное голосование солдат 5-й армии Северного фронта, а урна с избирательными бюллетенями была получена от, надо полагать, хорошо поработавшего с ней исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов, где большинство голосов имели большевики. В 32-м участке велась агитация, но не было указано за кого. В 50-м и 77-м голосующих было намного больше, чем значилось в избирательных списках, а в 59-м, 62-м и 48-м участках проголосовало ровно 100% избирателей, что уездной комиссии показалось подозрительным²¹. При этом следует отметить, что 5 557 голосов в Режицком уезде большевики получили среди солдат Режицкого гарнизона, хотя солдаты должны были голосовать отдельно от гражданского населения, по избирательному округу Северного фронта русской армии²².

Масса нарушений имела место на территории Городокского уезда. По всем участкам там проголосовало 529 человек, не внесенных в избирательные списки. Кроме того, в Ровенском участке за список № 5 агитировал Дорофей Миронов, нанесший оскорбление председателю участковой комиссии. В Желецком, Боровском и Владимирском участках в состав избирательных комиссий вошли представители эсеров и социал-демократов (неясно большевиков или меньшевиков). В Авдеевском участке в избирательных списках значилось 478 человек, а проголосовало 510, в Дубининском –

в списках был 521 человек, а проголосовало 534, в Железком участке, соответственно, 725 и 725, в Боровском – 602 значилось и 602 проголосовало. В Федоровском – соответственно 164 и 164. Во Владимирском – 219 и 219 (причем проголосовало 9 человек, не внесенных в списки). В Горковском участке было 518 избирателей и проголосовало 518, по данным же уездной комиссии последний показатель составил 499 человек. В Лукском, Страпицком и Антонопольском участках результаты выборов были неизвестны²³. Много голосов большевикам в Городокском уезде принесли солдаты. До начала выборов на его территории вначале было только 3 воинских избирательных участка: 1. 298-й пехотный полк за исключением 4-го батальона; 2. Городокский конный запас, 10-й броневой автодивизион, управление воинского начальника и лазарет союза городов; 3. 4-й батальон 298-го пехотного полка. Однако затем уезд буквально наводнили солдаты 17-го корпуса, и для них были образованы еще 10 воинских участков: 4. Для 140-го Зарайского пехотного полка; 5. Для 35-го паркового артиллерийского дивизиона; 6. Для корпусного интендантства со всеми подчиненными ему частями; 7. Для корпусного контроля, казначейства, почты, суда, этапно-ветеринарного лазарета, полевой рабочей колонны и 319-го санитарного транспорта; 8. Для 204-го обозного батальона; 9. Для Моршанского пехотного полка; 10. Для 138-го Болховского полка; 11. Для учреждений, состоящих при штабе 35-й пехотной дивизии (за исключением батальона резервного пополнения); 12. Для батальона резервного пополнения; 13. Для 35-й артиллерийской бригады. Кроме того, 500 солдат, прибывших в Городок уже после выборов, потребовали дать им возможность голосовать (и, видимо, ее получили)²⁴. Солдаты, как правило, голосовали за большевиков и заставляли гражданское население делать то же. О массовом насилии на выборах в Городокском уезде в Витебскую окружную комиссию сообщили в своем письме младший унтер-офицер Федюкин и рядовые Кукушкин и Грановский 140-го Зарайского пехотного полка: «В Старинской волости Городокского уезда местным крестьянам выдавался только список № 5, больше ничего. Где же здесь прямое, равное и тайное избирательное право? Крестьяне в недоумении спрашивают, что делать. Мы им говорили, что если сейчас не свобода, а царство грубой силы, покоритесь судьбе, а то еще чего пришлют красногвардейцев и расстреляют как контрреволюционеров и буржуев. Просим принять экстренные меры к защите избирателей от политического террора большевиков»²⁵.

Много было нарушений и в Люцинском уезде. В Тымановско-Краснопольском, Межвидовском, Лайгольском, Зальмуйжском, Эржепольском, Рунданском, Варейском, Ворславянском, Нерзинском, Липновском участках к голосованию были допущены не внесенные в избирательные списки гражданские лица и солдаты, численность которых была неизвестна. В Залесском участке проводилась агитация в пользу списка № 5. В Сыбелинском, Ворславянском, Покулинском, Шкилбанском, Высокоборском и Нерзинском участках в комиссиях были посторонние лица, главным образом, члены Советов. В Липновском и Заболотско-Курьяновском участках в день начала выборов были образованы самозванные комиссии. В Нерзинском и Ворславянском участках, кроме всего прочего, было допущено открытое массовое голосование за список № 5²⁶.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

Солдаты Северного фронта русской армии, незаконно голосуя на выборах во Всероссийское Учредительное собрание за большевистскую партию, принесли ей немалое количество голосов, о чем еще никто из исследователей данной проблемы ничего не сообщил. Они не только сами незаконно голосовали за большевиков, но и силой заставляли делать это мирное население Витебской губ. Ни уездные избирательные комиссии, ни Витебская окружная избирательная комиссия ничего не могли сделать в отношении правового беспредела, творимого большевиками и их сторонниками, поскольку власть в стране уже была захвачена большевиками и их члены рисковали жизнями в том случае, если бы они аннулировали фальсифицированные большевиками итоги выборов. Предшествующие исследователи проблемы выборов во Всероссийское Учредительное собрание не смогли внести необходимые коррективы в их итоги, поскольку в условиях монополии на власть в СССР коммунистической партии об этом не могло быть и речи.

В наше время коррективы внести можно, дабы возобладала объективная истина, что и будет сделано в ближайшем будущем в монографической работе автором данной статьи на основе его почти двадцатилетней работы над изучением данной проблемы.

Примечания

- ¹ Медушевский А.Н. Учредительное собрание как политический институт революционного периода // Отечественная история. 2008. № 2.
- ² Протасов Л.Г. Депутаты Всероссийского Учредительного собрания: проблема идентификации // Отечественная история. 2008. № 2.
- ³ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НА РБ), ф. 623, оп. 2, д. 8, л. 68.
- ⁴ Там же, д. 1, л. 33.
- ⁵ Там же, ф. 622, оп. 1, д. 62, л. 16, 18.
- ⁶ Там же, ф. 623, оп. 1, д. 50, л. 1–1 об.
- ⁷ Там же, л. 2.
- ⁸ Там же, д. 18, л. 11, 84, 158, 164, 190, 205, оп. 2, д. 7, л. 75, 98 об., 108 об., 111 об., 113 об.
- ⁹ Там же, д. 18, л. 46, 103.
- ¹⁰ Там же, д. 50, л. 2–2 об.; д. 6, л. 87–90.
- ¹¹ Там же, л. 2 об. – 3 об.
- ¹² Там же, л. 3 об. – 4 об.
- ¹³ Там же, л. 4 об. – 5 об.
- ¹⁴ Там же, л. 5 об. – 6 об.
- ¹⁵ Там же, л. 7.
- ¹⁶ Там же, л. 7 об.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же, л. 8.
- ¹⁹ Там же, л. 8 – 8 об.
- ²⁰ Там же, оп. 2, д. 2, 176.
- ²¹ Там же, оп. 1, д. 50, л. 8 об. – 9.
- ²² Известия Режицкого Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. 1917. 24 ноября.
- ²³ НА РБ, ф. 623, оп. 1, д. 50, л. 9–10.
- ²⁴ Там же, д. 3, л. 20, 43, 46, 68.
- ²⁵ Там же, д. 51, л. 33.
- ²⁶ Там же, д. 50, л. 11–11 об.

© 2010 г. М. Б. КИЗИЛОВ*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ, МИСТИЦИЗМ И ЕВРЕЙСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЕКТЫ В ЭПОХУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Правление Александра I было ознаменовано определенной толерантностью по отношению к различного рода религиозным меньшинствам и сектам, как христианским, так и еврейским¹. Этот факт, по моему мнению, можно объяснить интересом императора и его окружения к различного рода мистическим и необычным религиозным учениям, а также общей либеральностью взглядов монарха, получившего по воле Екатерины II образование в духе французского Просвещения. Данная статья посвящена проблеме религиозной толерантности в эпоху Александра I и, прежде всего, истории нескольких еврейских и иудайзированных сект и движений того времени (субботники, караимы, франкисты). История еврейских сект рассматривается в контексте других мистических и сектантских движений того времени (масоны, квакеры, меннониты, духоборцы и молокане). Впервые в историографии приводятся факты о контактах Александра I с караимами и его политике относительно сектантских движений, в частности, по отношению к субботникам и франкистам. Высказываются две практически неизвестные отечественной науке версии о причинах болезни и последующей смерти императора.

По мнению вел. кн. Николая Михайловича Романова, вслед за императором Александром I «все русское общество увлекалось, если не в равной степени, то все-таки следило со вниманием за толками, сектами и проповедниками, как православными (Филарет, Фотий), так и сектантскими»². Аристократические круги России увлекались иностранными проповедниками-пиетистами и мистиками типа Сведенборга и мадам Крюденер, «гуманными мистическими теориями и фанатическим пиетизмом»³. Среди ближайшего окружения Александра были масон Р.А. Кошелев, мистики А. Лабзин, Е.Ф. Татаринова и Н. Федоров. Важную роль в распространении пиетизма и мистических учений играл князь А.Н. Голицын, назначенный Александром обер-прокурором Святейшего Синода, а позднее – министром народного просвещения и духовных дел⁴. Лишь только к 1821–1822 гг., в связи с усилением А.А. Аракчеева, большинство из вышеупомянутых личностей и сектантских движений перестали поддерживаться государем – и этим временем, пожалуй, следует завершить период усиленного интереса к мистицизму в биографии Александра I.

Александр I не только проявлял терпимость по отношению к сектантским движениям, мистицизму и масонству, но и разрешил британским миссионерам, членам Британского и Иностранного Библейского общества, открыть в России свое отделение⁵. Тогда же в России были вновь открыты масонские ложи и стали активно распространяться мистические учения. В стране успешно вели свою деятельность католические, иезуитские, протестантские и квакерские проповедники. Два английских квакера⁶, Вильям Аллен и Стивен (Этьен) Греййе, лично встречались с императором во время его пребывания в Лондоне в 1814 г., а также в Санкт-Петербурге в 1819 г.⁷ Особенно интересно, что, посетив императора в его столице, миссионеры-квакеры направились в Южную Россию и Крым, где общались с проживавшими там сектантами христиан-

---

* Кизиллов Михаил Борисович, доктор исторических наук, научный сотрудник Негевского университета им. Бен Гуриона (Беэр-Шева, Израиль).

ского толка (меннонитами, духоборцами, молоканами), а также с караимами Чуфут-Кале и Карасубазара⁸. В Чуфут-Кале они общались с «первосвященником» (газзаном) Исааком Ковишем (Isaac Covish; скорее всего, искаженное «Исаак Чавуш»⁹), а в Карасубазаре посетили караимскую религиозную школу для детей. Среди христианских миссионеров конца XVIII–начала XIX в. караимы считались перспективным объектом для ведения религиозной пропаганды и возможного обращения в христианство. По этой причине посещение караимских общин Карасубазара и Чуфут-Кале квакерскими проповедниками сопровождалось длинными беседами на религиозные темы, а также раздачей Нового Завета в переводе на иврит¹⁰.

Особенно сильное воздействие на распространение мистицизма в России в эпоху Александра оказала, пожалуй, баронесса Юлиана Крюденер, под чьим влиянием император находился практически с 1814 г. по 1821 г. Баронесса Беата Варвара Юлиана фон Крюденер (Криднер/Криденер; 1764–1824) была интереснейшей фигурой Александровской эпохи, провидицей и сторонницей мистицизма. По некоторым сообщениям, именно под ее влиянием император пришел к идее создания Священного союза. Последние дни этой удивительной женщины связаны с Крымом. Впав в немилость после 1821 г., она провела остаток своих дней в Крыму в обществе влиятельных «послушниц ее религиозного экстаза»¹¹. К сожалению, подробности ее пребывания в Крыму до сих пор мало исследованы. Приехав в Крым весной 1824 г. в сопровождении кн. Анны Голицыной баронесса остановилась в Феодосии, где продолжала заниматься своей мистической деятельностью. В октябре того же года баронесса поехала в Кореиз, но из-за усилжавшейся болезни остановилась в Карасубазаре (современный Белогорск). Последние дни она провела в этом городе в поместье, принадлежавшем местной армяно-католической общине. В декабре 1824 г. баронесса умерла и была похоронена в небольшой семейной усыпальнице-часовне генерала Шица, находившейся на территории армянского кладбища. Позднее ее прах должен был быть перенесен в православную церковь в Кореизе, где находилось поместье Голицыных, но Голицына по каким-то причинам так и не выполнила своего намерения¹². По некоторым сведениям, спустя год после смерти баронессы, в октябре-ноябре 1825 г., ее прах в Карасубазаре посетил инкогнито ее бывший покровитель император Александр. Проведя около часа в холодной и сырой часовне, Александр простудился, что, в сочетании с нервным возбуждением и невнимательным отношением к собственному здоровью, и привело, в конечном счете, к его смерти¹³. Впрочем, это всего лишь одна из многочисленных версий о причинах смерти императора Александра.

Особый интерес вызывают контакты императора с несколькими еврейскими и иудаизированными сектами, также имевшими вокруг себя определенную ауру необычности и мистицизма. Среди таких сект, в жизни которых Александр и его толерантная политика сыграли особую роль, следует выделить, пожалуй, три достаточно различных религиозных движения: субботников, франкистов и караимов.

Субботниками называется крайне любопытное движение иудействующих славян, распространившееся в Южной России и Северном Кавказе в конце XVIII–XIX в. и существующее по сей день. В этот период тысячи российских крестьян и казаков по причинам, до сих пор не до конца выясненным, начали обращаться к еврейским религиозным практикам, идентифицировать себя как «евреев/иудеев» и, наконец, открыто обращаться в иудаизм талмудического или караимского толка. Несмотря на то, что ряд аспектов истории этого интересного движения уже исследован¹⁴, до сих пор невыясненными остаются причины, побудившие значительную часть субботников начать идентифицировать себя с караимами. В августе 2003 г. в фонде иностранных книг научной библиотеки «Таврика» Центрального музея Тавриды им. А.Х. Стевена (Крымского республиканского краеведческого музея), содержащего целый ряд редчайших изданий XVI–XIX вв., мною была обнаружена рукопись на немецком языке, представляющая собой заметки анонимного немецкого путешественника первой половины XIX в. о Кавказе, Крыме и Южной России. При более детальном изучении этой рукописи я пришел к выводу, что ее автором является не кто иной, как Христиан Хри-

стианович Стевен (1781–1863), друг знаменитых ученых-естественников П.С. Палласа и К. Габлица, один из основателей Императорского Никитского сада, отец Александра Христиановича Стевена (1844–1910), основателя библиотеки «Таврика»¹⁵. Данная рукопись содержит важную информацию о ранних попытках субботников завязать контакты с крымскими караимами.

По сообщению Стевена, значительная часть населения г. Александрова Кавказской губ., отбросив христианство, перешла в иудаизм, который, тем не менее, эти иудаизанты стеснялись называть иудаизмом и называли «моисеевой верой». К 1800–1801 гг. число иудаизантов субботников уменьшилось до нескольких семейств в с. Высоцкое (Wysozkoje). По мнению Стевена, они даже не знали, что привезенная им переодетыми еврейскими проповедниками религия являлась иудаизмом. В начале XIX в. о субботниках и их переходе в иудаизм сообщили императору Александру. Реакция императора была достаточно неожиданной. С неслыханным для того времени либерализмом он фактически посчитал переход славян-субботников в еврейскую веру допустимым, приказав не тревожить и не преследовать сектантов. По сообщению Стевена, «мудрый монарх, являющий собой всем прочим правителям пример совершеннейшей толерантности, приказал оставить их в покое и не тревожить, вследствие чего распространение этой секты, если и не прекратилось, то, тем не менее, значительно уменьшилось, как если бы они преследованию подвергались»¹⁶.

По сведениям Стевена, в начале XIX в., когда в Санкт-Петербурге разбиралась проблема «жидовствующих», один из них, грамотный крестьянин Баев¹⁷, отправился на обучение к еврейскому раввину. Вернувшись, Баев ввел в Высоцком такие новшества, как обрезание, запрет на работу в Шаббат и неприятие военной деятельности. В 1809 г., после того как Баеву перестали нравиться многие из еврейских обрядов (видимо, сложные талмудические предписания), он решил отправиться в Крым на обучение к караимам. Стевен заканчивает свое повествование о субботниках пожеланием, что, если даже они и не вернуться к христианству, то, как минимум обратятся в караимский иудаизм, который, по его мнению, значительно лучше прочих еврейских сект. На мой взгляд, данное сообщение Стевена может быть принципиально важно для понимания, почему же часть «жидовствующих», называвших себя субботниками, обратилась в неталмудический иудаизм караимского образца¹⁸.

Данное свидетельство о желании субботников найти контакт с крымскими караимами является, пожалуй, самым ранним упоминанием о подобном рода попытках. Опубликовав в 2003 г. ранний вариант статьи о Стевене, я не предполагал, что мне удастся найти продолжение этого захватывающего межконфессионального сюжета. Тем не менее, в декабре 2006 г., в архивной коллекции караимского собирателя Авраама Фирковича, хранящейся в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, мне удалось найти свидетельство, имеющее прямое отношение к сообщению Стевена. В этом документе ничего не упоминается о Баеве и его попытках связаться с караимами. Тем не менее он подтверждает свидетельство Стевена о желании субботников войти в контакт с караимами и получить от них помощь в сфере религиозной обрядности.

Как упоминалось выше, в 1809 г. Баев собирался поехать в Крым для установления связи с караимами. По всей видимости, этой попытке не было суждено осуществиться. Поэтому спустя несколько лет, в декабре 1815 г., субботники г. Александрова послали письмо в караимскую общину Бахчисарая (авторы письма, несомненно, имели в виду Чуфут-Кале, а не Бахчисарай, где на тот момент еще практически не было общины). Адресатами письма были Йегуда бен Нахаму Леви (о котором мне ничего неизвестно) и известнейший караимский теолог, реформатор караимского религиозного календаря, Исаак бен Соломон¹⁹. Письмо изначально было написано субботниками на русском языке. Тем не менее, караимские интеллектуалы того времени, сформировавшиеся как лидеры общины еще в эпоху татарского владычества, еще не вполне владели русским. Поэтому, по получению письма караимской общиной, оно было переведено на иврит (древнееврейский), вплоть до конца XIX в. остававшийся основным письменным язы-

ком караимской интеллигенции. Как это ни парадоксально, но русский оригинал письма субботников был утрачен, и сохранился лишь перевод на иврит.

Авторы письма, как они себя сами называют, «купцы и мещане города Александрова еврейской веры», сообщали, что стали соблюдать еврейскую религиозную обрядность. До 1803 г. они делали это в атмосфере строгой секретности, пока во время правления Александра I не получили на то официальное разрешение. Субботники г. Александрова отмечали, что хотели бы жить совместно с караимами, но, поскольку не могут переехать в Крым по техническим обстоятельствам, то просят караимов прислать им инструкции относительно того, как молиться во время праздника Шаббата и в другие праздники (утром, днем и вечером), как молиться и какие благословения произносить во время обрядов бракосочетания и обрезания. Письмо подписали шесть александровских субботников: Пимен Гаврилов, Тимофей Лютиков (?), Игорь Алексеевич, Лион Гаврилович и Михайло Анисим[ович?] Тихонов. Заканчивается письмо просьбой писать на адрес «Михайло Анисимовича Шишкина, город Александров, Кавказская губерния»²⁰.

Неизвестно, имела ли эта история какое-нибудь продолжение и получили ли субботники какой-либо ответ от караимов. Тем не менее уже сам факт, что как минимум два источника начала XIX в. сообщают о попытках субботников завязать контакты с караимами, представляется весьма симптоматичным. Как известно, контакты между караимами и субботниками стали значительно интенсивнее к концу XIX–началу XX в. и завершились публикацией караимских молитвенников на русском языке, сделанных специально для использования их субботниками²¹, а также последующим разрешением на смешанные караимско-субботнические браки²². Более того, во время Великой Отечественной войны, когда субботникам как евреям угрожало уничтожение со стороны немецкой администрации, они были спасены евпаторийскими караимами²³. Зачатки этих дружественных контактов прослеживаются в найденных мною дневниках Х.Х. Стевена и письме александровских субботников.

Помимо субботников, к концу XVIII–XIX в. в России появились другие сектантские течения – скопцы, духоборцы и молокане. К ним Александр был несколько менее толерантен, приказав переселить духоборцев и молокан в северные части Таврической губ. «между нагаями и немцами», поскольку «там они не могут никого совратить». Более того, по его собственным словам, Александр был вынужден для примера расстрелять 2–3 духоборцев, отказавшихся применять оружие во время войны 1812 г.²⁴ Тем не менее на фоне последующих притеснений сектантских движений во времена Николая I политика Александра по отношению к духоборцам и молоканам также выглядит достаточно толерантной²⁵. Этьен Грейе оставил любопытное описание состояния молоканской общины Симферополя. Местные молокане (некоторые из них из бывших духоборцев) с благодарностью отзывались о прекращении преследований после прихода к власти Александра, а также выражали надежду на получение льгот, подобных тем, что были у меннонитов²⁶.

Если с субботниками и молоканами император, по-видимому, лично не общался, то с другими иудейскими сектами того времени – франкистами и караимами – Александр неоднократно встречался и общался сам и через посредников. Франкистами в современной научно-исследовательской литературе называется религиозное движение, основанное Яковом (Якубом) Франком (1726–1791). Сам Франк родился в еврейской семье в местечке Короливка (Korolówka) в Подолии под именем Яков бен Йегуда-Лейб (Лейбович). Прозвище «Франк» (или, точнее «френк» – *тур.* «европеец», в значении «еврей-сефард» в еврейских общинах Османской Турции) он получил во время проживания в Османской империи. Заинтересовавшись в молодости мистическим движением еврейского лже-мессии Шаббатая Цви, Франк и значительная группа его последователей сначала исповедовали саббатрианство. По-видимому, следуя примеру Шаббатая Цви, в 1757 г. Франк перешел в ислам. Тем не менее переехав в Польшу, он и его последователи вскоре (в 1759 г.) обратились в католицизм. Но и этого Франку было недостаточно – в конце 1760-х гг. он всерьез обсуждал с Москвой возможность

перехода его сторонников в православие. Эти переговоры были сорваны вследствие вмешательства раввина Баруха Явана, приехавшего в Санкт-Петербург и раскрывшего властям спекулятивный характер франкистского движения²⁷.

На позднем этапе франкисты представляли собой загадочную закрытую секту, официально исповедовавшую католицизм, а на практике сохранявшую ряд еврейских и саббатнианских традиций в смеси с верой во Франка как в пророка и мессию²⁸. Несмотря на малочисленность сторонников учения Франка, франкистское движение оказало довольно сильное влияние на развитие Польши и некоторых других европейских стран, так как многие из крестившихся франкистов получили дворянский статус, обладали значительными финансами и впоследствии стали значительными политическими и финансовыми фигурами. Несмотря на то, что ученые так и не пришли к однозначному выводу по этому вопросу, многие факты указывают на то, что мать самого важного польского поэта и националиста А. Мицкевича была из франкистской семьи²⁹.

Александр I заинтересовался франкистами уже после смерти основателя движения Якова Франка. В 1813 г., по пути в Лейпциг, Александр посетил немецкий город Оффенбах, в тот момент бывший центральным лагерем франкистской общины³⁰. Главной франкистов тогда была Ева Франк, дочь основателя секты. Увиденное, по всей видимости, произвело на императора достаточно сильное впечатление. Информацию о франкистах Александру I тайно поставлял его агент в Варшаве Макротт. Кроме того, известная франкистка, пианистка Мария Шимановская (Maria Szymanowska née Wołowska), приятельница Гете, мать жены А. Мицкевича, учила дочь Александра игре на фортепьяно³¹.

Франкисты – евреи, обратившиеся в христианство – заинтересовали Александра как возможный пример для обращения в христианство остальных евреев. Таким образом, Александр, по-видимому, полагал сделать из евреев «достойных» граждан империи. По этой причине 25 марта 1817 г. Александр издал специальный указ о создании Товарищества (или Общества) израильских христиан и комитета опекунов над ними³². Основной идеей создания этого Товарищества было содействие обращению евреев в христианство. Кроме того, одной из целей этого Товарищества было последующее переселение обращенных в христианство евреев в Крым и вовлечение их в сельское хозяйство (тут явно можно заметить влияние аналогичных проектов по вовлечению евреев в сельское хозяйство, предпринимавшихся несколько ранее в Австрии). Несмотря на то, что эта идея никогда не была приведена в действие, проект переселения евреев из Польши и других регионов в Крым всплывал на поверхность еще несколько раз уже после смерти Александра³³. Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что проект создания в Крыму еврейской республики, неоднократно муссировавшийся самыми разными политическими деятелями (включая И.В. Сталина и лидеров Агро-Джойнта) уже в советское время³⁴, впервые был сформулирован еще во времена Александра I. Российские власти продолжали интересоваться франкистами и после смерти Александра.

Когда после вмешательства вышеупомянутой Марии Шимановской польские власти остановили публикацию книги о биографии Франка, российские власти перехватили рукопись книги и напечатали ее русский перевод как официальную публикацию министерства внутренних дел³⁵.

Александр также неоднократно общался с крымскими караимами. Караимы – религиозное движение в иудаизме, основанное, прежде всего, на отрицании авторитета Устного Закона (Талмуда), а также ряда талмудических религиозных обычаев и предписаний. Само название «караим» (*древнеевр.* «чтецы» или «читающие») отражает основную характеристику данного движения – признание еврейского священного Писания (т.е. Ветхого Завета или ТаНаХа) как единственного и прямого источника религиозной истины. Караимское движение возникло и сформировалось на Ближнем Востоке приблизительно в VIII–X вв. н.э. Период X–XI вв., часто называемый «золотым веком» в истории развития караимского движения, был ознаменован активной миссионерской деятельностью и распространением караимского движения далеко за пределы Багда-

да и Персии. В это время достаточно многочисленные общины караимов возникают в Палестине (с центром в Иерусалиме и Рамле), Египте (Фустат), Испании (община вскоре была изгнана кастильским правительством в результате спровоцированного раввинистами конфликта), Византии и на Кавказе. В Восточной Европе (Крым, Галиция, Волыния и Литва) караимы появляются в XIII–XV вв.³⁶ После разделов Польши в конце XVIII в. в Российской империи караимы проживали преимущественно в Литве, Волыни, Новороссии и Крыму.

В начале XIX в. основными центрами крымских караимов были горная крепость Чуфут-Кале и приморский порт Евпатория. Александр I был первым российским государем, посетившим караимскую общину крепости Чуфут-Кале. Произошло это 18 мая 1818 г.³⁷ Сопровождавший императора флигель-адъютант и военный историк А.И. Михайловский-Данилевский сообщает, что государь посетил «гарем» (женскую половину) дома одного из богатых караимских обитателей – скорее всего, административного главы общины Вениамина Ага. Видя изумление караимских женщин, удостоившихся посещения императора, Александр сказал им по-французски: «Dites à ces dames, que je suis enchanté d'avoir fait leur connaissance» («Сообщите этим дамам, что я счастлив познакомиться с ними»)³⁸.

Император снова посетил Чуфут-Кале в 1824 г. Об этом визите, со ссылкой на доступные ему рукописные заметки газзана Чуфут-Кале Исаака бен Соломона, упоминает караимский автор XX в., обозначивший свое имя двумя инициалами – Б.К. Не вызывает никаких сомнений, что это – Борис Яковлевич Кокенай (1892–1967), один из крупнейших собирателей караимских рукописей и потомок Исаака бен Соломона³⁹. Согласно этим заметкам, Александр посетил караимскую кенассу⁴⁰ во время богослужения, сняв при этом фуражку (по христианской традиции, при входе в храм следует снимать головные уборы, а по караимской и талмудической обрядности, в молельные дома следует входить с покрытой головой). Император спросил у Исаака бен Соломона о том, следует ли ему надеть фуражку. Газзан ответил, что по караимской традиции головной убор следовало бы надеть. Тем не менее император так и остался до конца службы с непокрытой головой. После выхода из кенассы император посетил дом Вениамина Ага, поговорил с проживавшими там женщинами и детьми, и вернулся в Бахчисарай. Уезжая из Крыма, из г. Ор (Армянск), император прислал в общину золотое кольцо с бриллиантовым камнем⁴¹.

В честь посещения кенассы императором крепости у входа в Малую (так называемую «Мангупскую») кенассу-синагогу была установлена памятная плита из известняка с надписью на иврите⁴². К сожалению, в советское время по ней прошла чья-то варварская рука, по всей видимости, желавшая стереть память о пребывании российского императора в крепости. В результате практически на 1–2 сантиметра был стесан верхний слой плиты. В настоящее время текст практически не читается за исключением нескольких слов. Тем не менее, до сих пор достаточно четко можно разобрать слова: «[АЛЕК]САНДР ... ришон император» (*ивр.* «император Александр I»).

Чрезвычайно интересны обстоятельства последующего визита императора в караимскую общину полуострова в октябре–ноябре 1825 г., т.е. за несколько недель до его таинственной смерти. Проживавший в Крыму в 1823–1825 гг. известный польский литератор Густав Олизар (1798–1865) сообщает интересную информацию относительно причины смерти Александра. Опровергая досужие слухи о его насильственной смерти, путешественник пишет: «Александр умер от тифоидной горячки весьма воспалительного характера... вследствие переохлаждения, выехавши после обеда на конную прогулку, несмотря на предостережения сопутствовавшего ему местного генерала татарина Кая Бея (Каја Веј), в легком мундире, из раскаленного ущелья в Бахчисарае на весьма холодную гору, для посещения караитского города Кале»⁴³. О том, насколько вероятно сообщение Олизара, что причиной смерти Александра стала простуда, вызванная посещением Чуфут-Кале, можно только догадываться. Тем не менее, на мой взгляд, оно было незаслуженно проигнорировано специалистами по российской истории. Впрочем, это лишь еще одна версия о причинах болезни Александра⁴⁴.

Упомянутый Олизаром Кая-бей является историческим лицом, богатым татарским землевладельцем Кая-беем Балатуковым, ответственным за прием Александра I во время его визита в Бахчисарай и Чуфут-Кале годом ранее, в 1824 г.⁴⁵ В его владениях, среди прочего, был Мангуп с прилегающей деревней Ходжа-сала. Доподлинно известно, что государь действительно посетил Бахчисарай и Чуфут-Кале 28 октября 1825 г., уже будучи несколько нездоровым. Тем не менее, во время поездки в Чуфут-Кале он, казалось, чувствовал себя неплохо: «Государь не дал себе покоя и между прочим совершил поездку верхом в Чуфут-Кале и на обратном пути посетил Успенский монастырь; он казался совершенно здоровым, был весьма весел и со всеми обращался с обычной своей благосклонностью»⁴⁶. 1 ноября 1825 г.⁴⁷ Александр I посетил караимскую общину г. Евпатории и принес ей в дар серебряный кубок⁴⁸. Государь разговаривал с караимскими лидерами Симхой Бабовичем и Иосифом-Соломоном Луцким об истории караимов. Луцкий сочинил в честь императора торжественную кантату на караимском этнолекте крымско-татарского языка, прочитанную в евпаторийской кенассе во время ее посещения Александром. Сохранился перевод этой кантаты, сделанный, по-видимому, для Александра одним из евпаторийских караимов⁴⁹ на не совсем грамматически и лексически правильном русском языке. Начальные буквы этого перевода образуют акростих «АЛЕКСАНДР ИМПЕРАТОР».

Кроме того, автор перевода попытался сохранить определенный ритм и некоторые рифмы, безусловно, присутствующие в оригинале кантаты. Александр именуется в ней пастырем, обитающим «во всей России и в татарских жилищах», а караимы – «в Евпатории граде водворившимися Караимами или библистами»⁵⁰.

По-видимому, именно во время этого визита императора караимы подали ему петицию с просьбой об уравнивании в правах с крымскими татарами. Дело в том, что, начиная со времени правления Екатерины II, караимы, в отличие от евреев-раввинистов (талмудистов), не облагались двойной податью и были освобождены от многих других дополнительных налогов⁵¹. Такое положение сохранялось вплоть до 1820-х гг., когда Александр решил освободить крымских татар от необходимости записываться в купеческие разряды и платить дополнительные деньги в казну для ведения торговой деятельности. Караимов, все время находившихся в состоянии экономической конкуренции с местным татарским населением, подобное положение дел явно не устраивало. Поэтому в 1825 г. они подали прошение об уравнивании в правах с татарскими купцами. В петиции караимы называют себя потомками «одного древнейшего Еврейского поколения, которое более четырех веков поселясь в Крыму, впоследствии вместе с прочими крымскими народами поступило под благословенную державу» российского императора⁵².

В память о приезде императора в центральной части евпаторийских караимских кенасс в 1851 г. был возведен мраморный памятник с надписью на русском языке и караимском этнолекте крымско-татарского языка (ивритской графикой)⁵³. Изначально русский текст надписи выглядел следующим образом: «Императору Александру I. / В ознаменование посещения синагоги / ноября 1-го дня 1825 г. / От евпаторийских караимов / сооружен в 1851 г.»⁵⁴. В какой-то момент (скорее всего, после 1917 г.) эта надпись была несколько модифицирована: слово «синагога» было заменено на «кенасса»⁵⁵.

Во время посещения Евпатории самочувствие Александра было, по-видимому, достаточно хорошим. Плохо император почувствовал себя только при переезде из Орехова в Мариуполь 4 ноября 1825 г., т.е. через несколько дней после посещения Крыма. Скончался император 19 ноября 1825 г. в Таганроге. После его смерти краткий период религиозной толерантности сменился авторитарной политикой Николая I. Если по отношению к караимам правительственная политика осталась столь же благожелательной, как и во времена Екатерины II и Александра I⁵⁶, то для евреев-раввинистов, субботников, духоборцев и молокан настали времена преследований и репрессий.

Примечания

¹ Об общих тенденциях в политике Александра I по отношению к евреям см.: Вишленкова Е. Иудеи в религиозной политике Александра I // Параллели. 2004. № 4–5. С. 19–47.

² Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. М., 1999. С. 147–165.

³ Пытин А.Н. Очерки литературы и общественности при Александре I. Петроград, 1917. С. 382.

⁴ О Голицыне подр. см.: Там же. С. 380–390. Кроме того, Голицын был также главой созданного в 1817 г. Комитета опекунов над израильскими христианами (см. об этом ниже).

⁵ О деятельности Британского и Иностранного Библейского общества в России подр. см.: Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia. L., 1826.

⁶ Квакеры (англ. *Quakers* – буквально «трясушиеся, дрожащие» (первоначально употреблялось в насмешку), самоназвание – «Общество друзей» (Society of Friends)) – одна из христианских сект протестантского толка, основанная в Англии в 1650 г. Квакеры отвергают внешние формы религиозности (церковную организацию и многие обряды), а также присягу и военную службу.

⁷ Eynard Ch. Vie de Madame de Krudener. P., 1849. Vol. 1. P. 335–336; Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 151. Подр. см.: Grellet Etienne (Stephen) de. Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet. Edited by Benjamin Seebohm. Vol. 1. L., 1860. P. 313–317, 409–411. Сокращенный вариант: Grellet Etienne (Stephen) de. A Concise Memoir of the Remarkable Evangelist, Etienne de Grellet. Concluding with a Full Account of His Interview with the Emperor Alexander I of Russia, in the Year 1814. Extracted from the Work of Benjamin Seebohm, by Mrs. T.G. Tyndale. Oxford, 1877. P. 120–125, 151–154.

⁸ Grellet Etienne de. Memoirs... P. 450–471.

⁹ Газзаном общины в это время был упоминавшийся выше Исаак бен Соломон. Скорее всего, миссионеры общались именно с ним, почему-то называя его *Ковишем* (искаженное *Ча(в)уши*). В караимском этнолекте крымско-татарского языка слово «чавуш» имело смысл «старший над работниками» (Караимско-русско-польский словарь. М., 1974. С. 620). Возможно, что татарский чичероне миссионеров, общавшийся с Исааком бен Соломоном на татарском, не перевел этот термин на русский, а представил его как фамилию газзана.

¹⁰ Grellet Etienne de. Memoirs... P. 463–468.

¹¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 157–159.

¹² Колли Л. Могилы баронессы Крюденер в Крыму // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1912. № 48. С. 212–221; ср.: Eynard Ch. Vie de Madame de Krudener. P. 381–392; Ford C. The Life and Letters of Madame de Krudener. L., 1893. P. 320–321. См. также: Вьюницкая Л. Крымское путешествие пиэтистов // Крымское время. 2003. 6 июня. С. 12.

¹³ Jacob P.L. Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inédits. P., 1881. P. 232.

¹⁴ См. подр.: Дымшиц В. Этнографическое описание села Привольного // Мат-лы VI ежегодной междисциплинарной конф. по иудаике. Т. 3. М., 1999. С. 71–85; Львов А. Геры и субботники – талмудисты и караимы // Мат-лы IX ежегодной междисциплинарной конф. по иудаике. М., 2002. С. 301–312; Львов А. Русские иудействующие: проблемы, источники и методы исследования // Мат-лы X ежегодной междисциплинарной конф. по иудаике. Ч. 2. М., 2003. С. 95–107; О русских-караимах // Караимская жизнь. 1911. № 2. С. 81–82.

¹⁵ См.: Кизилов М. Рукописные дневники Х.Х. Стевена: Неизвестный источник по истории Кавказа, Крыма и Южной России // Таврика. 2003. № 2. С. 75–80. Пользуюсь случаем выразить благодарность директору научной библиотеки Крымского республиканского краеведческого музея «Таврика» в Симферополе Н.Н. Колесниковой за помощь в работе с дневниками Х.Х. Стевена. О биографии Х.Х. Стевена см.: Таврические губернские ведомости. 1863. № 19. С. 1–7 (отдельный оттиск).

¹⁶ [Стевен Х.Х.] Reise Journale 1801–1837. Библиотека «Таврика», фонд иностранных книг, д. 2029, л. 67 об. – 68.

¹⁷ В оригинале – Bajef. С некоторой натяжкой можно также допустить другое прочтение – Исаев (Isajef).

¹⁸ [Стевен Х.Х.] Reise Journale 1801–1837, л. 67 об. – 68.

¹⁹ Газзан Исаак бен Соломон (1755–1826), в течение длительного времени духовный глава чуфуткальской общины, был особенно известен своими трудами в области караимской галахи (права). Предпринял попытку введения новой календарной системы, составленной им в 1779 г., что стало одной из наиболее радикальных реформ в истории караимизма XVIII–XIX вв. Иса-

ак бен Соломон также известен своими нововведениями в области бракоразводного процесса, несколькими литургическими поэмами и произведениями на религиозную тематику. В 1796 г. он был одним из участников караимского посольства к Екатерине II. О его биографии см.: *Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes. Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites According to Descriptions of the Travelers.* N.Y., 2003. P. 77–78.

²⁰ ОР РНБ, ф. 946, евр. I, док. I 101 (д. 65).

²¹ *Львов А.* Дело о караимских молитвенниках // Параллели. 2004. № 4–5, С. 48–72.

²² *Прохоров Д.А.* Органы караимского конфессионального самоуправления и проблема прозелитизма, межконфессиональных и межэтнических браков в Таврической губернии в XIX–начале XX века (по материалам фонда ТОКДП*) // Историческое наследие Крыма. 2007. № 18. С. 138; *Бельый О.Б.* К вопросу об этнических и конфессиональных контактах крымских караимов и субботников («русских караимов») в XIX – начале XX в. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тезисы докл. и сообщ. III Междунар. Крымской конф. по религиоведению. Севастополь, 2001. С. 8–9. (*ТОКДП – Таврическое и Одесское караимское духовное правление).

²³ *Кропотов В.С.* Военные традиции крымских караимов. Симферополь, 2004. С. 92–94. Об этом же мне сообщал А. Львов, получивший от остатков субботнических семейств, ныне проживающих в Сакском районе Крыма, подробную информацию о спасении субботников евпаторийским газзаном М.М. Кумыш-Караманом (2003 г.).

²⁴ *Николай Михайлович*, вел. кн. Указ. соч. С. 165.

²⁵ См., напр.: *Лопухин И.В.* Записки сенатора И.В. Лопухина (репринт изд. Лондон, 1860). М., 1990. С. 118–138.

²⁶ *Grellet Etienne de.* Memoirs... P. 461–462, 467, 470–471.

²⁷ *Maciejko P.* The Frankist Movement in Poland, the Czech Lands, and Germany (1755–1816). D. Phil. thesis. University of Oxford, 2003. P. 59–60.

²⁸ О франкистах написано достаточно много. Наиболее значительной следует считать, пожалуй, работу классика истории еврейского мистицизма Гершона Шолема (*Scholem G. Sabbatai Sevi. The Mystical Messiah 1626–1676.* Trans. R.J. Zwi Werblowski. L., 1973). Отдельно следует выделить недавнюю докторскую диссертацию Павла Мачейко, которая в настоящий момент готовится к публикации в Оксфорде (*Maciejko P.* The Frankist Movement).

²⁹ См.: *Maurer Jadwiga.* «Z Matki Obcej». Szkice o powiazaniach Mickiewicza ze światem Żydów. L., 1990.

³⁰ *Maciejko P.* The Frankist Movement. P. 153, 218. По мнению Е. Вишленковой, это случилось после Лейпцигской битвы. *Вишленкова Е.* Указ. соч. С. 35.

³¹ *Maciejko P.* The Frankist Movement. P. 256.

³² Указ Александра I о Товариществе израильских христиан и комитете опекунства (1817 г.). См. *Maciejko P.* The Frankist Movement. P. 251. Это Товарищество (Общество) просуществовало до 1833 г. (Подр. о нем см.: *Вишленкова Е.* Указ. соч. С. 34–36).

³³ Об этом упоминает антисемитский памфлет *Sposób na Żydów* [Warszawa, 1818]. См. также: *Gelber N.* Ein «Krimprojekt» im Jahre 1841 // Zur Vorgeschichte des Zionismus. Vienna, 1927. P. 213–220. Подр. см.: *Maciejko P.* The Frankist Movement. P. 252.

³⁴ См. напр.: *Вихнович В.* Массовые этнические депортации из Крыма в 1944–1945 гг. и крымские караимы // Параллели. 2004. № 4–5. С. 87–98.

³⁵ *Бринкен Ю.* Секта иудеев-зохаристов в Польше и Западной Европе. Иосиф Франк, его учение и последователи. СПб, 1892.; *Maciejko P.* The Frankist Movement. P. 256.

³⁶ В качестве введения в историю караимов см.: *Кизилов М.Б.* Караимы // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004. С. 254–269; *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources.* Edited by Meira Polliack. Leiden, 2003.

³⁷ *Б.К. [Борис Кокенай].* Посещение императором Александром I Кале // Караимское слово. Вильно, 1914. № 3–4, сентябрь–октябрь. С. 3–4; *Шапшала С.М.* Караимы в Крыму. Краткий очерк. СПб, 1896. С. 32. Поздние караимские легенды о том, что Чуфут-Кале в 1787 г. посетила российская императрица Екатерина II являются не более, чем легендами. Тучная и привыкшая к роскоши императрица осталась в Бахчисарае и Чуфут-Кале, безусловно, не посещала (по этой причине ее нет в списке царских особ, посетивших Чуфут-Кале, опубликованных в работах С. Бейма и С. Шапшала). Граф Луи-Филипп-Антуан де Сегюр, подробно описавший визит императрицы в Бахчисарай, также не упомянул о посещении ею Чуфут-Кале. См.: *Ségur L.P. de.* Mémoires ou souvenirs et anecdotes. Vol. 3. Stuttgart, 1829. P. 84. Тем не менее приехавший с Екатериной II в Крым в 1787 г. австрийский император Иосиф II поднялся в город, посетил караимскую синагогу-кенасу и одну из караимских усадеб (по-видимому, ту самую, в которой

позднее жил Соломон Бейм (см.: Военный Крым. Корреспонденция Н.В. Берга. Изд. Д.К. Первых (Васильева) // Историческое Наследие Крыма. 2005. № 11. С. 65)). О посещении императором Чуфут-Кале свидетельствовала надпись: «Возрадуется Израиль о создателе своем и сыны Сиона восторжествуют в честь великих царей и Августейших фамилий, удостоивших своим Высоким посещением древнее обиталище караимов! В приезде в Тавриду величественная государыня Императрица Екатерина II. [В] 1787 г. посетил Чуфут-Кале и синагогу караимов Римский император Иосиф II». (См.: Письмо Татьяны Эринчек и Сергея Кальфа-Калиф Серая Шапшалу от 16 сентября 1956 г. // Отдел рукописей Библиотеки литовской Академии наук, ф. 143, д. 247, л. 2. Авторы письма предложили Шапшалу убрать эту надпись, так как она содержит слова «синагога» и «Израиль». Вскоре эта надпись исчезла и ее дальнейшая судьба неизвестна).

³⁸ См. дорожные заметки А.И. Михайловского-Данилевского, опубликованные в журнале «Исторический вестник» в мае 1892 г.

³⁹ В своей частной корреспонденции Кокенай неоднократно упоминал о том, что унаследовал ряд рукописей из личного архива Исаака бен Соломона. Тем не менее мне не удалось обнаружить записок Исаака среди многочисленных документов, связанных с личностью Кокеная и хранящихся в литовских архивных коллекциях.

⁴⁰ Так караимы с 1911 г. стали официально называть свои синагоги.

⁴¹ Б.К. [Борис Кокенай]. Указ. соч. С. 3. К сожалению, ивритский оригинал записок Исаака бен Соломона пока не обнаружен, поэтому приходится полагаться на страдающий анахронизмами русский перевод маленького фрагмента из его записок, сделанный Б. Кокенаем.

⁴² Б.К. [Борис Кокенай]. Указ. соч. С. 3.

⁴³ Olizar G. Pamiętniki Gustava Olizara. Lwów, 1892. С. 181. О значимости воспоминаний Олизара для истории Крыма см.: Громенко С.В. Густав Олизар и его воспоминания как источник по истории Крыма // Историческое наследие Крыма. 2006. № 15. С. 156–167.

⁴⁴ Любопытные подробности о смерти Александра I и его пребывании в Крыму сообщаются также в дорожных заметках английского путешественника Джеймса Вебстера, практически неизвестных специалистам по русской истории (*Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; Performed during the Years 1825–1828: Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825.* L., 1830. Vol. 2. P. 333–339). Для курьеза ср. заметки, якобы написанные Александром I после его смерти (*Klimenko M. Notes of Alexander I, Emperor of Russia.* N.Y.; Bern; Frankfurt am Main; P., 1989. P. 347–349). Автор этих заметок (каковым, несомненно, не может быть Александр) даже не упоминает о посещении императором в 1825 г. Чуфут-Кале, что еще раз доказывает поддельность этого «источника».

⁴⁵ Домбровский Ф. Дворец крымских ханов в Бахчисарае. Симферополь, 1863. С. 26.

⁴⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 251–252.

⁴⁷ Или 31 октября.

⁴⁸ Szapszał S. Adam Mickiewicz w gościnie u karaimów // Myśl Karaimska. 1934. Z. 10. S. 6.

⁴⁹ Перевод, возможно, сделан автором кантаты Иосифом-Соломоном Луцким.

⁵⁰ Полный текст русского перевода этой кантаты см.: Султанов С. Памятник Александру Благословенному в Евпатории // Караимская жизнь. 1912. № 12. С. 68–69.

⁵¹ Подр. см. Miller Ph. Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia: Joseph Solomon Lutski's Epistle of Israel's Deliverance. Cincinnatti, 1993.

⁵² Полный текст черновика этой петиции см.: Белый О.Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVIII–начале XIX в. // Крымский Музей. 1994. № 1. С. 32–33.

⁵³ Мрамор для этого памятника был заказан караимами в Турции. О перипетиях доставки этого мрамора в Евпаторию см.: Султанов С. Указ. соч. С. 69–70.

⁵⁴ Султанов С. Указ. соч. С. 71. Эту и другие надписи из комплекса евпаторийских кенасс см.: Kizilov M., Shapira D.D-Y, Vasyutinski D. Karaite Dedication Inscriptions from Gözleve. Eupatoria, the Crimea (в печати).

⁵⁵ Изначальный текст этой надписи см.: Султанов С. Указ. соч. С. 71. Кроме того, слово «синагога», записанное буквами ивритского алфавита, сохранилось также в надписи на караимском диалекте крымско-татарского языка на обратной стороне памятника.

⁵⁶ Подр. см.: Miller Ph. Op. cit.; Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА В ЯРОСЛАВСКОЙ ДЕРЕВНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

Современные исследователи часто обращаются к изучению различных направлений земской деятельности и ее региональных особенностей, в том числе и при решении социальных задач в области образования и просвещения¹. При этом отмечается, что главное достижение органов местного самоуправления заключалось в вовлечении крестьянства в процесс становления гражданского общества. Ярославская губ. была типичной земской губернией. Во всех ее 10-ти уездах органы местного самоуправления были созданы еще в 1865 г. Несмотря на то, что губерния являлась одной из наиболее развитых в промышленном отношении (здесь динамично развивались текстильная, пищевая, химическая промышленность), три четверти ее населения занимались сельским хозяйством².

Ярославская губернская земская управа еще в 1866 г. констатировала неудовлетворительное состояние народного образования в губернии, где более чем на миллион жителей приходилось всего 109 начальных школ и училищ³. Понимая, что число министерских и церковноприходских школ в сельской местности недостаточно, земцы начали создавать свою школу, перед которой ставились более широкие образовательные задачи. В отличие от церковно-приходских школ, обучавших только основным навыкам чтения, письма и счета, в земской школе преподавались основы географии, естествознания, истории, что должно было формировать у крестьянских детей научное представление о мире и создавать культуру познания, меняя их восприятие жизни и повышая уровень потребностей.

Таблица

Численность земских школ в Ярославской губ. 1876–1916 гг.*

Уезд	1876	1886	1896	1906	1916
Даниловский	18	20	20	21	40
Любимский	13	23	25	29	37
Мологский	20	40	53	61	93
Мышкинский	18	31	33	35	52
Пошехонский	25	47	44	52	84
Романово-Борисоглебский	13	21	20	22	45
Ростовский	14	73	68	80	114
Рыбинский	24	35	38	37	60
Углический	18	29	29	33	67
Ярославский	31	51	50	56	77
Итого:	194	370	382	426	669

* Составлено по: Начальное народное образование в Ярославской губернии за 1909 год. Ярославль, 1913. С. 360; Начальное народное образование в Ярославской губернии по сведениям за 1896/1897 учебный год. Т. 1. М., 1902. С. 23; Школьная статистика за 1915/1916 учебный год. Ярославль, 1916. С. 3.

В начале XX в. лидирующее положение по числу школ в губернии занимал Ростовский уезд, где в 1916 г. насчитывалось 114 школ, быстро росло их количество и в Ярославском, Мологском и Пошехонском уездах. На территории этих 4-х уездов в 1886–1916 гг. размещалось 50–55% всех земских школ. Тот факт, что в числе лидеров оказались Ростовский, Мологский и Ярославский уезды, удивления не вызывает. Это были экономически развитые уезды, финансовая база их земств была стабильна

* Волкова Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

и достаточно велика. Что же касается Пошехонского уезда, то он традиционно был сельскохозяйственным, но вместе с тем самым большим по протяженности (его площадь вдвое превышала территорию Мышкинского уезда), и суммы, поступающие от обложения земли, позволяли Пошехонской земской управе выделять значительные денежные средства на строительство новых начальных школ.

К 1916 г. в губернии действовало 669 земских школ. Вместе с тем общая картина развития сети начального образования будет далеко не полной без учета численности прочих учебных заведений и их соотношения. Министерских школ в губернии было 114, 4 училища существовали на средства городских общественных организаций и частных лиц, церковноприходских школ насчитывалось 577. Таким образом, из 1 364 начальных учебных заведений на земские школы приходилось 49%⁴. Увеличивалось и финансирование школьного дела. Если в 1896 г. по статье «Народное образование» в годовых расходных бюджетах всех 10-ти уездов губернии выделялось 141 тыс. 296 руб. (81% из них предназначался на строительство и содержание земских школ, включая оклады учителей), то в 1909 г. – 267 тыс. 473 руб. (83.1%), а в 1915 г. – 1 млн 5 тыс. 351 руб. (98%)⁵. В целом, отчисления по статье «Народное образование» в данный период составляли от 18 до 30% расходов земства⁶.

Развитие земской начальной школы требовало профессионально подготовленного учительского персонала, способного завоевать доверие крестьян и адаптировать для их сознания научные знания. Поэтому и Министерство народного просвещения, и земства организовывали учительские институты, семинарии и школы, предусматривавшие изучение как общеобразовательных, так и педагогических дисциплин. Первая такая учительская семинария в губернии была открыта по распоряжению министра народного просвещения в ноябре 1871 г. Ярославская губернская земская управа предоставила для ее размещения имение Сухово-Кобылина в с. Новом Мологского уезда и выделила 300 руб., забронировав 10 ученических мест в год для земских стипендиатов от уездов⁷. Новинская учительская семинария была мужской и принимала лиц из всех социальных групп и сословий. До 1909 г. обучение в ней предусматривалось в течение 3-х, а затем – 4-х лет. За эти годы учащиеся осваивали Закон Божий, русский и церковнославянский языки, арифметику, историю, географию, естествознание, чистописание, черчение, а также педагогику и методику преподавания⁸. В 1913 г. появилась еще одна учительская семинария в Петровске⁹, а в 1908 г. в губернии был создан учительский институт.

Низкий в целом уровень преподавания заставлял земских гласных задумываться не только о подготовке нового учительского персонала, но и о повышении квалификации тех учителей, которые уже работали в начальной школе. С этой целью организовывались летние педагогические съезды и курсы. Общегубернские съезды состоялись в 1871, 1872, 1898 и 1900 гг., уездные проводились более регулярно¹⁰. В 1911 г. на Общеземском съезде по народному образованию было принято решение о создании постоянных педагогических курсов со сроком обучения в 2 года. В Ярославле они открылись в ноябре 1914 г. На курсы принимались лица с гимназическим (или соответствовавшим ему) образованием, исключение делалось лишь для учителей со стажем не менее 3-х лет, имевших особое разрешение педагогического совета. Помимо общеобразовательных дисциплин, на курсах изучались педагогика, психология, методика преподавания¹¹. По мнению земских гласных, курсы должны были стать «центром живой деятельности по идейному руководству работы учащихся на местах и по организации школы». К 1917 г. их окончили 112 человек¹².

Поощряя интерес крестьян к знаниям, земства создавали на селе элементы городской культуры: открывали библиотеки, музеи, организовывали публичные чтения. Эти и другие формы работы вошли в общую программу просветительной деятельности, принятую Общеземским съездом по народному образованию¹³. В Ярославской губ. уже в 1890-е гг. публичные библиотеки были открыты во всех 10-ти уездных городах. За небольшую плату (3 руб. в год) их могли посещать все желающие, а учителя народных училищ имели право бесплатного пользования библиотечными книгами дома.

Книжный фонд этих библиотек составлял сотни и даже тысячи изданий, включая газеты и журналы. Однако приоритетными для земцев были бесплатные народные библиотеки, создававшиеся, как правило, при волостных правлениях и земских школах. Если в 1889 г. в губернии действовала только одна подобная библиотека, то в 1897 г. их было уже 30, в 1900 г. – 75, в 1909 г. – 178, в 1912 г. – 202, в 1914 г. – 210¹⁴. 71% из них содержался на средства земства и сельских обществ, а остальные принадлежали различным организациям. В 1907 г. школьная комиссия губернской управы приняла решение создать в каждом уезде библиотечные участки площадью около 30-ти кв. верст и радиусом не более 5-ти верст (всего – 453 библиотечные точки), с тем, чтобы сельское население могло пользоваться книгами близлежащей библиотеки. В 1914 г. в докладе губернской управы указывалось, что для реализации этого плана необходимо удвоить число имеющихся сельских библиотек¹⁵. При этом управа отмечала, что в среднем в каждой библиотеке находится 821 книга, в основном это беллетристика (61%), научная и научно-популярная литература, включая сельскохозяйственную (26%), издания религиозно-нравственного содержания (13%)¹⁶.

Популярной формой просветительной деятельности на селе на рубеже XIX–XX вв. становятся народные чтения и беседы-лекции, тесно связанные с земской школой. Чаще всего их проводили безвозмездно или за небольшое вознаграждение земские учителя (89%), реже в качестве лекторов выступали священники (9.8%), агрономы (4.1%), земские инструкторы (0.2%)¹⁷. Как правило беседы-лекции посвящались «злободневным» темам. Они не давали слушателям каких-либо завершенных сведений, однако имели большое познавательное значение. Обычно народные чтения проходили в здании школы, а впоследствии – в «народных домах», с демонстрацией на экране теневых картин (аналог современных слайдов), которыми обеспечивала уезды земская губернская комиссия по внешкольному образованию, имевшая в своем распоряжении склад картин и волшебных фонарей (диапроекторов). В 1900 г. в губернии состоялось 167 чтений, в 1901 г. – 185, в 1902 г. – уже 1 278, в 1903 г. – 2 785, в 1904 г. – 4 517, а в 1916 г. – 5 275¹⁸. Очевидно, они постепенно стали востребованы на селе. Проводившаяся при этом регистрация показывала, что взрослые составляли около 65% присутствовавших на чтениях, остальные же были преимущественно подростки. Наибольшей популярностью пользовались беседы-лекции по беллетристике и религиозно-нравственным вопросам¹⁹. Сильное впечатление на слушателей производили «теневые» картины, сопровождающие рассказ лектора. Посмотреть на диковинные изображения собиралось до 100 человек, причем число желающих присутствовать на этих мероприятиях ограничивалось подчас только размером помещения.

Наряду с показом «теневых» картин, практиковалось и устройство кинематографических сеансов. Крестьяне относились к этой новинке с восхищением, и число их посетителей доходило до 200 человек. Как говорилось в отчете губернской управы за 1915 г. «правильно организованный кинематограф может иметь громадное просветительное и образовательное значение»²⁰. В том же отчете отмечалось, что киноаппараты системы «Кок» имеются в 5-ти уездных управах (Ярославской, Мологской, Мышкинской, Романо-Борисоглебской и Рыбинской), а также при губернской управе. Угличское земство приобрело более совершенный аппарат системы «Кинокс». В распоряжении ярославского земства находилось также 40 кинолент²¹.

В 1903 г. во всех уездах губернии, за исключением Даниловского, земствами были созданы музеи наглядных пособий, которые предназначались для ознакомления сельского населения с достижениями естественных наук²². Они размещались в зданиях уездных управ. В их экспозиции включались различные гербарии, коллекции минералов, приборы, макеты, а также пособия и учебники, необходимые в народной школе. Музеи должны были также оказывать всем желающим (и прежде всего сельским учителям) помощь в приобретении нужной литературы. Любимское, Мологское, Мышкинское и Ростовское земства разработали систему передвижных музеев, извещая волостные управы о времени прибытия экспозиции²³. Одновременно земства организовывали и передвижные выставки, демонстрируя местному населению лучшие образцы до-

машных рукоделий и предметов, связанных с кустарными промыслами. Кроме того, устраивались выставки по пчеловодству, садоводству и огородничеству²⁴.

В 1912–1913 гг. земские гласные решили создать «народные дома», которые рассматривались как центры, координирующие работу по внешкольному образованию и просвещению. Общеземское совещание о просветительских мероприятиях, созванное ярославским земством в 1915 г. решило, что в «народных домах» расположатся кружки, музеи, библиотеки, а также будут проводиться общественные собрания, праздники, лекции и спектакли. На их содержание (на постройку или аренду здания, развитие культурно-просветительной деятельности и т.д.) предполагалось ежегодно выделять средства из земского бюджета²⁵. К 1915 г. в губернии насчитывалось всего 3 «народных дома» (в Ярославском, Пошехонском и Рыбинском уездах)²⁶, а в 1916 г. – уже 31. Наибольшее их число приходилось на Пошехонский и Ярославские уезды, в которых было организовано по 9 «народных домов»²⁷. Губернская управа, разработавшая устав «народных домов», контролировала их деятельность и оказывала им финансовую помощь, предоставляя уездным земствам ссуды и пособия (в 1915 г. ее расходы по данной статье составили 18 225 руб.)²⁸.

Помимо создания «народных домов», земские деятели приступили к организации сети районных центров по внешкольному образованию. На Общеземском совещании по внешкольному просвещению 1915 г. отмечалось, что «жизнь настоятельно требует применить в области внешкольного образования принцип создания территориальных участков»²⁹. По мнению делегатов совещания, в каждом таком участке следовало устроить библиотеку, помещение для народных чтений и выставок, склад фонарей и наглядных пособий, передвижной кинематограф и образовательный музей³⁰. В том же 1915 г. губернская земская управа наметила сеть подобных центров, с тем, чтобы радиус каждого участка не превышал 10–12 верст. Всего предусматривалось образовать 87 районных участков, больше всего (с учетом площади уезда и количества жителей) – в Ярославском (10), Мологском (40), Пошехонском (10) и Ростовском (43) уездах³¹. В 1916 г. во всех 10-ти уездах губернии было создано по одному районно-участковому центру³².

Земские школы, библиотеки, «народные дома» гарантировали доступ народа к новой культуре. Создание сельской культурной среды было условием приобщения крестьян к знаниям, переосмысления ими жизненных ориентиров, расширения представлений о мире. Земство открывало народу новые возможности, разрушало относительную изоляцию крестьянского мира, создавало условия для приобщения крестьян к иным культурно-историческим традициям.

Примечания

¹ Шлемин П.И. Столыпин и местное самоуправление. М., 1992; Королева Н.Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995; Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996; Петровичева Е.М. Земство Центральной России в период думской монархии (1906–первая половина 1914 гг.). М., 2001; *её же*. Земство Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001; Ефременко А.В. Земская агрономия и её роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002; Судацков Н.Д. Земское и городское самоуправление в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь, 2002; Герасименко Г.А. История земского самоуправления. Саратов, 2003; Земское самоуправление в России 1864–1918 г. Кн. 1–2. М., 2005.

² История Ярославского края. Ярославль, 2000. С. 193–199.

³ Очерк деятельности Ярославского губернского земства (1865–1891 гг.). Народное образование. Ярославль, 1896. С. 26.

⁴ Школьная статистика за 1915/1916 учебный год. Ярославль, 1916. С. 3; Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Ярославль, 1916. С. 6.

⁵ Начальное народное образование в Ярославской губернии за 1909 г. Ярославль, 1913. С. 11; Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1915 г. Ярославль, 1915. С. 17; Государственный архив Ярослав-

ской области (далее – ГА ЯО), ф. 485, оп. 2, д. 330, л. 31; д. 214, л. 3, 9, 12, 13 об., 22 об., 33 об., 36 об.

⁶ Доходы и расходы уездных земств Ярославской губернии по сметам на 1910–1911 гг. Ярославль, 1910. С. 3, 7–8; Финансовый отчет Ярославской губернской земской управы за 1914 г. Ч. 1. Ярославль, 1914. С. 31–32; ГА ЯО, ф. 485, оп. 1, д. 798, л. 23; оп. 2, д. 93, л. 1–2, 4, 9–10 об.; д. 330, л. 10 об., 31.

⁷ ГА ЯО, ф. 485, оп. 1, д. 121, л. 164–165.

⁸ Там же, д. 124, л. 10.

⁹ Салова Ю.Г. История культуры Ярославского края (XIX–XX вв.). Ярославль, 2004. С. 78.

¹⁰ Очерк деятельности первого учительского съезда в Ярославле. Ярославль, 1872; Столянский Н. Заметки о втором земском учительском съезде в Ярославле // Вестник Ярославского земства 1872. № 5–6; Временные педагогические курсы для учителей и учительниц начальных народных школ Ярославской губернии в 1898 г. Ярославль, 1899; Временные педагогические курсы для учителей и учительниц начальных народных школ Ярославской губернии в 1900 г. Ярославль, 1901.

¹¹ ГА ЯО, ф. 485, оп. 2, д. 628, л. 1.

¹² Там же, оп. 4, д. 2667, л. 71.

¹³ Григорьев П. Очерки по внешкольному образованию // Учитель. 1917. № 1. С. 21–26.

¹⁴ Бесплатные библиотеки в Ярославской губернии в 1913 году. Ярославль, 1915. С. 1, 5.

¹⁵ Там же. С. 2.

¹⁶ Там же. С. 7–8.

¹⁷ Там же. С. 11–12, 14.

¹⁸ Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1900 г. Ярославль, 1900. С. 80; Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1901 г. Ярославль, 1901. С. 65; Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1902 г. Ярославль, 1902. С. 79; Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1903 г. Ярославль, 1903. С. 123; Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1904 г. Ярославль, 1904. С. 055 (приложение); Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Ярославль, 1916. С. 21.

¹⁹ Начальное народное образование в Ярославской губернии за 1909 г. Ярославль, 1913. С. 360; Доклады... 1916 г. С. 22.

²⁰ Доклады... 1915 г. С. 42.

²¹ Там же. С. 42–43.

²² Доклады... 1903 г. С. 82.

²³ ГА ЯО, ф. 485, оп. 2, д. 193.

²⁴ Журнал Ярославского губернского земского собрания. Очередная сессия 1907 г. Кн. 3. Ярославль, 1907. Доклад по агрономическому отделу. № 15.

²⁵ Труды общеземского совещания о просветительских мероприятиях, созванного Ярославской губернской земской управой в г. Ярославле. Ярославль, 1915. С. 9.

²⁶ Салова Ю.Г. Указ. соч. С. 83.

²⁷ Доклады... 1916 г. С. 36–38.

²⁸ Там же. С. 39.

²⁹ Доклады... 1915 г. С. 75.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 80–81.

³² Доклады... 1916 г. С. 27–28.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРИЗРЕНИЯ ПОКИНУТЫХ МЛАДЕНЦЕВ

Во второй половине XIX – начале XX в. в России в связи с демографическим взрывом увеличилось количество брошенных детей. В газетах стали обычными такие сообщения, как, например, следующее: «3 августа в Сокольниках дворником дачи Дуркина поднят подкинутый младенец женского пола, около двух недель от рождения. В пеленке младенца была найдена записка со словами: “Крещен, имя Мария”. Младенец отдан в Воспитательный дом»¹. Отказывались от детей из-за бедности, желая скрыть «позор», сохранить в тайне появление на свет незаконнорожденного ребенка, из-за отсутствия условий, позволяющих оставить его при себе.

В 1840–1850-е гг. в приказы общественного призрения дети-подкидыши попадали довольно редко: чинам полиции вменялось в обязанность строго следить за всеми случаями подбрасывания младенцев. Приказы принимали их только в виде исключения, в том случае, если их обнаруживала полиция. В Курской губ. при передаче богоугодных заведений в ведение земства выяснилось, что за 12 лет (1847–1866 гг.) было принято для призрения лишь 27 младенцев, из них 19 было отдано для призрения частным лицам, 5 содержалось при богадельне, 3 умерло². На примере Курского земства особенно наглядно видно, насколько тернистым был путь освоения земством функций учреждения, обеспечивающего призрение детей-подкидышей. В 1866 г. Курское губернское собрание, исходя из незначительного поступления подкидышей в предыдущее время, постановило открыть воспитательный приют всего на 10 подкидышей. Но уже на втором году существования воспитательного дома в него вместо 10 подкидышей поступило 252. В переполненном приюте резко увеличилась детская смертность. Частные лица неохотно брали детей на воспитание (ими было взято всего 11 младенцев). Произошло это потому, что, не имея опыта работы по опеке младенцев, земские деятели обставили передачу их на воспитание довольно строгими условиями. Воспитатель обязан был причислить подкидыша к своей семье, а также внести в губернскую управу определенную денежную сумму, затраченную земством на его содержание. Выяснив, что согласных на таких условиях очень мало, губернское собрание постановило не только не требовать никаких денег с тех, кто соглашался брать на воспитание младенцев, но, напротив, выплачивать им вознаграждение. Отменялось и обязательство воспитателей причислять подкидышей к своим семьям³.

Обнаружив, что среди подкидышей было много законнорожденных, причем частыми стали случаи отказа от детей 7-летнего возраста, губернская управа предложила вовсе закрыть приют, служивший к тому же практически только для жителей Курска. Но земское собрание, руководствуясь тем, что «достоинство губернского земского учреждения заставляет его продолжать начатое дело и всеми мерами достигать удовлетворительного результата по содержанию и призрению подкидышей», решило приюта не закрывать, выделив на его содержание не 4 330 руб., как намечалось управой, а 9 тыс. руб. Это способствовало тому, что в 1872–1878 гг. количество питомцев земства заметно возросло. К началу 1878 г. в приюте их насчитывалось 54, а отданных на воспитание с платой за призрение – 190. С 1878 г. приют приобрел характер воспитательного заведения, на попечении которого дети находились до 14-ти лет⁴.

Определенная специфика в организации призрения покинутых младенцев имела в Орловской губ. Орел был расположен на пересечении нескольких железнодорожных магистралей, и массовое скопление народа приводило к еще большему увеличению

* Чвикалов Алексей Иосифович, кандидат исторических наук, доцент Воронежского филиала Российского государственного социального университета.

численности брошенных младенцев. Относительная же близость Москвы создавала соблазн переправлять подкидышей в воспитательные дома первопрестольной⁵. К чести Орловского земства, оно не поддавалось такому соблазну, и уже в 1868 г. отправка подкидышей в Москву полностью прекратилась⁶. Но это потребовало от Орловского земства значительного увеличения ассигнований на их призрение. Они были в несколько раз больше, нежели в других губерниях, расположенных недалеко от Москвы (к примеру, в Тульской). «Вопрос о судьбе подкинутых детей и, в частности, вопрос о расходах на их воспитание... является для Орловской губернии не новым..., – отмечал в 1908 г. в докладной записке губернатору председатель орловской губернской управы. – Существовавшие в 60-х годах в течение нескольких лет, по распоряжению орловского губернатора Левашова, люльки для опускания в них подкинутых детей и, в особенности, хороший уход и вполне удовлетворительные результаты деятельности грудного отделения сделали то, что в то время, как другие, соседние с Орловской, губернии тратили через 30 лет после введения земских учреждений на воспитание подкидышей от 12 до 15 тыс. руб. в год, в частности, Тульское земство..., Орловское земство, начав с 20 417 руб., достигло в 1896 г. – 42 тыс. руб., а ныне – 69 364 руб.»⁷.

Но не все было так просто и у орловского земства. В 1897 г., обсуждая данную проблему, гласные отмечали неуклонный и систематический рост числа подкидышей и расходов на их воспитание. При этом они высказывали самые разнообразные соображения, начиная с требования возобновить отправку младенцев в Московский воспитательный дом и кончая предложением совершенно прекратить прием подкидышей и добиться от администрации установления надзора за людьми, подкидывающими детей. В конечном счете, Орловское земство все же пришло к выводу, что «вскармливание подкинутых детей в губернии, при правильной организации дела и надлежащем надзоре, представляется менее трудным, чем в столице, и более человеколюбивым по отношению подкинутых младенцев». Соответственно, как минимум до 2-х лет их следовало оставлять в губернии, и лишь в исключительных случаях, когда, например, не хватало помещений, допускалась отправка вскормленных уже младенцев в Московский воспитательный дом. Если же ведомство императрицы Марии не могло их принять, то оно, по мнению земцев, должно было «оказывать земствам пособие, сообразно числу подкидышей в размере действительных расходов по дальнейшему воспитанию подкидышей из сумм государственного казначейства и особо для сего установленных благотворительных сборов»⁸.

Однако данное предложение не нашло поддержки в правительстве. 31 января 1899 г. министр внутренних дел, отметив, что ведомство императрицы Марии «еще с 80-х годов... стремится не к расширению, а к ограничению действий императорских воспитательных домов», обещал учесть предложение орловчан при разработке нового законопроекта об общественном призрении. В нем, в частности, предполагалось при «более точном распределении обязанностей по призрению как земских, так и городских общественных управлений, ...предоставить возможность более широкого притока средств на нужды призрения»⁹. Но пересмотр законов об общественном призрении так и не был осуществлен, и земствам приходилось рассчитывать на собственные силы.

В конце XIX – начале XX в. ситуация с призрением подкидышей оставалась довольно сложной, число их постоянно увеличивалось (помимо прочего сказывались последствия голода, русско-японской войны, революции 1905–1907 гг.). По данным Воронежской губернской управы, в 1901 г. в приют поступило 178 детей, в 1902 г. – 197, в 1903 г. – 237, в 1904 г. – уже 365, в 1908 г. – 544. Затем число поступивших значительно снижается, но в 1911 г. вновь достигает 547, а в 1912 г. – 580 детей¹⁰. Такая же тенденция наблюдалась и в других губерниях Центрального Черноземья, где количество детей, находящихся на попечении земства, как правило, ежегодно увеличивалось. В Курской губ. в 1900 г. земством призревало 177 детей, в 1901 г. – 195, в 1902 г. – 246, только в 1903 г. их оказалось немногим меньше (232). Но вскоре опять происходит резкое увеличение числа подкидышей: в 1906 г. оно составило 369, в 1907 г. – 395 детей, в 1910 г. – 482 ребенка¹¹.

Основной контингент подкидышей прибывал из губернских центров. К примеру, в Курской губ. в 1906 г. из губернского города их поступило 279, с железнодорожных станций – 41, из Щигровского уезда – 15, из слободы Ямской – 10, из Курского уезда – 5, от остальных уездов – от 4-х до 1-го подкидыша (из Белгородского, Корочанского, Новооскольского и Грайворонского уездов их вообще не поступало). Таким образом, дети, доставленные в приют из Курска и примыкавшей к нему слободы Ямской, а также с железных дорог составляли почти 90%¹². Причем, хотя земские детские приюты разрешали матерям внебрачных детей устраивать своего ребенка в приют официально, на законных основаниях, основная масса детей поступала туда как подкидыши, доставленные полицией. Среди детей, доставленных в 1912 г. в Воронежский земский приют, такие дети составляли 80%¹³.

Доставленным в приют младенцам приходилось срочно оказывать медицинскую помощь, так как все они были ослабленными, а нередко и совсем больными. Возраст младенцев, попадавших в приют, как правило, не благоприятствовал их выживанию. Так, в 1904 г. в Воронежский земский детский приют поступило 159 младенцев в возрасте до одной недели (43.5% от общего числа поступивших) и еще 153 – в возрасте до одного месяца¹⁴. Такой возраст был весьма опасным для выживания в условиях приюта. К тому же многие подкидыши не имели необходимого веса. Почти 14% детей, поступивших в Курский приют в 1906 г. в возрасте до 1 недели весили меньше 2.5 кг, от 2.5 до 3-х кг – около 37%, больше 3-х кг – чуть более 49%. «Вес наших детей в общем очень низок, – отмечала Курская губернская управа, – средний вес доношенных новорожденных детей, по крайней мере по западноевропейским данным, равняется 3 250 г. Этой средней цифре удовлетворяет разве только последняя наша группа, т.е. менее половины всех покинутых детей. Что касается первой нашей группы, то она состоит главным образом из... детей с наследственной слабостью. Такие дети выживают только при особенно благоприятных условиях»¹⁵.

Земства в меру своих сил и возможностей старались создавать для подкидышей благоприятные условия. Первостепенной задачей становилась проблема питания детей, так как выживаемость подкидышей во многом зависела именно от того, какой выбран способ вскармливания младенцев: грудной или искусственный. Искусственное питание значительно увеличивало их смертность, в чем земства убеждались на собственном опыте. Ревизия деятельности Курского земства сенатором Н.А. Зиновьевым, выявила, что опыт искусственного вскармливания «дал весьма печальные результаты: из 50 подкидышей, вскармливаемых искусственно, умерло 35, т.е. 70%, тогда как из 187, вскармливаемых грудью, умерло всего 64, т.е. 34%»¹⁶. Учитывая это, Курское земство пошло на значительные расходы для увеличения количества кормилиц в детском приюте. Если в 1900 г. их ежедневно было в приюте в среднем 10, в 1901 г. – 12, в 1902 г. – 14, то в 1903 г. уже 20 человек¹⁷. В 1907 г. кормилицы провели в Курском приюте 19 276 дней (т.е. ежедневно в приюте было около 53-х кормилиц). На каждую из них приходилось примерно по двое детей¹⁸.

Процесс подбора и содержания кормилиц или, как их называли, «мамок» был непростым делом. Ревизионная комиссия Воронежского губернского земского собрания в 1905 г. нашла цифру стоимости годового (344 руб. 44 коп.) и ежедневного (34 коп.) содержания ребенка в приюте слишком большой и непосильной для земства. При этом комиссия предлагала прежде всего сократить расходы на кормилиц. «Такая большая стоимость содержания, – отмечалось в докладе, – обуславливается главным образом расходом на кормилиц – искусственные способы вскармливания практикуются мало». Свое предложение сократить количество кормилиц комиссия аргументировала тем, что «соблазненная платой, кормилица нанимается кормить чужого ребенка, оставляя своего очевидно в крайней опасности; во всяком случае, ребенок в хорошо обставленном приюте, к услугам которого научные способы искусственного кормления, даже вскармливаемый искусственно, находился бы в меньшей опасности, чем оставленный кормилицей в деревне, вскармливаемый жеваным хлебом и тому подобными способами». Исходя из этого, «комиссия полагала бы необходимым строго придерживаться

правила нанимать кормилиц лишь тогда, когда их собственные дети достигли возраста не менее года»¹⁹.

Заключения комиссии относительно неразумности привлекать тех кормилиц, собственный ребенок которых находился в возрасте до 1-го года, были весьма резонными. Но на деле руководство приюта сталкивалось при этом с большими затруднениями. Строго придерживаясь данного правила, приют остался бы вовсе без кормилиц. Как указывал заведующий приютом А.А. Романов, все кормилицы при найме заявляли, что их ребенку меньше года. Если же им говорили, что тогда их нельзя принять в приют, то давался другой ответ: «мой ребенок умер» или «ребенку годик, он уже ходит». Документов о времени рождения своего ребенка кормилицы никогда не представляли. В заключение Романов задавал риторический вопрос: «Спрашивается, каким показаниям верить? Первым или последним, может, вынужденным необходимостью зарабатывать?»²⁰. Таким образом, земство, сохраняя жизнь младенцев в приюте, рисковало нанести вред здоровью, а то и способствовать смерти ребенка кормилицы. Конечно, можно было предположить, что кормилица передала своего ребенка для кормления грудью родственнице или иногда сама подкармливала его, если ребенок слабел. Во всяком случае, ребенок, имевший мать, находился в более благоприятных условиях, чем круглая сирота в приюте²¹. Между тем искусственное вскармливание подкидышей было не только опасно для их жизни, но и недешево, особенно при научной его организации. По расчетам Воронежской губернской земской управы, для этого потребовалось бы содержание собственной молочной фермы, наем дополнительного персонала нянек, увеличение численности медицинских сестер и т.д. В итоге, «получалась бы цифра, мало отличающаяся от той, которая обуславливает большую стоимость содержания кормилиц»²².

Вследствие этого, большинство земского собрания не поддержало предложения ревизионной комиссии о сокращении числа кормилиц в детском приюте. Напротив, 14 марта 1905 г., «в виду увеличения числа поступающих в детский приют подкидышей» и «в целях увеличения кормилиц означенного приюта и улучшения их материального положения», оно постановило: «1) штат кормилиц в приюте увеличить до 60 и соответственно этому количеству заготовить белье и другие вещи для детей и кормилиц; 2) кормилицам, прослужившим в приюте не менее года, выдавать награды одеждою и бельем, ценностью в 10 руб..., на что внести в смету 100 руб.»²³. Увеличение числа кормилиц сыграло важную роль в уменьшении смертности младенцев в наиболее трудный для них период (до 1-го года).

Другой задачей, которую приходилось решать земству при обеспечении призрения подкидышей, являлась передача детей на воспитание частным лицам. В начале XX в. в Центральном Черноземье земства руководствовались практически одинаковыми правилами оформления передачи детей на воспитание, схожи были и условия оплаты труда воспитателей, контроль за их деятельностью, способы определения дальнейшей судьбы воспитанников по мере их взросления.

Из приюта Курского губернского земства мальчики и девочки отдавались желающим на воспитание с оплатой по 3 руб. в месяц за содержание грудного ребенка до 1-го года. Если ребенок доживал до годовалого возраста, то за каждый месяц, прожитый им у воспитателей до этого момента, дополнительно выдавалось по 1 руб. От года до 6-ти лет выделялось по 36 руб., а с 6-ти до 12-ти лет – по 24 руб. в год. После 12-ти лет плата прекращалась. Если воспитанник поступал в школу, то ему полагалось единовременное пособие в 10 руб. В таком же размере он получал пособие и после окончания школы. В случае усыновления питомцев, воспитателям, помимо обычной платы, выплачивалось вознаграждение в 25 руб. Питомице, вышедшей замуж также единовременно предоставлялось 25 руб.²⁴ Такая же система поощрения воспитателей практиковалась в Тамбовской и Воронежской губерниях. Кроме того, 14 марта 1905 г. решением Воронежского губернского собрания управе было поручено увеличить плату за воспитание питомцев, у которых обнаруживались патологические нарушения в развитии²⁵.

Земства тщательно продумывали систему материального поощрения воспитателей, серьезно относившихся к младенцам и старавшихся сохранить им жизнь. Вместе с тем практика передачи подкидышей на воспитание выявила множество непредвиденных проблем, которые осложняли и без того трудную задачу содержания младенцев. В частности, и здесь, как и случае, когда младенцы находились в приюте, возникала проблема их полноценного питания. Воронежское губернское земство пыталось ввести такой порядок, при котором дети отдавались на дом к тем воспитательницам, у которых свой ребенок умер. Но, когда приют переполнялся, от этого приходилось отступать. Тогда дети передавались и тем воспитательницам, у которых ребенку было не менее года, имелась своя корова, а количество молока у кормилицы при нескольких взвешиваниях было в среднем не менее 50 грамм²⁶.

Конечно, радикальным и наилучшим способом решения вопроса призрения подкидышей была передача их на постоянное попечение, в дети. В Воронежской губ. усыновленных и удочеренных детей в 1909 г. было 65 человек, в 1910 г. – 77, в 1911 г. – 66, что, впрочем, не удовлетворяло земских деятелей²⁷. Курское земство при передаче детей на воспитание столкнулось с такой проблемой, как превращение частью населения губернии воспитательного дела в некий промысел. В 1903 г. из 310 младенцев, взятых на воспитание, 270 приходилось на селения Курского уезда, в том числе 170 – на одно с. Дьяково. Ревизия Зиновьева показала, что такое сосредоточение питомцев в небольшом поселении «дурно отзывается на содержании питомцев»²⁸. К такому же выводу пришла в 1908 г. и губернская управа, которая объясняла большую смертность принятых на воспитание детей в Курском уезде тем, что здесь детей принимали не ради их самих, а по расчету. В качестве доказательства данного факта управа ссылалась на ту «необыкновенную тщательность, с какой воспитатели из других уездов выбирают себе детей в приюте»: «Для них приходится, выражаясь фигурально, перерыть весь приют, чтобы найти подходящего ребенка. Совсем иначе относятся к этому делу воспитатели из Курского уезда и в особенности из с. Дьяково: они берут первого предложенного ребенка»²⁹. Но очевидно, что у такой «специализации» были и свои преимущества: население таких сел приобретало определенный опыт воспитания детей, что в ряде случаев положительно сказывалось на их выживании. В том же Дьякове в 1908 г. смертность была меньше, чем в соседних селах. «Можно только удивляться, – отмечала по этому случаю управа, – что с. Дьяково, которое наименее требовательно в этом отношении, дало в отчетном году даже меньшую смертность грудных детей, чем другие селения Курского уезда»³⁰.

В Воронежской губ. на вскармливании покинутых младенцев «специализировался» Землянский уезд. На 1 января 1906 г. из 864 питомцев, находившихся на воспитании в деревнях, 598 (69.2%) находились в Ендовищенской волости, по 140 – в Перлевской и Фомино-Негачевской, 76 – в Хвощеватской (в остальных – от 1 до 25 детей). Таким образом, и здесь имела место явная специализация волостей и сел на выхаживании детей. Конечно, определенную, хотя и не решающую, роль играл территориальный фактор. В удаленных от Воронежа уездах (Павловском, Бобровском и др.) воспитывалось от 3-х до 5-ти детей, а в Богучарском – самом отдаленном от губернского города – вообще не было ни одного воспитанника. С другой стороны, в Воронежском уезде на воспитании находилось 138 детей, т.е. в 4.5 раза меньше, чем в более далеком Землянском³¹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в каждом городе постепенно росло число младенцев, поступивших из других губерний. Так, если в 1906 г. из Воронежской в другую губернию было взято только 2 младенца, то в 1912 г. – уже 45 (19 – в Орловскую, 12 – в Тамбовскую, 5 – в Курскую, остальные – в Рязанскую, Саратовскую, Тверскую, Херсонскую, Люблинскую, Черниговскую)³². Во многом это объяснялось намерением усыновить ребенка и желанием избежать в будущем возможных эксцессов, связанных с попытками кровных родителей заявить о своих правах.

Весьма характерно, что основная масса воспитанников находились в семьях со средним достатком, небогатых и даже бедных. По данным Воронежского земства, в 1912 г. в них жило почти 79% всех воспитанников³³. Очевидно, существенным мотивом

вом в принятии решения о приеме детей на воспитание был материальный интерес. Отношение к питомцам обычно было доброжелательным, хотя встречались и недобросовестные воспитатели. Проверки, проведенные в 1912 г. Воронежским земством, показали, что в 5-ти случаях воспитательницы брали детей на чужое имя, в 4-х случаях дети воспитательницы, якобы умершие, оказывались живы, в 11-ти случаях был обнаружен плохой уход и кормление жвачкой. Если нарушения по уходу были серьезные (например, кормление жвачкой), детей у воспитателей отбирали. В 1912 г. по результатам проверки, осуществлявшейся фельдшерицами 3 раза в году, в Воронежской губ. у воспитателей забрали 289 детей³⁴.

Земские деятели старались постоянно улучшать и условия содержания подкидышей. Довольно показательным в этом отношении было строительство здания для приюта детей-сирот в Воронежской губ. В 1876 г. после смерти жены и сына отставной гвардейский поручик Ф.Н. Вигель завещал свою усадьбу губернскому земству с условием, чтобы в доме была устроена бесплатная женская больница с родовспомогательным отделением для неимущих. В 1878 г. земство перевело в дом Вигеля приют для подкидышей³⁵. В декабре 1898 г. по предложению гласного М.А. Лутовинова на территории усадьбы Вигеля решили разместить губернскую земскую управу, куда в 1902 г. она и переместилась, оказавшись на одной территории с детским приютом. Для приюта это было весьма полезно, поскольку члены управы всегда помнили о детях-сиротах. В декабре 1899 г. по предложению управы в усадьбе началось строительство нового двухэтажного здания приюта для подкидышей (на это было выделено 23 776 руб.). С 1910 г. управа приступила к постройке дома для возвращаемых питомцев, на что в течение 4-х лет ежегодно расходовалось по 600 руб. В 1911–1913 гг. на строительство прачечной и капитальный ремонт приюта было ассигновано 6 632 руб.³⁶

Забота земства о подкидышах, по-видимому, сказалась на сокращении среди них смертности. В Воронежской губ. она особенно резко сократилась (с 40.8% в 1900 г. до 10.9% в 1904 г.) среди подкидышей, находившихся в приюте³⁷. Конечно, в условиях эпидемии, голода или при социальных катаклизмах нередко происходили рецидивы роста смертности младенцев, особенно тех из них, кто воспитывался в деревне. Но то, что благодаря земству многим детям была сохранена жизнь, следует признать его бесспорной заслугой.

При этом земства стремились не только помочь подкидышам выжить, но и оказать им помощь в обустройстве своей жизни после пребывания в сиротском приюте. Земства, совместно с городскими органами самоуправления и благотворительными учреждениями, решали проблемы трудоустройства сирот. Так, 16 августа 1875 г. в Орловскую управу поступили от В.А. Квитницкого и В. Найрадского 2 прошения о передаче на их содержание на 7 лет 4-х воспитанников приюта 11–12-ти лет для освоения портновского и столярного мастерства. Защищая интересы подростков, управа обязала Квитницкого и Найрадского строго соблюдать условия договора об обучении. В частности, наниматели должны были снабдить своих учеников «на первое время необходимою одеждою и обувью, а именно выдать каждому по одной паре верхней – летней и зимней одежды, по одной паре чулков и сапог, по две пары разного белья», в течение же последних 3-х лет ученичества платить им жалованье (по 10–15 руб. серебром каждому)³⁸.

Тамбовское земство придавало большое значение проблеме образования сирот. Еще в 1867 г. при разработке правил сиротских приютов губернская управа указывала, что сироты должны учиться сперва в самих сиротских домах, а затем в мужской или женской гимназии. «Тех из них, которые окажутся неспособными к учению», предполагалось «определять... в обучение ремеслам, для чего губернская управа полагает избрать, из живущих в Тамбове ремесленников или мастериц, пользующихся хорошою репутациею, и заключить с ними контракты, для обучения воспитанников или воспитанниц, с платою или бесплатно». Более того, тамбовские земцы хотели дать сиротам шанс получить не только начальное и среднее, но и высшее образование. Правилами, в частности, предписывалось по окончании курса гимназии мальчикам, «оказавшим

особые способности к наукам и отличные успехи, давать пособие для прохождения курса в университете, или в ином каком-либо высшем специальном заведении, другим ученикам выдавать единовременное пособие, при определении на службу или к иному какому-либо занятию, причем в приискании им места должна содействовать управа». «Тех из воспитанников, которые... окажут посредственные успехи в гимназии», следовало «определять в какие-либо сельскохозяйственные или другие технические учебные заведения, а также в местную фельдшерскую школу, типографские ученики, на фермы, в лавки, заводы и т.п.»³⁹. Правила эти не были простой декларацией. Тамбовская управа на деле проявляла заботу о сиротах и вникала в повседневную жизнь тех из них, кто учился в гимназии, следила за их успеваемостью, принимала решения о их дальнейшем обучении⁴⁰.

Традиция оказывать сиротам помощь в получении образования сохранялась в тамбовском земстве на протяжении нескольких десятилетий. Бывшие воспитанники сиротского дома во время обучения в высших учебных заведениях получали от земства стипендии. Так, А.Л. Трифонову она была предоставлена для учебы в Санкт-Петербургском техническом университете (с 1 августа 1889 г. по 1 октября 1903 г.), М.В. Волжанскому – в Санкт-Петербургском технологическом институте (с 31 августа 1889 г. по 16 января 1908 г.), Ф.И. Пацитову – в Харьковском техническом институте (с 1889 г. по 1907 г.), М.И. Покровскому – в Липецко-Романовской лесной школе (с сентября 1889 г. по 25 июля 1902 г.), В.А. Сладкопевцеву – в Московском университете (с 11 августа 1898 г. по 9 августа 1903 г.)⁴¹. Впоследствии при распределении помощи сиротам, желающим получить образование, губернская управа все больше стала взаимодействовать с уездными управами, попечительствами, обществами вспомоществования бедным учащимся. Крупные суммы на эти цели были выделены в 1911–1913 гг. учащимся Козловского, Елатомского, Кирсановского и Темниковского уездов⁴².

Примечания

¹ Московские ведомости. 1878. 5 августа.

² Краткий исторический очерк деятельности земства Курской губернии за XXXV-летний период 1866–1901. Курск, 1902. С. 55.

³ Отчет по ревизии, произведенной в 1904 г. сенатором Н.А. Зиновьевым. Т. 2. СПб., 1906. С. 155.

⁴ Краткий исторический очерк... С. 57.

⁵ Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО), ф. 672, оп. 1, д. 5159, л. 28 об. В феврале 1890 г. министр внутренних дел потребовал от губернаторов установить контроль за управлением покинутых детей в столичные воспитательные учреждения. Министр указывал, что император обратил внимание на большую смертность в воспитательных домах столицы, явившуюся следствием их переполненности. «Количество принимаемых в означенные дома младенцев постепенно с каждым годом увеличивается, – отмечал он, – вследствие сего младенцы доставляются в столичные воспитательные дома из некоторых губерний целыми партиями, что доставка эта получает характер преступного промысла, младенцы привозятся совершенно истощенными и потому скоро умирают».

⁶ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 299, л. 105.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 2.

⁹ Там же, л. 2 об.

¹⁰ Составлено по: Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. Воронеж, 1904. С. 2; Отчет Воронежской губернской земской управы за 1910 г. Воронеж, 1911. С. 1122; Отчет по призрению покинутых детей в Воронежском губернском земстве за 1912 г. Воронеж, 1912. С. 3.

¹¹ Составлено по: Государственный архив Курской области (далее – ГА КО), ф. 4, оп. 1, д. 152, л. 19; Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. Курск, 1909. С. 621–622; Обзор Курской губернии за 1911 г. Курск, 1912. С. 97; Отчет по ревизии... Т. 2. С. 166.

- ¹² Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. С. 622.
- ¹³ Отчет по призрению покинутых детей в Воронежском губернном земстве за 1912 г. С. 3.
- ¹⁴ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 7. В возрасте от месяца до года поступило 44 младенца, и только 9 детей были старше.
- ¹⁵ Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. С. 622.
- ¹⁶ Отчет по ревизии... Т. 2. С. 165. Для сравнения следует отметить, что в земском Московском воспитательном доме в 1903 г. смертность среди детей, кормившихся родными матерями, составила без малого 20%, а среди детей, вскормленных кормилицами – почти 51% (всего в нем находилось 6 070 внебрачных детей). См.: Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 2.
- ¹⁷ Там же. С. 165–166.
- ¹⁸ Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. С. 625, 720.
- ¹⁹ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 10.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Например, в 1910 г. у 138 кормилиц Воронежского приюта из оставленных ими дома детей умерло четверо, из которых один был оставлен на грудь, а трое (в возрасте 4 месяца, 8 месяцев и 1 год) – на рожок. Всего кормилиц, оставивших дома ребенка в самом раннем возрасте, было 6 (две солдатки, девица, женщина, не проживавшая с мужем, и две замужние, ссылавшиеся на большую нужду). См.: Отчет Воронежской губернской земской управы за 1910 г. С. 1123.
- ²² Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 11.
- ²³ Систематический свод постановлений губернского земского собрания. 1898–1913 гг. Воронеж, 1916. С. 799.
- ²⁴ ГА КО, ф. 4, оп. 1, д. 162, л. 18–20; Обзор Курской губернии за 1904 г. Курск, 1905. С. 77; Обзор Курской губернии за 1911 г. Курск, 1912. С. 97.
- ²⁵ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГА ТО), ф. 143, оп. 1, д. 4100, л. 3; Систематический свод постановлений губернского земского собрания. 1898–1913 гг. С. 801.
- ²⁶ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 7.
- ²⁷ Отчет Воронежской губернской земской управы за 1910 г. С. 1123.
- ²⁸ Отчет по ревизии... Т. 2. С. 166.
- ²⁹ Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. С. 625.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 8.
- ³² Отчет по призрению покинутых детей в Воронежском губернном земстве за 1912 г. С. 22.
- ³³ Там же. С. 23. Всего на воспитание было передано 1124 ребенка. Из них 100 росли у зажиточных воспитателей, 193 – в семьях среднего достатка, 392 – в небогатых, 299 – в бедных, а 9 – в очень бедных. Обеспеченность воспитателей остальных 129 детей не была выяснена.
- ³⁴ Там же. С. 22.
- ³⁵ *Акиншин А.Н., Зайцева А.А., Попов П.А., Чернявская Е.Н.* Улица Войцеховского, дом 24 // Историко-культурное наследие Воронежа. Материалы свода памятников истории и культуры РФ. Воронеж, 2000. С. 179.
- ³⁶ Систематический свод постановлений губернского земского собрания. 1898–1913 гг. С. 804–805.
- ³⁷ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 8.
- ³⁸ ГА ОО, ф. 710, оп. 1, д. 2, л. 1–3.
- ³⁹ Сборник земских известий по Тамбовской губернии. Вып. 1. С. 153.
- ⁴⁰ Там же. С. 148.
- ⁴¹ ГА ТО, ф. 143, оп. 1, д. 4114–4115, 4117–4119.
- ⁴² Там же, д. 4102, л. 2–3.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПО КНИГЕ О.М. МЕДУШЕВСКОЙ «Теория и методология когнитивной истории»

---

13 декабря 2008 г. в Историко-архивном институте РГГУ состоялись Чтения, посвященные памяти доктора исторических наук, профессора Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007), проведенные кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. В рамках Чтений прошел «круглый стол» – обсуждение последней монографии О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (М., 2008. 361 с.). С докладами выступили Заслуженный деятель науки, академик РАО С.О. Шмидт (ИАИ РГГУ), профессора: В.А. Муравьев (ИАИ РГГУ); М.Ф. Румянцева (ИАИ РГГУ); Б.С. Илизаров (ИРИ РАН); А.Н. Медушевский (ИРИ РАН); С.И. Маловичко (Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева); доценты и преподаватели ИАИ РГГУ – Д.А. Добровольский; Р.Б. Казаков; Е.В. Пчелов; были поставлены проблемы истории как строгой науки, эмпирического объекта исторического знания, феноменологической парадигмы источниковедения в системе гуманитарного знания, интеллектуальных источников концепции Медушевской, ее места в системе эпистемологии XX – начала XXI в., значения для современной науки, гуманитарного образования и социальной практики в широком понимании.

С.О. Шмидт подчеркнул, что Медушевская не только внесла выдающийся вклад в развитие теории и методологии истории, но создала фундаментальную научно-педагогическую школу в российском источниковедении XX в. Для нее были характерны научная беспристрастность в поиске истины, кристальность мысли и отказ от интерпретационных схем, настойчиво навязываемых идеологизированным государством. Научная школа О.М. Медушевской опирается на лучшие достижения русской дореволюционной исторической мысли, вбирает в себя богатство идей об историческом прошлом в европейской и мировой философии истории истекшего столетия, опыт изучения самых различных видов исторических источников России. В последней книге ученого предложена цельная и оригинальная теория когнитивной истории, подводящая итог ее научного творчества и представляющая собой новую теоретическую концепцию в гуманитарном знании. Изучение этого труда, как и всей эволюции научных и общественно-политических взглядов Медушевской, представляет важную историографическую задачу будущего.

«Теория и методология когнитивной истории», – отметил Б.С. Илизаров, – это труд, который поднимает самые глубокие вопросы исторического познания: что такое история – наука или искусство; каким образом возможно достоверное познание прошлого; наконец, каков должен быть путь человеческого сознания к выяснению смысла мирового универсума. В книге О.М. Медушевской представлены ответы на эти вопросы. Универсум – нерасчлененный поток; ему противостоит человеческое сознание, которое дробит его на части и делает понятным. Ключевую роль в этом процессе играет язык, поскольку дает обозначение фиксированной дискретности и, тем самым, формирует воспринимаемую нами реальность. Очень убедительно введено в концепцию понятие «вещи» – исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, изучая который, безусловно, можно выйти к подлинным универсалиям представлений о человеке. Наша историческая картина мира может меняться и в этом смысле быть доступной различным интерпретациям, однако источниковедение – это строгая наука, поскольку критерии доказательного и точного знания – неизменны. Именно эти категории отстаивает концепция, представленная в книге. С этих позиций целесообразно обращение не только к вопросам собственно гносеологического характера, но также проблемам этики – добра и зла, ценностного выбора каждой эпохи.

Концепция Медушевской (как это всегда бывает в случаях появления научных мегапарадигм), – констатировал В.А. Муравьев, – не только теория, но и прекрасный практический ориентир. Она была сформирована в ходе многолетней преподавательской деятельности и имеет, поэтому, не только эвристический, но и педагогический потенциал. Когнитивно-информационная концепция может быть положена в основу осмысления реформы высшего образования, поскольку позволяет очень точно провести различие между двумя стратегиями – фундаменталь-

ной информационной (основанной на применении критических методов анализа информации и обучении им) и прагматически-транслирующей (основанной на простой передаче сведений, информационная новизна и содержательность которых не ставится под вопрос). Эта концепция не только дает мощные аргументы в поддержку фундаментального университетского образования, но и показывает, как достичь этого практически, т.е. предлагает систему определений, курсов, учебных планов и т.д.

В дискуссии приняли участие: доктора исторических наук – Б.С. Илизаров; Е.Н. Швейковская (Институт славяноведения РАН); И.В. Сабенникова (ВНИИДАД); кандидаты исторических наук – В.Д. Банасюкевич (ВНИИДАД), Ю.Э. Шустова (ИАИ РГГУ), Л.Б. Сукина (НОУ – Институт программных систем – «Университет города Переславля»); преподаватели, музейные и архивные работники – Г.Н. Савельева (РГГУ); А.М. Булатов (РГГУ); Н.В. Нор (ГИМ); Г.Р. Саатчян (ООО «Развивающие и формативные технологии»). Перед исследователями-историографами и источникововедами, – отмечали выступавшие, – встает ряд проблем: как интерпретировать те или иные положения концепции Медушевской (признано целесообразным издание собрания ее сочинений, библиографии всех трудов, их комментирование и исследование); как развивать эти положения в научной литературе и учебном процессе (максимально интегрировать эти идеи в гуманитарное образование, возможно, в виде особого курса или раздела курса методологии истории, посвященного специально ее взглядам, ввести в список экзаменационных вопросов для студентов и аспирантов изучение данной теории); как добиться того, чтобы эти идеи практически влияли на сознание общества (предложено сделать Чтения памяти О.М. Медушевской – регулярными и ориентированными специально на методологию истории и теоретическое источниковедение, а также связанные с ними сравнительные исследования).

Затем обсуждение было продолжено в Internet-формате. Его участниками стали: доктора исторических наук, профессора: В.М. Магидов (ИАИ РГГУ); Н.А. Мининков (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); С.С. Минц (Кубанский государственный университет, Краснодар); доктор философских наук А.В. Лубский (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); кандидаты исторических наук, доценты – В.В. Высокова (Уральский государственный университет, Екатеринбург); И.М. Гарскова (МГУ им. М.В. Ломоносова); Г.Н. Ланской (ИАИ РГГУ); А.А. Лукашевич (Кировоградский национальный университет, Украина); доктор Тереса Мареш (Институт истории и международных отношений Университета им. Казимира Великого, г. Быдгощ, Польша).

Итоги первого этапа освоения фундаментального труда О.М. Медушевской предлагаются вниманию читателя.

* * *

М.Ф. Румянцева: Когнитивная история – новая парадигма в науках о человеке

Книга О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» — результат более чем полувекового напряженного интеллектуального труда. Эта книга не просто подытоживает многолетнюю интенсивную рефлективную деятельность Ольги Михайловны в сфере исторического и – шире – гуманитарного познания, но и, несомненно, выводит на принципиально новый концептуальный уровень научно-педагогическую школу источниковедения Историко-архивного института РГГУ и, смею думать, всю российскую гуманитаристику. Эта книга должна стать отправной точкой в становлении современной синтетической науки о человеке, которая в книге Медушевской конституируется как «когнитивная история».

Научное сообщество только начинает воспринимать это новое знание, полноценное осмысление которого требует высокого уровня профессионализма и значительных интеллектуальных усилий. Не претендуя на полноценный и всесторонний анализ труда Медушевской, акцентирую внимание лишь на двух вопросах: об этапном значении ее монографии для методологии гуманитарного знания и о том, почему этой книге не просто будет найти путь к своему читателю за пределами «невидимого колледжа», объединенного вокруг научно-педагогической школы источниковедения, концептуальное оформление которой на протяжении последних десятилетий было неразрывно связано с именем Медушевской.

Ответ на второй вопрос четко сформулирован самим автором: «Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм. ...По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее

время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключая перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка. ... Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнанна и представлена исключениями» (с. 15–16)*. Мне кажется чрезвычайно важной и актуальной мысль о близости построений профессиональных историков в рамках традиционных/привычных парадигм или привычной нарративной логики массовому сознанию. Именно в этом видит автор причину устойчивости традиционных подходов: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире. Достаточно вспомнить о том, как представляет свою науку сообщество в преподавании в общеобразовательной школе. История преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» (с. 16). Эта мысль имеет принципиальный характер для становления образовательной модели высшего гуманитарного образования, которую Медушевская последовательно разрабатывала в последние годы и обоснованию которой посвящена пятая, заключительная, глава монографии.

В чем же этапное значение этой книги? Принципиально важно последовательно проводимое Медушевской противопоставление нарративной логики и феноменологической логики. Синтезируя в результате источниковедческий подход и новое понимание истории в системе наук о человеке, автор приходит к выводу: «Смена парадигм в сообществе происходит не путем модернизации нарратива, но путем формирования другой, феноменологической, логики исторического исследования. Прежде всего, она утверждает информационную самоценность интеллектуально-продукта как реализованного (эмпирическая данность) феномена со своей дискретностью и структурированностью» (с. 341). Именно обоснование феноменологической парадигмы составляет основное содержание книги.

Медушевская продвигается от сформулированной источниковедческой концепции к новому пониманию истории, выводящему историческое знание на новый уровень в системе когнитивных наук. «Каждая из наук, – пишет автор, – ... берет в качестве объекта одну из сторон человеческого мышления и поведения и потому не может настаивать на его абсолютной репрезентативности. Есть лишь одна наука, объектом рассмотрения которой в принципе является весь человеческий род, от его начала до современности, в его эволюционном и глобальном единстве. Эта наука – история, ее объект мыслится как адекватный человечеству. Исторический процесс – и есть время и место реализации человеческого мышления и поведения как универсального явления. Следовательно, лишь при условии привлечения исторической науки когнитивистика может получить адекватный своим целям объект» (с. 8–9).

Высочайший уровень концептуализации обличен в книге О.М. Медушевской в строгую логическую форму. В монографии, посвященной теоретическому обоснованию возможности универсальной эмпирической науки о человеке и исследованию ее методологии, последовательно анализируется феномен человека как существа, реализующего себя через создание «вещи» (гл. 1), затем рассматривается проблематика информационного обмена, в первую очередь, через посредство «вещи», т.е. реализации/объективации творческой активности человека (гл. 2). Центральное место в исследовании занимает третья глава, посвященная феномену «исторического источника» и становлению науки о нем. В следующей главе Медушевская рассматривает структуру объекта когнитивной истории как эмпирической науки. И наконец, автор выходит на проблему образовательных стратегий в условиях смены/параллельного существования нарративной и феноменологической парадигм гуманитарного познания (гл. 5).

В работе Медушевской фактически аккумулирован огромный опыт гуманитарного знания. Следуя логике своей мысли, автор волею неволеи вступает в диалог, а иногда и в резкую полемику, со всей – именно со всей в ее совокупности – философско-гуманитарной мыслью конца XIX – начала XXI в.: от Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньбоса, неокантианцев и Э. Гуссерля до П. Рикера, Х. Уайта и Ж. Деррида. Но этот диалог не эксплицируется и, соответственно, требует вдумчивой деконструкции / реконструкции со стороны не просто заинтересованного, но и профессионально грамотного, философски образованного читателя.

В основе ясности текста – предельная прозрачность всех используемых понятий: от таких универсалий как человек до специальных терминов исторической науки, базовым из которых является понятие «исторического источника». Подчеркнем особо – практически все определе-

* Здесь и далее в скобках указываются страницы издания.

ния авторские. Они не взяты из философских словарей или энциклопедий, они «добыты» (здесь уместно использовать одно из любимых выражений А.С. Лаппо-Данилевского) в ходе последовательного решения поставленных в монографии проблем; они не «встроены» в концепцию, они имманентны ей. Возьмем для примера два ключевых понятия концепции Медушевской – «человек» и «наука». Для построенной Медушевской это действительно понятия базовые, поскольку автор выстраивает теоретико-методологические основания синтетической, точной «науки о человеке». В самом начале исследования автор фиксирует свое понимание науки, выделяет ее деятельностный аспект: «Под наукой мы будем понимать научную деятельность, в которой достижение цели значит достижение нового, точного (градуированного по степени точности) и системного (т.е. соотношенного с существующей научной картиной мира) познания» (с. 9). Затем автор формулирует основные критерии научности: «Под научным знанием будем понимать знание новое, т.е. такое, которое является продуктом творчества. ...Качество творческой новизны обязательно входит в понятие научности, но его недостаточно для полного определения научности. Научное знание далее есть знание доказанное, логически-выводное, т.е. оно открыто для представления обществу не только своим результатом, но предполагает открытость и логическую непротиворечивость по всему пространству исследовательского пути от замысла к результату» (с. 14–15). Столь же существенное значение для структуры концепции О.М. Медушевской имеет понятие «человек», поскольку, как утверждает автор: «Основной постулат когнитивной истории составляет, естественно, определение феномена человека» (с. 331). Специально феномену человека и обоснованию возможности эмпирической науки о человеке посвящена первая глава монографии, но уточнение/прояснение этого понятия происходит на протяжении всего исследования. В заключении Медушевская дает предельно четкое и одновременно емкое оригинальное определение, аккумулирующее понимание человека как существа творческого, социального и исторического: «Человек – живое существо, завершающее познавательное действие созданием продукта. Опосредованный информационный обмен через посредство этого продукта делает человека существом социальным, формируя действующую информационную систему сообщества и потенциальную информационную сферу человеческого рода, поскольку информационный ресурс является общим и доступен каждому» (там же).

Таким образом, уровень концептуализации, предложенный в монографии «Теория и методология когнитивной истории», уровень гуманитарного синтеза, степень отрефлексированности метода наук о человеке и их системных связей с науками о природе и науками о жизни позволяют утверждать, что мы имеем дело фактически с принципиально новой парадигмальностью гуманитарного знания.

Д.А. Добровольский: Историческое описание как формирование культуры

Историческую науку XX столетия, особенно его второй половины, часто и не без весомых оснований определяют как антропологически-ориентированную. При этом такая «новая» история в человеческом изменении противопоставляется «изжившим, себя» позитивизму и марксизму, в рамках которых изучение прошлого воспринималось как одна из наук об обществе и имело весьма ограниченное значение – обеспечивать необходимую временную перспективу базовым социологическим конструктам, а те представляли собой, в свою очередь, лишь несколько замаскированную под рассказ о прошлом саморефлексию западноевропейской культуры XIX в. И действительно, идея относительности европоцентристской модели истории и выведенных на европейском же материале законов развития общества была сформулирована не в XIX, а именно в XX в. Думается, однако, что переориентация с изучения общества (а точнее говоря – с формулирования законов общественного развития) на постановку вопроса о том, как действующие на уровне социума тенденции воспринимаются каждым отдельным человеком, – это лишь одна из черт, отличающих современное знание о человеке от «классической» гуманитаристики XIX в. Второй такой же важной чертой является осознание того, сколь мала реальная роль человека в истории, и сколь мало значит отдельный индивид в противостоянии с социальными структурами, причем далеко не только с такими принципиально бесчеловечными, как тоталитарные государства.

Процесс своеобразной «дегуманизации» знания о человеке (а в сущности, конечно же, переоценки роли личности в истории) начался вне рамок собственно исторической науки. Сначала это произошло в искусствоведении, где был выдвинут лозунг «истории искусства без имен» (Г. Вельфлин), а от искусствоведов эстафету приняли литературоведы-формалисты – Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Якобсон и другие. Противопоставляя свои исследования традиционной истории литературы, и возвращаясь – одновременно –

к вопросам, поставленным еще А.Н. Веселовским, русские формалисты стремились написать историю словесного творчества как абсолютно самодостаточного явления, не зависящего ни от кого и ни от чего, кроме собственных законов развития. С точки зрения этой новой филологии личность писателя была лишь одним из привходящих начал, далеко не центральных по роли в литературном процессе (см. подробнее: *Эйхенбаум Б.М. Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 375–408*). Таким образом, формальная школа в литературоведении положила начало выработке новых объяснительных моделей, уделявших автору произведения существенно меньше внимания, чем реализуемому в этом произведении приему.

Постепенно сопоставимые модели утверждаются и в исторической науке, в том числе – в историческом источниковедении. Так, если по мнению А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова основной задачей исследования русских летописей было установить то лицо, в чьих интересах могло быть написано изучаемое известие, то теперь центральным вопросом оказывается вопрос о том, какой из общественно одобренных образцов был использован при создании интересующего исследователя фрагмента, и какова была роль летописания как социальной практики. Сами исследователи объясняют смену интереса в терминах «антропологического поворота», говоря о стремлении приблизиться к внутреннему миру книжников, их логике и их интересам. Однако этот «внутренний мир», может быть, неожиданным, а скорее, напротив, совершенно естественным образом оставляет очень мало места для индивидуальности, а существенно больше – для описания социальных механизмов.

Ясно, что новое понимание действующих начал истории требует новых приемов изучения источникового материала. И именно такие приемы формулируются в работах ученого, в частности, – в ее обсуждаемой книге. Обосновывая свой оригинальный подход к интерпретации исторических источников, О.М. Медушевская отмечает, что «интерпретационная гипотеза требует выяснения» пяти основных «проблем». Это «пространственно-временные координаты (время и место) создания исследуемого произведения», «базовые параметры информационной системы, в рамках которой действовал создатель произведения», «социально-психологические условия формирования его индивидуальной картины мира», «иерархия функционирующих систем, по нормам и правилам которых он существовал в своем сообществе», и, наконец, «видовая структура созданного им произведения». Каждый из вопросов этой своеобразной анкеты подчинен одному центральному, который и формулируется буквально на следующей странице: «Тем самым понимание чужого сознания выстраивается не через традиционное (для герменевтики) субъективно проведенное сравнение со своим сознанием (вернее со своим представлением о собственном сознании), но через научное сравнение с общей моделью творческого процесса». В итоге, «произведение предстает таким, каким было задумано и сформировано... – как явление своего времени, как выражение мышления, общих правил и индивидуальных способов и приемов его преобразования в реализованный продукт» (с. 282–283). Центральной проблемой в представленной интерпретационной модели являются отношения индивида и среды.

Важно подчеркнуть и еще одну очень существенную особенность историко-теоретических построений Медушевской. Это, если так можно выразиться, принципиальная деромантизация и демистификация всех обсуждаемых познавательных процессов. Одним из важнейших для отечественной гуманитарной мысли является понятие «ноосфера», ассоциирующееся обыкновенно с трудами В.И. Вернадского, а у самого Вернадского вводимое со ссылками на французских мыслителей Э. Леруа и П. Тейяра-де-Шардена (ср.: *Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 124, 241*). Обращение Медушевской к этой интеллектуальной традиции выразилось в использовании понятия «информационная сфера», являющегося без преувеличения ключевым для всей обсуждаемой книги, и выступающего в качестве обозначения «материально-вещественного результата (следа) совокупного когнитивного феномена человеческого мышления» (с. 350). Возникновение такого «следа» связано со «способностью» человека «фиксировать результат мышления в материально структурированном интеллектуальном продукте», в результате чего не мысль, конечно, но хотя бы ее продукт «становится общим достоянием», которое «в принципе открыто для любого – если не пользователя, то наблюдателя» (с. 68). Эти рассуждения не только простым и одновременно всеобъемлющим образом раскрывают механизм формирования культуры, но и столь же прозрачно отвечают на самый главный и трудный вопрос, постоянно задаваемый профессиональным историкам сегодня, – откуда мы знаем то, что мы знаем о прошлом.

Книга Медушевской не просто вновь обращает нас к важнейшим достижениям отечественной и мировой гуманитарной мысли XX в. Мы видим образец классического гуманитарного

мышления в принципиально новой, невиданной – и, повторяюсь еще раз, – во всех смыслах «бесчеловечной» ситуации (причем слово «бесчеловечный» следует скорее употребить без кавычек). Культурообразующее значение такого интеллектуального опыта невозможно переоценить.

Л.Б. Сукина: История «как строгая наука» в современной гуманитаристике

Полидисциплинарный характер нашей кафедры, кафедры гуманитарных наук и иностранных языков, всегда вынуждал меня интересоваться состоянием гуманитаристики в целом. И надо отметить, что методологический кризис – это состояние целого ряда гуманитарных дисциплин. В то же время, для них, особенно с 1990-х гг., после публикации в русском переводе «Когнитивной психологии» Роберта Л. Солсо, характерен и интерес к когнитивистике. Когнитивные подходы в последние годы получали распространение в философии, психологии, лингвистике, информатике, они тесно связаны с проблемой исследования и моделирования искусственного интеллекта. Поэтому появление масштабного труда, посвященного когнитивной концепции гуманитарного знания – давно назревшая необходимость. Примечательно, что такой труд написан профессиональным историком. Историческая наука, как одна из ведущих наук о человеке, человеческом сознании, в настоящее время нередко выполняет методологическую функцию, именно в ее рамках чаще всего удается соединить философский и дисциплинарный подходы.

Замечательно, что в российской гуманитаристике началось движение в сторону методологии. После всеобщего увлечения гуманитариев в 1990-е гг. идеями, пришедшими в наше научное сообщество через переводившиеся тогда работы западных философов, социологов, культурологов, политологов, историков, лингвистов (что было вполне естественным процессом), наступило время собственного поиска путей развития научного знания, обращения к отечественному методологическому наследию. О.М. Медушевская принадлежит к тем, пока еще, к сожалению, немногим исследователям, убедительно доказавшим, что отечественные научные школы, в данном случае школа источниковедения Историко-архивного института РГГУ, обладают собственным мощным потенциалом, позволяющим предлагать новые парадигмальные модели развития науки. «Теория и методология когнитивной истории» – естественный и закономерный этап деятельности ученого. Эта монография стала результатом ее многолетних поисков в сфере методологии исторического знания, в ней соединились скрупулезное следование принципу научной точности, широта взглядов, глубокая эрудиция в области целого ряда гуманитарных наук. Но этот труд вряд ли можно назвать итоговым, многое осталось в нем только намеченным, многие проблемы ярко и выпукло обозначены, но требуют дальнейшей детальной разработки. Книга Медушевской провоцирует мысль ее читателя к действию. Чтение этого текста – и большое интеллектуальное удовольствие, и трудная работа, работу, которую гуманитариям, склонным к поискам и размышлениям в методологической сфере, теперь надо обязательно выполнить, чтобы двигаться дальше.

В своей книге Медушевская последовательно проводит идею возможности истории как строгой науки, отвечающей требованиям точности и верифицируемости научного знания. Ее работа – достойный ответ на претензии представителей точных и естественных наук, предъявляемые ими к истории, которая, с их точки зрения, представляет собой некий специфический жанр литературы или публицистики (надо отметить, что при этом те же компьютерные науки, в «точности» которых никто не сомневается, позиционируют себя как научное знание, искусство и род интеллектуального ремесла). В книге показано, как историческая наука может добыть точное знание, какими методами она может его верифицировать. По мысли автора, исторический нарратив, к которому, собственно говоря, и обращены все претензии научного сообщества в «приблизительности» знания и «предварительной заданности» результата исследования – прошлое исторической науки, ее настоящее и будущее – источниковедение, исследовательские стратегии которого позволяют реализовать принципы точности и верифицируемости.

Для меня, как исследователя русской культуры Средневековья и раннего Нового времени, большое значение имеет идея «информационной сферы», в которую Медушевская включает всю динамическую систему информации, накопленной человечеством. В рамках этой идеи к историческим источникам, каковыми в традиционном источниковедении считаются, в основном, письменные памятники, в первую очередь, документы, могут быть отнесены любые «вещи», созданные человеком в процессе его интеллектуальной деятельности. Отечественная наука и ранее пыталась расширить круг источников, содержащих в себе информацию о прошлом. Здесь особого внимания достойны опыты источниковедческих подходов к древнерусской миниатюре А.В. Арциховского (Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944) и к художественной литературе С.О. Шмидта (Памятники художественной литературы как источник

исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49). Книга Медушевской впервые подводит под эти инициативные поиски прочное философско-методологическое основание.

Объектом исследования для ученого-историка должна быть «информационная картина» прошлого. Именно она, согласно Медушевской, доступна для научного исследования. Для меня особенно важна мысль, что «конфигурация фиксированной информационной картины запечатлена вещественно и в принципе может быть воссоздана в более полном виде» (с. 73). Известно, что наибольшей «неполнотой» страдают информационные картины тех исторических эпох, система документации которых дошла до нас во фрагментированном состоянии. Информация, которую не дают нам письменные источники, например русского Средневековья, и которую историки традиционно восполняют «силой своего воображения», может быть добыта из других «вещей», в которых оказалась зафиксированной «одушевленность» людей того времени: памятников архитектуры, произведений искусства, изделий ремесла, предметов быта. Тогда историку не придется конкурировать в буйстве фантазии с писателями жанра *fantasy* и создавать никогда не существовавшие миры, а можно и нужно будет оставаться в рамках научного знания с его требованиями достоверности полученных результатов исследования.

Особое значение концепция источника – «вещи», как я полагаю, имеет для специалистов-музейщиков. Реконструкция исторического процесса в музейной экспозиции – задача очень непростая. Экспозиционерам давно уже стало очевидно, что посредством только документа, фиксированного слова прошлого невозможно это прошлое полноценно представить посетителю исторического музея. Некоторые процессы и явления культуры вообще с трудом поддаются интерпретации средствами музейной экспозиции. Особые проблемы возникают при необходимости как-то отразить в ней массовое сознание людей, мысли и чувства того пресловутого «молчаливого (а, по-сути, не молчаливого, а бесписьменного) большинства», которое, собственно говоря, и составляло население страны. Современный посетитель музея, пресыщенный вольно интерпретируемой вербальной «исторической» информацией сомнительного качества и сомнительной достоверности, которую он потребляет постоянно через посредство многочисленных и разнообразных СМИ, жаждет непосредственного контакта с подлинными вещами, предметами старины. Человек, приходящий в музей с познавательными целями, больше не желает вчитываться в длинные аннотации, вглядываться в таблицы и схемы, наполненные сведениями, «выжатыми» из учебников истории и научных монографий. Он хочет, чтобы музей предоставил ему возможность черпать аутентичную историческую информацию, преимущественно визуальную, и, в то же время, обеспечил ему условия для такого «прямого диалога» с сознанием людей, живших задолго до него. Об этом много говорилось на научно-практических семинарах, которые в течение ряда лет организовывал научно-методический отдел ГИМ, и в которых мне неоднократно посчастливилось участвовать. Людям нужна как раз та самая структурированная и развернутая «информационная картина» прошлого, о которой пишет Медушевская. Задача музейщиков – воссоздавать временно утраченные структуры, реконструировать структурные компоненты с помощью подлинных вещей, выступающих в качестве исторических источников. И значительная часть музейного сообщества готова к такой работе. Неслучайно, многие музейщики с энтузиазмом встречали звучавшие на семинарах доклады, в которых вскрывалась историческая ценность произведений искусства, памятников художественного ремесла, предметов из этнографических и археологических коллекций. Теперь, благодаря работе Медушевской, весь этот материал может быть осмыслен на новом методологическом уровне.

Думается, что предлагаемая О.М. Медушевской методология исторического знания будет востребована и другими гуманитарными науками. К ней уже проявляют определенный интерес часть сообщества исследователей истории и философии религии, специалисты, занимающиеся проблемами философской и культурной антропологии. Теория когнитивной истории открывает новые пути осмысления целей и задач гуманитарного знания, поиска путей новых стратегий исследований и подходов к их реализации.

С.С. Минц: Взгляд на историю как точную науку. О.М. Медушевская о связи современного источниковедения с философским осмыслением роли истории в изучении человеческого сознания

Наука Нового и Новейшего времени сформулировала социальный заказ на историософское осмысление истории и разработку особой области знания – науки о методах. На рубеже XX–XXI вв., как и в начале XX в., когда перед исследователями появились проблемы изучения культуры, процессов глобализации и соотношения массового и индивидуального сознания, этот цивилизационный вызов осмысливается как потребность ученых, научных сообществ и социумов в самосознании (подробнее см.: *Минц С.С. Культура и самосознание: лекции по культуро-*

логии. Краснодар, 2008). В русле такой проблематики вполне закономерно обращение одного из ведущих методологов второй половины XX – начала XXI в. О.М. Медушевской к теории и методологии когнитивной истории.

Книга О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» предлагает рассматривать феноменологию как философскую основу современной исторической науки. После крушения марксистской парадигмы это первый опыт отечественных историков по созданию целостного наукоучения, которое стало бы единой методологической основой для их эмпирических исследований.

«Теория и методология когнитивной истории» уникальна во многих отношениях. И не только потому, что она появилась на фоне того методологического коллапса, который парит в отечественной исторической науке с 1990-х гг. Книга Медушевской – труд мировоззренческого характера. Он продолжает традицию отечественной социогуманитаристики, начатую еще историками 1860–1890-х гг., по созданию принципиально новой картины мира и изменению типа гуманитарного мышления. В своем труде Медушевская создает целостную картину познаваемого мира, в которой истории отведена важная роль эмпирической науки, способной давать точное верифицируемое знание о культуре и самосознании индивидуумов, социумов и человечества в целом. Вместе с тем эта книга – свидетельство настоящего подвига ученого. В своей творческой повседневности Медушевская взяла на себя и успешно выполнила труднейшую каждодневную работу – изучая, постигая и формируя сознание других, она изменяла собственный стиль мышления, свое сознание. Со временем историческое сообщество оценит те героические усилия, которые прилагали наиболее талантливые российские ученые для того, чтобы сохранить собственную творческую индивидуальность в атмосфере обезличивающего коллективизма советского времени. Пока об этом пишут в основном в мемуарах (см., напр.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999; *Кон И.* 80 лет одиночества. М., 2008). Ольга Михайловна ввела этот сюжет в учебный курс (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 93) и в свои теоретико-методологические сочинения. Метанаучный язык теоретико-методологических работ Медушевской, включая последнюю, – наследие тех лет, но не только. Язык, которым написана монография, воплотил в себе как минимум две черты. Первую – противостояние автора как историка-профессионала господствовавшему псевдонаучному языку тех историков, которые не разграничивали методологическую и идеологическую функции марксистской теории. Вторую – стремление методолога-сциентиста, ищущего пути получения достоверного знания через общенаучный системно-структурный метод, выйти на метанаучный уровень осмысления методологии исторических интерпретаций. Именно во всеобщности метода выделась Ольге Михайловне способность исторической науки находить точное верифицируемое знание, ее связь с междисциплинарностью (с. 212–213, 317–330).

Медушевская настойчиво подчеркивает системообразующую (она пишет «главную») роль философии науки в понимании профессионалом предмета исследования (с. 206). В «Теории и методологии когнитивной истории» прописывается связь философии истории и науки о методах с развитием индивидуального и массового сознания, со становлением российской идентичности. Последняя рассматривается как социокультурный феномен, базирующийся на самодостаточности русской культуры. Вместе с тем автор показывает единство общечеловеческой цивилизации и подчеркивает необходимость единства интернационального научного сообщества (с. 197–294).

О.М. Медушевская рассматривает историю как науку о человеке. Для нее такой взгляд далек от декларативности. Определяя феномен человека через его способность объективировать свою творческую деятельность в интеллектуальных продуктах и создавать систему опосредованного информационного обмена, автор использует компаративистский потенциал системно-структурного метода для выявления точек соприкосновения естественнонаучного и социогуманитарного знания. Отечественная историософия и конкретно-историческая практика настойчиво искали точки такого соприкосновения еще со второй трети XIX в., осваивая органический подход (С.М. Соловьев), историческую социологию (В.О. Ключевский), феноменологию культуры (А.С. Лаппо-Данилевский) или создавая понятие религиозности (Л.П. Карсавин). Медушевская объединяет такие поиски введением обобщающего методологического понятия «феноменологическая парадигма».

Для Медушевской неоспоримым достоинством феноменологической парадигмы является ее всеобщность, точность и проверяемость полученных с ее помощью результатов научного поиска. Она отмечает, что потребность в достоверном верифицируемом знании не всегда осознается историками в полной мере, и аргументирует необходимость создания точной научной парадигмы

неочевидностью стремления к точному знанию, но имплицитной потребностью самопознания, т.е. поиска смысла собственного существования (человека и человечества).

В «Теории и методологии когнитивной истории» содержится достаточно полная картина истории источниковедения. В ней подчеркивается роль европейского опыта (немецкого, французского, английского и итальянского) в становлении науки о методе истории. Для современного российского научного сообщества особенно важно осознать общность российской и европейской историософской мысли, связь российского источниковедения с немецкой школой наукоучения, которая стала восстанавливаться во всей своей полноте лишь с конца 1990-х гг. Книга Медушевой позволяет по-новому взглянуть на место отечественной исторической науки в развитии европейской исторической мысли.

Большое место в книге уделяется формированию науки о доказательном выводном историческом знании в рамках нарративистской, а затем и феноменологической парадигм. Медушевская выстраивает историю отечественной источниковедческой мысли, сравнивая источниковедение в его вспомогательной и специальной функциях. Она подчеркивает связь науки о методах с самопознанием, а самопознания – с историей всемирной и российской культуры, с феноменологией культуры Лапшо-Данилевского.

О.М. Медушевская дает направление будущим историкам российской школы методологии исторического исследования, складывавшейся в рамках феноменологической парадигмы (от потребности изучения истории культуры и механизмов формирования ее конкретных форм; от поисков новой психологической науки, способной описать и понять формы мышления, до системно-структурного метода постижения культуры разных социумов).

Наиболее перспективными в научно-исследовательском и образовательном аспектах можно считать подчеркнутые Медушевской системную природу феноменологии и когнитивистики, эмпиричность повидовой классификации, ее историко-культурную природу и описанные автором особенности московской школы источниковедения. Для высшей школы принципиальное значение имеют убийственная критика транслирующей модели, господствующей в современной высшей школе, и подробная характеристика той развивающей образовательной модели, которую Медушевская противопоставляет ей (с. 306–330).

Показательно, что в «Теории и методологии когнитивной истории» дана более подробная характеристика нарративистской парадигмы: к моменту создания книги она более знакома, более понятна и более изучена. О новой парадигме говорится более декларативно, поскольку одно из реальных достижений когнитивистики – описание нарративистского стиля научного мышления как системного целого. Но описание устоявшегося феномена – лишь один из шагов в сторону методологических перемен. Для современных исследователей самое сложное – не столько найти системы, которые можно изучать с помощью системно-структурного метода, сколько отработать общепризнанную систему верификации полученных знаний. Идея значения внеисточникового знания как системы проверки достоверности полученных данных, выдвинутая Медушевской, нова и не всегда понятна массовому историческому сознанию.

Выбор феноменологии в качестве основы историософии когнитивной истории не случаен, как и обращение Медушевой к образу феноменологии начала XX в. Они позволяют автору опустить массу моментов, на которые современная наука еще не может ответить вообще или отвечает пока не слишком внятно. Объявленные феноменологией конца XIX – начала XX в. врожденными идеями – способность к исследованию, тяга к творчеству, самосознанию – со временем наверняка получат (уже получают!) более развернутое научное объяснение в рамках развивающейся психологической науки и такой ее части как когнитивистика. Более осторожно относится современная наука и к абсолютности границы между миром природы с господствующей в нем непрерывностью и миром сознания с его дискретностью. Тем не менее, выделение сознания как объекта когнитивной истории, осознание мощи когнитивной энергетики познавательного процесса, содержащиеся в книге, принципиально меняют само восприятие истории и дают новый импульс ее целенаправленному изучению.

Книга О.М. Медушевой связывает воедино науку XX в. и XXI в., доказывая связь нарративистской парадигмы с мифотворчеством и противопоставляя ей феноменологический подход с его мощным потенциалом получения достоверного проверяемого и сопоставляемого эмпирического знания. Историкам предстоит приложить немало усилий, чтобы научиться понимать и получать историческое знание в контексте феноменологической парадигмы. Это совсем нетрудно, если усвоить генеральную установку, органичную для Ольги Михайловны. Все ее творчество в целом наглядно демонстрирует, что «различия между творчеством и работой, вообще говоря, не существует» (с. 65).

И.М. Гарскова: Точное знание, междисциплинарность и информационный подход в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской

Обсуждаемая монография, посвященная фундаментальным проблемам философии истории (и шире – гуманитарного познания), является ответом на вызовы современного информационного общества, реальный нового информационного пространства. Быстрый прогресс информационных технологий, их проникновение во все сферы общественной жизни требуют разработки комплекса теоретико-методологических вопросов, связанных с этими процессами и их мощным влиянием на гуманитарные науки и образование.

К базовым тезисам концепции Медушевской относится роль информационного феномена в методологии познания и междисциплинарных (и над- или метадисциплинарных) принципов и подходов. Поэтому многие проблемы когнитивистики (куда наряду с другими дисциплинами, изучающими человеческое мышление, входят информационные и компьютерные науки), поставленные в последних работах Медушевской и обобщенные в монографии, чрезвычайно актуальны для такой междисциплинарной области как историческая информатика (и – шире – гуманитарная информатика). Историческая информатика, возникшая в 80-е годы XX в. «на стыке» исторической и информационной наук, с самого начала испытывает интерес к этой проблематике. Например, одним из центральных событий на XI Международной конференции «History and Computing», состоявшейся в 1996 г. в Москве, было пленарное заседание и последовавший за ним «виртуальный круглый стол», посвященные методологическим проблемам (Новая и новейшая история. 1997. № 4). В дискуссии был затронут широкий круг проблем: начиная с соотношения между историей и социальными и естественными науками (и отрицания их противопоставления по критерию идиографичности – номотетичности), возможностей и границ применения точных методов в исторических исследованиях и заканчивая более специальными вопросами, связанными с существованием двух основных подходов в развитии исторической информатики – проблемно-ориентированного и источник-ориентированного.

Теоретико-методологические вопросы, особенно связанные с информационной революцией, продолжают активно обсуждаться международным сообществом, о чем свидетельствуют многочисленные статьи в академических журналах и такие, например, обобщающие работы как History under debate: international reflection on the discipline (N.Y., 2004) или McCrank. Historical Information Science: An Emerging Unidiscipline (Medford, N.J., 2002).

О.М. Медушевская справедливо отмечает: «К теоретическому осмыслению новой информационной ситуации оказались не готовы не только представители массового сознания, но и некоторые профессиональные сообщества, и прежде всего историки» (с. 329). Однако к самой Медушевской эти слова никак не относятся. Классические философские понятия в монографии совершенно свободно связываются с терминологией информационных технологий и информационной науки: множества и подмножества, информационный обмен, информационная сеть, информационный ресурс, данные и информация, знания и информация, кодирование и раскодирование информации, дискретность и непрерывность, логика предикатов и логика высказываний.

В монографии последовательно излагаются принципы когнитивной истории как гуманитарного структурного подхода к научному познанию. Принципиально важным является обозначение той огромной роли, которую в эпоху глобализации и информационной революции играет меж- и метадисциплинарный диалог, взаимодействие естественных и гуманитарных наук, системно-структурный подход (который, по мнению Медушевской, сформировал структурную лингвистику как первую точную науку среди гуманитарных дисциплин).

О.М. Медушевская подчеркивает, что на смену представлению о принципиальном различии эпистемологических подходов (номотетика – идиографика) в науках о природе и о человеке пришло стремление к познанию общих закономерностей и междисциплинарному диалогу. Конечно, существуют разные «точки соприкосновения» в этих междисциплинарных контактах, но наиболее актуальным представляется акцент на информационной составляющей.

В частности, совершенно по-новому, через понятия информационного ресурса и интеллектуального продукта определяется исторический источник. Медушевская пишет, что информационный объем интеллектуального продукта всегда значительно шире, чем намеренно транслируемый запас информации, но он требует извлечения (раскодирования). Понятия «актуальная», зафиксированная в вещественной форме, и «отложенная», требующая «актуализации» информация (с. 131–132), продолжают идеи, заложенные в понятиях «явная» (выраженная) и «скрытая» (структурная) информация, введенных И.Д. Ковальченко в связи с изучением проблемы информационного потенциала исторического источника (*Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке вопроса) // Актуальные проблемы источниковеде-*

ния истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. М., 1979). Теоретические подходы в этой проблематике развивал в конце 1970-х гг. В.И. Бовыкин, который писал о том, что задачи изучения информации исторических источников выходят за рамки классического источниковедения и предлагал термин «информационное источниковедение» для подхода к историческим источникам как к остаткам некогда существовавших информационных систем (Бовыкин В.И. Проблемы изучения исторической информации. (К вопросу об информационном источниковедении) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 23. 1998), выделения в них различных информационных слоев, оценки достоверности выраженной и отраженной информации, зафиксированной в источнике синхронно, либо ретроспективно (Бовыкин В.И. К вопросу о закономерностях фиксации исторической информации в письменных источниках // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. М.: Чебоксары, 1999).

Понятие информационного ресурса в исторической информатике XXI в. становится базовым, а системный подход, который так высоко оценивает Медушевская, является наиболее адекватным в такой деятельности, которая связана с созданием общеисторических (тематических, национальных, в перспективе – глобальных) информационных ресурсов. Эта деятельность на практике реализует тот теоретический прогноз развития общества, о котором упоминает Медушевская: «Исследуя технологические перспективы информационного общества, аналитики прогнозируют дальнейшее увеличение объемов передачи данных, ориентированных на целевую, профессиональную аудиторию» (с. 330).

Актуальна для исторической информатики оценка роли метода в историческом исследовании, данная Медушевской, и ее критика нарративизма как ненаучного подхода (в частности, исключая альтернативность в историческом развитии). Выдвигая на первый план критерии научности, Медушевская жанру нарратива противопоставляет жанр источниковедческих исследований крупных видовых комплексов источников. Именно структурный источниковедческий метод, по ее мнению, «выводит историческую науку на уровень, сопоставимый с исследовательскими критериями верификации знания других наук» (с. 228), дает возможность точного знания, перспективу логического анализа, верифицируемости результатов исследования. Этот метод ориентирован на логически непротиворечивый, доказательный путь установления параметров информационного ресурса источника, получение выводного знания, что отвечает критериям общегуманитарного структурного подхода. По мнению Медушевской, наличие такой исторической специальности, как источниковедение, историография и методы исследования, является показателем теоретической зрелости исторической науки.

Думается, развитие идей, заложенных в работе О.М. Медушевской, может пойти и в русле подробного анализа сюжетов, посвященных операциональным, методическим и технологическим моментам, добавляющим необходимую алгоритмичность теоретическим и логическим построениям. Так, рассмотрение соотношения между констатирующим, процедурным и теоретическим (теоретико-методологическим) знанием оставляет некоторые вопросы лишь намеченными, например, ограниченность процедурного знания, которая связывается с появлением новых эмпирических данных или новых исследовательских вопросов, не является существенным препятствием применением междисциплинарных по своей природе методов исследования, о чем свидетельствуют успехи квантитативной истории в 1960–1980-х гг.

В заключение хочется привести еще одну цитату, которая демонстрирует представление О.М. Медушевской о перспективе развития теоретического гуманитарного знания, представление, с которым трудно не согласиться: «Конструктивный наддисциплинарный диалог представителей научных сообществ возможен при условии общих философских позиций феноменологии, методологии структуралистской компаративистики, источниковедческой компетентности в распознавании качества информационного ресурса, развития интерпретационных методов, анализа содержания интеллектуального продукта человеческой целенаправленной деятельности» (с. 330).

В.А. Муравьев: Историописание – нарративное и научное: О последней книге О.М. Медушевской

Давно известно: за решением проблемы рождается не менее двух новых, более глубоких и трудных проблем. Если этого не происходит, значит, проблемы и не было.

Книга О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» заведомо вне упреков. Высказанное в последние два десятилетия ею по частям приобрело в книге целостность и почти полную завершенность. От ее названной автором проблемы – «проблемы ког-

нитивной истории» (с. 7, 331) – идут несчитанные даже автором связи в мир исторических наук и гуманитарных наук в целом, от того реально проблема книги становится значительно объемнее обозначенной в названии и тексте. Размышления над вопросом о том, возможна ли эмпирическая наука истории, достижимо ли и какими путями достижимо строгое историческое знание, привели автора к мобилизации перспективных идей науки конца XIX – начала XX в. (В.И. Вернадского, Э. Гуссерля, В. Дильтея, А.С. Лаппо-Данилевского), современных «прорывных» идей гуманистики и информационных наук, опыта источниковедческих исследований той школы, в которой прошла вся ее научно-педагогическая деятельность и одним из лидеров которой она являлась. Система понятий, введенных или адаптированных и интерпретированных Медушевской (одна из наиболее «рабочих» частей книги – ее «Указатель понятий», с. 345–358), принципиально новые подходы к определениям макрообъекта исторической науки, интеллектуального продукта и его информационного ресурса, выход за привычные зашоренные рамки профессионального понятийного аппарата историка (историческая наука, историческое познание, источник, источниковедение и другое), разработанный Медушевской метод-путь от феномена человека к феномену научного познания его истории, наконец, почти невероятная при модном в последние десятилетия «полиметодологизме» концептуальная цельность этого труда – вот, вероятно, то, что в наибольшей степени формально выражает новизну этой книги. Существенно и то, что за последние 90 лет в нашей стране столь цельный фундаментальный труд по теории и методологии истории едва ли не впервые написан не философом, а профессиональным историком, обладающим большим исследовательским и педагогическим опытом.

Хотя многие идеи и доказательства, вошедшие в книгу, прозвучали ранее в выступлениях Медушевской и были известны по ее статьям, потребуется еще определенное время даже для того, чтобы отметить ее рецензиями, достойными ее концептуальной целостности – главного в этой книге. Новому теоретическому обоснованию возможности достижения достоверного знания о человеке и его истории еще предстоит быть принятым научным сообществом; особенно интересными могли бы представляться мнения философов, антропологов, психологов, психоаналитиков, специалистов в области информации, встречающихся с поворотом своих комплексов идей в специфическую и менее знакомую им область источниковедения. Мы имеем дело с прогнозируемым, ожидаемым, но еще новым и редким явлением – перерастанием междисциплинарного исследования в метагуманитарное. И если историк понимает пути смены традиционного определения источниковедения на данное Медушевской («эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом», с. 352), естественно представлять возможность обратного воздействия этой глубоко специализированной исторической науки на те области, из которых в источниковедение пришли и были трансформированы им идеи, концепции, методы, понятийный аппарат.

О.М. Медушевская не успела сама издать книгу, поставить последние точки. Но все же нельзя не подумать, что есть области и проблемы, в ней лишь намеченные или получившие беглые попутные примечания автора. Вернее, это и есть проблемы, возбуждаемые книгой. Одной наиболее важной из таких проблем представляется проблема «встроенности» познающего субъекта (историка) в информационную среду и в информационную систему общества: в книге эта проблема фигурирует, в основном, в облике современного «обобщенного» ученого, экзистенциального элемента системы познающего общества. Еще одна – соотношение когнитивистики с иными (но также выявленными именно в процессах познания) типами и видами причинно-следственных связей. Еще одна – смысл той цепи размышлений, которая привела от человека, растворенного в Боге (через великую идею Мирового Абсолюта, познающего самого себя посредством человека), к современному антропологизму и когнитивной истории.

Медушевской всегда было присуще умение тонко отличать науку от не-науки. С позиций, обоснованных в книге, она иначе, чем это принято большинством научного сообщества, позиционирует исторический нарратив. Последний испытывает – что многократно обосновано в трудах историков и давно гнездится латентно в сознании повседневного читателя – глубокий кризис, начало которого в XX в. датируют по-разному, но неизменно связывают с быстрой эволюцией теории и методологии познания, с одной стороны, и консерватизмом идеологических и политических процессов, с другой. Медушевская отделила «историческое повествование» от исторической науки: «Нарратив не есть научный метод исследования, ибо результат уже задан, и “ответ” задачи уже известен и не предполагает новизны или доказательности» (с. 354, 341). Это вовсе не предопределяет обреченность нарративной историографии – собственно, так вопрос ею и не ставится; стоит вопрос о месте нарратива в культуре отношения к прошлому. Нарративное

историописание (хоть и испытывающее в настоящее время кризис) явление столь же вечное, как и человеческое общество – как в силу традиции, так и в силу отмеченных Медушевской его адекватности историзму массового сознания и соответствия стремлению отнести явления прошлого к «ценностям», без чего немыслима никакая национальная, а уж тем более государственная историография (с. 16, 122), наконец, без нарративного историописания невозможна постановка исторического и вообще гуманитарного образования на его начальном и среднем уровне. Иное дело – высшее образование и подготовка к профессии: на этой стадии исторический нарратив становится анахронизмом и транслируемое образование так или иначе уступает или должно уступить место образованию развивающему, ориентированному даже не столько на процедурное, сколько на теоретико-методологическое знание. Естественно полагать, что нарративное историописание смещается в иные области – в области идеологии и художественной культуры, к которым, впрочем, оно заметно тяготело и в прошлом. Но состоявшееся признание этой ситуации влечет за собой и существенное изменение угла зрения на историю исторического знания, на место, сущность и взаимодействия историсофского, эрудиционного и художественного течений в историческом знании позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Н.А. Мининков: Когнитивная история в контексте современной культуры

Труд Ольги Михайловны «Теория и методология когнитивной истории» охватывает целый ряд актуальных в современном научном историческом познании проблем. Среди них такие, как место истории и исторического знания в современной культуре и научные основы историографии наших дней, как осознание профессиональным сообществом историков кризиса традиционного метанарратива и поиск новых форм репрезентации исторического знания, как методологические вопросы исторического исследования и особенности исторического образования в новой культурно-исторической ситуации. Но вместе с тем этот труд выходит по своему значению за рамки профессиональной проблематики. В нем затронуты вопросы, относящиеся к состоянию общественной мысли новейшего времени, к кризису европейской культуры, ярко проявившемуся в минувшем столетии. Связано это с отношением к тенденциям в сторону дегуманизации и иррационализма в культуре, к стремлению к разрыву с традициями старой культуры. Концентрированным выражением этих тенденций стало распространение в отдельных сегментах общества такого отношения к истории, которое шло вразрез с традициями европейской культуры. Носило оно ярко выраженный негативный характер. Проявлением его явились идеи крайнего скепсиса и даже агностицизма по отношению к проблеме возможности познания прошлого, задачу исследования которого история всегда ставила перед собой.

В качестве альтернативы по отношению к указанным тенденциям стали иные направления европейской культуры, в которых утверждались идеи гуманизма, рационализма и сциентизма. На этих идеях основывалась европейская культура нового и новейшего времени. Но европейская культура имела и более глубокую основу, которая восходила к христианским началам и с которой было связано присущее ей сильнейшее чувство истории. В связи с этим защита рационализма и интеллектуализма, а также истории как одной из форм существования европейской духовной культуры шла в значительной мере со стороны исторической науки. Это проявилось, прежде всего, в появлении таких крупнейших направлений западной историографии, как школа «Анналов» во Франции и интеллектуальная история в США. Как основу европейской культуры историю удалось отстоять. Однако в условиях вызова последней четверти XX в., связанного с культурой постмодернизма, идея развенчания истории как формы духовной культуры и как науки получила новый мощный импульс. Поэтому задачи «Апологии истории» и «Боев за историю», поставленные основоположниками школы «Анналов», вновь приобрели значимость. В современной российской историографии защита интеллектуальных и научных основ истории нашла выражение в идее смены моделей научного исторического исследования, выдвинутой А.В. Лубским, который указывал на возрождение за последнее время некоторых рациональных сторон научной классической историографии. Другим крупным исследованием современного состояния исторической науки, в которой решается эта задача, является монография О.М. Медушевской. Она представляет собой явление не только научной, но и культурно-исторической значимости, поскольку в ней отстаиваются основы европейской историографии и культуры с ее рационализмом, интеллектуализмом, сциентизмом.

Выражается это, прежде всего, в том, что в центре внимания историка оказалась когнитивная история как одно из новых направлений исторической науки. Возникновение его явилось результатом формирования антропологически ориентированного исторического знания, которое невозможно без учета особенностей исторического развития мышления. К проблематике мыш-

ления постоянно обращаются историки и представители других социально-гуманитарных дисциплин. Оно шло в одном ряду с возникновением интеллектуальной истории, в рамках которой при изучении феноменов интеллектуальной жизни и влияния их на общество предполагается постоянное обращение к проблемам мышления и его особенностям в каждую историческую эпоху. В этой связи постановка Медушевской проблемы когнитивной истории имеет значение не только для современной социокультурной ситуации, но и для нынешнего уровня развития социально-гуманитарного знания, в первую очередь для самой исторической науки. Постановка этой проблемы не менее важна для изучения самого исследовательского процесса в историческом познании, для уяснения положения И.Г. Дройзена о наукоучении в исторической науке, о котором упоминала Медушевская, и, в частности, для методологии истории. Это не случайно, поскольку историческое исследование является сложным интеллектуальным процессом, в котором выразилась история мышления, рассматривающаяся в рамках когнитивной истории.

Завершенное представление о научной дисциплине дает понимание ее объекта и предмета. Объект когнитивной истории, на взгляд Медушевской, «репрезентативен самому историческому процессу, поскольку создается всегда и везде как неотъемлемая часть человеческого существования, как сама возможность выживания человечества как вида». Ее предмет составляет «само человеческое мышление как особый феномен», или «процесс, в ходе которого человеческий интеллект, функционируя, создает адекватный своему уровню продукт» (с. 128, 129). Такое понимание объекта и предмета соответствует представлению М. Блока, согласно которому предметом истории является человек. Скажем точнее – люди. В самом деле, процесс мышления, который находится в центре внимания когнитивной истории, является определяющим качественным признаком человека и общества, переживал процесс исторического развития и оказывал на ход исторических событий и явлений определяющее влияние. В условиях современной историографической ситуации, когда определенные положения исторической науки XVIII–XIX вв. вызывают повышенный интерес, когда отдельные ее концепты находят применение в исторических исследованиях нашего времени, когнитивная история способствует этому. Вместе с тем предмет когнитивной истории, связанный с исследованием процесса мышления, способствует утверждению в сознании современного историка одной из основополагающих идей эпохи Просвещения и классической исторической науки – идеи исторического прогресса. Это обстоятельство позволяет когнитивной истории играть интегрирующую роль в развитии исторической науки, соединяя в себе познавательные идеалы и достижения исторической мысли прошлого и настоящего.

Вместе с тем, как представляется, значение последнего труда Ольги Михайловны еще и в том, что он дает основание для решения проблемы места историка в культуре человечества, которая еще ждет своего внимательного исследователя. Идея когнитивной истории позволяет видеть в историке не только профессионала в позитивистском смысле, владеющего основами методологии научного исследования. Совместно с интеллектуальной историей она позволяет видеть в историке генератора общественно значимых идей, осознающего не только их место в культурно-историческом контексте развития человечества, но и понимающего особенности развития мышления, на основании которого они были выстроены и стали достоянием культуры своего времени. Когнитивная история, как и интеллектуальная история, позволяет видеть в историке не просто ученого, но и личность, профессиональная деятельность которой позволяет ей возвыситься до уровня интеллектуала своей эпохи.

А.В. Лубский: Когнитивная история как наука о деятельности человека в истории

Историческая наука в России, обретя свободу от «директивных указаний» и столкнувшись с проблемой методологической самоидентификации, оказалась на распутье: одни соблазняют ее прелестями постмодернистской вседозволенности, другие зовут «вернуться к Геродоту», третьи требуют достоверности и точности, четвертые предлагают выработать новые стандарты научной деятельности. В результате историческая наука превратилась в «мультипарадигмальную» дисциплину, в своеобразную «ярмарку» идей, где методологический сепаратизм размывает стандарты научной профессиональной деятельности. Специфика когнитивной ситуации, сложившейся в исторической науке на рубеже XX–XXI вв., заключается в том, что в историческом познании, с одной стороны, наблюдается мобилизация всего предшествующего научно-исследовательского опыта и его переосмысление, а с другой – апробируются новые методологические подходы.

Работа О.М. Медушевской, посвященная теории и методологии когнитивной истории, носит новаторский характер, ее значение для развития методологии истории состоит не только в переосмыслении таких «вечных» для исторической науки вопросов как предмет, когнитивная

стратегия и критерии научности исторического познания, но и в побуждении методологического сознания научного сообщества к постановке новых проблем и поиску нетрадиционных способов их решения.

Поднимаемые в книге Медушевской вопросы рассматриваются в русле антропоцентристского понимания исторической реальности и деятельностного подхода к ее научному изучению. В русле такого подхода «история, – как полагает автор, – есть знание о человеке, его деяниях и событиях, с которыми эта деятельность каким-либо образом связана» (с. 14). При этом Медушевская опирается на деятельностный подход в его феноменологической интерпретации, поскольку человеческая деятельность трактуется ею как проявление способов человеческого мышления. Понимаемая таким образом человеческая деятельность и должна быть, по мнению автора, в центре внимания современной исторической науки (с. 12). Переосмысливая в связи с этим предмет исторической науки, Медушевская пишет, что в ее книге «история рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (с. 17).

Такой подход к пониманию предмета исторической науки, с одной стороны, вписывается в пространство быстро развивающихся в последнее время когнитивных наук, изучающих человеческое мышление, с другой стороны, собственно для исторической науки такой подход является инновационным, поскольку «история, – как подчеркивает Медушевская, – до сих пор не раскрыла своих возможностей деятельного участия в междисциплинарных исследовательских проектах в пространстве когнитивистики» (с. 13).

В работе О.М. Медушевской раскрываются феноменологические перспективы научного изучения человека в истории, центральным моментом которого могут стать различные модели человеческой деятельности, обусловленные разными способами человеческого мышления. Надо отметить, что в социальной философии уже предпринимались попытки разработки концепции исторического процесса на основе выделения различных способов мышления человека в истории (см.: *Оруджев З.М.* Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М., 2004). Однако эти концепции носят трансдисциплинарный характер, а историков, как известно, в отличие от философов, интересуют конкретные исторические явления, в данном случае не столько способы человеческого мышления, характерные для той или иной исторической эпохи, сколько стили повседневно человеческого мышления в прошлом. Проблема стилей повседневно человеческого мышления открывает новые перспективы в компаративном изучении нормативных типов личности в истории. В частности, сравнивая нормативные типы в России и на Западе, нам удалось установить, что образный и синкретический стиль мышления нормативной личности в России базируется на ценностно-рациональной парадигме, а основой логического и аналитического стиля мышления нормативной личности на Западе является целерациональная парадигма (см.: *Лубский А.В.* Нормативные типы личности в России и на Западе: метафоры неоклассического стиля научного мышления // Гуманитарный ежегодник. 5. Ростов н/Д, 2006).

Предложенный в исследовании Медушевской деятельностно-феноменологический подход позволяет по-новому интерпретировать познавательный процесс в самой исторической науке, исходя из специфики стилей научного исторического мышления. Поскольку основой научного исторического мышления выступает рациональность, то различия в его стилях обусловлены в первую очередь особенностями того или иного типа научной рациональности (классической, неклассической и постнеклассической).

Каждая историческая эпоха рождает свои доминирующие способы когнитивной деятельности. Основным ее содержанием сегодня выступает научное познание, проблематика которого признается центральной для понимания человека и общества. На протяжении XIX–XX вв. ведущие позиции в социально-гуманитарном познании занимала история, важнейшей функцией которой было производство достоверных знаний о прошлом как историческом опыте и формировании на этой основе исторического сознания как способа приобщения к традиции. Историческое познание всегда было обеспокоено поиском истины, однако в последней трети XX в. его методологические основы были потрясены «постмодернистским вызовом», объявившим стремление к истине атрибутом мифологического сознания. В связи с этим актуальным является стремление Медушевской обосновать статус когнитивной истории как строгой науки, стремящейся к достоверности и системности научного знания. При этом в научном историческом знании она выделяет три составляющие: творческую новизну, логическую доказательность и логически представленную системность его включения в информационную картину мира (с. 15).

Надо отметить, что проблема научности исторического знания и шире – исторического исследования – является одной из наиболее трудных для разрешения в современной эпистемологии. В рамках классического подхода признается возможность выработки общезначимых крите-

риев его научности. Критики классического идеала научности исходят из того, что невозможно установить ее универсальные критерии и допускают множественность эталонов научности, в том числе и в рамках одной науки. В условиях методологического плюрализма, на наш взгляд, можно говорить лишь об атрибутивных признаках научности исторического исследования, таких как: проблемность, контекстуальность, рациональность, стремление к истине, рефлексивность, целенаправленность, предметность, эмпиризм, методологизм, новизна.

В работе О.М. Медушевской в контексте когнитивной истории поднимается важный вопрос, связанный с подготовкой профессиональных историков. Она отмечает, что в современном историческом образовании доминирует нарративная логика передачи готового исторического знания, сопровождаемого оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, а усвоение. Сложившаяся модель исторического образования, как отмечает автор, не формирует «гуманитария, способного предложить новое понимание смысла проблемной ситуации» (с. 16). Действительно, господствующая в высшей школе традиционная парадигма обучения, основанная на трансляции готового исторического знания и усвоении его студентами на уровне памяти, формирует у них репродуктивно-потребительский тип мышления. В связи с этим необходим переход от традиционной парадигмы обучения к познавательной-развивающей парадигме образования, направленной на активизацию когнитивной самостоятельности студентов, развитие у них логического, критического и рефлексивного мышления, а также творческих способностей.

Ю.Э. Шустова: Когнитивная история в системе научного знания

Ольга Михайловна Медушевская в своих теоретических трудах по источниковедению в качестве центральной проблемы ставит вопрос понимания природы исторического источника как источника информации и способов его познания. Возможность познавательных механизмов, применяемых к историческому источнику, позволяет не только говорить об истории как о точной науке, опирающейся в своих познавательных инструментариях на объективные свойства исторического источника как продукта целенаправленной деятельности человека, но и о точности гуманитарного знания, основу познавательной парадигмы которого составляет работа с источниками информации. В книге «Теория и методология когнитивной истории» Медушевская показывает возможность применения источниковедческого метода в познавательной и исследовательской практике не только исторической науки, всего гуманитарного знания, но и познавательной модели современной науки как таковой, которая в современных условиях не может развиваться без осознания возможностей познавательного процесса, роли в нем субъекта познания и возможностей изучения объекта исследования через понимание природы механизма познавательных возможностей человека. Современное научное знание (науки о природе, о жизни, о человеке) не может развиваться без осознания природы познавательного процесса, в основе которого лежит гуманистическая составляющая, а значит, современное научное сообщество должно вырабатывать «общие критерии системности, точности и доказательности нового знания» (с. 16). Медушевская отмечает, что в такой познавательной парадигме историческая наука, равно как и другие науки, стремится к достижению точного знания: «История рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (с. 17).

Универсальность источниковедческого метода познания О.М. Медушевская объясняла прежде всего сквозь призму природы источника информации как объективированного продукта целенаправленной человеческой деятельности, т.е. материализованного интеллектуального продукта, обладающего константной природой и воплощающего в себе категории культуры, в рамках которой он был создан. Достижение нового и точного, доказанного и логически осмысленного научного знания возможно человеком – субъектом познания – путем создания и осознания информационного пространства, а именно овеществленного воплощения результатов научной деятельности. «Информационный ресурс, возникший в ходе исторического процесса, взаимосвязанных человеческих деятельностей, – отмечала Медушевская, – целостный взаимосвязанный информационный корпус, в котором прослеживаются коммуникации, взаимосвязи, структуры» (с. 65–66). В конструкте «объект познания – субъект познания» центральным связующим звеном является реализованный (овеществленный) продукт интеллектуальной деятельности. Именно такое понимание природы информационного пространства, доступного для осознания и познания, позволяет говорить о единой природе метода гуманитарных наук и их генетической связи в познавательной парадигме с науками о природе и науками о жизни.

Историческая наука занимает особое место в научно-познавательной среде. Когнитивная история решает прежде всего проблему возможности познания человеком другого человека,

общества. Такой подход реализуется не только в хронотопе исторической науки – «настоящее–прошлое», но и в хронотопе других наук о человеке и обществе – «настоящее–настоящее», а также в рамках временно-пространственной категории, позволяющей изучать и сравнивать разные пространственно-временные категории культуры.

Понимание особой роли исторического источника (источника информации) невозможно без осознания в новой познавательной парадигме вопросов, которые традиционно в рамках исторического знания решались вспомогательными/специальными историческими дисциплинами. Ольга Михайловна Медушевская в своих работах подчеркивала именно универсальность методов вспомогательных исторических дисциплин, позволяющих глубже понять природу исторических источников посредством осознания их универсальной роли в познавательном процессе. Вспомогательные исторические дисциплины обращаются к разработке (каждая из отдельно взятых и специально изучаемых) универсальных категорий, которые находят воплощение в о вещественном интеллектуальном продукте человеческой деятельности.

Так, метод палеографии позволяет понять природу одного из самых востребованных в познавательной практике способа познания и фиксации знания – письменного текста. Письмо – как реализованный в знаковой системе способ передачи речевой и мыслительной деятельности является одним из центральных феноменов сознания взаимосвязи речевой деятельности человека, языка как реализованного отдельной культурой способа коммуникации, творчества, реализующегося в том числе посредством письма и культуры в целом. Феномен письма как универсальной знаковой системы и феномен писания как творческого акта в рамках каждой культуры являются, подчеркивала Медушевская, универсалиями, глубоко и фундаментально связанными с природой человеческой деятельности, которые вряд ли исчезнут даже с исчезновением письменных рукописных текстов в их традиционном виде, с изменением фиксированных палеографией «внешних особенностей» о вещественных письменных информационных ресурсов. Палеография позволяет понимать универсалии отношений между словом устной речи и ее записи, ее остановленной, фиксированной формой, соотношение вербальной информации с невербальным языковым кодом письменного текста в его целом, со всеми знаковыми, технологическими, визуально воспринимаемыми особенностями его фактуры.

Палеография, изучающая феномен письма и писания, в своей основе разрабатывает метод изучения знаковых систем письма. Методы изучения разных знаковых систем разрабатывают другие вспомогательные исторические дисциплины. Каждая из них обращена к фиксированным формам одной или нескольких знаково-символических систем (геральдика, эмблематика, сфрагистика, нумизматика, бонистика, фалеристика, вексиллология, униформология). Все эти дисциплины разрабатывают методы изучения разных видов исторических источников, которые в той или иной степени отражают знаково-семиотические универсалии культуры. В основе изучения этих дисциплин – общечеловеческие универсалии, воплощенные визуальными и/или вещественными знаковыми системами, характеризующие человеческую деятельность.

В пространстве наук о человеке метод исторической хронологии выступает в качестве одного из возможных интеграционных подходов постижения общечеловеческих универсалий, с одной стороны, и методов познания природы, с другой. Время, как общекультурная универсалия, и время, как объект и субъект познания, в науках о природе в историческом контексте постигается как хронотоп, мыслимый по-разному в рамках каждой культуры, но в то же время опирающийся на объективные природные временные конструкции, которые позволяют считать и моделировать картину мира во времени. Способы счета и восприятия времени, методы структурирования времени, модели времени относятся к универсалиям, постижение которых возможно только в рамках компаративного подхода, в основе которого должно лежать понимание природы источников, сохраняющих и делающих доступными для изучения темпоральные универсалии культуры.

Также и историческая метрология, изучающая системы мер в культуре, позволяет говорить об универсальной природе мер в общецивилизационном процессе. Универсалии системы мер и метрологических практик являются одними из фундаментальных категорий культуры и занимают особое место в познании мира человеческим сообществом, начиная от антропоморфных метрических систем и до поиска универсальных общечеловеческих систем измерений. Все это приводит к актуализации исторической метрологии как одной из наук о человеке в условиях диалога культур и глобализации.

Таким образом, вспомогательные исторические дисциплины занимают особое место в источниковедческой научной практике, так как прежде всего обращаются к постижению общечеловеческих универсалий, реализованных в той или иной форме и имеющих системный характер. Именно такая универсальность этих систем позволяет говорить о возможности компаративных

исследований, о возможности полидисциплинарных подходов, так как именно осознание общности природы результатов человеческой деятельности, воплощенных в источниках разных видов, позволяет проводить научные сравнения разных и несопоставимых на первый взгляд сообществ, культур, ценностных систем.

Понимание природы источника как реализованного продукта человеческой деятельности, как интеллектуализированной вещи, в которой человек, «с одной стороны, фиксирует и выражает (в образе или знаке) свои идеи, и через который, с другой стороны, извлекает информацию о других людях» (с. 45) позволяет ставить и решать принципиально новые задачи в познавательном процессе в рамках таких областей знаний, которые неизбежно требуют полидисциплинарных подходов. Постижение природы источника как универсального в системе человеческого общества интеллектуального продукта, познаваемого человеческим интеллектом, дает возможность постижения ключевых универсалий человеческого интеллекта, однородных (общих) для всего человеческого рода ввиду общности его типа разумности (с. 225).

В качестве подтверждения идеи о необходимости понимания «вещественной» природы исторического источника и – шире – о материализованной природе всей информационной среды, требующих комплексных подходов в изучении предмета исследования, является стремительное развитие наук о книге. Книга – это не просто «источник знаний», но и результат целенаправленной деятельности человека, которая способна не только выступать в роли транслятора суммы определенных информационных ресурсов, но и сама выступает в роли универсальной знаковой системы в общекультурном пространстве. Не случайно такое широкое развитие во второй половине XX в. получила кодикология – методы которой позволили совершенно по-новому понять роль рукописной книги в истории культуры. Это стало возможным благодаря, прежде всего, компаративным подходам изучения технологии писания, создания и функционирования манускриптов. В последнее время новый импульс развития получают науки, изучающие печатную книгу (от инкунабул, палеотипов, старопечатных изданий до новейших форм электронных книг).

Если в кодикологии уникальность рукописи является аксиоматическим понятием, то при изучении печатной книги такой подход до недавнего времени был не характерен. Уникальным рассматривалось отдельное издание книги и только в последнее время ценность объекта изучения приобрел отдельный экземпляр книги. Это стало возможно во многом благодаря источниковедческому подходу к механизмам изучения каждого отдельного экземпляра книги, его функционирования в культуре. Именно благодаря такому подходу активно изучаются записи и пометы в книге, особенности переплета и сохранности, принадлежности к книжному собранию. Изучение печатных изданий также невозможно без понимания технологии печатного процесса, инженерии типографского оборудования, технологии производства шрифтов, красок, способов декорирования, традиций оформления печатной полосы и механизмов создания переплета книги. Функционирование печатной книги в культуре в последнее время получило развитие в изучении не только механизмов текстологической подготовки книги к печати, редактирования и корректирования, перевода, но и в изучении читательской аудитории, читательской практики, механизмов цензурирования печатной продукции. Принципиально важным в изучении книги является понимание ее природы как «вещи/источника, во-первых, созданного с одной стороны автором/авторами текстов разных типологий, которые она может содержать (письменный текст, визуальный текст, текст знаково-символический, цветовой и т.п.), во-вторых, изготовленного путем различных технологий (рукописных, печатных, электронных) в рамках определенных эстетических традиций, нормативно-правовых и этических правил и, в-третьих, функционирующего в читательской среде (покупка – продажа, читательская востребованность, отношение сообщества к книге и ее хранение). Такое понимание книги позволяет в том числе по-новому ее оценивать в современных архивных, музейных и библиотечных практиках с одной стороны, и по-другому оценивать роль самой книги и книжной культуры в условиях функционирования каждого сообщества с учетом пространственно-временного и культурологического дискурса.

Когнитивная история, ставящая во главу угла саму возможность понимания одного человека другим посредством объективированных интеллектуальных продуктов деятельности человека в современном научном знании, в современной информационной среде, позволяет в современном научном знании находить единые точки соприкосновения, и на основании понимания природы источников информации и четких аналитических процедур работы с ними получать новое точное научное знание. Книга Ольги Михайловны Медушевой, несомненно, поможет современному научному сообществу в этом.

В.В. Высокова: Методология истории: когнитивные основания (к вопросу о теории научного познания)

В отечественной историографии в последнее двадцатилетие очевиден небывалый интерес к вопросам теории истории. И это неудивительно – исторические исследования больше не должны соответствовать «единственно верному марксистскому учению». В отечественной историографии сложилась ситуация, которая часто характеризуется как плюрализм мнений или, точнее говоря, множественности методологических подходов. Логика этой ситуации заставляет профессиональных историков провести «учет и контроль» арсенала накопленного исторического знания, определиться с надежными методами добывания знаний о прошлом. И достаточно часто встречающееся суждение, что данная ситуация характерна только для отечественных историков, иллюзорно. Это качество – эпистемологического поворота – характерно для европейской историографии в целом. Монография О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» является ответом на этот вызов современности и имеет общепеховую актуальность по ряду принципиальных вопросов методологии современного гуманитарного знания.

В последнее десятилетие активно начал развиваться такой отдел исторической науки как ее собственная история, что определяется, не в последнюю очередь, обязательностью данного курса в университетском образовательном стандарте исторических факультетов. Отнюдь нельзя этого же сказать о другом отделе исторической науки – методологии истории, что объясняется аналитической сложностью этого «этажа» исторической науки. К сожалению, отечественные опыты новейшего времени, как правило, не вносят методологической ясности в этот вопрос. Можно даже сказать, что модной стала точка зрения, что «историческое знание не располагает универсальным набором методов и инструментов познания... результаты труда историка в большей степени зависят от научных, этических и моральных предпочтений». Отсюда вытекает прямой вывод: сколько историков – столько историй, «прошлое – это мир, который мы потеряли навсегда». Попросту говоря, история – это «высокое» искусство саморефлексии историка-профессионала посредством интерпретации исторических источников. Позиция Медушевской прямо противоположна такому взгляду на историческое познание и четко определена: историческая наука – это наука, добывающая «истинно строгое знание» о прошлом.

Методологическая неопределенность в отечественной историографии в значительной степени объясняется влиянием различных постмодернистских концепций западной историографии. Воистину – нет пророков в своем отечестве. В то время как опыт последних двух десятилетий делает очевидным вывод о том, что подобно тому, как великие русские писатели Толстой и Достоевский определяли лицо западной литературы рубежа XIX–XX вв., русские музыка, балет, театр задавали тон развитию европейской культуры, так и русская историческая школа являлась одной из самых развитых и передовой для своего времени. И это касается в первую очередь вопросов методологии истории и конкретно работы А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Надо заметить, что это его сочинение в силу разных обстоятельств находилось в забвении в течение многих десятилетий. И проблема здесь не столько в смене идейно-политических режимов, сколько (и сегодня это осознается – остро как никогда) в кажущейся сложности методологии Лаппо-Данилевского. Монография Медушевской, ученицы А.И. Андреева – сподвижника и ученика Лаппо-Данилевского, является, собственно, развитием концепции русского методолога и ее адаптацией к понятийному аппарату исторической науки начала XXI в.

Ключевым понятием методологии истории, как показывает О.М. Медушевская, является понятие «информация». Исторический источник понимается как источник информации о прошлом. Вводится понятие информационного обмена, который имманентно был присущ человеку с момента превращения его в человека разумного. Информационный обмен интеллектуальными продуктами человеческого сознания (чаще всего получающих вещественную форму) постоянно происходит как на синхронном, так и диахронном уровнях. И наше представление об этом процессе не должно затемняться новыми компьютерными технологиями – информационный обмен получил лишь небывалую скорость и новые возможности. И как сегодня миру – природа, жизнь и человек – присуще некое универсальное единство и упорядоченность, так это было имманентно присуще миру человека разумного всегда. И в этом смысле, прошлое и настоящее представляют единую информационную сферу. Отсюда и вытекает принципиальный вывод о возможности объективного знания о прошлом. Этот тезис является золотым сечением методологии истории, если только она позиционируется как научное знание. Разъяснению этой простой и очевидной мысли посвящена первая и вторая главы монографии Медушевской.

Другой важный тезис, который четко проводится в обсуждаемой монографии – тезис об универсальности научного знания. Критерием универсальности научного знания является вери-

фикация добытой информации. Общей предметной областью всех наук, как убедительно показано в монографии, выступает феномен человека, реализующего себя в универсальной стратегии творчества. Четко проведена мысль, что исторический процесс является базовым параметром для осмысления феномена человека, а история как наука – обязательным отделом всего научного «здания». Показано, что эпистемологический поворот новейшего времени позволяет преодолеть господствующее в XX в. представление о различии методологии наук о духе и наук о природе. Медушевская констатирует, что впервые данная идея была сформулирована Лаппо-Данилевским и стала базовой в его концепции. Известность сегодня получил его академический проект 1916 г. по изучению истории русской науки, в определенной степени реализованный в рамках Комиссии по изучению истории знаний под руководством В.И. Вернадского в 1921 г. Самостоятельная область наукознания обрела реальные очертания сегодня. Значимость истории в поле наукознания резко возрастает, она больше не может находиться в состоянии методологической неопределенности. Современная историческая наука переходит в новое качество и становится «зрелой наукой» (Э. Гуссерль) с развитым понятийным аппаратом, а самое главное – с инструментарием добывания надежной информации о прошлом.

Следующий аспект методологии истории, который автор монографии терпеливо и настойчиво стремится прояснить читателю – субъектно-объектные отношения процесса познания. Медушевская в разных ракурсах показывает и доказывает, что четкий и высокий профессионализм историка практически не оставляет места для субъективизма и каких-либо предпочтений. Четко поставленная исследовательская задача объективно дает историку в ходе исследования четкий и определенный ответ. Автор монографии показывает механизмы добывания точности информации о прошлом. Сложившаяся в отечественной историографии концепция методологии истории определяется источниковедческой парадигмой или соответствием видовой упорядоченности исторических источников – изучаемой эпохе. Источниковедение здесь выступает как синоним понятия методология истории. И здесь мы вступаем в область застарелого спора по вопросу: что такое источниковедение. Это комплекс вспомогательных исторических дисциплин, имеющих ярко выраженный прикладной характер – скажут многие. Источниковедение – это теория и методология истории, показывает нам Медушевская, и посвящает этому разделу исторической науки целое монографическое исследование. Большим его достоинством является привлечение внимания к становлению этой источниковедческой парадигмы методологии истории в последней трети XIX – начале XX в. в творческом наследии И.-Г. Дройзена, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского. Обоснованию источниковедческих оснований методологии истории посвящены третья и четвертая главы сочинения «Теория и методология когнитивной истории».

Но может быть самым глубоко идущим выводом работы О.М. Медушевской является вывод, который буквально ею не прописан в тексте монографии, но логически вытекает из самой идеи источниковедческой парадигмы методологии истории. Понятая таким образом историческая наука обретает «власть знания». Точная и достоверная информация (о прошлом, в частности) сразу обретает свою цену на информационном рынке, так как естественным образом включается в эмпирическую реальность и дает действенные ответы на запросы человека. В ситуации глобализации информационной сферы история объективно не сможет больше находиться в ситуации методологической неопределенности. Прошлое – это наше настоящее, оно будет иметь актуальность всегда. Смысл и назначение истории как научной дисциплины резко актуализируются в ситуации начала XXI в. Эпистемологическая революция является оборотной стороной этого процесса и ясно на это указывает. И в этом контексте Медушевская затрагивает один из самых насущных вопросов последнего времени – образовательная модель истории как университетской дисциплины. В пятой и последней главе монографии автор убедительно показывает, что нарративистский подход больше не работает и не приемлем в ситуации информационного взрыва в глобализующемся мире. В основу образовательной модели должно быть положено научение методу добывания верифицированного точного знания о прошлом, а не само прошлое – время ставит перед историком новые исследовательские проблемы, он должен знать как («know how») подступать к их решению. Метод этот базируется в свою очередь на фундаментальной теории, основанной на критериях истинности и доказательности.

И последнее, на чем следует остановиться в предварительном обсуждении монографии Медушевской – это определение истории как когнитивной, что вынесено в заглавие всей работы «Теория и методология когнитивной истории». Это наиболее сложный и одновременно новационный аспект монографического исследования Медушевской. Автор обращается к когнитивной лингвистике в качестве успешного примера добывания точного знания о человеке среди прочих направлений гуманитарного знания. Полагаю, что вектор дальнейших теоретических исследова-

ний, намеченный Медушевской в данном монографическом сочинении, является центральным в современном развитии методологии истории. Здесь надо отметить, что в западной историографии нет столь ясно и изящно выстроенной концепции методологии истории. Работы английского историка Дж. Тоша и его французского коллеги А. Про только подступают к этой проблематике. И в завершении следует повторить основные положения концепции методологии истории, рассмотренные в работе «Теория и методология когнитивной истории»: методология истории едина и универсальна; объективное знание о прошлом на ее основе возможно; источниковедческие основания методологии истории определяются видовой упорядоченностью исторических источников; цеховое воспроизводство профессиональных историков базируется на консенсусной модели истории как науки и универсальной методологии истории.

В.М. Магидов: Когнитивная история как важнейшее теоретико-методологическое направление

Важнейшим достижением современной отечественной историографии является то, что историческое прошлое не рассматривается только в социально-политическом ракурсе; оно предстает в новой парадигме с позиций участия человека, отдельной личности в познавательной, мыслительной деятельности как в официальной, так и в повседневной жизни общества. В этом русле выполнена и книга О.М. Медушевской.

Ее выход в свет знаменует новый этап становления когнитивной истории как важнейшего теоретико-методологического направления, способного расширить наши знания о мире, а также о том, как они структурированы в процессе коммуникации. Именно этим кругом проблем, как сообщает нам автор, занимается когнитивная история, история будущего. Она базируется на междисциплинарном подходе к изучению исторических событий и фактов. Медушевская считала этот подход незаменимым и наиболее эффективным средством всестороннего познания реальной действительности.

Как отмечено в книге, человеческим интеллектом, закономерностями мышления издавна занимались логика, философия, физиология, психология и языкознание. Поэтому можно утверждать, что у когнитивистики огромная традиция, корни которой уходят в античность. Но в когнитивном ключе старые вопросы в обсуждаемой книге звучали по-новому. Оказалось, например, что разная природа реалий (вещей, явлений, событий) обуславливает их различное отображение в сознании: одни представлены в виде наглядных образов, другие – в виде символов.

Сейчас говорят о когнитивной революции. О.М. Медушевская внесла существенный вклад в ее развитие, став в ряде случаев первооткрывателем применения когнитивных знаний в изучении человеческого мышления как феномена. Используя более широкое пространство когнитивистики, автор призывает к взаимодействию наук о природе, наук о жизни и наук о человеке (среди них когнитивная психология, когнитивная лингвистика, компьютерные науки, теория информации, информационные науки, область исследования искусственного интеллекта).

Ни в коей мере не претендуя на широкий охват проблематики, затронутый в книге, остановлюсь лишь на вопросах, которые имеют особое, в ряде случаев принципиальное значение для дальнейшего развития мировой исторической науки. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что в книге четко и определенно сформулировано место когнитивной истории в современной научной парадигме. Автор свидетельствует, что когнитивная история возникла на базе когнитивистики в рамках современной антропоцентрической парадигмы, существенно расширяющей горизонты исторических исследований (этот тезис, что очень важно, подкреплен большим массивом историографических рассуждений). Во второй половине XX в. обозначилась необходимость посмотреть на историю с точки зрения ее участия в познавательной деятельности человека. Полученная в ходе предметно-познавательной деятельности информация поступает к человеку через разные каналы, но предметом рассмотрения в когнитивной истории является лишь та ее часть, которая обретает отражение и фиксацию в различных независимо от видовой принадлежности исторических источниках. Опираясь этим подходом, автор убедительно показывает, как когнитивная история выходит за рамки собственно истории, соприкасаясь с логикой, психологией, социологией, философией, исторической, визуальной антропологией, что делает чрезвычайно привлекательной работу в этой области. Более того, когнитивная история и традиционная историческая наука являются не альтернативными течениями научной мысли, а разными сторонами познания исторической реальности.

Поражает своим разнообразием представленная в книге терминологическая база когнитивной истории. Речь, прежде всего, идет о формировании ее категориально-понятийного аппарата, потому что выработка метаязыка описания является первоочередной задачей науки. При этом

нужно отметить, что терминологическая система когнитивной истории характеризуется не столько новыми терминами, сколько уточненными и унифицированными терминами, уже имеющимися в других науках. Однако встречаются и новые термины, ранее не использованные в научных исследованиях, например, «информационный магнетизм» для обозначения несомненно существующей, но недоступной эмпирической проверке реальности информационной связи социума.

В этой связи представляется необходимым обратить особое внимание на указатель понятий (в нем насчитывается 71 понятие). Здесь мы встречаемся с авторским прочтением большей частью в оригинальных формулировках таких базовых понятий как «вещь» (с. 29), «вид», «видовая компаративистика», «интерпретация», «информационная картина мира», «информационная сфера», «историческая критика», «источник», «источниковедение», «когнитивная история», «нарратив», «структурный источниковедческий метод».

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о нем, формируется некоторая модель, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. Это, одно из фундаментальных понятий, нашло отражение в книге применительно к теории и практике источниковедческого знания. Медушевская основательно рассматривает становление научных понятий в этой области (не обходя вниманием первые попытки дать абстрагированные эталоны критического суждения историка в трудах Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Э. Фримена). В результате проведенного всестороннего анализа, автор приходит к важному выводу, что становление истории как науки опиралось на развитие двух направлений гуманитарного знания. С одной стороны, это было расширение знаний о морфологии исторических источников и, с другой – это было формирование философских представлений о природе человека, общества и возможностях понимания места человека в системе мира в целом (с. 178). Медушевская убедительно демонстрирует свою приверженность к феноменологическому подходу, который позволяет, по ее мнению, совершенно по-новому подойти к осмыслению того огромного эмпирического материала, который уже накоплен в области исторической морфологии и источниковедения. При этом, как замечает автор, сходство и различие видов исторических документов, продуктов исторической деятельности могут изучаться как проявление их единства и разнообразия (с. 185).

Особую ценность в книге О.М. Медушевской имеют разделы, посвященные ключевым системообразующим положениям теоретической концепции автора, позволяющим историческому знанию развиваться как знанию научному. В рамках феноменологической философии эти универсалии рассматриваются на основе гипотезы человеческого интеллекта как единого феномена (с. 225). Автор задает, прежде всего, себе и своим оппонентам вопрос: возможно ли различать эмпирическую данность природных объектов, живых систем и интеллектуальных продуктов человеческой деятельности? И вполне обоснованно отвечает, что в качестве основного критерия здесь следует выделять информационный аспект. С информационной точки зрения, феномен человека – еще более высокая, уникальная система усовершенствованного информационного механизма. Дело в том, что всю информацию, которую данная живая система преобразовывает в идеи и представления, она способна сохранить (с. 259). Это наблюдение ученого чрезвычайно важно как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Самостоятельное значение и перспективную направленность имеет глава, посвященная историческому образованию в условиях смены парадигм, где автор показывает свое видение образа науки в образовании с позиций междисциплинарного диалога.

Теоретико-методологические ментальные парадигмы, выявляемые когнитивной историей, сформулированные в книге Медушевской, оказали существенное влияние на развитие различных научных дисциплин и направлений. Так, например, строятся современные визуально-антропологические исследования, поставившие своей целью выявление реальных структурно-функциональных, системных связей, в рамках которых возникают продукты целенаправленной человеческой деятельности. Особенностью понятия «визуальная антропология» является тесное переплетение в нем гносеологической и аксиологической познавательных сторон. В исторической, этнографической и культурологической литературе до сих пор не существует единого мнения относительно времени появления этого научного направления. Большая часть исследователей связывает его возникновение с распространением процессов фотофонокинодокументирования (вторая половина XIX в.) как способа фиксации самобытной культуры народов, их быта и нравов, ритуалов и обычаев.

Отдавая должное роли и месту «визуальной антропологии» в формировании и развитии современного исторического знания, отметим, что складывание представлений о развитии цивилизации не может и не должно базироваться на одном, даже очень крупном, массиве исторических источников – тем более одной видовой и предметной принадлежности. Здесь без

поливидового, когнитивного и феноменологического подходов не обойтись. В научном обороте должны быть задействованы все возможные источники познания, независимо от типологической принадлежности, носителя информации и времени создания. И в этом случае визуальная антропология, основанная преимущественно на документах аудиовизуального происхождения, тесно соприкасается с другими научными дисциплинами и направлениями исторического, культурологического, философского, социологического и искусствоведческого профиля, что придает ей ярко выраженную междисциплинарную направленность.

Сегодня можно говорить о том, что визуальная антропология является одной из фундаментальных научных отраслей, которая в значительной мере обуславливает структурированность социумов и ведет к формированию в обществе более четких и аргументированных представлений прежде всего о жизни и бытовании коренных народов нашей планеты, различных поколений людей независимо от конфессиональных различий, а также различий в языке и культуре.

При рассмотрении этих вопросов важно исходить из понимания того, что в каждом обществе, подвергающемся изучению, существует своя культура, своя система ценностей и понятий, которая отражается в быту, обычаях, ритуалах и, наконец, в языке каждого народа или каждой группы людей. Именно культурные традиции каждой группы людей в совокупности выражают концептуальную систему, существующую в данном обществе, поскольку они являются частью духовной, творческой и мыслительной деятельности человека.

Другими словами, визуальная антропология вмещает в себя практически всю технологическую цепочку от замысла аудиовизуального документа до создания конечного продукта, осмысления границ его интерпретации в гуманитарном и естественнонаучном знании, а также определение его места в системе методологических парадигм XX в. Она выступает преимущественно в качестве прикладной дисциплины. Вместе с тем процесс создания продуктов визуальной антропологии, т.е. процесс документирования событий, фактов и явлений реальной действительности профиля указанной дисциплины носит ярко выраженный научно-творческий характер и сопровождается широким применением технических средств и оборудования и современной электронной техники. Нельзя не учитывать также и то, что этот процесс немалозначим без использования достижений науки и техники, а также когнитивной истории.

С.И. Маловичко: Компаративизм и контекстуализм в современном историческом знании

Мне представляется важным обратить внимание участников «круглого стола» на важную черту, присущую научному историческому сознанию О.М. Медушевской, нашедшую свое отражение как в обсуждаемой монографии, так и в других ее работах. Я имею в виду практику компаративизма и контекстуализма. О компаративном источниковедении уже много писалось присутствующими здесь учеными кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института, однако значимым является не только это.

Медушевская призвала историков обращаться к изучению «синхронно действующих механизмов реальности глобального мира», пристальнее исследовать его системные связи, «способы взаимосвязи и функционирования» (см.: *Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX международного науч. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 32*), смещать акценты «исследований с традиционного диахронического подхода, рассматривавшего явления во времени, на синхроническое исследование системных связей исторического настоящего» (с. 25).

Слова Медушевской напоминают нам, что ранее историков интересовала «объективная», событийная история. Она представляла линейное историописание и была связана с национально-государственной историей, которая не могла способствовать изучению коэкзистенциального пространства культуры, или, как писала Ольга Михайловна, «синхронно действующих механизмов реальности глобального мира». Однако сегодня возникла необходимость изучать не историю государственного строительства, а историю человека. Историки, откликаясь на вызовы времени, приступили к поиску актуального коэкзистенциального целого человечества, пытаются изучать исторические связи между изменяющимися пространствами, сообществами и локусами. Социокультурная ситуация заставляет осмысливать мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск глобального и глобального субъектов исторического действия.

Медушевская обращает наше внимание и на то, что традиционная история – конфликтна, и в первую очередь, не могут быть не конфликтными национально-государственные нарративы, они

лишь обостряют противоречия разных нарративов, «не открывая простора для выявления общечеловеческих параметров исторического процесса» (с. 16–17). С этим утверждением историка надо согласиться, ведь предлагавшаяся европейской классической историографией модель государственно-национальной истории позволяла немецким, британским, французским, русским и другим народам использовать историографическую практику тотального присвоения истории одному народу или имперскому духу. К сожалению, в российской историографии в последние годы конфликтный потенциал не только не ослабевает, но еще более усиливается. Заметно желание господствующих властных структур заново сформировать набор исторических отношений между национальными, государственными и глобальными пространствами старыми приемами, использовавшимися еще в XIX в. Особенно это заметно в современной практике контроля власти над созданием новых учебников по истории России. Читателю государственной истории (а им чаще всего является школьник и студент) предлагается лишь пассивная работа – потребление готовой информации об исключительности их народов-государств и враждебности, якобы присущей странам-соседям, а также стратегическим соперникам.

Ширящееся число исторических исследований превратило прошлое во множество миров. Лишь влияние массового исторического сознания позволяет нам говорить о некоем общем прошлом. Прошлое, в действительности, стало путаницей, мульти-прошлым, зависимым от разных идеологических перспектив, интерпретируемым разным инструментарием, подгоняемым под разные шаблоны, выработанные несколькими десятками историографических школ.

Следует присоединиться к тем, кто справедливо признает, что само государство как субъект истории совсем отрицаться не может, но его изучение должно проводиться в широком контексте (которого не знала национально-государственная история) – это культурный контекст и историческая компаративистика. О.М. Медушевская также считала, что «парадигма истории как строгого знания открывает путь для новых интерпретаций, для исторической компаративистики, для исследования общих механизмов, порядка вещей реального мира и познавательных инициатив человеческого разума» (с. 16–17). Остается добавить, что только в рамках «экстравертной», открытой модели исторического знания возможно представление о коллективной истории; только в рамках такой модели возможно формирование исторической памяти, в которой базовые конструкторы национальной идентичности покоятся не на конфликтах, а на диалоге.

Практика широкого контекстуализма должна учитывать взаимосвязь окружающей культуры и текстов, «внешнего» и «внутреннего». Подобный опыт уже накапливается. В качестве ответа этноцентризму оформилась мировая (компаративная) история, в конце XX – начале XXI в. в историографии все чаще стали говорить о глобальной и транснациональной, а также о новой локальной историях. Несмотря на разницу в рамках и объектах исследования, эти направления имеют важный объединяющий принцип – субъект исторического действия, но тождественный государству.

Уже становится определенным жанром компаративная историография. Она обращает внимание на историографическую типологию; помогает изучать теоретические вопросы историографии в пределах от общего и философского до частного и эмпирического. Возможности компаративной историографии используются как в изучении дискурсивных приемов, как в рамках европейской историографической традиции, так и отдельных уровней исторического знания, а также типов исторического письма в национальной историографии.

Разговор об исторической компаративистике и контекстуализме должен учитывать еще одну важную проблему актуальной социокультурной ситуации – это кризис классической европейской модели образования. Зародившаяся в эпоху Просвещения с ее культом разума и знаний, сначала национальная, а затем и государственная история были встроены в эту модель образования и они не могли обойтись друг без друга. Сегодня европейские, в том числе российские, и американские образовательные структуры все больше манифестируют задачи построения постклассической образовательной модели. Медушевская, поднимая вопрос об историческом образовании в условиях смены парадигм, замечает, что «при подготовке современного историка-специалиста первостепенное значение приобретает его способность к практическому применению методов исторической (в своей основе источниковедческой) компаративистики, что необходимо в условиях противоречивого становления глобального мира. Данный подход опирается на понимание общих универсалий, историко-антропологических основ человеческой деятельности» (с. 196).

Слова Ольги Михайловны вполне солидарны с выводами специалистов в области философии образования, которые замечают, что новая парадигма образования должна производить специалистов, чувствительных к культурному и социальному разнообразию. Большая роль в этом процессе отводится гуманитарной составляющей современного образования, которая обя-

зана помогать идентифицировать «свое» вместе с «другими», прививать ценности, помогающие видеть в других культурах не «случайные недоразумения» и потенциальных врагов, а подтверждение многоликости человечества.

А.А. Лукашевич: Маргиналии: некоторые наблюдения над эпистемологическим контекстом феноменологической концепции О.М. Медушевской

Монография О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории», содержательная и новаторская, требует от читателя определенной теоретико-методологической подготовки. Учитывая то, как построено историческое образование, не трудно представить, с какими сложностями сталкивается при ее чтении студент или выпускник исторического факультета, особенно воспитанный в духе марксистской методологии. Очевидно, ему придется не раз перечитать книгу и как при строительстве дома прежде возводят вспомогательные конструкции-леса, делать на полях заметки.

На мой взгляд, содержание исследования изложено феноменологически, т.е. читателю дана возможность наблюдать развертывание концепции в логической последовательности, очищенной от разнообразных наслоений проблем, понятий конкурирующих идей. Этому служит и указатель авторских формулировок понятий в конце текста. Представлена концепция как таковая, непосредственно и без предпосылок. Однако стремление освободиться от стереотипов, предвзятости воспринимается как антиисторизм. Для историка – это непривычное чтение. Для него история вопроса – не просто генеалогия, а одна из форм доказательства. Популяризатор постмодернизма К. Харт советовал, если при чтении работы возникает чувство потерянности от сложности предмета или изложения, то нет лучшего способа вновь ощутить почву под ногами, чем задать вопрос: кто или что выступает в данном случае в роли врага? Отечественный читатель, особенно старшего поколения, готов последовать этому предложению, поскольку марксистская историография полемична. Автор не называет тех, с кем дискутирует, потому возьмусь провести некоторые сопоставления проблем.

Характеризуя смену парадигм в историческом профессиональном сообществе XX–XXI вв., автор отмечает общий вектор движения – от традиционалистской нарративистской парадигмы, к новой, феноменологической, источниковедческой по ключевой позиции. Причем последняя направлена на обоснование истории как истинной науки. Ее важнейшим методом познания является феноменологический системный подход.

Возникает вопрос, а марксистская историография не преследовала цель сделать историю наукой? Труды ее творческих представителей, таких как И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, не являются вкладом в развитие социально-экономической тематики истории феодальной России? Сегодня ощущается дефицит таких работ, на что обратил внимание А.Б. Каменский. А их вклад в развитие источниковедения? В монографии Ковальченко «Методы исторического исследования» довольно подробно рассмотрены системный подход и системный анализ, историко-системный метод. Результатом его применения является структурная модель аграрного рынка России. Однако в марксистской методологии структурно-функциональный подход не является краеугольным в изучении объекта исторической науки, поскольку сам по себе он не обеспечивает научной обоснованности выводов. Все зависит от исходных методологических установок, от того, что выдвигается в качестве системы, какие компоненты выделяются в ней. Наконец, признается единство структурности и развития социальных систем, наличие двух планов общественной жизни – структурного и генетического. Системный подход находится в подчиненном к диалектическому методу положении. В чем же различие феноменологического системного подхода от марксистского, не выплеснули ли вместе с водой ребенка?

Рассуждая о философских основаниях исторической науки, Ольга Михайловна сосредоточила свое внимание на неокантианстве и феноменологии, а вот возможности герменевтики использованы меньше. Она считает, что герменевтика не располагает возможностью нового подхода к проблеме истолкования иной культуры, поскольку остается в рамках традиционного соизмерения чужого сознания, чужой системы: понимания с помощью его сравнения с собственным сознанием. В результате невозможно отграничить сознание чужое от сознания интерпретатора. Путь к чужому сознанию оказывается неочевидным.

Другого мнения придерживается Х.-Г. Гадамер. Он признает непреодолимость историчности позиции исследователя научной методикой. Как, впрочем, В.И. Ленин, К. Поппер. Десубъективизация исторического познания невозможна. Интерпретатор изначально укоренен в традиции, тем самым свобода познания не только ограничивается, но одновременно становится возможной. Понимание рассматривается им не как конгенитальность, а как причастность интерпретатора и

автора текста к общему для них смыслу, общему историческому способу бытия. Потому постигая, сознание должно требовать пред-понимания, всегда присутствующего в исследовании, когда мыслится серьезная «научность». Оно организует исследование, определяет состав «вопросника», с которым историк обращается к источнику. Игнорирование данного обстоятельства может привести к тому, что в нем будет прочитано то, что вложил в него сам исследователь. Принципиально важно оставаться открытым к другим интерпретациям, что позволит обнаружить свои предрассудки, а также инаковость смысла текста. Осмысление источника опосредуется современностью, поэтому является одновременно и репродуктивным и продуктивным.

Гадамер ставит вопрос о границах научного метода в понимании и истолковании истории. Он неизбежен, если размышлять о становлении истории как науки. Кроме того, использование только научных методов, полагает философ, еще недостаточно для гуманитарного познания. Следует выяснять соотношения научных методов с возможностями искусства, религии, этики.

Философская герменевтика стремится преодолеть дихотомию субъекта и объекта. Тем самым, она становится источником неклассической эпистемологии, ставит под вопрос возможность трансцендентальной редукции – одного из важнейших положений феноменологии.

Таковы мои первые впечатления о прочитанной книге, к которой, безусловно, еще вернусь.

Г.Н. Ланской: Методология будучего исторического знания

Развитие гуманитарных наук является одним из наиболее консервативных направлений в рамках организации исследовательской деятельности. Данная черта выглядит, на первый взгляд, весьма парадоксальной, потому что в центре внимания данной группы наук должна оказываться многообразная по своим проявлениям личность человека. Однако в течение длительного времени в рамках отечественной историографической традиции внутреннее богатство человеческого поведения, его культурная насыщенность практически не учитывались, что было специфической чертой советской исследовательской практики и обозначало ее кардинальное расхождение с той парадигмой научного творчества, которая была характерна для лучших произведений российской исторической науки XIX – начала XX в.

Фундаментальное методологическое значение книги О.М. Медушевской заключается в том, что она провела непосредственную и прерванную событиями октябрьской революции 1917 г. связь между сложившимся в России дореволюционного периода опытом историко-гуманитарных исследований и той моделью исторического познания, которая должна сформироваться в целях получения точного гуманитарного знания. Успешному решению данной исследовательской задачи способствовало создание и последовательное обоснованное раскрытие образа когнитивной истории.

Залогом продуктивности проведенной работы стало происходившее на протяжении последних десятилетий систематическое обращение Медушевской к содержанию тех историко-методологических концепций и подходов, которые отличились большим творческим потенциалом по сравнению с замкнутой в ленинско-коммунистическую оболочку марксистской концепцией. Речь в данном случае идет о научном наследии школы «Анналов» и о фундаментальных исследованиях российских ученых рубежа XIX–XX вв., среди которых выделялись теоретические и конкретно-исторические труды А.С. Лаппо-Данилевского, характеристике и популяризации содержания которых Медушевская посвятила свои многие, последние по времени издания работы.

Думается, что значение этих творческих усилий, практически единодушно признаваемое сегодня, будет все более ощущаться в будущем, поскольку приоритетное внимание к глобальным социальным процессам, к закономерностям группового поведения людей в своем сложившемся виде неизбежно исчерпает себя. Очевидно, что на макроуровне взаимодействия общества и социальных институтов, в сфере образования договорных связей и масштабных конфликтных ситуаций между общественными группами в изучении истории различных стран и народов (например, истории России) произойдет сужение непознанного пространства. Следовательно, после изучения на первичном (массовом) уровне основных тенденций исторического процесса специалисты перейдут на так называемый «микроуровень» своей познавательной деятельности, где от них потребуются углубленное изучение многочисленных фактов прошлого. Каждый из этих фактов – результат целенаправленной осознанной человеческой деятельности, проявление культурно-феноменологической индивидуальности сформировавшейся и ищущей для себя сферу самореализации личности.

Поэтому в условиях обозначенной и вполне закономерной тенденции развития научного творчества любое социальное знание неизбежно преобразуется в гуманитарное знание. В противном случае возникает ситуация познавательного застоя, при которой в течение длительного

времени могут вестись схоластические и творчески бесплодные дискуссии о давно введенных в научный оборот понятиях.

Возможные пути выхода из подобной кризисной ситуации отчетливо очерчены и продемонстрированы в обсуждаемой монографии. В ней убедительно показано, что при отсутствии смены парадигмы историко-методологического мышления (результатом которой, согласно представляемой концепции, является внедрение когнитивно-исторического подхода) развитие представлений о различных конкретных явлениях прошлого может обеспечиваться только экстенсивным путем расширения объема изучаемых источников по определенной тематике. Именно по такому пути развивалась советская историография в период, последовавший за разоблачением последствий и, в частности, теоретического наследия эпохи «культы личности» И.В. Сталина. В это время наиболее профессионально ориентированные специалисты придавали основное значение архивной эвристике – поиску и исследовательскому освоению ранее неизвестных документальных фондов.

Между тем, концентрация исследовательской практики либо на описании частных по своей значимости явлений и фактов, либо на осмыслении исключительно глобальных по своему масштабу социальных (производственных, политических) процессов неизбежно приводит к сужению достигаемых исследовательских результатов. Речь в данном случае идет, прежде всего, об объяснении причин происхождения и специфики исторических событий. Обращение к личностным качествам людей, как к источнику каждодневно совершающихся событий в жизни различных народов, стало той методологической задачей, которая была принципиально обозначена О.М. Медушевской как в монографии «Теория и методология когнитивной истории», так и в ее предшествующих исследованиях. Следует отметить, что определенный пересмотр эмпиризма и одновременно социологизма советской историографической традиции не имел в данном случае маргинального, поверхностного с научной точки зрения характера, которым грешили, на наш взгляд, многие историко-философские работы второй половины 1980–1990-х гг. Подобная публицистичность, характерная для данного периода научной жизни в СССР и затем в России, приводила к тому, что многие (в том числе, издававшиеся в РГУ) исследования оригинального и изначально ценного по замыслу содержания отличались внутренней качественной неоднородностью содержания (например, книга «Советская историография»). Медушевская, являвшаяся соавтором многих из этих исследований, всегда повышала их исследовательский уровень именно благодаря отсутствию обозначенной маргинальности и поверхностности.

В ее исследованиях, как и в рассматриваемой монографии, сочетается склонность к глубокому теоретико-методологическому новаторству и в то же время пристальное внимание к источнику как к продукту целенаправленной человеческой деятельности. Такое сочетание было и оставалось даже в самые сложные в идеологическом отношении времена характерной чертой научно-педагогической школы кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Традиции ее развития в советский период, предполагавшие гармоничное сочетание теоретических и эмпирических методов анализа исторических источников, сохранялись во многом благодаря усилиям Медушевской, которые не прекращались в условиях господства марксистско-ленинской теории и еще более активизировались в также непростой для профессионального научного творчества постсоветский период.

Переходя от оценки теоретических достоинств когнитивно-исторического подхода к характеристике значения размышлений Медушевской об особенностях и, более конкретно, о культурно-феноменологических свойствах исторических источников, нам представляется полезным сосредоточить внимание на возможностях эффективного применения черт данного подхода к изучению источников по истории исторической науки. В данной предметной области особенно остро ощущалась ущербность социально-классового подхода. По нашему мнению, оценка этого комплекса источников, включающего в себя научные и научно-публицистические труды, была одним из наиболее слабых мест в творческом наследии М.Н. Покровского и ряда других авторов, обеднявшим и снижавшим ценность их зачастую незаурядных работ.

Когнитивная история, как предметная область интеллектуального и эмпирического творчества, дает возможность иначе взглянуть на специфику происхождения источников по истории исторической науки и на возможности объективной интерпретации их информационной значимости. Изучение книги «Теория и методология когнитивной истории» с точки зрения конкретно-историко-источниковедческих аспектов ее содержания позволяет сделать вывод о том, что одним из ее принципиальных положений является моделирование ситуации адекватного информационного обмена между создателем и читателем источника. Между ними должно сложиться хотя бы на временном уровне единство сознания, зародиться возможность герменевтического диалога. Только в этом случае окажется реальной перспектива получения точного гуманитарного знания,

во-первых, об интеллектуальном своеобразии автора источника и, во-вторых, о степени адекватности интерпретации этим автором объектов и свойств исторической действительности.

Надо подчеркнуть, что сама методика исследования научных и литературно-публицистических произведений исторического содержания формировалась в отечественной и зарубежной традиции интеллектуального творчества в течение весьма длительного периода. В дореволюционной и советской России процесс становления этой методики находился под сильным, устойчивым и далеко не всегда плодотворным влиянием либо официально принятой, либо оппозиционной идеологии. Такое влияние создавало предпосылки для формирования у многих историографических очерков критического и далеко не всегда конструктивного содержательного настроения.

Ситуация информационного обмена и тем более единства сознания, которую моделировала и к возникновению которой призывала Медушевская, не возникала. Интерпретатор ранее написанных исторических сочинений выбирал для себя в ситуации идеологического антагонизма позицию не собеседника, а судьи. Подобная ситуация была в равной мере характерна и для трактовки многих произведений русской дореволюционной историографии, и для выработки в 1990-е гг. нового восприятия наследия советской историографии.

В связи с утвердившимся на протяжении многих десятилетий идеологическим детерминизмом в восприятии источников по истории исторической науки тезисы и наблюдения, высказанные в монографии Медушевской по проблематике теории источниковедения, могут с полным основанием рассматриваться как не преходящие по своему значению. Конечно, социальные факторы, к числу которых относятся специфика общественного запроса на исследования определенной тематики и потенциальный уровень востребованности тех или иных трудов и концепций, играют свою роль в организации мышления и творчества различных авторов.

Однако при этом совершенно очевидно, что создание исторических сочинений, фиксация на их страницах определенных интерпретаций прошлого – это в высшей степени индивидуализированный процесс. Он обусловлен тем, как конкретный автор сформировал свой гражданский, творческий и моральный выбор. Задача профессионально состоятельного источниковедческого исследования заключается в том, чтобы понять, опираясь на широкий комплекс эмпирических сведений, сущность и мотивацию происхождения этого выбора. В данном случае, также как, например, по отношению к историческим кино- и фотодокументам, когнитивный подход может оказаться едва ли не единственно возможным средством объективного анализа и интерпретации источников.

Большое внимание в книге О.М. Медушевской уделено проблеме сочетания профессиональной научной деятельности и практики профессионального образования в сфере теории и методологии истории и источниковедения. Авторские наблюдения в этой предметной области сконцентрированы, на наш взгляд, вокруг двух основополагающих и взаимосвязанных тезисов. Первый из них определяет необходимость формирования четких методологических ориентиров у начинающего исследователя. Второй устанавливает абсолютно необходимый приоритет гуманитарного образования над социально-практической подготовкой в рамках классического университетского образования.

Именно сочетание этих тезисов указывает на их новаторские черты по отношению к утвердившимся, зачастую стереотипным дидактическим подходам, поскольку методологической формализацией отличалось и советское историческое образование, а гуманитарная отвлеченность была представлена в виде схоластических методик в период средневековья. В концептуальных размышлениях Медушевской речь идет, как представляется, о формировании специалистов с широким творческим кругозором и в то же время с готовностью правильно подобрать ключи к пониманию содержательной глубины источника и личностных качеств автора, обеспечивших тот или иной уровень данной глубины. На наш взгляд, отечественной исторической науке еще предстоит пройти определенный путь к постижению и, главное, к реализации представленных в книге Медушевской методологических, теоретических и практических рекомендаций. На нем будет важно преодолеть известные накопившиеся трудности в виде стереотипности, телеологичности и нередко встречающейся антагонистичности профессионального мышления. Однако уже сейчас во многом новаторский подход, сформулированный Медушевской, может быть успешно синтезирован с доказавшими свою продуктивность теоретическими и методологическими достижениями мировой исторической науки.

Тереса Мареш: Исторические источники в формировании исторического мышления

Я очень признательна организаторам «круглого стола» за то, что они пригласили меня принять участие в этом мероприятии. Мне посчастливилось познакомиться с О.М. Медушевской во время моих поездок в Москву на конференции, которые проводились кафедрой историковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, а книга «Теория и методология когнитивной истории» интересует меня потому, что я сама на протяжении многих лет занималась вопросом о роли исторических источников в исторических исследованиях. Хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, возникшими у меня по прочтении обсуждаемой книги, а также привести ряд суждений польских теоретиков исторической науки по затронутой Ольгой Михайловной теме.

Сегодня общепринято отождествление истории и исторического знания, или, говоря словами Медушевской, «история рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (с. 17). Целью ученых, работающих в исследовательском поле исторической науки, является историческое познание, включающее в себя познание не только исторических фактов, но и (прежде всего) процессов и явлений, имевших место в прошлом. Именно на такой основе у человека формируется мышление, в нашем конкретном случае – мышление историческое. Медушевская указала на это, отметив, что «историческая наука по характеру своего объекта может и должна быть наукой об историческом мышлении» (с. 24). И далее: «Цель мышления – познание смысла, соединение представлений о законах окружающего мира с представлениями о собственных возможностях существования в нем» (с. 139). Основной реализацией исторического мышления является получение знания о прошлом и оперирование наличными сведениями. Такое мышление предполагает не просто интеллектуальную активность, не просто упорядочение фактов и составление из них целостного образа прошлого, но и наблюдение за изменениями в структуре исторического процесса. Основными операциями исторического мышления являются анализ и синтез. Оно охватывает, среди прочего, сравнение, выявление различий, осознание специфики, обобщение, обнаружение системных закономерностей и построение заключений, так что все эти фундаментальные навыки могут формироваться на основании исторического материала. Необходимо, однако, помнить, что наилучшие результаты при формировании исторического мышления дает не простое освоение фактографии в готовом виде, а активная, творческая позиция по отношению к изучаемой действительности. Историческое мышление – это мышление динамичное, его носитель должен осознанно относиться к происходящим изменениям, а в собственной деятельности принимать во внимание сложившуюся историческую ситуацию. Мышление и деятельность такого человека охватывает все стороны жизни, в том числе политику, экономику и культуру. Создавая тот или иной целостный образ мира, носитель исторического мышления обращается к своему сознанию, т.е. к знанию об окружающем мире, а также к системе ценностей, существующей у него лично (или в социальной группе, к которой он принадлежит), и к вытекающим из этой системы нормам поведения. При этом понимание предыстории сложившихся отношений позволяет человеку смотреть на прошлое с перспективы сегодняшнего дня и, одновременно, воспринимать современность исторически, а универсальное видение мира обеспечивает восприятие исторического процесса с общечеловеческих, а не узкогрупповых позиций. Отсутствие перспективы, поверхностное восприятие происходящего сплошь и рядом приводят к формированию ложных суждений и оценок.

Из вышесказанного следует, что для формирования исторического мышления равно значимы как степень развития специальных знаний и умений, необходимых исследователю прошлого, так и человеческая позиция ученого или простого читателя (потребителя готовой/систематизированной исторической информации). Медушевская совершенно справедливо отметила, что говорить об историческом мышлении можно только тогда, когда мыслящий субъект самостоятельно осуществляет историческое познание через «интеллектуальный продукт» (с. 19) и знает на собственном опыте, что «любой продукт человеческого творчества открывает перед другим человеком свой информационный ресурс» (с. 53). Историческое познание может быть непосредственным, основанным на наших собственных памяти и наблюдениях (например, осмотре орудий труда или захоронений), либо опосредованным, опирающимся на память других лиц (в частности – очевидцев) или же на свидетельства источников, письменных и неписьменных. Именно на основании источникового материала устанавливаются факты. По мнению польского теоретика исторической науки Е. Топольского, историческим познанием может считаться всякое познание прошлого, осуществляемое на основании установленных

фактов и сконструированного историком нарратива (*Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1973. S. 292*).

Оставим в стороне вопрос об определении исторического источника и проблеме их классификации (эта проблематика подробнее рассматривается в главе 3 обсуждаемой книги, названной «Источниковедческие стратегии»). Обратимся непосредственно к работе с историческими источниками, именуемой также их «критикой». На этапе внешней (эрудиторной) критики мы исследуем обстоятельства создания источника, оцениваем его аутентичность и подлинность, а также определяем время и место возникновения источника и личность автора. После ознакомления с содержанием источника мы переходим к внутренней критике (герменевтике), или интерпретации. Желая установить степень достоверности изучаемого текста, мы должны, среди прочего, определить, были ли искажения истины допущены сознательно, а также определить собственное отношение пишущего к излагаемым событиям (если таковое имелось). Последнее становится особенно важным тогда, когда автор источника прибегает к оценочным категориям. Здесь нам приходят на помощь наблюдения Я. Пузыниной, которая предлагает определить, что значит давать явлению определенную оценку, кто дает такие оценки, что является объектом оценки, для кого данный объект является ценностью, является ли встреченное выражение чисто оценочным (а точнее говоря – прежде всего оценочным), или описательно-оценочным, так что функция обращается для него вторичной, к каким сторонам принятой аксиологической системы обращается обсуждаемое слово, является ли оно эмоционально нагруженным, какова интенсивность выраженной в нем эмоциональной оценки, а если речь идет об описательно-оценочном выражении, то чем задается оценочная составляющая – словарным значением или коннотациями (*Puzynina J. Język wartości. Warszawa, 1992. S. 9*).

Исторические источники не «отражают» ушедшей действительности и не являются ее «следами». Их необходимо исследовать, добывая информацию о прошлом, и только на основании так полученной информации, с привлечением внеисточникового знания и при постоянных отсылках к принципам научного профессионализма, может быть сконструирован исторический нарратив. Историк сознает, что доступные ему источники субъективны. О.М. Медушевская задается вопросом, «в какой мере создание интеллектуального продукта можно считать адекватно представляющим человеческое мышление, внутренний мир человека, который в принципе остается ненаблюдаемым» (с. 65). Здесь следует воспользоваться советами Е. Топольского, по мнению которого при интерпретации текста необходимо принимать во внимание три тесно переплетающихся уровня – логико-грамматический (или информационный), уровень воздействия (или риторический) и теоретико-идеологический (или направляющий) (*Topolski J. Problemy transmisji wiedzy historycznej w edukacji szkolnej // Wiadomości historyczne. 1996. N 3. S. 152–155*). Историк необходимо учитывать не только то, о чем в источнике говорится, но и то, о чем автор умалчивает, недоговаривает, а далее задуматься о причинах такой позиции. Историк обязан быть подозрительным и недоверчивым к декларациям. Кроме того, следует оценить отношение пишущего к излагаемым событиям. Ключевая роль в восприятии знания о прошлом, исходящего от источника, принадлежит самому адресату-читателю. Е. Топольский противопоставляет два типа читателей – семантических (т.е. наивных) и семиотических (т.е. подходящих к тексту критически). Наивный читатель ограничивается так называемой семантической интерпретацией, иначе говоря – воспринимает текст в его буквальном значении, тогда как читатель вдумчивый сопровождает семантическую интерпретацию анализом содержания текста. При интерпретации текста (в том числе и исторического нарратива) следует принимать во внимание, с одной стороны, интенцию произведения и автора, а с другой – интенцию читателя. Только рассмотрение читательской интенции, т.е. того, что читатель готов увидеть в тексте и чего от него ожидает, наравне с интенцией произведения и автора, создает определенное интерпретационное целое, и именно это имела в виду Медушевская, когда написала, что «необходимо подробнее остановиться на фундаментальных проблемах формирования интеллектуального продукта, с одной стороны, и интерпретации информации, которая в нем сохранена, – с другой» (с. 50).

И. Курч обратила внимание на то, какое значение для интерпретации текста имеет проблема воплощенных в нем стереотипов, которые позволяют редуцировать лишнюю для читателя информацию, а с другой стороны – восполнять возникающие пробелы (*Kurcz I. Procesy pamięci // Psychologia / red. T. Tomaszewski. Warszawa, 1975. S. 28–29*). Стереотип может сформировать своеобразные «этикетки» и «ярлыки», что, в частности, становится почвой для развития негативных ассоциаций и предубеждений, которые подчинят себе интерпретацию текста. В такой ситуации необходимо сопоставлять данные источников с внеисточниковыми фактами, а также выявлять скрытые смыслы изучаемого текста. Полезно также знать стереотипы изучаемого периода, региона или социальной группы, поскольку это помогает восприятию источника и про-

чтению авторских аллюзий. Ознакомление со стереотипами прошлого необходимо потому, что, как написала Медушевская, «каждый интеллектуальный продукт несет в себе, с одной стороны, отражение целеполагания создавшего его автора, и с другой – отражает ту общую картину мира, то информационное пространство, в которое данный продукт органично вошел после его создания» (с. 55).

Историк не изучает прошлое как нечто, существующее вне его в готовом виде. Напротив, исследователь с самого начала создает нарративный образ своего объекта. По мнению Е. Топольского, прошлое не поддается ни «отражению», ни «реконструкции», а «если невозможно ни “отразить”, ни “реконструировать” прошлое, то не остается ничего, кроме как конструировать это прошлое в рамках нарратива» (*Topolski J. Wprowadzenie do historii. Poznań, 1998. S. 12*). В своем конструировании прошлого историк зависит от источников, внешнеисточникового знания, а также от требований метода. И именно на эти аспекты обращает внимание О.М. Медушевская, когда отмечает, что «при работе с текстом читатель руководствуется своей картиной мира, он ищет и находит известное и ожидаемое, он распознает привычные образы, конструирует “повторяемости” и сходства» (с. 234).

Содержательному обсуждению вопросов исторического образования и методики работы с источником посвящена глава 5 обсуждаемой работы, названная «Историческое образование в условиях смены парадигм». Автор указывает на необходимость переосмысления принятой в сегодняшней высшей школе образовательной модели, и с этим я полностью согласна. В то же время, на первых страницах своего труда Медушевская утверждает, что в современной школе «история преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» (с. 16). С этим я, к сожалению, не могу согласиться. Так, как пишет Медушевская, было «раньше», во времена Советского Союза и «народной демократии» в Польше, т.е. в тот период, когда историческое образование, основанное на обучении самостоятельному мышлению и критическому отношению к источникам информации, рассматривалось, как минимум, не всегда позитивно. Сегодня основной акцент делается на современный подход к историческому образованию, целью которого (как и исторической науки в целом) является ознакомление школьников и студентов с сущностью прошлого, то есть с историческими фактами. В Польше, особенно начиная с 1999 г., когда началась реформа образования, огромное внимание уделяется тому, чтобы в процессе обучения формировались не только «знания», но и «умения». Одним из способов обучения является самостоятельное получение знания путем совершения собственных «открытий». Немалую роль в реализации поставленных образовательных задач играют исторические источники. Непосредственная работа с историческим текстом формирует у обучающихся навык самостоятельного извлечения новых сведений, не представленных напрямую в школьном или университетском учебнике; основой при этом служит именно источник. Работа с источником позволяет развивать навыки критики источников, а также верификации полученных знаний.

В 1990-е гг. я специально исследовала воздействие исторических текстов на развитие исторического мышления (*Maresz T. Wpływ źródełowych na rozwój myślenia historycznego uczniów: teoria a praktyka. Wydgoszcz, 2004*). Из моих исследований видно, что при подготовке к уроку школьники прежде всего обращаются к учебнику и разного рода обобщающей литературе (70%). Показателен, однако, тот факт, что все чаще и чаще они обращаются непосредственно к источниковому материалу (26%). При написании письменных работ и подготовке к устным ответам учащиеся самостоятельно обращались к фрагментам хроник, дневников и воспоминаний, чтобы привести описания свидетелей событий. Фрагменты источников (например, высказывания того или иного исторического лица) чаще всего выступали в качестве иллюстрации, но в старших классах встречались и попытки самостоятельной оценки содержания документа или сопоставления нескольких суждений современников об одном и том же событии. Школьники не просто «обращались» к источникам, но и пытались их анализировать, на основе чего возникли их собственные объяснения исторических явлений и процессов. Необходимые тексты заимствовались из учебников, хрестоматий и научно-популярной литературы. Мои исследования позволяют утверждать, что школьники, во-первых, интересуются анализом источников и предпочитают читать их самостоятельно (а не слушать учителя, использующего источники как иллюстрацию), а во-вторых – все чаще обращаются к информации, заимствованной непосредственно из источника, хотя и не всегда еще, к сожалению, могут ее оценить. Самостоятельно прочитанный исторический текст оказывает воздействие на знания школьников по истории и расширяет их кругозор. Устойчивость полученных знаний становится выше в том случае, если учащиеся могут проверить знание, извлеченное из учебника, сопоставлением с источниковым материалом.

Обучение должно быть уподоблено процессу научного исследования, так как информация вполне может осваиваться в результате самостоятельной познавательной деятельности учащихся, которые попутно овладеют определенными исследовательскими навыками. Для реализации этой модели необходимо обеспечить активность школьников на уроках. Необходимость самостоятельно добывать те или иные знания вынуждает учеников ставить проблемы, формулировать и проверять гипотезы, а в конце концов, как следствие процесса мышления, – вырабатывать собственное мировоззрение. В высшей школе эти навыки развиваются еще больше, так как в программах польских университетов предусмотрено параллельное чтение нескольких курсов соответствующего характера, таких как «Методология исследований», «Инструментарий историка» или «Вспомогательные исторические дисциплины».

По моим наблюдениям, такой же подход к выработке у подрастающего поколения навыков работы с источниками проводится и в современном российском образовании, причем как в средней, так и в высшей школе.

Думаю, поэтому, что замечание О.М. Медушевой относится к предыдущему историческому этапу. Сейчас не менее важно не потерять обретенного пути и, выбирая между «знанием» и «умениями», основной акцент делать именно на эти последние. Овладев «умениями», каждый может прийти к «знанию», ибо познание прошлого осуществляется путем эмпирических наблюдений над материалом источников.

(Перевод с польского Д.А. Добровольского)

Р.Б. Казаков: Источниковедение как область наукоучения в структуре исторической науки у О.М. Медушевой

В трудах Ольги Михайловны, ее выступлениях на конференциях, заседаниях Ученых советов и заседаниях кафедры да и просто в разговорах с коллегами всегда можно обнаружить ее императив – наука только тогда становится подлинной наукой, когда умеет осмысливать себя и преподавать накопленное научное знание научному сообществу. Иногда это убеждение формулируется явно, иногда оно прослеживается в логике обоснований собственных высказываний, но не случайно при этом ориентация на проблемы и стратегии преподавания источниковедения в вузе. Этот вектор рассуждений задан и в книге, посвященной проблемам теории и методологии когнитивной истории. От формулирования наиболее общих понятий когнитивной истории (гл. 1 и 2) – через выстраивание ее исследовательских стратегий и способов структурирования полученного нового научного знания (гл. 3 и 4) – к образовательным стратегиям и формированию «новой образовательной модели истории как университетской дисциплины» (с. 293) (гл. 5).

Научное сообщество за века своего существования выработало разные способы презентации добытого нового научного знания. Современное состояние научного сообщества, основы которого были заложены еще в начале Нового времени с формированием науки в понимании этого феномена как европейского, таково, что освоение основных способов презентации научного знания происходит в практике вузовского преподавания. Здесь осваиваются приемы написания основных видов квалификационных работ с их способами верификации полученного знания: письменных докладов, курсовых работ и – наконец – выпускной дипломной работы. Ольга Михайловна обращается при этом «к прямому смыслу сочетания двух латинских слов»: верификация «есть проверка истинности научного утверждения, которая устанавливается в результате сопоставления с эмпирикой объекта» и настаивает на юридически обязательном обосновании новизны исследования, значимости его результатов и установлении истинности каждого из утверждений автора квалификационной работы (с. 253–254).

Так теоретически обосновывается и постулируется важнейшее положение в практике преподавания наук о человеке и обществе: верификация полученного нового знания происходит через соотнесение научного утверждения (сформулированной автором квалификационной работы исследовательской гипотезы) с эмпирическим материалом, собранным и изученным автором в своем исследовании. Верификация состоит при строгом соблюдении процедур установления истинности и обязательной экспликации этих процедур в самой работе. Отсюда становится понятным то принципиальное значение, которое придается тем частям квалификационных работ, где задаются и обосновываются набор и последовательность верификационных процедур, методы их применения, ожидаемый результат и результат, полученный в ходе исследования. Как известно, это введение и заключение – неперенные атрибуты квалификационных письменных работ в науках о человеке и обществе.

Ольга Михайловна обратила внимание и на сложности, которые встречаются на пути подобной исследовательской стратегии: разные, исторически сформировавшиеся практики верификации полученного научного знания, сложившиеся еще в рамках позитивистской парадигмы и обозначенные знаковыми трудами И.-Г. Дройзена, Э. Фримена, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма и других. Эти подходы существуют и сейчас, но в российской практике «марксистско-ленински» вулгаризированные, а в ситуации постновейшего времени еще и дополнительно и весьма специфически ангажированные они приводят к утрате профессиональных навыков исследования и исчезновению способности внятно, четко и логично изложить результаты проведенного исследования. Особенно удручают так хорошо знакомые с советских времен попытки немедленно процитировать в квалификационных работах нововышедшие документы органов власти.

Но кроме задач, поставленных О.М. Медушевой перед когнитивной историей в условиях формирования новой университетской образовательной модели, я бы хотел обратить внимание на те трудности, с которыми университетское гуманитарное образование, на мой взгляд, еще не умеет справляться.

Дело в том, что существующие образовательные стратегии, применяемые повседневные практики преподавания, рассчитаны на человека письменной культуры – человека, наследующего весь культурный запас, накопленный обществом в рамках большого цивилизационного проекта «Просвещение». Этот человек был обращен в своих культурных и образовательных запросах прежде всего к письменному слову, книге, информации, зафиксированной в письменных произведениях. Письменные способы представления научного знания – основные для науки и до сегодняшнего дня. Этому наблюдению не противоречат и современные электронные способы передачи информации: одна и та же статья публикуется в бумажной и сетевой версии научного журнала, автореферат диссертации печатается небольшим тиражом и публикуется на сайте соответствующего учреждения. Все равно в основе лежит письменное произведение. Письменный научный трактат, диссертация – основной научный «продукт» с момента становления науки. Опубликованными трудами будут обмениваться ученые разных стран XVII–XVIII вв., поддерживая тем коммуникацию в рамках научного сообщества, диссертации Лейденского университета будут публиковать в XVII в. Эльзевир, составив себе славу и состояния, письменных трактатов будет требовать императорская Петербургская академия от своих членов, живущих не в Петербурге и участвующих в научной работе академии по переписке – членов-корреспондентов.

Способы обучения научному знанию через обращение в первую очередь к письменному произведению (в особой письменной форме зафиксированным результатам опытов и экспериментов – в точных и естественных науках) продолжают оставаться основными в современной образовательной практике и фиксируются на законодательном и нормативном уровне. Это означает, что к дипломной работе как к выпускной квалификационной работе должна привести сама логика построения высшего образования с навыками написания первоначально письменных докладов и курсовых работ как самостоятельных и целостных исследований.

Однако необходимо понимать, что современный студент все в меньшей степени является человеком только письменной культуры, все в меньшей степени способен воспринимать и осмысливать протяженные линейно выстроенные письменные тексты (например, объемом с блистательный курс «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна или классический учебник «Русская палеография» Л.В. Черепнина). Происходящая на наших глазах новая визуализация восприятия мира приходит в противоречие с действующими практиками преподавания. На мой взгляд, тестовая система оценки знаний (в качестве основной ли, в качестве одной из возможных), обращаясь в конечном итоге к накопленным традиционным способам (через систему учебников, учебных пособий, пособий для учителя, методических материалов, решебников – письменных произведений) в школе знаниям, предельно примитивизирует мотивацию и практики осмысления знаний и их конечной фиксации. Единый государственный экзамен исключил сочинение по литературе в качестве одного из вступительных экзаменов в вуз, упразднив важный критерий отбора абитуриентов по принципу их умения логично, связно, аргументированно и грамотно излагать свои мысли. Но ведь в гуманитарном вузе от студента по-прежнему требуют в качестве выпускной работы протяженного письменного текста, выстроенного по определенным правилам. Эти требования предъявляются студентам, которых уже не учат писать сочинения в школе, которых все меньше и меньше учат писать самостоятельные и законченные исследовательские работы в вузе, все более заменяя их теми же тестами, рефератами, почерпнутыми в глубинах интернета. Так идеи высшего образования, сложившиеся столетия назад и закрепленные в действующем сегодня законодательстве, приходят в противоречие с социальной реальностью постновейшего времени.

Я не знаю ответов на поставленные вопросы и даже не уверен, что смог правильно обозначить свои беспокойства. Но мы часто и подолгу говорили об этом с Ольгой Михайловной. Несомненно то, что монография «Теория и методология когнитивной истории» задает направления поисков ответов на эти вопросы. Не лежат ли эти поиски, в частности, в плоскости осмысления «вещных», предметных и наглядных материальных свойств информационного ресурса человека – исторического источника?

Е.В. Пчелов: Вспомогательные исторические дисциплины и когнитивная историческая наука

В своей книге «Теория и методология когнитивной истории» О.М. Медушевская теоретически обосновала существование нового направления гуманитарной мысли – когнитивной исторической науки. Ее задача – понимание чужого сознания, мышления человека других эпох и культур, возможное путем анализа информационного ресурса реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности – того, что мы называем историческими источниками. Эта, источниковедческая по сути, парадигма исторического знания актуализирует понятие «вещи», через которую человек и осуществляет информационный обмен. Ольга Михайловна подразумевает под «вещью» интеллектуальный продукт, в котором человек, «с одной стороны, фиксирует и выражает (в образе или знаке) свои идеи, и через который, с другой стороны, извлекает информацию о других людях» (с. 45). Этот обмен носит опосредованный характер, но он имманентно присущ любому человеческому сообществу: «Сущностная составляющая сообществ – это мир вещей, который изначально формирует когнитивные способности в любом обществе. Неслучайно сама атмосфера взаимного узнавания людей разных культур через вещественный мир исполнена информационного магнетизма и эмоционального подъема, если, конечно, это атмосфера деятельностного, а не потребительски пассивного, не связанного с деятельностью наблюдения» (с. 44). Информационный же ресурс вещи может быть «закодирован в виде изображающих знаков или обозначающих символов или их сочетаний». В то же время Ольга Михайловна предостерегает от «абсолютизации семиотической, знаковой составляющей сообществ для их интерпретации». «Разумеется, – продолжает она, – для функционирования сообществ знаковая система необходима, и умение её распознавать (чтение-письмо как распознавание текста и его создание) составляет необходимое условие социализации. Но сам знак изначально отсылает к реальному миру и познавательной деятельности в нем (изображающий идею знак или обозначающий ее символ): сам знак уже материален как продукт (здесь автор ссылается на Ч. Пирса. – *Е.П.*). Вне связи с деятельностью знак не интерпретируется однозначно (как, например, понятие “дар”). Важно поэтому выявить изначальную реальную связь с миром вещей, его имплицитной достоверностью» (там же). Таким образом, при анализе источника и закодированной в нем с помощью знаков и символов информации исследователь получает возможность познания мышления другого человека: «Константность, устойчивость бытования эмпирической вещи изначально создает условия для опосредованного информационного обмена, что делает возможным живое функционирование человеческого сообщества. Следовательно, человек имеет условия для познания другого, себе подобного, как на повседневном, бытовом уровне, так и на уровне научного познания» (с. 19). Это познание позволяет выявить как общечеловеческие параметры исторического процесса, так и особенности сознания и мышления «другого» – человека иных эпох и культур. Понятие «культура», как мне кажется, является для когнитивной истории одним из центральных, поскольку представляет собой то пространство, где существуют, функционируют и накапливаются «вещи».

Такой подход обнаруживает свою чрезвычайную продуктивность в контексте того условного комплекса наук, который традиционно, хотя и не вполне верно именуется вспомогательными историческими дисциплинами. Когнитивная история подчеркивает их неразрывную, сущностную связь с источниковедением. Понимание источниковедческого метода как основополагающего для когнитивной исторической науки усиливает значение вещественных и изобразительных источников и придает особую актуальность знаковой и символической природе источника. «Вспомогательные исторические дисциплины» как раз и обращены к этой семиотической составляющей интеллектуальной деятельности человека – они исследуют знаково-символические аспекты культуры – как на уровне отдельных видов исторических источников, семиотический характер которых является для них особенно важным или даже основным (гербы, эмблемы, знамена, ордена и медали, печати, монеты), так и на уровне знаковой составляющей источников других видов (знаки письма и счета – палеография, грамматология, историческая метрология).

Совершенствование и актуализация методов источниковедческого анализа применительно к источникам не письменным в рамках парадигмы когнитивной истории является давно назревшей задачей. Из узких рамок своей «вспомогательности» и «историчности» дисциплины вышеозначенного круга перерастают в фундаментальные гуманитарные науки, в рамках которых реально осуществляется полидисциплинарный синтез и формируется точное научное знание, делающее историю строгой наукой.

Для когнитивной истории значим и другой аспект «вспомогательных исторических дисциплин». Именно их «материал» позволяет выявить те фундаментальные категории культуры, которые представляют собой результат сознания другого и сами оказывают на это сознание существенное влияние. Мышление человека иных времен и культур формирует такие особенности его картины мира, которые делают невозможным его понимание с позиций мышления современного исследователя. На эту инаковость уже давно обращали внимание, но теория когнитивной истории открывает реальные возможности для именно научно обоснованного, надежно верифицируемого понимания этого мышления через анализ его овеществленных результатов. Такие «вспомогательные исторические дисциплины» как палеография, хронология, метрология, генеалогия, историческая география и многие другие могут служить и служат основой для реконструкции таких категорий как письмо, время, пространство, социальные структуры и т.д. применительно к сообществам всех времен и культур, а значит, раскрывают и общие, и особенные черты исторического мышления. Когнитивная история, осуществляющая синтез источниковедения и «вспомогательных исторических дисциплин», выводит их на новый уровень фундаментального гуманитарного метода.

Н.В. Нор: Понятие «исторический источник» в исследовательских практиках

Я хотела бы продолжить мысль М.Ф. Румянцевой о том, что трудами О.М. Медушевской источниковедение выведено на уровень, когда оно способно стать основой гуманитарного знания в целом, в новом качественном формате суммировать знания, полученные в разных отраслях гуманитарной науки. И хотела бы проиллюстрировать эту мысль конкретным примером. Разработанное Медушевской определение исторического источника как продукта целенаправленной деятельности человека обращает мысль исследователя к проблемам человеческого мышления (как основе всякой целенаправленной деятельности). Некорректно утверждать, что от определения не зависят конкретные методы исследования, определение – основа метода. В отличие от предыдущих, определение Медушевской предполагает особую систему вопросов (к сожалению, зачастую даже не воспринимаемую в других областях гуманитарного знания). Сфера моих интересов – изобразительные источники, а именно лубочные картинки. Изобразительные источники как особый тип источников давно известны в источниковедении. Однако, сравнивая исторический (разработанный в источниковедении) и искусствоведческий подходы к анализу изображений, можно сказать, что историки и искусствоведы, задавая свои вопросы источникам, намеренно стремились не слышать друг друга. Можно сказать, что источниковедческий анализ изображений строился «от противного». Искусствоведческий анализ изображений состоит в сопоставлении художественных (придуманных) деталей, классификации художественных приемов и построении на этой основе таких обобщающих понятий как стиль, художественная манера. Напротив, взгляд историка был призван отсекать все «художественное» (придуманное) в изображении для того, чтобы выявить (скрытые за фантазией автора) особенности реального исторического быта. Этот метод остается актуальным и по сию пору. Однако новое определение предполагает и новую систему вопросов к историческому источнику. Базовый интерес к человеческому мышлению вовлекает в область исторического изучения художественное «я» (мышление) и художественные средства выражения (язык) автора, изучение которых доселе было прерогативой искусствоведения. В материалах Забелинских чтений ГИМ за 2008 г. должна быть опубликована моя статья, в которой сделана попытка опробовать на конкретном примере сочетание классических методов искусствоведения и литературоведения с историческим анализом происхождения и бытования круга источников, связанных общим сюжетом (История Иосифа Прекрасного). И уже проведя анализ и сделав выводы для этой статьи, я заново понимаю, насколько мощные перспективы могут стоять за подобным сочетанием методов, каждый из которых в отдельности приводит лишь к ограниченному результату. А возможным такое сочетание стало только в рамках источниковедения благодаря теоретическим трудам О.М. Медушевской и ее школы.

Слова С.О. Шмидта напомнили мне рассказ Ольги Михайловны о ее занятиях историей географических открытий и картографией. Этот рассказ был совсем не о благополучном процессе изучения широкого спектра исторических источников и публикации старинных карт. В 1964 г. Медушевская отказалась от занятий историей картографии и интереснейшим видом документов – старинными географическими чертежами и картами России. Произошло это в связи с подготовкой и после издания «Атласа географических открытий в Сибири XVII–XVIII вв.». Ольга Михайловна говорила, что это ее сознательный выбор и причиной его были возникшие в процессе подготовки Атласа цензурные вмешательства и ограничения. Тогда об этом было сказано мимоходом и без подробностей.

Недавно мне пришлось столкнуться со следами и последствиями деятельности того неведомого цензора-историка. Наводя справки о редкой итальянской карте 1566 г., на которой показан и впервые именован Анианский пролив между Азией и Америкой, я обнаружил, что в Атласе 1964 г. эта карта (№ 14) воспроизведена с частично вымаранным текстом в титульном картуше. Поскольку эта карта воспроизводилась в разных изданиях и до и после 1964 г. восстановить изъятый текст было легко. Оказалось, что цензором были изъяты слова, обозначающие место и год издания, имя составителя или гравера этой карты: *Venetijs aeneis formis Bolognini Zalterij Anno. M.D.LXVI.*

Через несколько лет А.В. Ефимов, редактор того Атласа 1964 г., в очередном издании своей истории русских географических открытий, вышедшем в 1971 г., снова воспроизвел сфабрикованное изображение упомянутой карты. А Ольга Михайловна выбрала отказ от участия в дальнейшем распространении подделок исторических документов. Кажется, что случай мелкий, но достоинство его заслуживает памяти.

© 2010 г. С. А. КРОПАЧЕВ*

НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАСШТАБАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В 1937–1938 годах

В данной статье будут рассмотрены отечественные исследования 2000-х гг. о жертвах «большого террора»¹. Необходимо отметить, что первые публикации, в которых назывались цифры потерь от сталинских репрессий, появились в конце 1980-х гг.² Это было время острых политических дискуссий, столкновений различных общественных мнений и взглядов. Исторические сюжеты являлись важнейшим фактором размежевания политических сил, а выводы о величине потерь СССР в годы «большого террора», Великой Отечественной войны, депортаций и голода, предлагавшиеся в средствах массовой информации, стали одним из главных аргументов в спорах «демократов» и «номенклатурщиков». Дискуссии и споры не всегда были результативными, но период конца 1980-х – середины 1990-х гг. был весьма важным в отношении определения истинных масштабов потерь советского государства, в том числе и в годы «большого террора». Без этого периода выявления и публикации ранее закрытых документов невозможно было бы собрать богатый «урожай» публикаций 2000-х гг.

В новейшей отечественной историографии о потерях СССР в годы «большого террора» освещаются не только масштабы массовых политических репрессий в середине 1930-х гг., но и судьбы репрессированных, уровень смертности заключенных в местах лишения свободы, влияние террора на демографические процессы и социально-экономическую ситуацию в стране накануне Второй мировой войны.

---

* Крочачев Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета.

В начале 2000-х гг. вышло несколько глубоких трудов по демографической истории России первой половины XX в.: 1-й том коллективной работы «Население России в XX веке»³, монографии В.Б. Жиромской⁴ и В.А. Исупова⁵. Впервые в отечественной историографии были названы истинные масштабы массовых политических репрессий середины 1930-х гг. В 1937–1938 гг. в СССР подвергались аресту 3 141 444 человека, из них 1 575 259 – по обвинению в политических преступлениях и 1 566 185 – уголовных. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692, или 50.7%, приговорено к расстрелу⁶. Кроме того, в исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ), исправительно-трудовых колониях (далее – ИТК) и тюрьмах⁷ в эти годы от различных причин умерло 160 084 заключенных⁸, часть из которых была осуждена по политическим мотивам⁹. Добавив к двум последним цифрам некоторый процент тех политических, кто был осужден и расстрелян по уголовным статьям или умер в эти годы в ГУЛАГе, получим неутешительный итог: «В 1937–1938 гг. в результате карательной деятельности государства страна потеряла около 1 млн человек погибшими»¹⁰. Если принять во внимание, что большинство из «политических», уничтоженных в эти годы, были мужчинами трудоспособного возраста, многие из которых имели высокий социальный статус, профессиональный опыт, образование, не трудно представить катастрофические последствия «большого террора» для судеб страны и армии за несколько месяцев до начала Второй мировой войны¹¹.

Публикациями 2000–2001 гг. была поставлена точка в многолетней дискуссии о количестве репрессированных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам, заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах в годы «большого террора». Период, когда исследователи, публицисты, а зачастую и псевдоученые жонглировали цифрами, многократно преувеличивая масштабы потерь в 1930-е гг., закончился. Это важно не только с позиций исторической правды и справедливости. Период политической стабильности 2000-х гг. свел на нет необходимость для разных политических сил привлекать «жареные» факты, в том числе и о количестве жертв «большого террора», для достижения своих конъюнктурных целей, решения тактических задач.

За последние годы исследователи существенно продвинулись в изучении видов репрессий и категорий репрессированных¹², механизмов массовых политических акций¹³, динамики численности заключенных в местах лишения свободы, их качественном составе¹⁴, национальных операций НКВД¹⁵, депортаций¹⁶ и истории спецселенцев¹⁷. В фундаментальном исследовании коллектива сотрудников Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН «Демографические модернизации России, 1900–2000», под редакцией А.Г. Вишневого¹⁸ выделяются три главных вида репрессий, имевших прямые демографические последствия, – массовое применение смертной казни, заключение миллионов людей в тюрьмы, лагеря и колонии и массовые депортации¹⁹, дается описание механизма осуществления печально известного оперативного приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. Центральная власть выдавала разнарядку («квоты») по всем административным районам страны на арест, в том числе и с последующим расстрелом²⁰. Приказ также подробно определял категории («контингенты») лиц, подлежащих репрессиям по социальным и политическим признакам²¹. Современные исследователи проанализировали еще одну группу советских граждан, подвергшихся массовому террору вслед за «врагами народа». Это так называемые ЧСИРы – члены семей изменников Родины, жены и дети репрессированных²². Менее чем за полтора года по неполным данным по стране было арестовано более 43 тыс. жен и детей «шпионов» и «диверсантов»²³.

Особой глубиной и новизной отличаются исследования, посвященные динамике численности заключенных в местах лишения свободы в ИТК и ИТЛ, а также по регионам СССР, их характеристикам, причинам и масштабу смертности в 1930–1940-е гг. Тема эта, как известно, не изучалась в отечественной историографии. Постепенное рассекречивание соответствующих источников в 1990-е гг. позволило историкам

впервые обратиться к этой новой проблеме²⁴. Количество ИТК, ИТЛ и тюрем в 1930-е гг. постоянно росло. Так, в 1932 г. в СССР насчитывалось 11 ИТЛ, в начале 1935 г. – 15, в начале 1939 г. – уже 42²⁵. Быстро росла численность заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах. К середине 1937 г., моменту принятия решений о начале массовых политических репрессий, ГУЛАГ был готов поглощать сотни тысяч новых жертв. С июля 1937 г. в лагеря, колонии и тюрьмы²⁶ хлынул небывалый поток осужденных. За 9 месяцев (с 1 июля 1937 по 1 апреля 1938 г.) число заключенных (уголовных и политических) в местах лишения свободы увеличилось более чем на 800 тыс. человек²⁷. По состоянию на январь 1939 г. в ИТК, ИТЛ и тюрьмах насчитывалось 2 022 976 заключенных²⁸.

ГУЛАГ образца середины 1930-х гг. фактически превратился в фабрику постепенного уничтожения заключенных. Тяжелый труд, болезни, сложные климатические и бытовые условия, издевательства конвоя, плохое питание²⁹ и другие негативные факторы привели к массовому истощению и всплеску смертности «населения» ИТЛ, ИТК и тюрем³⁰. В 1938 г. в тюрьмах и колониях умерло в 4,4 раза больше заключенных, чем в 1937 г. В ИТЛ в этом году смертность была в 3,6 раз выше предыдущего года³¹. Об итогах такого отношения к заключенным в 1937–1938 гг. мы уже упоминали.

В 1937–1938 гг. было проведено несколько «национальных» операций НКВД СССР. Наиболее крупные из них – «польская» и «немецкая» – в 1990-е гг. были достаточно изучены отечественными историками³². К исследованию других ученые только приступили («латышская»³³), а некоторые «национальные» операции, например, репрессии против «харбинцев» (бывших служащих КВЖД) еще ждут своего часа. Мощным толчком к изучению «греческой» операции НКВД (декабрь 1937 г. – май 1938 г.) явилось осуществление с мая 2004 г. Ассоциацией греческих общественных объединений России проекта «Греческий мартиролог» (История репрессии против греков в СССР). В рамках этого проекта в 2006 г. и 2008 г. вышли две книги И.Г. Джухи³⁴. Первая из них была посвящена «греческой» операции. Обширный исторический и личный материал позволил автору сделать ряд принципиальных выводов, в том числе и о количестве репрессированных греков. В ходе осуществления «греческой» операции, по утверждению автора, было репрессировано от 21 200 до 25 200 человек, из них от 17 тыс. до 21 200 расстреляно. Это составляет более 80% всех репрессированных. В масштабах всей страны греческая операция вышла (вместе с «финской» и «эстонской») в «лидеры». У них был самый высокий процент расстрелянных³⁵. Всего по «национальным» операциям НКВД в 1937–1938 гг. в СССР, по данным Н. Охотина, было осуждено около 350 тыс. человек, 71% из которых были приговорены к смертной казни³⁶.

В годы «большого террора» государство применяло и такой вид репрессий как массовое насильственное переселение народов. Депортации и раньше применялись большевистским режимом, например, на Северном Кавказе, Семиречье в период Гражданской войны и начале 1920-х гг. Только в 1930–1931 гг. в ходе «кулацкой ссылки» на спецпоселения были выселены 1 803 тыс. крестьян³⁷. Как известно, в 1940-е гг. многие народы полностью были депортированы в окраинные районы страны, что привело к необратимым демографическим, экономическим и иным последствиям, а в более позднее время – межнациональным конфликтам. Всего в 1930–1950-е гг. было депортировано от 6 до 6,4 млн человек³⁸. При транспортировке в места ссылки и в период нахождения там умерли не менее 1,2 млн человек³⁹, или каждый пятый.

Депортации были организованы, как известно, по социальному («кулаки»), этническому («наказанные» народы), религиозному (представители «неправильных» религиозных вер) и политическому (оуновцы) признакам. Примером первых массовых депортаций середины 1930-х гг., осуществленных по национальной принадлежности, стало насильственное переселение в 1935 г. из Ленинградской обл. и Карелии 23 217 финнов, в 1936 г. из УССР (районы вблизи границы с Польшей) 69 283 поляков, в 1937 г. из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана

4 280 курдов⁴⁰. Но самым массовым и трагичным было переселение в конце сентября 1937 г. с территории советского Дальнего Востока 171 781 корейца (36 442 семьи)⁴¹. В 2000-е гг. именно эта, первая по времени осуществления самая массовая этническая чистка, изучалась исследователями наиболее основательно. Этой теме были посвящены научные конференции, исследовательские работы, публикации мартирологов жертв⁴². Всего в годы «большого террора» было депортировано по этническому признаку 268 561 человек.

Учитывая высокую смертность на спецпоселениях, можно предположить, что около 50 тыс. из них погибло. Их также отнесем к жертвам «большого террора».

Говоря об историографии массовых депортаций, особо хочется остановиться на работах П.М. Поляна. Его несомненной заслугой является определение ключевых понятий в избранной области, установление четкой хронологии депортаций и их масштабов. По данным ученого, с 1919–1920 по 1952–1953 гг. «было депортировано около 15 млн человек, из них 6 млн пришлось на внутренние и 9 млн на внешние (международные) депортации (из них 5.8 млн на депортации в СССР и 3.2 млн – депортацию советских граждан за пределы СССР)»⁴³. За эти годы было проведено «53 сквозных депортационных компаний и около 130 операций» разных масштабов⁴⁴.

Региональный аспект историографии «большого террора» заслуживает отдельного внимания. В последние годы выросло не только количество, но и качество публикаций на эту тему⁴⁵. Различные аспекты репрессивной политики советского государства обсуждались на региональных конференциях⁴⁶. Мощным фактором, влияющим на определение масштабов политических репрессий в регионах, стала работа по обнаружению имен незаконно репрессированных граждан. Публикация таких списков была начата еще до распада СССР. В начале 1990-х гг. стали выходить первые «Книги памяти»⁴⁷. В мае 2000 г. по инициативе Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» в Нижнем Тагиле была проведена научно-практическая конференция «Проблемы создания Единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР». По итогам конференции был начат проект «Возвращенные имена». За 10 прошедших лет создана единая база данных, составленная из материалов региональных «Книг памяти», которые уже вышли в свет или подготовлены к изданию. Результаты этой титанической работы, дополненные информацией из ряда других источников, составляют основное содержание электронного издания Международного общества «Мемориал» «Жертвы политического террора в СССР». В 2007 г. вышла четвертая версия, которая содержит 2 614 978 имен репрессированных из бывших республик СССР⁴⁸. Количество тех из них, кто был арестован и осужден по политическим мотивам на территории РСФСР, составляет примерно 1.6 млн человек.

Как видим, работа по обнаружению имен жертв государственного террора далека от завершения. В разных регионах итоги работы по подготовке и изданию «Книг памяти» жертв политических репрессий неодинаковы. Примерно в полутора десятках субъектов они еще не изданы. В Самарской обл. издана 21 Книга, Республике Татарстан – 18, Псковской обл. – 15, Ставропольском крае – 13. В Республике Коми работа по выпуску «Книг памяти» приобрела статус республиканской государственной программы. Здесь выпущено уже 8 фундаментальных томов серии «Покаяние», охватывающих не только тех, кто был репрессирован на территории республики, но и тех, кто отбывал здесь свои лагерные сроки, и тех, кто был отправлен сюда на спецпоселение⁴⁹. Всего по состоянию на апрель 2009 г. в регионах России издано около 300 «Книг памяти» жертв политических репрессий⁵⁰. Однако в стране не существует государственной программы увековечения памяти жертв политических репрессий. Нет федерального нормативного акта, предписывающего готовить и издавать «Книги памяти», не разработана единая методика и общие критерии отбора сведений. Поэтому качество этих книг совершенно разное. Но в целом они приближают нас к пониманию истинных масштабов потерь в годы массовых политических репрессий и их пика – «большого террора».

Одним из свидетельств глубокого изучения проблемы потерь СССР в годы «большого террора» является выход историографических работ О.В. Хлевнюка⁵¹, В.Э. Багдасаряна⁵², А.С. Кана⁵³, О. Климовой⁵⁴. В недавней монографии Дж. Кипа и А.Л. Литвина проанализирована как западная, так и российская литература по всему комплексу данных проблем⁵⁵.

В заключение отметим, что период 2000-х гг. стал временем глубоких, серьезных публикаций отечественных историков о государственном терроре 1930-х гг. Сделано очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы «большого террора», названа поименно часть его жертв. Однако работа по изучению всех проявлений политических репрессий, тем более – по увековечению памяти репрессированных не завершена. Она продолжается во имя правды и исторической справедливости, создания государственных и общественных демократических механизмов и институтов, которые сделали бы невозможным повторение репрессий.

Примечания

¹ Впервые термин «большой террор» был введен в научный оборот английским ученым Р. Конквестом в 1968 г. Существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора», как правило, охватывающие 1930-е гг. В данной статье речь идет о событиях 1937–1938 гг., когда в стране осуществлялся оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов.

² *Медведев Р.А.* Наш иск Сталину // *Московские новости*. 1988. 27 ноября; *Максудов С.* Потери населения СССР. М., 1989; *Земсков В.Н.* Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // *Аргументы и факты*. 1989. № 39; *его же.* Численность и состав ссыльно-поселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // *Аргументы и факты*. 1989. № 40; *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // *Вопросы истории*. 1989. № 6; и др.

³ *Население России в XX веке*. В 3 т. Т. 1. М., 2000.

⁴ *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

⁵ *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

⁶ *Население России в XX веке*. Т. 1. С. 318.

⁷ Без учета контингента спецпоселений.

⁸ *Население России в XX веке*. Т. 1. С. 320; *Исупов В.А.* Указ. соч. С. 118; *Голотик С.И., Минаев В.В.* *Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов*. М., 2004. С. 161.

⁹ *Земсков В.Н.* *Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект)* // *История СССР*. 1991. № 5. С. 152.

¹⁰ *Исупов В.А.* Указ. соч. С. 118.

¹¹ За 1 418 дней Великой Отечественной войны Красная армия потеряла 180 человек высшего состава от командира дивизии и выше, а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны. См.: *Сувениров О.Ф.* *Трагедия РККА. 1937–1938*. М., 1998. С. 317.

¹² *Печенкин А.А.* *Военная элита СССР в 1935–1939 гг. Репрессии и обновление*. М., 2003; *Рогинский А., Даниэль А.* «Аресту подлежат жены» // *Узницы «Алжира»*. Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002; *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. М., 2006; и др.

¹³ *Кропачев С.А.* *Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов*. Краснодар, 2006; *Ватлин А.Ю.* *Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области. 1937–1938*. М., 2004; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* *Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.* М., 2009; и др.

¹⁴ Население России в XX веке; *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Демографическая модернизация России, 1900–2000; и др.

¹⁵ *Джуха И.Г.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006; *Бугай Н.Ф.* Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002; и др.

¹⁶ *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006; *Бердинских В.А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005; и др.

¹⁷ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005; *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008; и др.

¹⁸ Демографическая модернизация России, 1900–2000.

¹⁹ Там же. С. 413.

²⁰ Там же. С. 414.

²¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 274.

²² *Рогинский А., Даниэль А.* Указ. соч.

²³ Там же. С. 22, 24.

²⁴ Население России в XX веке. Т. 1. С. 311.

²⁵ Там же.

²⁶ Тюрьмы не входили в систему ГУЛАГа НКВД.

²⁷ *Иванова Г.М.* Указ. соч. С. 193.

²⁸ Там же; *Кропачев С.А.* Указ. соч. С. 21.

²⁹ Увеличенная в 1939 г. норма питания до 3 тыс. калорий в день для заключенных ГУЛАГа просуществовала недолго и была снижена примерно наполовину в первые месяцы Великой Отечественной войны. См.: Население России в XX веке. Т. 1. С. 318.

³⁰ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 428–431.

³¹ Население России в XX веке. Т. 1. С. 318, 319, 321.

³² Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; *Дель О., Мусиенко Н.* Между Гитлером и Сталиным // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М., 2004. С. 291–314; *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998; *Плохотнюк Т.Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001; Пермские поляки. Пермь, 2001; Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; и др.

³³ *Штраус В.* Латышский дневник // Бутовский полигон. Вып. 8. С. 261–290.

³⁴ *Джуха И.Г.* Греческая операция; *его же.* Спецпоселенцы идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008.

³⁵ *Джуха И.Г.* Греческая операция. С. 396–397.

³⁶ Российская история. 2009. № 1. С. 212.

³⁷ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 423.

³⁸ Там же. С. 424; *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 281.

³⁹ *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 281.

⁴⁰ Там же. С. 78–82.

⁴¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 651.

⁴² 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). М., 2004; *Бугай Н.Ф.* Российские корейцы и политика «солнечного тепла»; *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004; *Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938.* Кн. 1–10. М., 2000–2008; и др.

⁴³ *Полян П.М.* Указ. соч. С. 239–240.

⁴⁴ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 422.

⁴⁵ *Убушаев В.Б., Убушаев К.В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. Элиста, 2007; *Максимов К.Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004; *Яковлев Н.М.* Жертвы сталинских репрессий в Якутии // Вопросы истории. 2003. № 12; *Ватлин А.Ю.* Указ. соч.; *Кропачев С.А.* Указ. соч.; и др.

⁴⁶ Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Материалы V Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2008; Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2001; и др.

⁴⁷ Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище. 1934–1940. М., 1993; Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995; и др.

⁴⁸ Помимо Российской Федерации представлен материал из Беларуси, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Украины.

⁴⁹ Текущий архив Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Хлевнюк О.В.* «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004.

⁵² *Багдасарян В.Э.* «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма. Сб. статей. М., 2007.

⁵³ *Кан А.С.* Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1.

⁵⁴ *Климкова О.* ГУЛАГ: от мифотворчества к изучению // *Ab Imperio*. 2005. № 3.

⁵⁵ *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.

Критика и библиография

Льюис Х. Сигелбаум. Автомобили для товарищей. Биография советского автомобиля. Итака (США): Изд-во Корнельского университета, 2008. 309 с.*

История отечественного автопрома насчитывает более 75 лет, если вести ее с организованного в СССР в начале 1930-х гг. массового производства автомобилей. Эта история не столь впечатляет, как освоение космоса или достижения в области балета. Хотя автомобильный транспорт играл одну из ключевых ролей в народном хозяйстве и стал продуктом потребительского рынка, он отставал от мировых образцов. Создание конкурентоспособной легковой машины российского происхождения остается нерешенной задачей, особенно заметной на фоне продукции китайских и южнокорейских автозаводов, которая вышла на самый взыскательный рынок – американский.

Почему это не удалось российским производителям? Таким вопросом задаются не только отечественные маркетологи, технологи и экономисты. Вклад в его изучение внес американский ученый, профессор университета штата Мичиган Льюис Сигелбаум, автор ряда монографических исследований по социально-экономической истории России и СССР. Он часто бывал в нашей стране и стажировался в МГУ под руководством профессора В.И. Бovyкина. Чтобы сделать книгу понятной западному, прежде всего американскому читателю, исследователь разъяснил смысл некоторых представлений и понятий советских времен. Например, то, что «личная собственность» не идентична частной, а коллективистские нормы превалировали над личными, хотя государство охраняло имущественные права граждан. «Автомобилями» или «машинами» до сих пор собирательно называют в России как легковой, так и грузовой транспорт, а в английском языке они обозначаются разными словами: *cars* и *trucks*.

Книга Сигелбаума представляет немалый интерес для отечественных историков, так как суммирует множество фактов, найденных в архивах, редких изданиях, мемуарах, прессе. Автор изучал музейные и действующие автомобили, автосервис, дорожное движение. Материалом также послужили советская художественная литература и публицистика, плакаты

и кинофильмы, интервью с автовладельцами и руководителями автозаводов. Большинство иллюстраций – авторские фотографии. В результате получилось комплексное исследование истории автомобиля, его производства, распределения, эксплуатации и влияния на разные стороны жизни российских граждан, вписанное в исторический контекст и охватывающее период с конца 1920-х гг. до начала XXI столетия.

Сюжетом, с которого начинается рецензируемая книга, стал увиденный Сигелбаумом во дворе московского дома в мае 2006 г. раритет – старый автомобиль «Чайка», выпущенный Горьковским автозаводом с 1958 по 1979 г. В продажу он не поступал, но мог стать правительственной наградой. По решению Н.С. Хрущева, которому понравилась эта машина, владельцами именных «Чаек» стали Михаил Шолохов, Юрий Гагарин, Галина Уланова, кубинский лидер Фидель Кастро. На черных «Чайках» ездили высшие чиновники, а машины белого цвета сдавали напрокат под свадебный кортеж. Сигелбаум увидел как раз такую (р. IX, 68). Начиная с И.В. Сталина, оценку новым моделям, выпуск которых предстояло начать в СССР, давал глава государства. Прототипами новых автомашин для высшего руководства СССР – ЗИС-101, ЗИС-110 явились, по выбору Сталина, осмотревшего кремлевский гараж, американские «Бьюик» и «Паккард» с кузовом «лимузин». Он дал согласие и на производство серийного автомобиля «Победа». За руль «Фиата-124», ставшего базовой моделью автомобилей ВАЗ, сел Л.И. Брежнев, совершив на нем объезд Кремля (р. 92).

На Западе почти весь гигантский объем автопродукции раскупался индивидуальными потребителями, при относительно небольшой доле госзаказа, муниципальных и корпоративных покупателей. Высокий спрос настраивал производителей на оптимальное соотношение цены и качества для разных сегментов рынка, частую сменяемость моделей, либерализацию

---

* Lewis H. Siegelbaum. Cars for Comrades. The Life of the Soviet Automobile. Ithaca: Cornell University Press, 2008. 309 p.

продаж. Советская автомобильная промышленность развивалась в условиях государственной монополии на производство и распределение автотранспорта. Сигелбаум изучает «автомобили для товарищей» не только как самостоятельный феномен, но и как отрасль индустрии, которая абсорбировала мировые технические достижения, сообразуясь с возможностями государства, его приоритетными задачами и бюджетными ресурсами. В России автомобиль создавался по лицензиям и с технической помощью зарубежных, особенно американских фирм, а также посредством копирования ряда конструктивных элементов. В первую администрацию советских заводов вошли возвратившиеся на родину русские, имевшие опыт работы в США (р. 5). В СССР автомобиль служил самым разнообразным целям: на государственном автотранспорте совершались «левые» рейсы, на грузовиках перевозили людей в сельской глубинке, где не имелось автобусов и хороших дорог. Серийные легковые модели применялись для скорой медицинской помощи, милиции, обслуживания чиновников среднего ранга.

Сигелбаум выделяет два этапа в истории автопрома: в первые десятилетия его существования вся продукция выпускалась для государственных нужд, а в начале 1970-х гг. количество легковых машин превзошло количество грузовых и основная их часть пошла на продажу. Автор коснулся такого важного вопроса, как конкуренция общественного и личного транспорта. Они конкурировали не только по стоимости и качеству – дешевизна проезда в первом и удобства во втором: все большее значение приобретала престижность обладания *личным* автомобилем. Это, подчеркнул исследователь, стало совершенно новым ощущением и новой возможностью для части советских людей. Персональные, служебные автомобили никого не удивляли – они были бесплатной привилегией правящей элиты, но предоставлялись во временное и ограниченное пользование. Личные автомобили покупались на сбережения граждан, а также дарились Героям Советского Союза, социалистического труда или за другие особые заслуги, и были в их полном распоряжении. Запрещалось лишь их использование для извлечения «нетрудовых доходов» – как, например, частный извоз, но распознать такую деятельность было трудной задачей.

Связав проблему эволюции советского общества с развитием автопрома, Сигелбаум рассмотрел вопрос в более широком контексте. Рост экономики СССР имел двоякий результат. Государство принимало меры к реальному улучшению жизни трудящихся – в первую

очередь, повышение денежных доходов, решение жилищной проблемы и выпуск товаров народного потребления, что расшатывало уравнительную основу социализма и развивало экономику дефицита. Приобретение дорогостоящих товаров длительного пользования могло порождать «буржуазное» чувство собственности и воздействовать на экономическое поведение граждан, стимулируя накопления, дополнительные заработки, ограничение текущих расходов, а то и правонарушения – взятки, воровство. С массового жилищного строительства началось размывание традиционных коллективистских ценностей в быту – «приватизация личной жизни». Расширение выпуска в свободную продажу мебельных гарнитуров, телевизоров, холодильников, продажа земельных участков, жилищные, дачные и гаражные кооперативы повышали удельный вес личной собственности, которой люди распоряжались самостоятельно, как и своим автомобилем.

Расширение сферы личной собственности объяснялось в ряде случаев нехваткой государственных ресурсов. Если связь выделения земельных участков с решением продовольственной проблемы очевидна, то какую утилитарную проблему предполагалось решить с помощью собственного автомобиля? Следовало бы подробнее разъяснить в книге, что в данном случае являлось для государства приоритетом. Повышение доходов автопрома? Ослабление нагрузки на общественный транспорт? Развитие индивидуального туризма и демонстрация благополучной жизни в Советском Союзе? Или приравнение автомобиля к остальным товарам длительного пользования? Видимо, все эти мотивы играли роль, однако есть некоторые неясности. Грузовики по-прежнему требовались на любой стройке, в воинской части или в колхозе. Спрос на личные автомашины рос в основном в городах, где заработки были выше, но там развивался и общественный транспорт, которым пользовалось и до сих пор пользуется большинство российского населения.

Советское государство придерживалось остаточного принципа в снабжении населения автомобилями и их обслуживании. Как подчеркнул Сигелбаум, «частник» испытывал трудности на каждом шагу – это и очередь на приобретение машины, нехватка горючесмазочных материалов и комплектующих, мест для гаражей, а автосервис стал анклавом коррупции. Покупка автомобиля помогала решить одни проблемы, но создавала другие. Впрочем, постройка загородного дома также наталкивалась на дефицит материалов, отдельная квартира – на трудности с ее благоустройством и т.п. Монопольным владельцем

неразвитого, или, как тогда говорили, «ненавязчивого» сервиса оставалось государство. Кроме того, отмечает историк, не только нехватка автомобилей и всего, что связано с их обслуживанием, но и цены, устанавливаемые административным путем, сдерживали автомобилизацию (р. 239).

Значительное внимание в книге уделено организации производства на трех крупнейших автозаводах: АМО–ЗИС–ЗИЛ, Нижегородского (ГАЗ) и Тольяттинского (ВАЗ). В отличие от традиционной советской истории заводов и фабрик, выдержанной в духе героического преодоления трудностей под руководством партии и правительства, Сигелбаум показал ее «изнанку» на основе тщательного изучения источников, привлекаемых для реконструкции истории повседневности. Как и другие «великие стройки» – Днепрогэс, Магнитка, Сталинградский тракторный завод, строительство ЗИСа и ГАЗа и пуск их в эксплуатацию в начале 1930-х гг. являли собой необычную картину: модернизационный рывок, а точнее, создание автоотрасли в ее современном виде, протекал в обстановке хаоса, с колоссальным напряжением сил и перерасходом средств, при неумелом использовании техники и высоком проценте неквалифицированного ручного труда, «разбавленного» прогулами и текучкой рабочей силы. Дезорганизующим фактором были репрессии, убыль опытных кадров. Заранее объявленные даты пуска заводов, не подкрепленные ресурсами, а приуроченные к советским праздникам, приходилось переносить, «на ходу» корректировать плановые задания в сторону их уменьшения, а иностранная техническая помощь применялась неэффективно, и одной из причин этого стала нехватка валюты для ее оплаты.

В основе производства были американские технологии конвейерной сборки. ГАЗ – самый крупный во всей Европе и уступавший по запроектированной производительности только автозаводам США (140 тыс. грузовых и легковых машин в год), явился первенцем первой пятилетки. Строительную часть проекта выполнила компания «Austin» из Кливленда, штат Огайо, а компания Форда изготовила технологический проект завода и предоставила лицензию на выпуск легковой модели «А» и грузовой «АА», которые назывались в начале советскими «фордями», затем «ГАЗ-А» и «АА», в модифицированном виде – «ГАЗ-М-1» («эмка») и «ММ» («полупортка»). Они настолько вросли в советскую жизнь, став незаменимыми и для колхозов, и для командиров Красной армии, и для всевозможных строек, что их «буржуазное», американское происхождение было быстро забыто. Простые и

неприхотливые в эксплуатации, «эмки» и «полупортки» прошли боевое крещение на фронтах Великой Отечественной войны и участвовали в восстановлении народного хозяйства. Однако строительство Горьковского автозавода потребовало таких затрат и такого напряжения ресурсов, что менять или реконструировать закупленное оборудование было невозможно. Базовые советские модели, происходившие от «Форда» образца 1928 г., сохранили свои черты в модификациях ГАЗов вплоть до начала 1950-х гг.

Сделка с компанией «Фиат» (1966 г.) по созданию Волжского автозавода была крупнейшей в истории автопрома. И завод-гигант, и город автостроителей («Автоград») строились уже в условиях «развитого социализма», на соответствующей материально-технической основе и с обустроенным бытом. Престижность этого промышленного центра и хорошая на первых порах обеспеченность кадрами сменились к 1980-м гг. негативными тенденциями. Автоград и завод стали воплощением кризисных явлений, присущих всему советскому обществу периода «заката» и особенно промышленным центрам: падение трудовой дисциплины, пьянство и алкоголизм, рост числа хищений на производстве, при круговой поруке и продаже украденных запчастей, инструментов, материалов на «черном рынке» (р. 114–115).

Значительный интерес представляет глава о дорогах – комплексное исследование этого своеобразного явления российской истории и в XX в. – спутника автомобиля (р. 125–172). Сигелбаум удачно выбрал, в качестве эпиграммы, пословицу «Дорога дорога, а бездорожье – дороже». Он раскрывает сложное положение данной народнохозяйственной отрасли при социализме, которое, в конечном итоге, сводилось к проблеме государственных ассигнований и мобилизации рабочей силы (наемных рабочих, заключенных) для прокладки дорог. Еще требовалось производство дорожно-строительных материалов с учетом русского климата, поддержание дорог в исправном состоянии, и лишь в последнюю очередь – развитие инфраструктуры обслуживания автотранспорта, пассажиров и водителей, которым занимались другие ведомства. Хотя и в очень ограниченном масштабе, в улучшении дорог местного значения участвовало население – например, дачных поселков. Приобретение земельных участков влияло на покупку автомобилей, поскольку для многих это был единственный способ добраться до своих «шести соток», расположенных вдали от железных дорог и автобусных маршрутов. При этом в 1960–1970-е гг. дороги между города-

ми все еще напоминали американские начала XX в. – пустынные, с зачаточными признаками автомобилизации.

Государственная монополия на производство и распределение автотранспорта наложила долговременный отпечаток на всю историю автопрома. В ней отразилась, как показано в книге, экономика и социальная жизнь в миниатюре, и с таким подходом нельзя не согласиться. Качество продукции, ее обновление, внедрение новых моделей и технологий всецело зависели от производителя, а его положение – от народнохозяйственной конъюнктуры и приоритетов в экономической политике. Исследованию Сигелбаума недостает статистического материала, который наглядно показал бы динамику государственных ассигнований на различные народнохозяйственные цели и эволюцию доходов и расходов советской семьи.

Но историк верно заметил, что гораздо более примитивный и менее удобный, чем на Западе, автомобиль в целом отвечал запросам советских людей, даже если его внешний вид и технические характеристики определяли не покупатель. Им он требовался прежде всего как средство передвижения, которое стало дополняться после распада СССР импортом

иномарок и строительством заводов по их выпуску. Социально-экономическому расхождению постсоветского общества стала отвечать диверсификация авторынка, где появились самые дорогие импортные марки, а отечественные стали вторыми автомобилями в семье или единственным «другом» граждан со средними доходами.

Попытки поддержать отечественного производителя в конце 1990-х гг. различными директивными мерами – например, кампанией Б.Е. Немцова за пересаживание госчиновников с «Ауди» и «Мерседесов» на «Волги» не дала ожидаемого эффекта. Насколько полезным окажется правительственное решение конца 2008 г. о повышении таможенных пошлин на ввоз иномарок, покажет жизнь. В книге показано, что бывшие советские автогиганты не вышли со своей продукцией на новый конкурентный уровень. Массовое производство автомобилей в СССР стало реальностью, но не обрело той гибкости и разнообразия цен, технических возможностей, дизайна и отделки, которые обеспечивали автопромы других стран.

Б.М. Шпотов,
доктор исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН)

Г.А. Янковская. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь: Изд-во Пермского государственного университета, 2007. 312 с.

Монография доцента кафедры новейшей истории России Пермского государственного университета Г.А. Янковской представляет собой плод многолетних изысканий в области визуальной истории советского общества. Впечатляющая опытность исследовательницы становится очевидной с первых же страниц книги, с изложения состояния изучения интересующих ее проблем и с обозначения круга источников, на которые опирается ее труд. Ареал свидетельств, вовлеченных ею в убедительную и одновременно изящную систему аргументации, впечатляет широтой и многообразием. «Я смотрела на художников эпохи сталинизма сквозь материалы закупочных комиссий и профсоюзных собраний, справки снабженческих организаций и партийных комитетов, книги отзывов художественных выставок и финансовые отчеты художественных кооперативов, письма художников “во власть” и доклады художественной бюрократии вышестоящему начальству», – пишет Г.А. Янковская (с. 8–9). Помимо «традиционных» вербальных источников (официальных

документов корпоративных организаций советских художников и властных инстанций, опубликованных и неопубликованных «эго-документов», периодической печати 1930-х–1950-х гг.), автор привлекает к анализу визуальные объекты – источники, все еще не очень привычные, с сомнительным, с точки зрения многих профессиональных историков, познавательным потенциалом: изображения «музейного значения» и не имеющие очевидной художественной ценности предметы повседневной визуальной среды эпохи сталинизма.

Янковская прекрасно ориентируется в обширной историко-визуальной традиции исследования советской эпохи. Авторская историографическая эрудиция складывалась, несомненно, под влиянием англо-американской исторической, социологической, культурологической и искусствоведческой литературы, сыгравшей пионерскую роль в изучении интересующей исследовательницу проблематики. При всем многообразии подходов исторической визуалистики их можно свести к двум исследовательским моделям или стратегиям.

Первая из них сосредоточивается на анализе самих произведений искусства, с надеждой выявить с его помощью особенности мироощущения и систем ценностей, мира толкования и поведения, восприятия и опыта, надежд и страхов исторических актеров – одним словом, «субъективной реальности», зачастую недостаточно артикулированной в вербальных источниках. Вторая стратегия фокусирует исследовательскую оптику на социальные условия производства искусства, общественную среду, в которой возникает художественное произведение, отношения заказчика и художника, нормы и ценности художественной корпорации, состояние и функционирование рынка изобразительной продукции. В этом случае первостепенными источниками становятся не столько изображения, сколько вербальные свидетельства, отражающие очерченную проблематику.

Книга Янковской со всей определенностью может быть отнесена к успешно реализованной второй исследовательской модели. Автор так формулирует угол зрения, с которым она подходит к изобразительному искусству эпохи позднего сталинизма: «В этой работе я попыталась взглянуть на художественную жизнь сталинской эпохи как историк, интересующийся социальной историей искусства, точнее – историей художников как особого сообщества, профессиональной корпорации» (с. 6). Осуществление такой перспективы видится ей в научной репрезентации трех основных для монографии сюжетов: «социального облика художественного сообщества в годы позднего сталинизма, экономических императивов, действующих в советском мире искусств, и художественной жизни в провинции» (с. 46).

В методологическом плане Янковская ориентируется на институциональный подход Д. Норта и теорию социального поля П. Бурдьё, что позволяет ей рассматривать мир искусства как «динамичное пространство конкурентного сосуществования различных действующих сил, культурных установок, повседневных практик, в котором трудно вычленив одну область взаимодействий и наряду с политическими важную роль играют экономические и ментальные императивы» (с. 46). Разделяя мнение автора об эффективности данного инструментария применительно к исследуемой ею теме, следует вместе с тем отметить, что свои методологические приоритеты Янковская намечает бегло и пунктирно, словно бы обозначая некоторые коды, ясные для посвященных, но должны остаться для остальных не раздражающей тайной.

Структура исследования подчинена логике авторских задач. Текст основной части, к

которому прилагаются обширная библиография, именной указатель, ценные вербальные и визуальные документы эпохи, делится на четыре главы. В первой из них анализируется институциональная система советского искусства в хронологических рамках, оправданно выходящих за пределы позднего сталинизма и охватывающих период с 1920-х по 1950-х гг. Здесь дается обзор деятельности корпоративных организаций советских художников – Всесоюзного союза кооперативов художников (Всекохудожник), Союза советских художников и Художественного фонда; институтов распространения и конструирования восприятия изобразительного искусства (музеев, выставок, просветительских организаций и профессиональной прессы); систем цензуры, контроля (Всесоюзного комитета по делам искусств, Главреперткома, Главлита, Агитпропа) и поощрения (Сталинская премия и другие награды). Янковская приходит к обоснованному заключению, что «в институциональном отношении искусство эпохи сталинизма представляло собой систему, в которой пересекались компетенции и расплывались функции различных учреждений, принцип властной вертикали сочетался с полицентризмом в принятии решений, бюрократическая заорганизованность – с хаосом в реализации управленческих функций» (с. 86).

Собственно советский художник, проблемы его идентичности и статуса составляют «главную интригу» второй главы. В ней реконструируется численность представителей художественных профессий, предпринимается любопытная попытка поколенческого анализа советских художников, конструируются некоторые типы их самоидентификации, а также различные статусные группы в рамках аморфного художественного сообщества. Последнее, как убедительно демонстрирует автор, распалось на ожесточенно конфликтующие между собой группы, причинами чему служили и личные амбиции, и поколенческие противостояния, и различия в восприятии профессиональной идентичности, и особенности существования искусства в условиях специфического советского художественного рынка. Как и в других сферах советской профессиональной жизни, искусство сталинского периода было отмечено «разительным контрастом между публичной риторикой о высоком предназначении советского художника и реалиями художественной повседневности» (с. 141).

В третьей главе – одной из самых информационно и интерпретационно насыщенных – автор обращается к экономической подоплеке советского изобразительного искусства. В этой связи анализируется экономическая дея-

тельность Всекохудожника, в том числе в довоенный период, «послевоенная экономика художественного просвещения и агитации» (с. 165), принципы ценообразования и влияющие экономические факторы на эстетику художественных произведений эпохи позднего сталинизма. В частности, Янковская обращает внимание на чрезвычайно низкий профессиональный уровень произведений на лояльные политические сюжеты, прежде всего, изображений «вождей», и выявляет экономическую природу этого феномена: «Авторитет темы служил своеобразной охранной грамотой, под прикрытием которой художники превращали идеологию в бизнес» (с. 168). Исследовательница считает, что помпезность и монументальность, характерные для позднесталинского искусства, следует объяснять не только амбициями власти, ожиданиями населения или культурными предпочтениями публики, но и практикой ценообразования, согласно которой «труд в искусстве оплачивался исходя из внешних признаков, таких как размеры полотен и скульптур, тематика произведений» (с. 175). Автор приходит к заключению, что кооперативная деятельность советских художников стала «полигоном для испытания различных технологий и форм “советизации” художественного сообщества, для освоения экономических механизмов художественного производства по-социалистически» (с. 182).

В этой связи стоит обратить внимание на интерпретацию Янковской концепта «советизация». Автор предпринимает амбициозную попытку разграничить ситуативные и типологические процессы в советском искусстве сталинской поры, обозначая их терминами «сталинизация» и «советизация». Под «советизацией» она понимает «процесс, связанный с принятием советских институтов, практик и ценностей, имеющих длительную историческую перспективу», а «сталинизацию» связывает с «краткосрочным, специфическим развитием» (с. 143). И далее поясняет: «Таким ситуативным качеством отличались символика и стилистика культа Сталина, институциональная система, формы контроля, иерархия жанров в искусстве и многое другое» (с. 143). Безусловно, стремление автора развести процессы различной длительности и формативной значимости в советской истории заслуживает уважения и одобрения, особенно в нынешней историографической и политической ситуации, когда советское зачастую отождествляется со сталинизмом, а сталинизм сводится к идеологии и практике террора. Вместе с тем применительно к официальному советскому изобразительному искусству предложенная автором схема во многом представляется

избыточной. Не являясь экспертом в данной теме (и тем самым не претендуя на научную основательность следующего тезиса) и судя скорее с позиции собственных зрительских впечатлений и опыта жизни в СССР, хотел бы высказать предположение, что отнесенные Янковской к ситуативным явлениям «символика и стилистика культа Сталина» надолго пережили сталинскую эпоху (достаточно вспомнить, например, визуальное оформление советских праздников 1960-х–1980-х гг.), равно как и репрессивные формы контроля или, с незначительной модификацией, иерархия жанров в искусстве.

Четвертая глава монографии посвящена провинциальному измерению послевоенного советского изобразительного искусства. В ней рассматриваются проблемы влияния взаимоотношений по линии «центр-периферия» на советскую художественную жизнь. Как представляется, заключительная глава выстроена менее удачно, чем предыдущие. Причина этому, по-видимому, кроется в дефиците источниковых материалов для панорамного обзора и оригинальных обобщений, свойственных предыдущим частям книги. Скудость следов художественной жизни искусства в Молотове (Перми) 1930-х–1950-х гг. не позволила автору сконцентрироваться на микроисторическом анализе молотовской ситуации (как первоначально полагает читатель), вынуждая обращаться к фрагментированному иллюстративному материалу из других периферийных регионов. В результате полноценного «плотного описания» культурной ситуации в провинции не получилось. Наибольший интерес в четвертой главе представляет сюжет о зрителях искусства позднего сталинизма. Проблема зрительской рецепции – одна из наиболее сложных и трудноразрешимых в визуально-исторических исследованиях. Янковская успешно справляется с этой непростой задачей, привлекая музейные и выставочные книги отзывов посетителей, а также письма зрителей в редакции периодических изданий. Наиболее значимыми представляются следующие наблюдения исследовательницы. Во-первых, советские зрители «высказываются об искусстве в рамках трудовой парадигмы, не делая принципиальных различий между собой и лицами творческих профессий» (с. 223), чем и объясняется критический настрой, беспалляционность мнений и мелочность придирок посетителей выставок. Во-вторых, «“простой человек” явно устал от навязчивой и прямолинейной идеологии» (с. 229). Назревал конфликт аудитории с официальным искусством, порою прорываясь на свет в послевоенных дискуссиях или в «бытовизации» сюжетов живописи и графики.

Автор придерживается «нормализаторской» линии в интерпретации искусства сталинского времени – линии, характерной для современной социальной истории сталинизма и противостоящей «катастрофизирующему» подходу, отличающему как старое тоталитарное, так и новейшее историко-культурное толкование сталинизма. Это наблюдение еще раз подтверждается в заключении, в котором Янковская подчеркивает успешность приспособления советских художников к ситуации несовместимости идеологических деклараций и экономических реалий. Ее выводы относительно советских художников, с особыми оговорками, перекликаются с наблюдениями одного из пионеров и локомотивов социально-исторической ревизии советской истории Ш. Фицпатрик по поводу стратегий сопротивления и приспособления «сталинских крестьян» и горожан: «Советские художники переиграли идеократический режим. Гибко реагируя на меняющиеся требования офици-

альной эстетики и цензуры, они профанировали идеологию, неплохо на ней зарабатывая, оставаясь в относительно безопасном положении» (с. 234).

Несмотря на предсказуемость последнего тезиса, книга Г.А. Янковской является новаторской как в постановке проблем, так и в способах и многих результатах их решения. Как историографический факт она, помимо прочего, опровергает пессимистические прогнозы по поводу включенности российских историков в единое международное исследовательское сообщество, равно как и устойчивое предубеждение о наличии якобы нездыблемой границы качества, разделяющей историков в самой России по линии «центр–периферия».

**И.В. Нарский, доктор исторических наук
(Центр культурно-исторических исследований
Южно-Уральского государственного
университета, Челябинск)**

Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. М.В. Друзин. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. 682 с.

Рецензируемый сборник имеет грифы трех академических учреждений: Санкт-Петербургского института истории РАН, Института истории Украины НАН Украины и Белорусского государственного университета. Тематически сборник многолик: он объединяет под одной обложкой публикацию источников разного типа и исследования самой разнообразной тематики (по истории исторической науки, социальной, экономической, культурной истории, истории внешней политики, повседневности, «устной истории» и других). Обширна и география авторов: Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Чита, Петрозаводск, Липецк, Самара, Ростов-на-Дону, Иркутск, Ярославль, Калининград, Магнитогорск, Великие Луки, Белгород и другие города России, Киев и Минск. Представлены более 50 историков самых разных поколений.

Сборник состоит из трех основных тематических разделов, которые, в свою очередь, распадаются на подразделы: «Источники», «Историография», «Исследования». Трудно сказать, насколько такое деление материала обоснованно, но можно понять и трудности редактора книги, пытавшегося систематизировать и объединить под одной обложкой столь разнородный материал. В предисловии он справедливо отмечает, что «серьезное влияние

на исследования» постсоветских ученых «оказывали такие факторы как суверенизация бывших советских республик, и необходимость обосновать национальную государственность» (с. 3). Сборник должен способствовать взаимному ознакомлению с позициями друг друга ученых постсоветского пространства и в конечном итоге «большей объективности и научности» работы историков (с. 3). Однако ценность сборника скорее в том, что он в определенной степени фиксирует состояние науки постсоветской эпохи. Каков же реальный стержень сборника? На мой взгляд, таковых два – условно их можно обозначить как *конструирование историографии* и *конструирование истории*. В данной рецензии я хотел бы, прежде всего, остановиться на тех статьях этого издания, которые в наибольшей степени с ними связаны.

На страницах сборника постоянно звучит тема «школы» в исторической науке. Так, формирование дискурса «петербургской исторической школы» исследуется в статье челябинского историографа Н.Н. Алеврас «Петербургская школа историков. К.Н. Бесстужев-Рюмин (из лекционного опыта)» (с. 171–184). Характеризуя значение деятельности известного ученого, Алеврас называет его «учителем без школы», подразумевая, что не имевший собственной,

«персональной школы» Бестужев-Рюмин «может быть представлен в качестве несомненно-го лидера-учителя петербургских историков, заложившего научную традицию, на базе которой сформировались собственно научные школы историков Петербурга» (с. 183).

В разделе «Источники» помещена подборка материалов, связанных с личностью Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987) – одной из знаковых фигур отечественной науки 1930–1980-х гг. Ученик Б.Д. Грекова, Мавродин сменил В.Д. Приселкова на постах декана исторического факультета ЛГУ и заведующего кафедрой истории СССР, которые с небольшими перерывами занимал почти 40 лет. Сборник представляет весьма отрывочную, но в то же время любопытную подборку высказываний о В.В. Мавродине. Воспоминания студентов профессора (С.Н. Азбелев) соседствуют с заметками его младших коллег (В.М. Панеях, А.Н. Цамутали) и современников в науке (Н.А. Мининков). Подборка воспоминаний коллег дополнена публикацией единственного сохранившегося в семейном архиве письма к Мавродину. Его сын, Вал.В. Мавродин отмечает: «Мой отец получал очень много писем, открыток и телеграмм, но рассказать о них трудно. И вот почему. Всю корреспонденцию он хранил долго – месяцами и даже годами, потом собирал, укладывал стопкой, перевязывал, всегда только рыболовной леской, и увозил на дачу. Там очень внимательно прочитывал каждое, а потом сжигал» (с. 25). Вал.В. Мавродин не берется объяснить этот факт, но, вероятно, объяснения здесь не требуются – с эмоционально-психологической точки зрения это лучшая иллюстрация к драматичной судьбе ученого, начавшего свой путь в сталинскую эпоху. В сборнике помещена и любопытная подборка писем Мавродина к коллегам (Г.М. Дейчу, Н.С. Державину, А.И. Козаченко, И.И. Минцу, А.М. Панкратовой, Н.Л. Рубинштейну и другим), подготовленная к публикации Н.Н. Юсовой.

К другому блоку статей, отражающих непростой процесс построения российской, советской и постсоветской историографии, можно отнести работы, в которых рассматривается развитие различных историографических схем. Так, статья липецкого историка А.Н. Долгих опровергает историографический миф об определяющей роли Александра I в создании многочисленных проектов решения крестьянского вопроса в России. В статье минского исследователя А.Б. Елисеева рассматривается историография взаимоотношений Русской православной церкви и советского государства, которую автор справедливо рассматривает в тесном контексте церковно-госу-

дарственных отношений. Яркую зависимость современной историографии российско-украинских отношений от «национального заказа» и политической конъюнктуры показывает в своей статье московский историк А.П. Федоровых. О связи историографии с процессом «конструирования наций» говорится в статье киевского историка Н.А. Лаас «История крымских татар периода позднего сталинизма и хрущевской “оттепели”: экскурс в англоязычную историографию». К числу наиболее глубоких статей сборника относится работа минского историка В.И. Меньковского «Ревизионистское направление англо-американской историографии советской истории 1930-х гг.». Автор анализирует эволюцию англо-американской советологии 1950–1980-х гг. в отношении советской истории периода «развитого сталинизма», показывая, какие социологические и политологические модели использовались историками-советологами, когда и почему происходили изменения в их инструментарии. В статье другого минского исследователя М.А. Шабасовой «Основные парадигмы англо-американской историографии новейшей истории России» доказывается ограниченность возможностей так называемой «транзитологии» в изучении процесса социально-политической трансформации постсоветского общества.

Конструирование истории в новой реальности, сложившейся после распада СССР – одна из проблем (и задач), которая естественным образом объединяет большинство разноплановых статей сборника. Не случайно при этом, что значительное место в сборнике занимают статьи по истории России рубежа XIX–XX вв. Подспудно их объединяет спор о том, какие силы были ответственны за крах «старого порядка»? Так, в центре внимания белгородского исследователя И.Т. Шатохина – «кризисные явления в местном управлении Российской империи на рубеже XIX–XX вв.» Автор вскрывает основные пороки в системе местного управления этого времени, в числе которых конкуренция за властные полномочия на местах представителей разных ведомств, система «круговой безответственности» в коллегиальных органах власти, тенденция самодентификации дворянства «через отстранение от государственной власти». Великолукский исследователь С.Г. Петров рассматривает характер высказываний прессы Псковской губ. по политическим вопросам в период первой русской революции. Калининградский историк А.С. Соколов в статье «С.Е. Крыжановский и правая печать в российской империи начала XX века» рассматривает деятельность товарища министра внутренних дел, ведавше-

го в столыпинскую эпоху правительственным фондом, выделявшим деньги на поддержку правой печати. Вслед за героем своего очерка историк приходит к выводу, что выделяемые на эти цели суммы были минимальными, а потому и «эффект от правой печати при такой постановке дела оказался мизерным».

Революция 1917 г. и связанная с ней смена исторических эпох привлекают внимание многих авторов. Рассуждения московского историка А.С. Сеньявского о русской и советской истории в статье «Великая русская революция 1917 г. в контексте истории XX века» (с. 498–518) – яркий пример «конструирования прошлого» с позиций современного «национально-патриотического» движения. Автор приходит к выводу о большевистском проекте модернизации России как единственно возможном и в целом отвечающем национальным интересам. По его мнению, при всех «социальных издержках» («массовых репрессиях, голоде начала 1930-х гг.»), советская модель развития обеспечила «превращение отсталой России в передовую державу» и не сработала только при переходе к постиндустриальному обществу, но не потому, что потенциал советской системы был исчерпан, а из-за ошибок в «конкретных управленческих решениях» (с. 516).

С иных позиций история конструируется в статье коллеги А.С. Сеньявского В.М. Лаврова «Октябрьская революция в восприятии патриарха Тихона» (с. 543–552). Отталкиваясь от высказываний патриарха, автор предлагает собственный взгляд на национальную историю. По его словам, оторванные от «православного возрождения» реформы Александра II завершились «великим крахом и возвратом крепостничества в псевдонародной форме» (революция 1917 г. и советская власть). Автор опасается новых катастроф в будущем, поскольку «сегодняшние наши реформы» проходят «при нравственном разложении и американизации русского народа».

В новаторской работе челябинского историка Т.А. Андреевой рассматривается эволюция «образа революций 1917 г. в сознании Романовых». Анализируя мемуары и дневники представителей династии, автор реконструирует процесс формирования «дискурса катастрофы» в их высказываниях. Проблема конструирования «прошлого» и «будущего» в массовом сознании 1960-х гг. рассматривается в статье челябинского историка А.А. Фокина «“Кормушка” и “Коммуна”»: варианты восприятия населением коммунизма (по материалам “всенародного обсуждения” III Программы КПСС)». В статье показывается, какие основные воображаемые сценарии развития

страны присутствовали в массовом сознании, и как в нем трансформировались официальные постулаты о коммунистическом будущем. Проблема роли периодической печати в конструировании образов «прошлого» и «будущего» в массовом сознании постсоветской России ставится в статье московского исследователя П.А. Козлова «Роль периодической печати в президентских выборах 1996 г. в Российской Федерации».

В числе многочисленных сюжетов, получивших освещение в сборнике – формирование представлений об истории в Московской Руси (А.В. Мартынюк), старообрядческие самосожжения (М.В. Пулькин), менталитет российского купечества (Р.И. Попов), формирование министерской системы в России (М.А. Приходько), крестьянская реформа 1861 г. (А.Н. Апонасенко), религиозно-этнические проблемы Северо-западного края (А.Ю. Бендин), немецкие военнопленные в России в Первой мировой войне (Н.В. Суржикова), образовательная деятельность земств (Е.И. Сумбурова), деятельность городских самоуправлений в 1917 г. (А.В. Мамаев), история «Лиги русской культуры» (Ю.А. Жердева), социальное измерение российского города в пореволюционные годы (А.Н. Федоров), органы ВЧК как инструмент политической борьбы (А.Л. Кубасов), политика большевиков в России и на Украине в 1917–1919 гг. (А.В. Мишина, А.С. Сеньявский), денежная реформа в СССР в 1920-е гг. (В.В. Небрат), мемуарное наследие советских писателей 1930-х гг. (Н.А. Стрижкова), градостроительство ГУЛАГа (М.Г. Меерович), формирование этностереотипов в советском кинематографе (В.А. Токарев), нацистская пропаганда на Украине (М.В. Михайлюк), проблема открытия «второго фронта» во время Второй мировой войны (Д.В. Спирин), управление советским сельским хозяйством (Л.И. Вавулинская), студенческая жизнь эпохи «оттепели» (О.Г. Герасимова), история общины «местнорусских» в Монголии (И.А. Арзуманов), и другие.

В целом, сборник оставляет хотя и противоречивое, но исключительно яркое впечатление. Разнообразные статьи дают некий срез состояния современной исторической науки на постсоветском пространстве, который показывает, что она не замкнулась в «башне из слоновой кости», а налицо – интенсивное освоение новых полей исследования.

**Е.А. Ростовцев, кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский государственный университет)**

**Н.П. Муратов. Записки тамбовского губернатора. Сост.
В.В. Канищев, Л.Г. Протасов, Вл.В. Канищев. Тамбов, 2007. 436 с.**

«Я мечтал, как о венце своей карьеры, о должности городского судьи в одном из уездных городов средней полосы России и думал, что при моем домике будет сад, яблони, вишняк и немудреная беседка, в которой я после рабочего дня буду пить чай»¹. Судьба автора этих строк, Николая Павловича Муратова, распорядилась с ним совсем по-другому. Питомец Училища правоведения, готовый посвятить свою жизнь судебной деятельности, вряд ли догадывался, что после назначения в 1906 г. тамбовским губернатором он станет известным всей стране. Решительные действия, направленные на укрепление авторитета коронной администрации, непримиримая полемика с представителями общественности, сделали его колоритной фигурой той части чиновничества, которая на волне Первой русской революции получила путевку в губернаторство. Многие события жизни и деятельности Муратова отражены в его обширном мемуарном наследии.

Изданный усилиями тамбовских историков фрагмент воспоминаний Н.П. Муратова в основном посвящен его деятельности на посту тамбовского губернатора, хотя и затрагивает канун его назначения, когда тот служил прокурором ярославского окружного суда. Это многоаспектное, чрезвычайно насыщенное широкой совокупностью фактов и событий сочинение. Буквально с первых страниц бросается в глаза интерес автора к персоналиям тамбовского общества. Он подробно анализирует характер, поведение и менталитет местного чиновничества, представителей дворянской корпорации (особенно их предводителей), а также земских деятелей. Составители издания справедливо отметили, что Муравьеву удалось «создать содержательные и яркие характеристики своего окружения, общественно-политических событий» (с. 11).

Трудно найти такую сторону жизни Тамбовской губ. начала XX в., которая бы ускользнула от внимательного взгляда мемуариста. Центральное место в воспоминаниях Муратова занимают его непростые, конфликтные, а зачастую и прямо скандальные отношения с местным обществом. Он с методичной подробностью описывает свою полемику с тамбовским дворянством, расставляя акценты на наиболее дискуссионных вопросах. Резкий в высказываниях, принципиальный в поступках, последовательный в действиях, губернатор Муратов был очень сложным, «колючим» оппонентом. Не менее драматично складывались его отношения с судебными органами Тамбов-

ской губ. Большой знаток нравов судебного мира, Муратов компетентно его анализирует, обнажая служебную и личную подоплеку конфликтных ситуаций.

Наряду с этим отдельные главы воспоминаний посвящены отношениям Муратова с духовенством, провинциальной прессой. Мемуарист много внимания уделяет характеристике повседневной жизни тамбовского общества, театру, цирку, а также быту губернаторского дома. Кроме того, он описывает последние дни жизни Л.Н. Толстого, скончавшегося в Тамбовской губ. на станции Астапово. Не разделявший взгляды писателя губернатор принял радикальное решение о недопуске в губернии каких-либо акций по этому поводу.

Муратовские воспоминания полны ярких образов. Губернский предводитель дворянства Н.Н. Чолокаев у него назван «тамбовским Мафусаилом» (с. 53), своего предшественника В.Ф. фон дер Лауница, равнодушного к общественному мнению, Муратов сравнил с Бисмарком (с. 121), а вице-губернатора Тарасенко-Отрешкова наградил эпитетом «глупый интриган и врун» (с. 204).

Остается лишь пожалеть, что Муратов оказался сдержан на характеристики представителей высшей бюрократии (В.Н. Кокковцова, А.Д. Оболенского, А.Г. Булыгина, В.А. Сухомлинова, А.В. Кривошеина и др.), о встречах с которыми он упоминает. Более часто он пишет, пожалуй, лишь о П.А. Столыпине, которого считал своим идейным наставником и которому был обязан своим назначением в Тамбов.

Выход мемуаров Муратова, несомненно, является заметным событием для исследователей истории России начала XX в. Однако насколько полно и эффективно они будут введены в научный оборот зависит от качества их подготовки к публикации. В связи с этим уже на первых страницах рецензируемой публикации у читателя возникает ряд вопросов, касающихся структуры издания, приемов передачи текста, а также состава и характера научно-справочного аппарата.

Историческая часть предисловия при издании источников личного происхождения должна содержать цели и задачи издания, историографический анализ литературы по теме, биографию автора и творческую историю публикуемых источников.

Между тем в предисловии к изданию отсутствует историографический анализ. Его заменяет фраза: «Историки очень редко обращались к характеристике Н.П. Муратова как

тамбовского губернатора» (с. 4). Позволим себе не согласиться с этим утверждением. Уж кто, но только не Муратов является забытой фигурой. В известной монографии Ю.Б. Соловьева обстоятельно разобрана его деятельность на посту тамбовского губернатора, начиная с обстоятельств назначения и оканчивая уходом из Тамбова². Еще тогда был введен в оборот значительный массив рукописи мемуаров Муратова. Обстоятельное исследование его биографии, вышедшее из под пера А.С. Тумановой³, упоминается составителями вскользь, а монография С.В. Куликова⁴, где сообщается о деятельности Муратова в годы Первой мировой войны, им, по-видимому, незнакома.

Теперь остановимся на заявлении составителей об обстоятельствах написания публикуемых воспоминаний, которые им «известны в незначительной мере» (с. 9). История написания мемуаров Муратова, напротив, вовсе не является тайной. Их рукопись не случайно хранится в фонде Л.М. Клячко в РГАЛИ. Известный журналист Клячко имел постоянную аккредитацию в Государственной думе и Государственном совете и был прекрасно знаком со многими представителями высшей столичной бюрократии. После 1917 г. по его инициативе многие сановники, оставшиеся в России, писали воспоминания о своей жизни и деятельности (в том числе Муратов). В настоящее время эта мемуарная коллекция насчитывает свыше 50 единиц хранения, большинство из которых не опубликовано⁵.

Составители не поясняют, какой из трех имеющихся вариантов рукописи был взят ими за основу и по какой причине. Объяснение, что «1-й – не совсем полный, с незавершенной правкой, 2-й и 3-й – законченные и идентичные между собой» (с. 11) предусматривает сопоставление этих трех версий, проверку возможных между ними разночтений. Однако работа в этом направлении, видимо, не проводилась.

Оригинал рукописи имеет неисправности, связанные с наличием вставок и зачеркиваний. Однако для составителей «практически все они (неисправности. – А.М.) вполне понятны», а потому, они «решили не делать пояснений по вариантам правки» (с. 12). С таким приемом передачи текста трудно согласиться.

В самом тексте публикаторами без убедительной мотивации сделаны купюры. Читатель, по воле составителей, вынужден довольствоваться лишь страницами, имеющими «отношение к тамбовскому губернатору Н.П. Муратову» (с. 11). В результате такой произвольной выборки читатели лишены возможности познакомиться, например, с мнением Муратова о воспоминаниях С.Ю. Витте,

об убийстве Столыпина, не говоря уже о его службе курским губернатором, членом Совета министра внутренних дел. Чем обусловлен такой избирательный подход к публикации, не объяснено.

При подготовке научно-справочного аппарата составители нарушили его основополагающий принцип: в нем нет единообразия и отсутствуют указания на источники. Комментарии по персоналиям не соизмеримы по объему и подробности, причем сведения о ряде лиц отсутствуют. Во многих случаях составители явно поспешили на комментирование. В результате отдельные свидетельства мемуариста могут быть неверно истолкованы. Например, Муратов исказил обстоятельства того, как в начале 1912 г. он воспрепятствовал выборам моршанским уездным предводителем дворянства К.А. Бенкендорфа, обвиненного в симпатиях к кадетам. Представляя себя отважным защитником самодержавия, он подчеркивает свое равнодушие к указаниям и предупреждениям главы МВД А.А. Макарова относительно опасности конфликта между администрацией и дворянством (с. 368–369, 373 и др.). «В разрешении дворянских вопросов губернатор был вполне самостоятелен и никаким указаниям не обязан был подчиняться», – гордо заявляет Муратов (с. 368). Между тем, в фонде канцелярии Министра внутренних дел в РГИА сохранились документы, свидетельствующие о том, что Муратов старался согласовывать с Макаровым каждый свой шаг⁶. Эта переписка была в свое время обнаружена Ю.Б. Соловьевым⁷. В итоге, избранный двумя третями собрания Бенкендорф не был утвержден губернатором. В жалобе министру по этому поводу дворянство утверждало, что относительно принадлежности их избранника к кадетам «никаких убедительных доказательств не предоставлено». И действительно, поддержка кадета тамбовским дворянством, большая часть которого традиционно придерживалась правых взглядов, выглядела странно⁸. Составители же, доверившись Муратову, посчитали, что «тамбовские дворянские деятели, откровенно фрондируя, поддержали избрание моршанским предводителем кадета» (с. 9). Кстати, именно эта история послужила причиной удаления Муратова из Тамбовской губ.

Некоторые сюжеты текста прокомментированы неверно. Например, фразу «я стал совсем плохим прокурором, ... читавшим лишь II том» (с. 24), составители объясняют тем, что «здесь и далее имеются в виду тома Полного собрания законов Российской империи» (с. 405). Следуя такому комментарию, непонятно, зачем чиновнику начала XX в. был нужен том, включавший законодательство

1676–1688 гг.? Муратов же явно имел в виду II том Свода законов Российской империи «Учреждение губернское». Подобным образом следует понимать и указание на «том IX», знание которого губернским предводителем Чолокаевым отмечал Муратов (с. 54). Последний, конечно, имел в виду не ПСЗ, а соответствующий том СЗ («Свод законов о состоянии людей в государстве»).

Остались без комментариев многие устаревшие и малоупотребительные слова. Например, «головизна» (с. 90), «петиметр» (с. 118), «квашня» (с. 127), «ризотто» (с. 181), «муль» (с. 184), «зюла» (с. 142), «пейсатый» (с. 280). Некоторые не прокомментированные утверждения Муратова, выглядят не только курьезно, но и могут ввести в заблуждение неподготовленного читателя. Например, мемуарист, безусловно, ошибается, считая, что Большой Венецианский канал шире р. Невы (с. 186). Средняя ширина Невы составляет 200–400 м, протия 30–70 м у канала⁹.

Остается добавить, что составители предложили сложную систему примечаний. Их выделено три: «подстрочные примечания» или «примечания автора», «пропумерованные комментарии» и «примечания самих составителей» (с. 12). Все это запутывает читателя и делает пользование научно-справочным аппаратом неудобным.

Тем не менее, даже в таком усеченном и лапидарном варианте, воспоминания Муратова видятся нам прекрасным рабочим материалом для исследователей взаимоотношений государства и общества, поскольку великолепно

отражают опыт отдельной, тамбовской модели таких отношений. Однако знакомство с этой малой частью яркого источника лишь усиливает желание прикоснуться к его полноте. Поэтому настоящее, подлинное открытие богатейшего мемуарного наследия Н.П. Муратова еще впереди.

А.С. Минаков,
кандидат исторических наук
(Орловский государственный университет)

Примечания

¹ См. рецензируемое издание. С. 13.

² *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 142–145, 199–211 и др.

³ *Туманова А.С.* Консерватор во власти: Губернатор Н.П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103–113.

⁴ *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 65, 85, 134 и др.

⁵ Данный сюжет был исследован при публикации созданных подобным образом мемуаров В.И. Ковалевского. См.: *Шепелев Л.Е.* Воспоминания В.И. Ковалевского // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 22–23; См. также: *Куликов С.В.* Муратов // Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 171.

⁶ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 6, 10, 16 и др.

⁷ *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 203–204.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ *Нежиховский Р.А.* Река Нева и Невская губа. Л., 1981. С. 18; Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 127.

Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. 227 с.

Сборник статей, вышедший по результатам научно-практического семинара, проведенного Музеем истории парламентаризма в России при Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ 11 декабря 2007 г. в Санкт-Петербурге в Таврическом дворце, посвящен рассмотрению комплекса проблем, связанных с историей российских представительных учреждений. Ставшие уже ежегодными Таврические чтения продолжают начинание В.И. Старцева, вдохновителя и организатора конференции по истории российского парламентаризма, прошедшей 25–26 апреля 1996 г. в здании этого же дворца, в котором 27 апреля 1906 г. открылись заседания I Государственной думы.

В рецензируемом сборнике опубликовано 13 научных статей, отражающих историю

деятельности Государственной думы I–IV созывов. Авторы исходят из собственных представлений о начальных границах истории российского парламентаризма, этапах его развития и сущности; многие их утверждения дискуссионны. В частности, полемизируя с «историографической аксиомой», согласно которой содержание Манифеста 17 октября 1905 г. противоречило взглядам Николая II, С.В. Куликов приходит к выводу, что бывший самодержец не был противником идеи народного представительства «и в полном смысле слова стал его создателем, действуя под влиянием не столько внешних факторов (опозиционное или революционное движение), сколько своих консервативно-либеральных взглядов» (с. 45). Кроме того, также вопреки «историографическим стереотипам», в ста-

тье ни разу не упомянуты нерешительность, непоследовательность, недалководидность, слабость последнего российского императора, его зависимость от мнения супруги при решении вопросов государственного управления. Наоборот, дана неожиданно высокая оценка действий императрицы и ее влияния на супруга – она названа «единомышленницей царя» и «сторонницей конституции». При этом приведены многочисленные факты согласования Николаем II проектов народного представительства с Александрой Федоровной.

Сложный комплекс проблем, связанных с обсуждением национального вопроса в Думе, рассмотрел Р.А. Циунчук. Б.Д. Гальперина в статье об одном из руководителей кадетской фракции в I Думе М.М. Винавере отметила его талант посредника в межпартийных переговорах. Известный способностью блестяще аргументировать свои взгляды и покорять соперника, даже не убеждая его, он смог, в частности, уговорить депутатов левых фракций отложить решительную схватку до более благоприятного момента, чтобы не ставить Думу под удар со стороны правительства. А.А. Иванов изучил политические взгляды депутата фракции правых в Государственной думе III и IV созывов Г.А. Щечкова, который часто излагал интересные мысли, отличавшиеся от позиций таких его товарищей, как В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков, Г.Г. Замысловский.

В.Н. Гинев, проанализировав разногласия сторонников думского и правительственного законопроектов о местном самоуправлении в III Государственной думе, скорректировал высказанное В.С. Дякиным мнение о том, что закон о волостном управлении был принят «на основе правительственного проекта». Как доказывает Гинев, Государственная дума 13 мая 1911 г. одобрила этот законопроект в основном варианте, предложенном думскими комиссиями, рассчитывая, что его осуществление будет способствовать созданию в России элементов гражданского общества и правового государства. Однако «после трех лет проволочек “Положение о волостном земском управлении” 20 мая 1914 г. было отвергнуто Государственным советом большинством всего в пять голосов. Борьба за законопроект о всеословной волости продолжилась в IV Думе» (с. 104).

Избирательную кампанию в IV Государственную думу в Санкт-Петербурге, развернувшуюся 8 сентября 1912 г., А.В. Костылев справедливо назвал проверкой партийных лозунгов и программ на «прочность» и популярность среди избирателей. На основании анализа предварительных дебатов, начавшихся за полтора месяца до голосования, автор статьи приходит к выводу, что большинство публики

в полемике между кадетами и левыми, вопреки мнению, господствовавшему среди советских историков, «явно поддерживало кадетских ораторов».

Проблему реформы городского общественного управления, обусловленной неудовлетворительным состоянием всех отраслей городского хозяйства, рассмотрела В.А. Нардова. Несмотря на то, что осенью 1916 г. Комиссия по городским делам Государственной думы в основном доработала проект Городового положения, до прекращения работы Государственной думы в феврале 1917 г. ни правительственный, ни думский проекты так и не были рассмотрены. Поэтому дальнейшие шаги по преобразованию городского самоуправления «были предприняты уже после падения царского режима и связаны с законодательными актами Временного правительства» (с. 145).

Л.С. Бородулина показала, что, хотя с началом Первой мировой войны вопросы, касавшиеся положения Церкви, отошли в Думе на второй план, тем не менее депутатов волновало материальное положение православного приходского духовенства, а также пагубное влияние «темных сил» (точнее, Г.Е. Распутина) на деятельность Синода, который к тому же нередко обвинялся в нежелании реформировать церковные порядки. Депутаты же рассматривали церковную реформу в качестве неотделимой части политических преобразований.

В статье о «военных» сессиях IV Государственной думы И.В. Алексеева пишет о том, что в конце 1916 – начале 1917 г. думская оппозиция и союзники России по Антанте планировали «штурм власти», который должен был привести к Пасхе к перестановке фигур в политической элите России при сохранении режима: «Предполагалось, что думские деятели, наиболее приемлемые с точки зрения западных политиков, мирно пересядут с депутатских мест прямо в министерские кресла» (с. 160). Эти перемены устраивали и союзников, желавших, чтобы Россия продолжала вести войну, и стремившихся к власти депутатов. Однако их опередило народное восстание и Россию «захлестнуло слева».

М.М. Сафонов осветил опасную политическую игру, которую вели лидеры Государственной думы в часы подготовки отречения Николая II. Передав всю полноту власти Временному правительству, вел. кн. Михаил Александрович, полагает Сафонов, «по сути дела уничтожил Государственную думу и Государственный совет»: «Из акта Михаила логически вытекало, хотя об этом и не упоминалось вообще, уничтожение Думы, так как на Временное правительство, облеченное всей полнотой власти, возлагалась основная обязанность создать

Учредительное собрание. Если же Государственная дума и Государственный совет стали бы функционировать, эта главная задача новой власти могла бы оказаться невыполнимой» (с. 174–175).

Исследовав состояние современной историографии Государственной думы, И.В. Лукоянов указал на ряд исследовательских проблем, нуждающихся в серьезном рассмотрении, в частности, на необходимость изучения места представительства в общественном сознании и отношении к нему в разных слоях российского общества. При этом Лукоянов выразил недоумение по поводу отсутствия в современной России научного или учебного учреждения, специализирующегося на изучении российского парламентаризма (с. 195). А.Б. Николаев обратил внимание на замалчивание или принижение исследователями участия Государственной думы в Февральской революции, часто встречающееся, по его мнению, в новейшей отечественной литературе.

Политолог В.А. Ачкасов затронул дискуссионный вопрос об «истоках традиции парламентаризма», вызывающий в отечественной историографии серьезные разногласия. Выступив против попыток считать вече или Земский

собрание истоками или вехами русской парламентской традиции, он подчеркнул, что «в России не было исторической традиции народного представительства в европейском смысле, на которую могли бы опереться депутаты появившейся в начале XX в. Российской Государственной думы – первого в России представительного учреждения парламентского типа» (с. 213). Да и тогда власть хотела бы видеть в депутатах Думы не столько законодателей, сколько «выборных от народа служителей верховной власти самодержавного государя» (с. 213).

Сборник наглядно свидетельствует о том, что история парламентаризма в России успешно изучается и волнует исследователей. В этой связи было бы желательно, чтобы ежегодные методические семинары заложили основу традиции проведения в стенах Таврического дворца масштабных ежегодных конференций, с участием ученых Санкт-Петербурга, Москвы, других городов России и зарубежья. Все предпосылки для этого имеются.

С.Е. Руднева,
доктор исторических наук
(Московская государственная академия
физической культуры)

А. Поппэ. Христианская Русь в становлении. Олдершот; Берлингтон, 2007. XIV + 362 с.*

Известный польский медиевист Анджей Поппэ на протяжении десятков лет остается верен делу изучения древнерусской истории. Его научные интересы всегда были связаны с историей христианства и церкви на Руси. Этой же теме посвящена и его новая книга. Она представляет собой сборник из 12 статей на английском языке, опубликованных в разных журналах и сборниках с 1980 по 2003 г. Как принято в серии «Variorum Collected Studies Series» издательства «Ashgate», большинство статей перепечатано методом репринта, с сохранением нумерации страниц первой публикации. Одна статья перепечатана с новой пагинацией, и две статьи изданы на английском языке впервые. В 1982 г. в этой же серии вышел предыдущий сборник статей Поппэ (1969–1981 г., на французском, английском и немецком языках) на ту же тему¹. В то время выход книги, целиком посвященной церковной истории и принадлежащей перу автора из «социалистического лагеря», был явлением исключительным. С тех пор приоритеты историков, занимающихся историей Древней

Руси, изменились кардинальным образом, и количество работ, посвященных истории церкви, теперь едва ли не превышает число работ в других «отраслях» исторической науки. Тем не менее исследования Поппэ имеют вес и значение и в новой историографической ситуации благодаря высокому уровню профессионализма, на котором они сделаны. Кроме того, для отечественной историографии свою ценность имеет трезвый взгляд «со стороны» на спорные и нередко даже болезненные темы русской истории.

Новая книга Поппэ посвящена четырем основным темам: в ней рассматриваются события, связанные с христианизацией Руси (разделы II и VII); представления книжников XI–XIII вв. об этих событиях (разделы III, IV, VIII); история артефактов, которым легенды приписывают корсунское происхождение (разделы XI, XII); вопросы, связанные с репрезентацией власти в Древней Руси (разделы IX, X). Кроме этого, в книге есть один небольшой экскурс из византийской истории (раздел VI) и две обзорные статьи (разделы I, V).

* **А. Поппэ.** Christian Russia in the Making, Aldershot; Burlington: Ashgate, 2007. [Variorum Collected Studies Series; no. 867].

I раздел книги А. Поппэ представляет собой статью об истории правления династии Рюриковичей на Руси, предназначенную для англоязычного читателя-неспециалиста. II раздел составляет заметка о крещении княгини Ольги². Поппэ обосновывает идею о двукратном посещении Ольгой Константинополя: в 955 г. и в 957 г. По мысли исследователя, Ольга была крещена в 955 г.

III и IV разделы связаны тематически. В статье о восприятии писателями XI в. крещения Руси Владимиром³ Поппэ последовательно и аргументированно разбирает точки зрения Льва Диакона, Михаила Пселла, Иоанна Скилицы, Яхьи Антиохийского, Стефана из Тарона, Абу Шуджа, Бруно Кверфуртского, Титмара Мерзебургского, Илариона и русского автора летописных статей, сохранившихся в составе «Повести временных лет». В другой статье⁴ подробнее анализируются две концепции крещения Руси в древнерусской литературе: в «Слове о законе и благодати» Илариона и в летописи.

V раздел является самым большим в книге⁵. Здесь Поппэ представил свое видение становления церковной организации на Руси в X–XIII вв. Начальная часть этого очерка во многом пересекается с другими разделами рецензируемой книги: о христианстве на Руси до Владимира, о крещении в 988 г. и его восприятии книжниками. Далее Поппэ подробно описывает развитие структуры русской церкви, особенное внимание уделяя вопросу основания новых епископских кафедр. Очерк польского историка представляет собой работу наиболее обстоятельную и обширную по этой теме со времени выхода «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинского. Широкое использование источников иностранного происхождения, и в первую очередь византийских, данных эпиграфики, дипломатики и других вспомогательных дисциплин, учет проблем и результатов летописной текстологии – все это делает работу незаменимым пособием по истории русской церкви. К этому очерку примыкает исследование об одном эпизоде русско-византийских церковных отношений (раздел VI)⁶. Поппэ разбирает, при каких обстоятельствах патмоский игумен Леонтий (будущий Леонтий II, патриарх Иерусалимский) в 1174–1175 гг. получил предложение занять русский митрополичий престол, но отказался от него.

Текст, представленный в VII разделе, сам автор в предисловии называет главным исследованием всей книги. Об этой статье, посвященной обстоятельствам смерти и канонизации Бориса и Глеба и опубликованной также в русской версии⁷, см. ниже. VIII раздел составляет большая работа о церковном прославле-

нии Владимира Святого, тоже вышедшая и в русской версии (дополненной)⁸.

IX раздел посвящен истории появления титула «великий князь». К старой работе 1989 г., уже ставшей классической, Поппэ добавил приложения, в одном из которых отводит доводы М. Димника, отстаивающего раннюю датировку появления этого титула (середина XI в.), а в другом реконструирует обряд интронизации князя в Древней Руси⁹. X раздел представляет собой небольшую заметку о титуле «великий князь» в «Слове о полку Игореве»¹⁰.

XI раздел книги А. Поппэ посвящен разысканиям о происхождении бронзовых дверей новгородского Софийского собора – «Корсунских врат». В частности, анализируется иконография отдельных фигур, размещенных на «вратах». Поппэ считает, что все фигуры были изготовлены магдебургскими мастерами, хотя замысел дверей был изменен во время работы. Исходя из времени получения магдебургским епископом Вихманом (1152–1192 гг.) архиепископского статуса, Поппэ датирует изготовление дверей летом 1153 – весной 1154 гг., когда Вихман ожидал архиепископский паллий¹¹. Старая статья¹² дополнена новыми соображениями, возникшими у историка после публикации металлургического анализа некоторых фрагментов дверей, проведенной реставраторами. О «корсунских древностях» – многочисленных предметах искусства, которые местные легенды называют трофеями, вывезенными Владимиром Святым из Корсуны (Херсонеса), – речь идет и в XII разделе¹³.

Данная рецензия не ставит целью полноценный анализ многогранных исследований, которые предлагает на суд публики Поппэ. Ниже мы отметим только значение книги для тех четырех основных исследовательских проблем, которым она посвящена.

Выделяя представления книжников XI–XII вв. о событиях, связанных с христианизацией Руси, как отдельный объект исследования, Поппэ тем самым призывает нас строго и последовательно разделять собственно исторические факты и ту литературно-идеологическую традицию, которая нам о них сообщает. Плодотворность такого методологического подхода историк демонстрирует на конкретных, далеко не мало важных для русской истории, примерах. Тонкий анализ источников убеждает в том, что как умолчание о крещении Руси Владимиром, так и умолчание о признании его святым могут свидетельствовать совсем не о том, что этих событий не было на самом деле, и даже не о том, что они были не важны для книжников XI в. В ходе краткого анализа позиции Михаила Пселла в III разделе книги Поппэ

пэ убедительно показывает, что византийский автор потому не упомянул о крещении Руси в 988 г., что не хотел говорить о связи этого события с военной помощью Владимира Святославича Василию II и с женьбой Владимира на порфирородной Анне. В дополнении к VIII разделу (помешенном, правда, только в русской версии данной статьи) Поппэ выдвигает интересную гипотезу о том, что Владимир Святославич был ненадолго признан святым при митрополите Илларионе, а после Иллариона в церквях ежегодно отмечалась память Владимира, хотя он и не признавался святым. Затем, в конце XIII в., Владимир был заново включен в перечни святых. Таким образом, Поппэ остроумно примиряет гипотезу Б.А. Успенского о раннем почитании Владимира¹⁴ с известным фактом его поздней канонизации.

Значительная часть рецензируемой книги посвящена истории артефактов, которым легенды приписывают «корсунское» происхождение. Польский историк впервые однозначно ставит и решает вопрос, когда и почему множество предметов разнообразного происхождения были признаны «корсунскими». Поппэ показывает, что идея о корсунском происхождении чудотворной иконы Николы Заразского зародилась позже 1531 г., легенда о греческом происхождении бронзовых дверей новгородской Софии впервые была зафиксирована Герберштейном в 1517 г., колокола Хутынского монастыря стали «корсунскими» в конце XV в., а колокола во Пскове – в первой половине XVI в. Эти и другие аналогичные легенды, по мнению Поппэ, стали возникать в Новгороде после московского похода 1471 г. Таким образом, Новгород доказывал свою верность православию и обосновывал свое первенство в преемственности византийских традиций по отношению к северо-восточной Руси. Именно тогда, как считает Поппэ, первый новгородский епископ Иоаким был назван корсунцем. Уже вслед за Новгородом знамя «корсунских» древностей при помощи культа Николы Заразского подняли и рязанские князья, также борющиеся за независимость от Москвы. Феномен «корсунских» древностей показывает необходимость применения комплексного подхода в исторических исследованиях. Без серьезных источниковедческих экскурсов и без реконструкции идеологической борьбы Москвы и Новгорода XV–XVI вв. распутать сложную историю фактов и артефактов, связанных с событием, казалось бы, очень далеко отстоящим от этого времени, было бы невозможно.

Часть книги посвящена репрезентации власти в древней Руси. Поппэ обращается к таким сложным и важным вопросам, как княжеская титулатура и процедура интронизации князей в домонгольский период.

По его мнению, выражение «великий князь» не существовало вплоть до второй половины XII в. в качестве титула. Впервые в таком качестве его стал использовать владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Поппэ подробно разбирает все источники, датируемые временем до конца XII в., и объясняет встречающееся в них словосочетание «великий князь» как позднюю правку или не как собственно титул. Он подчеркивает, что в «Слове о полку Игореве» титул «великий князь» употреблен лишь однажды, и, что не случайно, по отношению к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо. Поппэ высказывает идею, что интронизация на Руси происходила в церкви подобно интронизации императоров в Византии. Несомненная заслуга польского исследователя заключается в том, что он одним из первых обратил внимание на историю древнерусской титулатуры и княжеской интронизации – темы непопулярные в советской историографии, но получившие развитие в ряде современных работ¹⁵.

Наконец, последнее, на чем остановимся, – это предпринятая Поппэ реконструкция событий, связанных с христианизацией Руси. Такие проблемы, как крещение Ольги или борьба за власть между сыновьями Владимира Святого, нашли противоречивое или слабое отражение в источниках и имеют долгую и неоднозначную историю изучения. Остроумные гипотезы, выдвинутые польским ученым, несомненно, дадут мощный импульс дальнейшим исследованиям, но в то же время вызывают и некоторые возражения.

К статье о крещении Ольги имеется добавление, в котором Поппэ, признавая возможность датировки крещения Ольги в Константинополе сентябрем 957 г., считает не до конца проясненными следующие вопросы: 1. Почему в той же главе трактата «О церемониях» Константина Багрянородного, где рассказывается о приеме Ольги, упоминается и об арабском посольстве 946 г.; 2. Почему Ольга вскоре после крещения отправила посольство к Оттону I. Между тем, убедительные ответы на эти вопросы, как представляется, дал А.В. Назаренко, который датировал арабское посольство также 957 годом, а обращение Ольги к немцам объяснил дипломатической игрой с Византией¹⁶.

В статье о Борисе и Глебе Поппэ развивает гипотезу, что матерью святых братьев была царевна Анна, дочь императора Романа II, и что Владимир пытался оставить верховную власть на Руси Борису и Глебу, вводя византийскую систему престолонаследования. Гипотеза выглядит не очень убедительно, и против нее можно выдвинуть ряд доводов.

Во-первых, слова «цесарьскимъ веньцемъ отъ уности украшень» во фразе «Разумное житие съвършая, преблагене, цесарьскимъ веньцемъ отъ уности украшень, пребогатый Романе» в древней церковной службе Борису и Глебу¹⁷ говорят не об императорском происхождении Бориса, как считает Поппэ, а лишь означают, что Борис в свои юные годы был праведником и рано принял мученическую смерть. Аналогичный образ находим в Книге Премудрости Соломона, где говорится, что праведники «получат царство славы и венец красоты от рук Господа» (Прем. V, 16). Сходные мотивы обыгрываются и дальше в тексте службы Борису и Глебу, где братья, в частности, напрямую уподобляются первомученику Стефану¹⁸. В церковной службе на день перенесения мощей Стефана 2 августа находим следующие слова: «Ц[а]рскою диядимною венчася верхъ твои от страданьи, их же претерпе по Х[ри]сте Б[о]же м[у]ч[е]н[и]к[о]мъ первострадалне»¹⁹. Там же далее говорится: «Первыи сеся на земли н[е]б[е]сн[ы]мъ делатемъ всехвалне, первыйи кровь за Х[ри]ст[а] на земли излияль еси, бл[а]ж[ен]не, первый от него победе веньцемъ одеяся на н[е]б[е]сехъ, яко страдалцемъ первовьсходныи вечноиче м[у]ч[е]н[и]к[о]мъ первострадалне»²⁰. Само имя *Στέφανος* по-гречески означает «венец».

Во-вторых, Поппэ никак не объясняет того, почему все дошедшие до нас источники молчат о том, что Владимир оставил Бориса и Глеба своими наследниками. В-третьих, он уклоняется от обсуждения известной проблемы, которая состоит в том, что сведениям о виновности Святополка в убийении Бориса противоречат скандинавские источники. В этих источниках к тому же содержится и ответ на беспокоящий Поппэ вопрос о том, *почему* Борис был убит: согласно «Эймундовой пряди», Бурислав (Борис) напал на Ярислейва (Ярослава)²¹.

В-четвертых, Поппэ не отвечает на критику его гипотезы, высказанную А.П. Толочко²². Суждение, что Борис и Глеб были сыновьями царевны Анны, бытовало в летописных сборниках с XVI в. Как пишет Толочко, эта идея родилась под пером книжника, который попытался согласовать представление о том, что Владимир после крещения стал жить моногамным браком, с информацией житий Бориса и Глеба, которые сообщают об их молодости. В-пятых, против идеи Поппэ говорит прямое указание летописи, что мать Бориса и Глеба была «болгарыней», а не гречанкой.

Недостаточно обоснованными можно назвать и некоторые другие выводы Поппэ. Так, не подкреплено никакими доводами утверждение, что рассказ об убийстве Святослава Владимировича появился в летописи только в

самом конце XI в. (раздел VII, с. 135, прим. 7). Обратный случай связан с текстом «завещания» Ярослава Мудрого в летописной статье 6562 (1054) г. Поппэ ссылается на «завещание» как на действительно волю князя (раздел I, с. 9), а между тем, как убедительно показал недавно А. Тимберлейк, этот текст был составлен и включен в статью 6562 г. лишь в конце XI в.²³

Книга А. Поппэ относится к тому типу научных трудов, чтение которых не только занимательно, но и порождает массу карандашных помет на полях. Настоящим ученым свойственно не только увлекаться своими гипотезами, но и трезво оценивать их по истечении времени, предлагая новые ответы на непростые вопросы. Труды, собранные под одной обложкой в этой книге, служат тому ярким подтверждением. Книга, вне сомнения, спровоцирует дальнейшие изыскания, а у исследователей, интересы которых связаны с ранней историей христианства на Руси, займет почетное место на рабочем столе.

С.М. Михеев,
кандидат исторических наук
(Институт славяноведения РАН)

Примечания

¹ *Poppe A. The Rise of Christian Russia. L., 1982.*

² Впервые опубликовано: *Poppe A. Once Again Concerning the Baptism of Olga, Archontissa of Rus' // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 46. Washington, DC, 1992. P. 271–277.*

³ *Poppe A. How the Conversion of Rus' Was Understood in the Eleventh Century // Harvard Ukrainian Studies Vol. XI. N 3/4. Cambridge, Mass., 1987. P. 287–302.*

⁴ *Poppe A. Two Concepts of the Conversion of Rus' in Kievan Writings // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. Cambridge, Mass., 1988/1989. (Harvard Ukrainian Studies. Vol. XII/XIII). P. 488–504.*

⁵ *Poppe A. The Christianization and Ecclesiastical Structure of Kyivan Rus' to 1300 // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, Mass., 1997. Vol. XXI. N 3/4. P. 311–392.*

⁶ *Poppe A. Leontios, Abbot of Patmos, Candidate for the Metropolitan See of Rus' // Chrysaï Pylai: Essays Presented to Ihor Ševčenko on his Eightieth Birthday. Cambridge, Mass., 2002. (Palaeoslavica. X/2.) P. 60–70.*

⁷ *Поппэ А.В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // ТОДРЛ. Т. LIV: Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. СПб., 2003. С. 304–336; Poppe A. Losers on Earth, Winners from Heaven. The Assassinations of Boris and Gleb in the Making of Eleventh-Century Rus' // *Questiones Medii Aevi Novae*. Vol. 8. Warszawa, 2003. S. 133–168.*

⁸ *Поппэ А. Владимир Святой: У истоков церковного прославления // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. I. М., 2008. С. 40–107.*

⁹ *Poppe A.* Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // *Acta Poloniae historica*. Т. 60. Warszawa, 1989. S. 159–184; *Poppe A.* The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // *The 17th International Byzantine congress: Abstracts of short papers*. Washington, DC, 1986. P. 272–274.

¹⁰ *Poppe A.* On the Title of Grand Prince in the *Tale of Ihor's Campaign* // *Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students*. Cambridge, Mass., 1979/1980. (*Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III/IV.) Part 2. P. 684–689.

¹¹ Ср. другую работу, где также подробно разбираются кириллические надписи на «Корсунских вратах»: *Поппэ А.* К истории романских дверей Софии Новгородской // *Средневековая Русь*. М., 1976. С. 191–200.

¹² *Poppe A.* Some observations on the bronze Doors of the St. Sophia in Novgorod // *Les Pays du Nord et Byzance*. Uppsala, 1981. (*Figura. Acta Universitatis Upsaliensis*. NS. 19.) P. 407–418.

¹³ *Poppe A.* On the so-called Chersonian antiquities // *Medieval Russian Culture*. Berkeley, 1984. P. 71–104.

¹⁴ *Успенский Б.А.* Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // *Успенский Б.А.* Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 69–121.

¹⁵ Ср., напр., полемику В.А. Кучкина и А.А. Горского (*Кучкин В.А.* О принятии Михаилом Ярославичем Тверским и владимирскими князьями титула «великий князь всея Руси» // *Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси*. Тверь,

2008. С. 8–42; *Горский А.А.* Титулование «всея Руси» и русские князья XI–XIII вв. // Там же. С. 43–50), а также новейшую работу: *Гвозденко К.С.* Церемония княжеской интронизации в домонгольский период // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. М., 2009. № 1 (35). С. 17–35.

¹⁶ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 236–240, 291–308.

¹⁷ *Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им* // *Памятники древне-русской литературы*. Вып. 2. Пг., 1916. С. 136.

¹⁸ Там же. С. 137. Об этом подробнее см.: *Лаушкин А.В.* Святой первомученик Стефан и первые русские святые // *История и культура Ростовской земли: 2002*. Ростов, 2003. С. 21–26.

¹⁹ ОРГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. I), № 586 (558). Миния служебная, август. XV в. Л. 23 об.

²⁰ Там же. Л. 27. См. также другие места данной службы.

²¹ Подробнее см.: *Михеев С.М.* «Святополкъ седе в Киеве по отци»: Усобица 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках // *Славяно-германские исследования*. Т. 4. М., 2009.

²² *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 445–458.

²³ См.: *Timberlake A.* «Не преступати предѣла братна» // *Вереница литер.* К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 97–112.

XXXI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

Симпозиум по проблемам аграрной истории Восточной Европы в 2008 г. отметил свой 50-летний юбилей. Ему была посвящена очередная, XXXI сессия, проходившая в Вологде с 23 по 26 сентября, под названием «Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы». В работе Симпозиума участвовало более 100 исследователей из 28 городов России (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Вологда, Екатеринбург, Калининград, Краснодар, Нижневартовск, Нижний Новгород, Новосибирск, Орел, Оренбург, Тамбов, Томск, Уфа, Чебоксары, Ярославль и др.) и Украины (Черкассы, Чернигов). Со словами приветствия и пожеланиями успешной работы участникам сессии выступили заместитель губернатора Вологодской обл. В.В. Касьянов и ректор Вологодского государственного педуниверситета А.П. Лешуков.

Историю возникновения симпозиума, постепенного складывания организационных форм его деятельности охарактеризовала в докладе «50 лет работы Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы» на пленарном заседании председатель Оргкомитета Е.Н. Швейковская. Она подчеркнула, что Симпозиум был создан 50 лет назад по инициативе ученых, изучавших социально-экономическую историю России феодальной формации, которых поддержало Отделение исторических наук АН СССР. Комиссия, созданная в составе акад. АН СССР С.Д. Сказкина, д.и.н. В.К. Яцунского и эстонских коллег во главе с чл.-корр. АН СССР, акад. АН Эстонской ССР Х.Х. Круусом, предложила организовать создаваемый ежегодно Межреспубликанский научный Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Первая сессия симпозиума была проведена в декабре 1958 г. в Таллине, затем они созывались ежегодно (кроме 1967 г.), а с 1974 г. – 1 раз в 2 года. Сессии проводились республиканскими Академиями наук совместно с ведущими университетами и педвузами СССР. С 1991 г. историков-аграрников принимают вузы российских городов (Екатеринбурга, Москвы, Арзамаса, Тамбова, Орла, Калуги, Тулы, Вологды). Сначала Симпозиум рассматривал аграрные проблемы XVI–XIX вв., с московской сессии 1965 г. начала работать секция по истории советского крестьянства. В 1975 г. Отделение истории АН СССР утвердило Симпозиум в качестве постоянно действующего всесоюзного научного форума и, одновременно, центра, координирующего научно-исследовательскую работу по изучению аграрного прошлого всех регионов страны. В 1991 г. этот центр был оформлен как Научный Совет по проблемам аграрной истории при Отделении истории РАН, который через проведение сессий Симпозиума по изучению аграрной истории координирует и концентрирует усилия историков в постановке и разработке новых актуальных проблем в данной отрасли отечественной науки.

Возглавляет и направляет работу Симпозиума Оргкомитет. Его председателями последовательно были С.Д. Сказкин, В.И. Шунков, Ю.В. Бромлей, В.Л. Янин, В.Т. Пашуто, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, с 2008 г. по настоящее время – Е.Н. Швейковская. Плодотворную работу Симпозиума обеспечивали творческое горение и организационные таланты Н.М. Дружинина, В.К. Яцунского, В.И. Шункова, Н.В. Устюгова, Х.Х. Крууса, Ю.М. Юргиниса, А.М. Анфимова, Ю.Ю. Кахка, Б.Г. Литвака, Н.А. Горской, В.М. Панеяха, В.А. Александрова, В.П. Данилова, И.М. Волкова, И.Е. Зеленина и других ученых.

Е.Н. Швейковская кратко охарактеризовала наиболее важные проблемы, которые поднимались на многих сессиях: сущность и эволюция феодальной земельной собственности, ее конкретные проявления и типология в сравнительно-региональном аспекте; эксплуатация крестьян и их закрепощение с выяснением причин его установления и распространения, а также положение помещичьего и крестьянского хозяйства, особенно в период кризиса крепостнической системы; генезис капитализма в сельском хозяйстве, с сопутствующими сюжетами о дифференциации крестьян и развитии рыночных отношений; разложение и кризис феодально-крепостнической системы; антифеодальная и национальная борьба крестьян в разных аспектах; общественные институты сельского населения. Докладчица отметила, что Симпозиум, выстояв в непростые 1990-е гг., доказал свою жизнеспособность и не утратил своих научных позиций. Свидетельством служат печатная продукция Симпозиума, увеличивающееся число участников, незабывающий интерес к его работе, как профессиональных историков, так и широкой общественности.

Особое внимание вызвала серия выступлений на тему «Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в лицах» о Л.В. Милове (Н.В. Козлова), В.К. Яцунском (Э.Г. Истомина),

Н.А. Горской (В.Д. Назаров), Н.В. Устюгове (А.И. Комисаренко), В.П. Данилове (Т. Шанин). В них авторы показали активную роль ученых в организации и проведении сессий Симпозиума, сотрудничестве в издании его трудов и, в целом, большой вклад в развитие аграрной истории России.

На пленарном заседании прозвучал также доклад М.А. Безнина и Т.М. Димони (Вологда), посвященный российской аграрной модернизации 1930-х гг. – начала XXI в. Авторы считают, что существовавшая в советское время схема анализа развития села, основным постулатом которой было описание «социалистического переустройства сельского хозяйства», историографически себя исчерпала. По их мнению, в СССР сложился государственный аграрный капитализм, а 1930–1950-е гг. были временем реставрации отношений, которые в советской историографии для другого периода получили название государственно-феодальных (по сути, это были отношения, характерные для аграрного общества). Процессы капитализации в сельском хозяйстве были неразрывно связаны с проникновением в него финансового капитала, которое ускорилось с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Социально-классовые изменения в советской деревне сопровождались формированием сложно-дифференцированной социальной структуры, состоящей из протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, трудовой аристократии и сельского пролетариата. Выступление начальника управления сельского хозяйства Вологодской обл. Н.И. Анищенко было посвящено реализации проекта развития агро-промышленного комплекса в Вологодской обл.

В первой секции (Киевская Русь – середина XIX в.) были заслушаны 28 докладов. Первая группа выступлений была посвящена историографическим аспектам широкого плана: изучению зависимого населения в древнерусском господском хозяйстве (М.Б. Свердлов), сельской общины в монастырской вотчине в XVII – первой половине XVIII в. (Н.В. Соколова), роли города в инфраструктуре аграрного социума (Н.В. Козлова), сельскохозяйственного освоения юго-востока Европейской России в середине – второй половине XVII в. (Э.Л. Дубман), аграрной политики, в государственной деревне Среднего Поволжья во второй половине XVI – середине XIX в. (А.Г. Иванов), аграрной политики на кабинетских землях Сибири в середине XVIII – первой половине XIX в. (А.Н. Жеравина), участия государственных крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенной комиссии Екатерины II (Л.М. Артамонова), правительственной политики и народного движения в ходе аграрного освоения юго-восточной окраины Европейской России во второй трети XVIII – середине XIX в. (Ю.Н. Смирнов), сельскохозяйственного производства в округах военных поселений и пахотных солдат (К.М. Ячменихин), аграрных проектов Оренбургской экспедиции 30-х гг. XVIII в. (М.М. Зулкарнаев), осмыслению в науке XIX – начала XX в. замысла и осуществления Генерального межевания земель Российской империи (А.И. Акманов).

На секции рассматривалась роль отечественных историков в исследовании аграрного строя и сельского населения России с древнейших времен до конца XX в. З.В. Дмитриева охарактеризовала вклад А.Л. Шапиро в изучение экономической и социальной истории России XVI–XVII вв., определивший тематику исследований ленинградской аграрной группы, которой ученый руководил в 1960–1980-е гг. В.Д. Назаров проанализировал работы П.В. Советова, которые раскрывают складывание концепции аграрного развития Молдовы и влияние на него феодального государства в XV–XVIII вв. Труды М.В. Довнар-Запольского периода 1910–1914 гг., связанные с исследованием категорий сельского населения Древней Руси, были в центре внимания С.И. Михальченко.

Вторую группу составили научные доклады и сообщения общеисторического характера: о феодальной вотчине середины XVIII в., ее аграрном строе и демографических структурах (М.С. Черкасова), о пространственно-демографических изменениях на северо-западе России в XV–XVI вв. и размещении крестьянских хозяйств (Л.Г. Степанова), об особенностях социально-профессионального статуса мелких служилых людей XVII в. на юге Русского государства (Ю.А. Мизис), о землевладении дьяков и подьячих XV – начала XVI в. (А.Ю. Савосичев), об аграрных отношениях в Нижегородском крае в конце XV – начале XVI в. (П.В. Чеченков), о власти и собственности в России в эпоху петровских преобразований (С.В. Черников), о социально-демографическом развитии Устюженского края в конце XVI – первой трети XVII в. (И.В. Пугач), о социальных микроструктурах в севернорусской монастырской вотчине в XVII – начале XVIII в. (О.Н. Адаменко), о социальной структуре кавалерийских военных поселений в XIX в. (Т.Н. Кандаурова), о динамике демографических показателей в Тамбовской губ. (с. Рассказово) в конце XVIII – середине XIX в. в условиях перехода от сельского к городскому типу воспроизводства населения (Э.А. Морозова), об имущественном положении чиновников-дворян местных органов управления России в середине XIX в. (В.А. Иванов), об эволюции поселений около Троице-Сергиевой Лавры до и после секуляризационной реформы

1764 г. (Н.А. Четрынина). Особо следует выделить выступления, в которых акцент был сделан на новых методиках анализа источников: о моделях историографического контент-анализа материалов аграрных Симпозиумов на примере изучения Тамбовского региона (В.В. Канищев), а также о тенденциях в развитии феодального землевладения в центре России в XVII–XVIII вв. (Д.А. Черненко и Д.А. Хитров).

На заседаниях второй секции (вторая половина XIX в. – 1917 г.) участники заслушали 21 выступление. Значительная их часть (доклады Д.В. Ковалева, В.Б. Безгина, В.Н. Никулина, Д.А. Сафонова, И.Н. Слепнева, М.Д. Карпачева) была посвящена анализу историографии крупных проблем: столыпинской аграрной политики, крестьянского движения пореформенного времени, экономического положения крестьянства в XIX – начале XX в. Была дана содержательная оценка научному наследию А.М. Анфимова (И.Н. Слепнев). Давно назревшие источниковедческие аспекты, важные для общего понимания аграрного строя рубежа XIX–XX вв., поднял в своем докладе М.И. Роднов.

Основательная дискуссия прошла по проблемам истории кооперативного движения в до-reволюционной русской деревне (Л.М. Галутво, Т.Н. Сидоренко, Ю.Б. Будкина и др.). Различные стороны финансовой политики государства в отношении деревни обстоятельно рассмотрели В.Л. Степанов, В.В. Страхов, П.В. Акульшин. Доклады С.В. Беспалова и Н.М. Александрова были посвящены выяснению позиций русских консерваторов и методам районирования аграрных районов России. Значимые стороны существования и жизнедеятельности крестьянской общины в условиях ускоренной модернизации России осветили О.А. Сухова, Н.В. Токарев, А.Н. Апонасенко. Эволюцию культурного облика русской деревни рассмотрели Н.И. Голикова и В.В. Воротникова. Я.В. Бойко проанализировал основные этапы крестьянского переселения в степные районы Новороссийского края.

На заседании третьей секции (1917–1940 гг.) было заслушано 22 доклада. Выступление В.И. Зайдинера и С.А. Ковыневой содержало оценку вклада И.Е. Зеленина в организацию работы Симпозиума и изучение им аграрной истории советской деревни, особенно коллективизации. Значительная часть докладов была посвящена проблемам российской деревни 1920-х гг. Большой интерес вызвали доклады В.А. Ильиных «Социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-х гг.», В.Я. Филимонова «Взаимоотношения города и деревни в годы нэпа: проблемы изучения», В.А. Голубева «Мир и мир: внешнеполитические стереотипы советского крестьянства 1920-х гг. (историография и источники)», С.И. Дегтева «Альтернативные оценки в историографии нэпа». Анализировались аспекты региональной историографии, в частности, проблемы истории доколхозной деревни Чувашии (В.В. Орлов). Оживленную дискуссию вызвали доклады и сообщения, посвященные деревне 1930-х гг. и аграрной модернизации в России: «Проблема альтернатив деревенской “революции сверху” в постсоветской историографии» (Э.М. Щагин), «К вопросу об институциональном подходе при изучении колхозов» (М.Н. Глумина), «Аграрная модернизация в России в XX в.» (Г.Е. Корнилов).

Значительное количество выступлений было посвящено источниковедческому аспекту аграрной истории. Выступающие анализировали различные виды источников: материалы бюджетных обследований (В.С. Жукова), документы РККА (М.М. Кудюкина), источники изучения голода (В.А. Поляков), раскрывающие политические настроения крестьянства (Н.А. Щербакова) и др. Выделялся доклад В.А. Саблина, посвященный анализу массовых источников по истории крестьянского двора России 1917–1920-х гг. Во многих докладах и сообщениях затрагивались методологические аспекты изучаемых проблем. Следует также отметить приток «молодых сил» в сообщество историков-аграрников: большой интерес вызвали доклад Н.Г. Кедрова, сообщения Ю.Г. Гут и Р.Г. Горохова.

В четвертой секции (1940 г. – современность) было заслушано 20 докладов. Несколько проблем стали ведущими при обсуждении. Во-первых, историко-демографическое развитие села: демографические процессы в колхозной деревне и семье Европейского Севера (О.В. Ильина, Н.В. Гилева), современное демографическое состояние села (Е.Л. Гречишников), сельская миграция (О.В. Горбачев). Во-вторых, вопросы, связанные с урбанизацией в контексте аграрной истории (О.В. Горбачев и Л.Н. Мазур). Выступление Мазур о перспективах изучения урбанизации деревни привлекло внимание не только своей содержательностью, но и систематизацией основных направлений развития аграрной истории России XX в. Горбачев проследил эволюцию сельской миграции как объекта изучения – от ее преимущественной интерпретации в качестве неблагоприятного следствия аграрной политики на рубеже 1980–1990-х гг. до современного взгляда на миграцию как проявление глобального процесса урбанизации в контексте модернизации. Третья группа представленных на секции исследований была связана с изучением аграрных реформ Н.С. Хрущева и целинной эпопеи. Различные аспекты этой темы были затро-

нуты в выступлениях Е.В. Пахомовой, Д.Н. Кобышева, С.Н. Андреевкова, В.Н. Томилина. Четвертую группу составили исследования о современном аграрном развитии России (С.Г. Карпов, Г.С. Широкалова и др.). Выступление С.Г. Карпова инициировало оживленную дискуссию по поводу принципов социальной стратификации современного российского сельского общества. Она продемонстрировала большой разброс мнений в оценке перспектив развития современного села – от крайне пессимистических до осторожно оптимистических.

Необходимо также выделить выступления, связанные с источниковедческими вопросами изучения аграрной истории второй половины XX в., особенно по архивным материалам (Н.А. Серогодский, А.И. Шевельков, Д.А. Мякишев, П.П. Полх). А.И. Шевельков большое внимание уделил нетрадиционным для историков-аграриев источникам, в частности, дипломатическим донесениям советского времени. Заинтересованное обсуждение вызвало выступление И.В. Кометчикова об источниках и подходах к изучению социально-политической истории послевоенной советской деревни. Вопрос о надежности данных социологических опросов для понимания процессов, происходящих в современной деревне, подняла Г.С. Широкалова.

Большое количество вопросов вызвало выступление И.Е. Козновой о социальной памяти крестьянства. Участников секции волновал поиск адекватных методик изучения памяти, соотношения архетипической и исторической памяти, механизма формирования социальной памяти в XX в., различий в интерпретации прошлого у представителей разных поколений. Живой интерес вызвал также концептуальный доклад В.В. Науцацкого о политотделах МТС, актуализировавший вопрос о соотношении политических и хозяйственных факторов в их деятельности. Новой в историографии стала тема о подсобных хозяйствах в системе НКВД-МВД, которую представил А.Л. Кузьминых. Выступление В.Н. Томилина было посвящено землеустройству и введению севооборотов в послевоенных колхозах Центрального Черноземья. Эволюцию проблемы многоукладности проследила И.В. Логнова.

В целом следует констатировать, что Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в очередной раз продемонстрировал высокий научный потенциал. Исследователи мобилизовали обширный по хронологическому диапазону и разнообразный по видовым параметрам источниковый материал и чрезвычайно многоаспектную по тематике и концептуальному содержанию историографическую литературу от начала XVIII в. до первых лет XXI столетия, продемонстрировали владение новейшими методиками и использование оригинальных подходов в исторических изысканиях. Все это свидетельствует не только о высоком индивидуальном мастерстве ученых, но и о соответствии профессионального уровня очередной сессии аграрного Симпозиума современным научным запросам в агро- и крестьяноведении и беспспорном потенциале его дальнейшего плодотворного функционирования. В ходе обсуждения выступлений было высказано предложение продолжить традицию включения в программы сессий докладов, посвященных анализу научного наследия известных историков-аграрников. Выступавшие на заключительном пленарном заседании руководители секций отметили как отрядный факт, что все больше молодых ученых и аспирантов выступает на сессиях Симпозиума, а также дальнейшее расширение географии представленных на нем научных и образовательных учреждений.

Успешное проведение сессий Симпозиума в значительной степени является заслугой научных и педагогических учреждений, которые обеспечивают организацию и проведение этого крупного научного форума, а также поддерживающих их областных администраций. В 2008 г. Отделение историко-филологических наук РАН направило письма в адрес губернатора Вологодской обл. И.А. Позняка и правительства Вологодской обл., а также ректора Вологодского педагогического университета А.П. Лешукова с благодарностью за оказанное содействие в проведении на высочайшем уровне юбилейной сессии Симпозиума. Деятельность Симпозиума пользуется неизменной поддержкой Российского гуманитарного научного фонда, которому участники Вологодской сессии выражают свою глубокую признательность.

**Н.В. Соколова, кандидат исторических наук
(НИИ социальных систем при МГУ им. М.В. Ломоносова)**

Россия и мир глазами друг друга: проблемы взаимовосприятия

25–26 ноября 2008 г. в Институте российской истории РАН состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная актуальной в современной исторической науке проблеме – взаимовосприятию и взаимодействию культур. В работе конференции приняли участие научные работники и преподаватели вузов из Москвы, Белгородской, Брянской, Ивановской, Нижегород-

ской, Орловской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Свердловской и Челябинской областей, Краснодарского края, Удмуртии и Украины.

Работу конференции открыл зам. директора ИРИ РАН, д.и.н. В.М. Лавров. Он кратко рассказал о работе постоянного научного семинара по изучению взаимовосприятия культур, который действует в Центре по изучению отечественной культуры ИРИ РАН с 1994 г. Руководитель Центра и семинара к.и.н. А.В. Голубев в продолжил эту тему, обобщив основные итоги работы семинара за 15 лет и наметив перспективные направления его дальнейшей работы. За время, прошедшее с первого «круглого стола» по теме «Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы восприятия иной культуры», семинар из разового мероприятия превратился в постоянное; он стал междисциплинарным; было заслушано и обсуждено около 350 докладов и сообщений, охватывших почти все эпохи и регионы мира. По материалам работы семинара вышло 6 сборников статей и одна коллективная монография. Докладчик подчеркнул, что было бы неверно говорить о возникновении нового научного направления – работы по имеджинологии появились на Западе еще в 1950-е гг., а в СССР – в 1970-е гг. Но в последние полтора десятилетия, в частности, благодаря работе семинара, это направление в российской историографии, несомненно, вышло на новый уровень.

Д.и.н. В.Д. Есаков (ИРИ РАН) напомнил присутствующим о юбилейных датах: ровно 40 лет назад состоялось первое заседание сектора по истории советской культуры Института истории СССР АН СССР, преемником и продолжателем дела которого является Центр по изучению отечественной культуры ИРИ РАН. 25 мая 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения основателя сектора по истории советской культуры академика М.П. Кима, одного из основоположников изучения советского периода истории СССР и первого главного редактора журнала «История СССР» (позднее «Отечественная история», ныне «Российская история»). Д.филос.н. И.Г. Яковенко (РГГУ) посвятил свое выступление идеологическим конструкциям и их влиянию на взаимоотношения между Россией и Западом, а также проблеме различия российской и европейской ментальности. Д.и.н. В.В. Пенской (Белгородский государственный университет) описал взаимонепонимание и взаимоотторжение русских и европейцев в конце XV–XVII в., чему способствовала воспроизводимая европейцами античная антитеза «эллина (греки)-варвары». Завершило пленарное заседание выступление государственного эксперта Национального института проблем международной безопасности при Совете национальной безопасности и обороны Украины к.филос.наук О.А. Вусатюка, который осветил тему формирования образа России как «враждебного инога» в региональном и массовом сознании на Украине, проявления современной русофобии в этой стране.

Далее работа конференции в течение двух дней проходила по секциям. Первая секция была посвящена взаимоотношениям России и внешнего мира в IX–XIX вв. Ее работой руководили д.и.н. А.И. Куприянов (ИРИ РАН) и д.и.н. С.А. Мезин (Саратовский государственный университет). Аспирант Самарского государственного университета А.С. Фогель в докладе «Представления арабских авторов о древнерусском обществе IX–XI вв.» показал периферийное место руссов в арабской картине мира, однако отметил, что они воспринимались арабами как активная, в военном и торговом отношении, хотя и совершенно чуждая, сила.

В докладе к.и.н. В.В. Пузанова (Удмуртский государственный университет) рассматривался образ врага в «Житии Александра Невского». Ученый описал новое восприятие народов германского и тюркского этнокультурного круга, формирующееся после начала монгольского ига. Пузанов противопоставил «вотчинный», «славянский» патриотизм, проявляющийся в «Житии», «конфессиональному», обращение к которому носило окказиональный характер. Русским монахам в Египте XV в. посвятила свое выступление к.и.н. Е.И. Малетто (ИРИ РАН). Она показала, что представители русского монашества активно посещали Египет, оставили его подробные описания, участвовали в духовной жизни тамошней Православной церкви.

Д.и.н. С.А. Мезин (Саратовский государственный университет) в сообщении «Дени Дидро и возникновение концепции цивилизации России» показал актуальность идей Дидро о специфике нашей страны и адекватное восприятие им «болевых точек» развития России. Так, например, Дидро акцентировал свое внимание на необходимости внутренних преобразований – в частности, на формировании в России свободного третьего сословия. Образу России в общественном мнении революционной Франции в конце XVIII в. был посвящен доклад аспиранта Института истории Государственного университета гуманитарных наук А.А. Митрофанова. Хотя во Франции «старого порядка» сосуществовали два противоположных представления о России: как о варварской, деспотичной стране, противопоставляемой свободной Польше, и как о стране «идеального монарха», коим видели Екатерину I, новое, революционное, общество воспринимало Россию преимущественно в негативных тонах, что оживляло представления о ней как об «угрозе для Европы».

Соискатель ИРИ РАН М.С. Стефко посвятила свое выступление теории и практике европейских путешествий русских дворян конца XVIII – начала XIX в. Она описала «культуру путешествий», формировавшуюся у русского дворянства на основании произведений Л. Стерна, Ж.Ж. Руссо и других авторов, имевшую определенную философско-педагогическую подоплеку. В докладе «Немцы и славяне в письмах А.И. Тургенева: интерпретация конфликтов и проблема идентичности» к.и.н. П.С. Куприянов (Институт этнологии и антропологии РАН) затронул тему восприятия немецко-славянской исторической вражды у представителя русского образованного сословия XIX в., обучавшегося в Геттингене. Конфликтующие стороны были разделены автором по конфессиональному и этническому признакам. Использование автором писем двух моделей для объяснения наблюдаемых им процессов неизбежно приводило к формальным противоречиям.

В докладе А.И. Куприянова (ИРИ РАН) «Принц Гольштейн-Ольденбургский и городское самоуправление: проблемы трансферта европейского опыта и его рецепции в русском провинциальном городе в первой четверти XIX в.» была описана адаптация «обрядов выборов» городского самоуправления Твери, привнесенная принцем на русскую почву. Участием в этом обряде принц Георгий способствовал коммуникации между подданными и императорской властью, однако из-за ранней смерти принца неясно, насколько обряд повлиял на взаимоотношения между избираемым городским самоуправлением и назначаемой губернской властью.

К.и.н. В.Ф. Блохин (Брянский государственный университет) посвятил свое сообщение Балканскому кризису 1870-х гг. и его освещению в российской печати. Российская пресса не была единой в своем отношении к кризису на Балканах. Одни из ее представителей считали, что только война может решить Восточный вопрос, другие настаивали на концентрации на внутренних делах. Доклад к.и.н. Г.Д. Шкарлупиной (Армавирский государственный педагогический университет) «Северный Кавказ как объект геополитических интересов империи» был посвящен проблеме национализма и этноцентризма среди народов Северного Кавказа. Горцы оказались перед выбором – покориться Российской империи или быть ассимилированными Османской империей. Лишь индустриализация Северного Кавказа позволила России добиться расположения горцев. О Москве и Петербурге глазами западных путешественников 1880–1890-х гг. рассказывалось в сообщении Н.О. Горбушиной (Продюсерский центр «Голос ТВ»). В описываемый период европейский и американский туризм в эти города создал условия для создания там соответствующей инфраструктуры. Путешественники регулярно сравнивали Москву и Петербург, отмечали наличие двух столиц – европеизированной и «по-настоящему» русской, из чего делался вывод об амбивалентности «империи царей».

К.и.н. М.Н. Мосейкина (Российский университет дружбы народов) проанализировала образ Аргентины и аргентинцев в восприятии российских эмигрантов конца XIX – первой трети XX в. Страна с особым стилем повседневной жизни, сохраняющая в XX в. тип поведения благородного идагльо, воспринималась эмигрантами позитивно. При этом они отмечали и негативные стороны южноамериканской жизни – затрудненную социальную мобильность, предрассудки против женского равноправия и т.д. В докладе к.и.н. М.М. Сиротинской (ИВИ РАН) «Россия в восприятии “Молодой Америки” 1851–1852 гг.» были проанализированы позиции этой группировки в Демократической партии США. Основой отношений США и Европы, с ее точки зрения, стало противопоставление монархизма и республиканизма. Роли иностранцев в освоении русского Туркестана было посвящено выступление к.и.н. Т.В. Котюковой (ВНИИДАД). К.и.н. С.А. Агуреев (Московский городской педагогический университет) рассмотрел образ Эфиопии в отражении общественного мнения на рубеже XIX–XX вв. Материалы по истории, экономике и культуре этого африканского государства печатались почти во всех крупнейших периодических изданиях, при этом формировался подчеркнуто положительный, идеализированный образ «Африканской Швейцарии».

Вторая секция рассматривала период первой половины XX в. Ее работой руководили А.В. Голубев (ИРИ РАН) и к.и.н. В.А. Токарев (Магнитогорский государственный университет). Д.и.н. А.Г. Дорожкин (Магнитогорский государственный университет) в докладе «Экономическая политика самодержавия на рубеже XIX–XX вв. в отражении немецкой публицистики начала XX в.» выделил два подхода к русской экономической политике той эпохи. Один подход акцентировал внимание на ее трудностях и провалах и отличался политической ангажированностью, другой, более объективный, признавал эту политику адекватной российским реалиям и содействующей промышленному развитию страны. Оценкам Афганистана, сделанным русскими военными исследователями, посвятил свое сообщение д.и.н. Д.Ю. Арапов (МГУ им. М.В. Ломоносова). Он отметил, что исследователи акцентировали внимание главным образом на описании самого многочисленного этноса Афганистана – пуштунов. Они выделяли такие качества этого народа, как верность мусульманской религии, племенное сознание, фанатичная любовь к Родине и

свободе. Эти качества до сих пор типичны для подавляющего числа афганцев. К.и.н. П.А. Искендеров (Институт славяноведения РАН) рассмотрел взаимоотношения русских и албанцев в начале XX в. Он отметил, что Россия, при выстраивании долгосрочной стратегии на Балканах, учитывала национальные интересы албанцев, а албанские лидеры, в свою очередь, понимали значение России как одной из ведущих держав в регионе и пытались заручиться ее поддержкой. Д.и.н. Е.В. Жбанкова (МГУ им. М.В. Ломоносова) описала развитие русской кинематографии в период с 1908 по 1914 гг. Она показала, что русские фирмы, созданные А.О. Дранковым и А.А. Ханжонковым, оказывали достойную конкуренцию иностранным, в первую очередь, французским.

Наиболее остроу дискуссии вызвало выступление д.и.н. О.С. Поршневой (Уральский государственный технический университет) «Образ врага в практиках мобилизации национального сознания накануне Первой мировой войны (Россия и Запад)». Позитивное восприятие идеи войны, конструирование образа внешнего врага – характерные черты духовной атмосферы Европы начала XX в. Власть в России, в отличие от западных стран, не смогла в полной мере осуществить меры, направленные на патриотическую мобилизацию массового сознания – в частности, из-за разницы ценностных установок крестьянства и политической элиты, а также «цензовых элементов». К.и.н. Г.Б. Куликова (ИРИ РАН) представила научный анализ советской действительности, сделанный в работе Бертрана Рассела «Практика и теория большевизма». Она подчеркнула, что основные положения этой книги до сих пор повторяются многими авторами, пишущими о советской истории.

Д.и.н. В.Л. Черноперов (Ивановский государственный университет) проанализировал образ Японии и японцев по донесениям советского полпреда в Токио В.Л. Коппа. Ориентируясь на свои знания в области психологии, Копп создал целую серию психологических портретов представителей японской элиты, которые несколько отличались от тех, которые возникали на базе официальных донесений. М.М. Кудюкина (Российский государственный архив экономики) рассмотрела образы врага и союзника в восприятии красноармейцев в конце 1920-х гг. Проанализировав направления, сюжеты и результаты официальной пропаганды, исследовательница сделала принципиальный вывод – постоянное подчеркивание неизбежности попытки нападения на первое в мире советское государство способствовало поддержанию мобилизационной готовности, консолидировало армию. С этим в определенной степени была связана и та пассивность, которую проявляла крестьянская по преимуществу Красная армия в ходе коллективизации. К.и.н. В.А. Токарев в докладе «Встреча над Вислой: немцы в восприятии участников “освободительного похода” 1939 г.» показал, что во время польской кампании советскими и немецкими военными использовалась партнерская модель диалога. Соприкосновение советских и немецких солдат в Польше привело к замене пропагандистских образов на личные впечатления, которые оказали демобилизующее влияние на советское общество и армию.

К.и.н. А.В. Голубев в докладе «Слухи как источник изучения внешнеполитических стереотипов советского общества в 1920-е гг.» показал, что руководство Советской страны уделяло большое внимание слухам. О них говорилось во всех документах, описывающих настроения населения страны, в частности, в особую группу выделялись слухи о военной угрозе. Общество, только что пережившее Первую мировую и Гражданскую войны, очень остро реагировало на любые военные ожидания – даже самые призрачные. К.и.н. А.А. Гордин (Нижегородский архитектурно-строительный институт) в сообщении «Американская производственная культура глазами советских инженеров в конце 1920-х–1930-е гг.» по запискам и командировочным отчетам советских специалистов (инженеров и рабочих), отправленных в США для изучения производственных процессов на заводе Форда, выделил их основные впечатления от работы завода, то, что показалось им продуктивным (трехсменный график, внешний порядок, рационализация труда). Аспирантка Магнитогорского государственного университета Л.П. Кострикина посвятила свой доклад становлению производства на Магнитострое глазами иностранных специалистов. С одной стороны, иностранных рабочих и инженеров поражал размах строительства, с другой – удивляло безответственное отношение к работе советских инженерных и руководящих кадров, несоблюдение правил гигиены и безопасности. Иностранцы внесли большой вклад в развитие Магнитостроя, в частности, своими рационализаторскими предложениями.

Выступление к.и.н. А.Ю. Сарана (Орловский государственный аграрный университет) «Тоталитаризм 1930-х гг.: проблемы внешнего восприятия» вызвало бурную дискуссию. Понятие «тоталитаризм» в период с момента своего внедрения в научный язык в конце 1940-х гг. до сегодняшнего дня многократно меняло содержание. Несмотря на появление в 1960–1970-е гг. концепции, отрицающей правомерность употребления данного термина, тоталитаризм в его традиционном понимании остается моделью, описывающей стремление к централизации и го-

сударственной монополизации всех областей жизни в СССР в 1930-е гг. Завершил работу секции доклад аспирантки ИРИ РАН Н.А. Стрижковой «Советские писатели и зарубежная литература (по материалам дневников 1930-х гг.)». В дневниках советских литераторов того периода (А.Н. Афиногенова, О.Ф. Берггольд, В.В. Вересаева и других) прослеживается их знакомство с современными им произведениями зарубежной литературы. Они сравнивали свой литературный язык с языком Пруста и Хэмингуэя, встраивая таким образом советскую прозу эпохи в общемировой контекст и показывая наличие у нее предшественников в мировой культуре.

Работой третьей секции, посвященной второй половине XX – началу XXI в., руководили д.и.н. Е.С. Сенявская (ИРИ РАН) и к.и.н., к.филос.н. В.А. Литвиненко (Московский государственный университет приборостроения и информатики). Д.и.н. Е.С. Сенявская (ИРИ РАН) в докладе «Итальянцы на Восточном фронте Второй мировой войны: стереотипы советского исторического сознания и историческая память» показала, что из-за отсутствия общих границ и территориальных претензий к СССР, итальянцы на Восточном фронте воспринимались как «бессмысленно гибнущие в ненужной им войне». Из-за небольшого вклада итальянских частей в военные действия в России сформировался художественный образ-стереотип, основанный на стихотворении М. Светлова «Итальянец». Его герой вызывает если не сожаление, то сочувствие.

Образу США в советском художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х гг. посвятила свое сообщение А.Г. Колесникова (РГГУ). После окончания Второй мировой войны и начала «холодной войны» в советском кино с американской разведкой часто связывали таких персонажей, как предатели из числа белогвардейцев и бывших нацистов. Начатая в кино широкомасштабная антиамериканская кампания в значительной степени сказалась на формировании негативных стереотипов об этой стране. В докладе к.и.н. А.Б. Едемского (Институт славяноведения РАН) «“Лето московское. 1964 год”». М.Н. Михайлова в контексте советско-югославских отношений 1964–1965 гг.» была рассмотрена поездка сына русских эмигрантов, осевших в Югославии, М.Н. Михайлова в СССР. Его информативные записки, повествующие о разных сторонах советской жизни, вызвали большой интерес в СФРЮ. Тем не менее, по решению высшего руководства Югославии, не желавшего портить отношения с Советским Союзом, Михайлов был раскритикован и осужден.

Выступление преподавателя Магнитогорского городского лицея Я.Д. Галимовой было посвящено факторам и особенностям формирования образа Японии в советском обществе эпохи Л.И. Брежнева. Многогранный образ Японии, сложившийся в тот период, составляет фундамент современного образа этой страны в массовом сознании. Доклад к.филос.н. В.А. Литвиненко (Московский государственный университет приборостроения и информатики) был посвящен Афганистану и афганцам в исторической памяти российского общества, точнее – эху войны 1979–1989 гг. Афганистан и афганцы не занимали значимого места в ряду российских внешнеполитических стереотипов. То, что советская армия воевала не с Афганистаном, а в Афганистане, «выносило за скобки» афганский народ, оставляя его в качестве экзотического фона. В свою очередь, афганцы, по утверждению докладчика, воспринимали русских как «шурави» («друзей»), не питая к ним враждебных чувств, по крайней мере – на уровне бытового восприятия.

Большой интерес вызвал доклад «Национальные меньшинства: проблемы идентичности корейцев стран СНГ и государств Корейского полуострова», в котором д.и.н. Н.Ф. Бугай (ИРИ РАН) затронул вопросы взаимоотношений в рамках одной этнической общности, проживающей в разных странах. Российские корейцы в данный момент разделены на два течения – ориентирующиеся на КНДР и на Южную Корею. Ориентации на «престижную» Республику Корея мешает слабое знание корейского языка, отсутствие мощной деловой прослойки среди «коре Сарам» («российских корейцев»). При этом российские и среднеазиатские корейцы считают, что укрепление их общественного положения и появление в органах государственной власти позволит им быть признанными идентичными корейцам Южной Кореи. Д.и.н. Т.П. Хлынина (Южный научный центр РАН) избрала тему «Принимающее сообщество и репатрианты: проблемы взаимовосприятия (на примере косовских адыгов в Адыгее)». Социокультурные особенности этой небольшой (175 человек) этнической группы – большая приверженность религиозной и традиционной обрядности – сформировали настороженное отношение к новой группе, в обществе появился устойчивый маркер их восприятия – «косовцы». В свою очередь, для самих переселенцев психологически сложным оказалось столкновение с фактором полиэтничности, а также с отклонениями от традиционной адыгской культуры в среде коренных адыгов.

Завершили работу секции два теоретических доклада. Д.фил.н. А.Ю. Большакова (ИМЛИ РАН) рассмотрела общие вопросы формирования образа России в литературном и научном сознании Запада. Новаторским по сути стал доклад д.филос.н. И.В. Кондакова (РГГУ) «Глобалитет России в диалоге цивилизаций». По мнению автора, в строении и самосознании

каждой развитой культуры важное место занимает триада: менталитет культуры, ее глобальность (проекция национального менталитета в мировое культурное пространство) и ее локальность (представление о месте данной локальной культуры в контексте ближайшего культурного окружения). Центральное место в докладе заняла проблема глобальности России, который, по мнению исследователя, отличается двумя принципиальными особенностями. Во-первых, он исключительно нестабилен, динамичен и непредсказуем в своем развитии, что неравномерно проявляется на всем протяжении тысячелетней российской истории. Во-вторых, он не только нестабилен и неустойчив, но и быстро восстановим силами самой российской цивилизации: за счет ее внутренних мобилизационных ресурсов, исключительной способности к быстрой адаптации и модернизации, и за счет органической включенности российской цивилизации в мировое сообщество (как западное, так и восточное).

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги конференции, проанализированы предложения и замечания участников. Как подчеркивали участники конференции, актуальность поставленной проблемы и уровень ее обсуждения позволяет надеяться на новые плодотворные встречи. Особо был отмечен широкий спектр рассматриваемых проблем, неформальный характер общения на конференции. Важным для участников стали новые подходы к изучаемым проблемам, в определенной степени это была попытка выработки новой методологии, сочетающей в себе исторические, культурологические и социологические проблемы.

Материалы конференции будут опубликованы. Работа постоянного междисциплинарного научного семинара по истории взаимовосприятия культур будет продолжена.

Т.А. Мухаматулин, аспирант ИРИ РАН

Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Центр славянских исследований, более известный по своему англоязычному наименованию как Slavic Research Center (SRC), – лишь одно из нескольких десятков научно-исследовательских подразделений университета Хоккайдо, но для Японии он уникален. Любопытно, что он был образован в составе юридического факультета университета в год смерти И.В. Сталина, а статус общенационального научно-исследовательского института обрел в 1990 г., одновременно с разрушением берлинской стены – символа холодной войны. До его появления в 1953 г. в японской академической науке славистики как самостоятельной дисциплины не существовало, хотя целенаправленное исследование России к тому времени велось в Японии уже на протяжении более полувека. Русский язык преподавали еще в 1870-е гг. в Токийской школе иностранных языков, а первое специальное учебное заведение для изучения России открылось здесь в 1892 г.

В разные годы в SRC работали такие светила японской славистики, как историки Хасэгава Тоси и Хара Тэруюки, политолог-международник Кимура Хироси. В последнее время Центр возглавлял представитель нового, послевоенного поколения японской евразийской политологии и исторической науки, выпускник юридического факультета Токийского университета профессор Мацузато Кимитака, исследователь уже с мировым именем. SRC влиятелен и весьма авторитетен в стране – за прошедшие 10–15 лет правительство Японии и крупнейшие объединения японских ученых неоднократно отмечали институт и его сотрудников престижными наградами и премиями высшего достоинства. «К публикациям и другой информации, исходящей из Центра, – констатирует его новый (с 2008 г.) директор, политолог-международник профессор Ивасита Акихиро, – [в Японии] относятся с уважением и благодарностью, порой она оказывает влияние на государственную политику. Все мы гордимся SRC и искренне признательны японской обществу за понимание и неизменно щедрую поддержку»¹.

Сегодня SRC – единственный в Японии центр славяно-евразийских исследований, который призван оказывать консультативную помощь как японским славистам, включая ученых-россиеведов всех категорий, так и всевозможным государственным структурам. Его профессора читают лекции студентам и аспирантам университета Хоккайдо, консультируют магистрантов и докторантов, но главное предназначение Центра – фундаментальные исследования. В числе его неизменных научных приоритетов – история и современность России (с упором на сибирские и дальневосточные территории), включая ее политику в странах Дальнего Востока, а также средне-азиатских и восточно-европейских государств. В текущей работе сотрудников SRC постоянно находится полтора десятка научных проектов не только регионального масштаба (например, изучение перемен в Сахалинской обл. последних лет (руководитель – проф. Арай Нобуо) или

истории и современности государств Средней Азии (руководитель – проф. Уяма Томохико)), но транснационального и даже глобального охвата. В ряду последних – многоуровневое сравнительное изучение ведущих держав Евразии, включая Россию, Китай и Индию (руководитель – проф. Табата Синитиро), исследование «парадигмы “Восток–Запад” в славяно-евразийской культуре» (руководитель – проф. Мотизуки Тетсуо). Проект С. Табата, рассчитанный на 2008–2013 гг., включает 6 подпроектов, которые предусматривают изучение «качественных изменений в устройстве миропорядка», процесса «коллапса и реструктуризации империй», возможностей их устойчивого и «экологичного» (sustainable) экономического развития в будущем. Для разработки этих и других мировых проблем созданы рабочие группы с участием ученых из университетов Хосэй, Сэйнан и Осака. Адресное привлечение «внешних» специалистов, в том числе зарубежных, вообще типично для исследовательской практики SRC. Опыт японских ученых показывает, что это – продуктивный, рациональный и весьма перспективный подход к организации научных исследований.

Сам же Центр на удивление немногочислен. Его внутренняя организация всецело подчинена интересам текущей исследовательской работы, почему в постоянно действующих структурных подразделениях его научной части просто нет нужды. Сердцевина, «мозг» и становой хребет института – это его 12 штатных профессоров, которые раз в два года избирают директора SRC, всегда – из своей собственной среды. Должность директора престижна, но занимают ее заведомо временно, а потому отношение к нему в институте – как к первому среди равных. Вообще, долго директорствовать здешние ученые не любят, да это и не в почете – считается, что, засидевшись на административной работе, исследователь рискует научно деградировать и потерять квалификацию. Среди штатных профессоров института – русист-литературовед, славяновед-лингвист, несколько экономистов, политологов и историков; все – японцы в расцвете сил (66 лет является предельным возрастом для ухода на пенсию), с блестящим образованием и безупречной научной репутацией, каждый – со знанием нескольких азиатских и европейских языков (последнее для Японии большая редкость), из которых свободное владение русским и английским рассматривается как обязательное. В общем – элита японской гуманитарной науки. Единственный иностранец – недавнее приобретение Центра, американский профессор Дэвид Вулф, японист, синолог и руссиевед, специалист по проблемам «холодной войны», ныне занятый созданием в Японии центра по ее изучению в тесном сотрудничестве с Институтом российских и евразийских исследований Гарвардского университета (США).

На этом десятке научных «столпов» держится 40 магистрантов, аспирантов и докторантов SRC. Прибавим к этому несколько ежегодно приглашаемых после прохождения серьезного конкурса японских и иностранных ученых-стажеров; вместе со вспомогательным аппаратом всего, таким образом, – порядка 90 человек. Годовой бюджет института превышает 1.5 млн долларов, свыше 75% которых в среднем составляют исследовательские гранты (громадный процент даже по японским меркам) и только ¼ получается из госбюджета. Центр имеет собственную библиотеку – обширную (почти в 200 тыс. томов), прекрасно подобранную и постоянно пополняемую книжно-журнальными новинками со всего мира. Каталог, размещенный на сайте, избавляет читателя от долгих бумажных разысканий, требования выполняются в считанные минуты. Первокласно подготовленный персонал во главе с профессором Тонаи Юзуру толков, вежлив и предупредителен – как и всюду в Японии.

Сегодня под грифом Центра выходит несколько периодических изданий, но особенно заметный научный вес в последние годы набрал его ежегодник – «Acta Slavica Iaponica», издаваемый с 1980-х гг. Его характер и направленность можно проиллюстрировать содержанием 26-го тома за 2009 г. Читатель найдет в нем статьи, посвященные разнообразным сторонам российской действительности XIX–XX вв.: отечественным иллюстрированным журналам XIX в. и коллективному портрету их подписчиков; разработке в Токио и в Петербурге «христианского вопроса» в годы русско-японского вооруженного конфликта 1904–1905 гг. и пропагандистской деятельности правительств на мировой арене в этой связи; московским ЖАКТАм в первые советские десятилетия и водоснабжению крупных промышленных центров России эпохи позднего сталинизма; мобилизации «нетитульных» этносов в Молдавии и Литве в последние годы существования СССР. Различные аспекты современности освещают исследования «литовского ответа на российскую дипломатию трубы»; внешнеполитического курса Российской Федерации после окончания эпохи «холодной войны», который рассматривается, как продукт столкновения «либеральной, реалистической и геополитической парадигм»; конфессиональной ситуации в постсоветской Туве; наконец – представлений о собственном прошлом («образов империи и Азии») в российской околonaучной беллетристике XIX–XXI вв. Авторами статей, которые публикуются на английском и русском языках, выступают исследователи из Японии, России, Великобритании,

Южной Кореи и Литвы – профессора Д. Филцер (университет Восточного Лондона), Я. Мацуи (университет Кюсю), Д. Павлов (МИРЭА, Москва), Шин-Беомшик (Сеульский университет), Г. Виткус (Вильнюсский университет), исследователи Г. Косино (SRC), К. Сато (Японское Общество содействия науке), Ю. Татеуми (Токийский университет), М. Монгуш (Университет туризма и сервиса, Россия). Можно констатировать, что сегодня ежегодник SRC стал одним из ведущих зарубежных научных изданий, посвященных истории и современности государств постсоветского пространства.

В качестве других весомых и относительно недавних достижений Центра славянских исследований следует указать на преимущественное использование его сотрудниками эмпирических данных, полученных в ходе полевых исследований, а также вклад SRC в то, что сами японские ученые именуют «глобализацией японской гуманитарной науки» – превращение ее в неотъемлемую часть общемировой. Прогресс тут и в самом деле ощутимый – еще не так давно японская гуманитарная наука оставалась «вещью в себе». Этому процессу сопутствует активное проникновение в японскую славистику западных подходов и идей, среди которых (особенно в изучении международных отношений) порой еще слышатся отголоски оценок приснопамятной американской советологии. Вместе с тем, было бы неверно недооценивать самостоятельность японской славистики вообще и научной продукции сотрудников Центра славянских исследований, в частности. Оригинальна не только проблематика их работ (подробнее о которой чуть ниже), но и используемые ими методы и исследовательские приемы. Сегодня SRC – один из признанных лидеров в области империологии – сравнительно нового, но быстро прогрессирующего направления мировой историографии. Не вызывает сомнений приоритет института и в тщательном и многообразном изучении «горячих точек» на пространстве бывшего СССР.

Глобализации японской гуманитарной науки во многом способствуют научные форумы, которые регулярно проходят в SRC. Дважды в год здесь созывают представительные международные конференции, на которых обсуждаются не только исторические, но и животрепещущие современные общемировые проблемы. На симпозиуме, прошедшем в июле 2007 г. под немного игривым названием: «Dirty, but Warm: энергия и окружающая среда в славянской Евразии и в соседних странах», выступали специалисты из России, США, Великобритании, Канады, Израиля, Литвы, Индии, Ирана и, конечно, японцы из университетов Саппоро, Токио, Киото, Нагоя. В работе летнего симпозиума 2008 г., посвященного истории «холодной войны» в северо-восточной Азии, приняли участие историки и политологи из Японии, США, Китая, Южной Кореи, Великобритании, Австралии². Помимо этого в Центр по собственной инициативе (и часто за свой счет) приезжают выступать с разнообразными докладами ученые со всего света – американцы, англичане, австралийцы, голландцы, немцы, финны, чехи, поляки, корейцы, наши соотечественники. Это – тоже знак высокого рейтинга SRC в мировом ученом сообществе. В среднем в год таких гостей набирается до 100 человек, это делает интеллектуальную жизнь института еще более насыщенной. Каждое выступление сопровождается оживленным и заинтересованным обсуждением. Японцы – вообще удивительно внимательные, чтобы не сказать вездливые, слушатели. Любознательность, вкус к свежим, оригинальным идеям, восприимчивость к новому – одна из главных черт их национального характера. Прийти послушать докладчика и задать ему вопросы впряме всякий – демократичная обстановка Центра это только приветствует.

Сотрудникам SRC, похоже, до всего есть дело. Здесь работают специалисты по истории и современной общественной, политической и экономической ситуации во внутривосточных регионах и на Кавказе, в Приднестровье и Прибалтике, на Украине и в Сибири, в Венгрии и бывшей Чехословакии, в Монголии и Казахстане, на российском Дальнем Востоке, в Китае и Корее. Свободное владение языком страны-объекта исследования обязательно для каждого, многие ученые Центра проработали там годы и с положением дел в них знакомы «изнутри». Это правило распространяется и на молодых сотрудников, для которых получить приглашение на работу в SRC – большая честь и редкая удача. Историк Наганав Норихиро, выпускник одного из российских университетов, изучает политику Российской империи на ее южных рубежах в отношении своих подданных-мусульман в 1856–1914 гг., научный сотрудник Аосима Йоко занята проблемами российского образования XIX в., докторант Сакон Юкимура исследует хождение российского рубля в странах АТР, а докторантка Такахаси Санам готовит диссертацию, посвященную Русскому Северу, где неоднократно и подолгу бывала. Осенью 2008 г. японское Общество поощрения научных исследований (JSPS) избрало SRC координатором национальных программ международного молодежного научного обмена в области гуманитарных наук. В результате молодые сотрудники института получили возможность проходить 10-месячные языковые и профессиональные стажировки в британском Оксфорде и американском Гарварде. Первая четверка начинающих историков и политологов, отобранная по конкурсу, уже отправилась за океан.

В почти непрерывных разъездах по миру находятся и руководители SRC. Директор А. Ивасита несколько месяцев проработал в американском Центре по изучению политики государств северо-восточной Азии. Его предшественник К. Мацузато не первый год проводит многомесячные «полевые» исследования в «горячих точках» России и стран постсоветского пространства. Привлекает неординарность его методики сбора материала, которая далеко не исчерпывается тщательным изучением сообщений повременной печати и информации Интернет. Всякий раз, приезжая на место, этот политолог интервьюирует десятки местных общественных и религиозных деятелей, политиков, бизнесменов, представителей науки, культуры, журналистского сообщества и властных структур, в общем – с головой погружается в социальную, экономическую, общественно-политическую, культурную и конфессиональную проблематику исследуемого региона во всем ее многообразии. В этом ему помогает огромное трудолюбие, высокая мобильность, а также свободное владение не только английским и русским, но и полудюжиной других восточноевропейских языков – украинским, польским, литовским и т.д. В числе его последних исследовательских «адресов» – Литва, Украина и Приднестровье, Дагестан и Абхазия, Грузия и Осетия.

Магистральная научная задача SRC сегодня состоит в разработке (а фактически – создании) академической дисциплины славяно-евразийских исследований. Именно этот масштабный проект, который напрямую финансирует японское Министерство образования и науки, цементирует весь институт, превращая его в единое целое. Начиная с 2004 г., здесь издаются сборники статей, посвященных различным аспектам междисциплинарного и транснационального анализа евразийских славянских мезо-регионов. Разработка трансграничного подхода в изучении региональной интеграции и глобализации в их прошлом и настоящем, а также идея подготовки и издания книг этой серии принадлежат Центру. Авторами же научных текстов выступают не только и даже не столько сотрудники самого института, сколько приглашенные исследователи – историки, религиоведы, экономисты, политологи, социологи, многие из которых – россияне. Книги сразу публикуются по-русски (для распространения в России), по-английски, а отдельные еще и по-японски. На сегодняшний день их издано уже около 20. Назову некоторые: «Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная?» (2004), «Империялогия: от эмпирического знания к изучению Российской империи» (2007), «Историографический диалог вокруг непризнанных государств. Приднестровье, Нагорный Карабах, Армения, Южная Осетия и Грузия» (2007), «Империя, ислам и политика в Центральной Евразии» (2007), «По ту сторону империи: имидж России в евразийском культурном контексте» (2008), «Энергия и окружающая среда в славянской Евразии» (2008). Как видим, нашу историю и современность внимательно, профессионально и разносторонне изучают с осязаемым креном в сторону наиболее политически заостренных и актуальных проблем сегодняшней России и стран ее ближайшего окружения. Полагаю, что и историки издания SRC не оставят равнодушными.

В ближайших планах сотрудников Центра – вовлечение в исследовательский «оборот» скандинавских государств, стран Южной Азии и Среднего Востока. Сами ученые SRC в этой связи шутят, что пора переименовывать их институт в «центр неславянских исследований». Сотрудники Центра гордятся академическими связями, которые у них установлены с Россией, странами СНГ и постсоветского пространства, с Индией, Китаем, Южной Кореей, США, Великобританией, Австралией, ближневосточными государствами. Свою приоритетную цель руководители института сегодня видят в расширении пространства и углублении тематики исследований, в упрочении связей с ведущими зарубежными научно-исследовательскими институтами и обретении, таким образом, устойчивого влияния уже не только на свою собственную, японскую, но и на «глобальную аудиторию». В общем, действуют в русле стратегической общенациональной задачи наступившего столетия – превратить Японию в «мировой центр науки».

**Д.Б. Павлов, доктор исторических наук
(Московский институт радиоэлектроники и автоматики
(Технический университет))**

Примечания

¹ *Iwashita Akihiro*. From the Director // Slavic Research Center News. Annual Newsletter of the SRC, Hokkaido University. January 2009. N 16. P. 1.

² О других крупных международных научных форумах, проведенных в последнее время с участием Центра славянских исследований, см.: Отечественная история. 2009. № 1. С. 203–206.

Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова

16 июня 2009 г. скончался доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Санкт-Петербургского государственного университета Руслан Григорьевич Скрынников.

Р.Г. Скрынников родился в 1931 г. в Кутаиси в семье инженера-гидротехника Г.И. Скрынникова, работавшего на строительстве Рионской ГЭС, и учительницы средней школы С.А. Скрынниковой. Детство Руслана Григорьевича было связано с Ленинградом, с жилым домом специалистов на Петроградской стороне, где росла и его будущая жена Л.Н. Семенова.

В 1948 г. Скрынников поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Здесь он занимался сначала под руководством Б.А. Романова, затем – С.Н. Валка. Наиболее важным результатом этого двойного влияния стал интерес Р.Г. Скрынникова к источниковедению, оказавшийся определяющим для его становления как историка. Студентом Руслан Григорьевич с увлечением читал «Разыскания о древнейших летописных сводах» А.А. Шахматова, которого как раз в эти годы посмертно обвиняли в буржуазном гиперкритицизме. Скрынников вспоминал, что однажды на экзамене он ответил на вопрос о Киевской Руси «по Шахматову». Придаться к ответу было трудно, но экзаменатор, стремясь показать свое недовольство, черкнул в графе, предназначенной для оценок по пятибалльной шкале, слово «зачет». Впоследствии, говоря о «методе» или «методике», Руслан Григорьевич рекомендовал студентам «Текстологию» Д.С. Лихачева и «Очерки комплексного источниковедения» В.Л. Янина (иногда он даже отождествлял «свой» метод с «комплексным источниковедением»).

В 1953 г., поступив в аспирантуру Ленинградского государственного пединститута им. А.И. Герцена, Руслан Григорьевич получил от Б.А. Романова в качестве темы кандидатской диссертации «Опричнину Ивана Грозного». Судьбоносным оказалось то, что с этой темой Скрынников (по его собственному признанию) не справился. Он имел мужество признаться себе в этом и, не желая представлять текст, который не удовлетворял его самого, выбрал другую тему – о новгородском поместье конца XV–XVI вв. Кандидатская диссертация Руслана Григорьевича, защищенная в 1958 г., никогда не была опубликована полностью, но ее выводы были использованы им во время полемики, возникшей после выхода в свет монографии В.Б. Кобринина «Власть и собственность в средневековой России».

После защиты диссертации Скрынников работал в редакции «Морского атласа». Свою работу он называл необременительной, в чем была некоторая доля скромности, так как результатом коллективного труда стал лучший военно-исторический атлас, когда-либо опубликованный на русском языке. В 1963 г. Руслан Григорьевич стал преподавателем Ленинградского государственного пединститута им. А.И. Герцена, где преподавал отечественную историю, в том числе и послереволюционную (последнее он всегда считал тягостным для себя). Уже во время работы в «Морском атласе» Скрынников вернулся к своей первой теме – опричнине.

Научным прорывом оказалась находка писцовых книг Казанского уезда, содержавших перечень сосланных в начале опричнины. Тем самым Руслан Григорьевич вновь доказал антиаристократический характер первого этапа опричнины, поставленный было под сомнение в исторической литературе. В оценках опричнины Скрынников избегал генерализации, показывая, как острие террора перенаправлялось с одной группы аристократии на другую. Для того чтобы восстановить этот процесс, неопенимой оказалась предпринятая ученым реконструкция текста Синодика опальных. Руслан Григорьевич показал, что список отражает хронологию опричных казней и опирается на недошедшие архивные материалы. Публикация двух монографий и защита в 1967 г. докторской диссертации, посвященной опричнине, поставили Скрынникова в центр историографической дискуссии¹. С одной стороны, он успел прочитать посмертно опубликованные исследования об опричнине С.Б. Веселовского и учесть его выводы. С другой – существенные противоречия отделяли Руслана Григорьевича от его старшего современника А.А. Зимина, опубликовавшего в 1964 г. исследование об опричнине. Сопоставление трех концепций опричнины – С.Б. Веселовского, А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова – навсегда останется классическим историографическим сюжетом, в котором отразились и методологические, и мировоззренческие позиции трех историков².

В 1973 г. ученый вернулся в Ленинградский университет. Переломной для него как историка оказалась книга об Иване Грозном, опубликованная в популярной серии издательства «Наука». Руслан Григорьевич рассказывал, что толчком к ней послужило участие в Международном конгрессе историков, в котором была биографическая секция. Современному читателю, привыкшему к большому предложению биографической литературы, трудно осознать принципиальную

новизну этой книги. «Иван Грозный» принес Скрынникову признание отечественного читателя. Не стоит забывать и о реакции русской эмиграции, с приятным удивлением заметившей настолько свободную от догматизма книгу. Заметили книгу и в ЦК партии. Впоследствии Руслан Григорьевич узнал о состоявшейся там дискуссии, в ходе которой книге было поставлено в вину отсутствие «классовой борьбы». Последствия для историка оказались сравнительно мягкими: он сохранил возможность преподавать и печататься, но стал «невъездным». Последнее оставалось в силе до начала перестройки³.

В 1970-е гг. Р.Г. Скрынников занялся историей Смутного времени. Именно он одним из первых вернул в научный оборот понятие «Смутное время», искусственно замененное в 1930-х гг. на «крестьянскую войну» и «иностранный интервенцию». Первым импульсом ученого – здесь он оказался близок Б.Н. Флоре и В.Д. Назарову – было показать условность границ между «интервенцией» и «крестьянской войной». Скрынников во всей сложности восстановил авантюру первого самозванца – с момента, когда Лжедмитрий I оказался фактически во главе повстанческой армии, до компромисса, заключенного им с Боярской думой. Показателен авторитет трудов Руслана Григорьевича – тождество Лжедмитрия I и Юрия (Григория) Отрепьева, признававшееся далеко не всеми современниками ученого, стало общим местом после публикации его работ. Следует принять во внимание, что понятие «первая крестьянская война», присвоенное восстанию под предводительством Ивана Болотникова, часто использовалось применительно ко всему периоду Смуты. Здесь Скрынников мог бы пойти по пути наименьшего сопротивления, занявшись критикой работ И.И. Смирнова, в которых был сформулирован традиционный взгляд на восстание Болотникова. Это, однако, не привлекало Руслана Григорьевича. Отличный текстолог, он детально проследил в своих лекциях, как идеологический диктат заставлял Смирнова видоизменить первоначальное видение сюжета, как восстание холопов и крестьян превращалось по мере редактирования его работ в «крестьянскую войну». При этом Скрынников не отказывался от самого понятия «крестьянская война». Однажды он заметил, что его оппоненты «просмотрели» саму крестьянскую войну. По мнению ученого, она начиналась на периферии тушинского лагеря. Собственное видение Руслана Григорьевича можно сформулировать в двух словах – «гражданская война».

Скрынников намечал посвятить Смуте четыре монографии – о Лжедмитрии I, о Болотникове, о Тушинском воре и об ополчениях. При этом ученый обычно писал и научный, и популярный вариант каждой из частей. Сначала в серии «ЖЗЛ» вышла популярная версия последней (по хронологии) части – «Минин и Пожарский» (к сожалению, Руслан Григорьевич не подготовил этой работы в виде монографии). Затем вышли научно-популярные книги о Лжедмитрии и о Болотникове⁴. Работы о Тушинском воре Скрынников написать не успел.

В начале 1980-х гг. ученый написал книгу о Сибирской экспедиции Ермака, пересматривавшую многие устоявшиеся в науке представления. В это же время Руслан Григорьевич заинтересовался историей Русской православной церкви. Интересно было видеть, что он начал здесь с ревизии своих собственных работ, упрекая себя в преуменьшении роли Церкви в правление Грозного и в Смутное время. Результатом стала научная монография, посвященная истории государственно-церковных отношений на Руси, а также ее популярная версия⁵. В последние годы жизни Скрынников обратился к изучению истории дуэли А.С. Пушкина. На основании кропотливой работы с источниками (в том числе с комплексом документов, введенных в оборот итальянской исследовательницей С. Витале) он предложил новый взгляд на историю роковой дуэли.

Руслан Григорьевич принадлежал к первому поколению советских историков, которые не были отделены от западных коллег непроницаемым «железным занавесом». В 1960-е гг., когда первые американские медиевисты приехали для работы в московские и петербургские архивы, завязались первые контакты. В начале 1970-х гг. один из американских историков дал Скрынникову прочитать корректуру книги своего коллеги Эдварда Кинана, посвященную переписке Грозного с Курбским. Кинан пробовал доказать, что переписка Грозного с Курбским была написана не в XVI в., а в XVII в., и что за масками царя и изгнанника скрываются другие авторы. Руслан Григорьевич не был согласен с этим взглядом, но аргументация казалась ему интересной, и, чтобы отвести ее, он провел собственное исследование по рукописям. Результатом стала небольшая книга «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана», опубликованная Пушкинским Домом в 1973 г. Ответ Кинана положил начало международной дискуссии, в которой выступил целый ряд отечественных и зарубежных исследователей. От многих современных ей дискуссий она отличалась отсутствием догматических аргументов и достойным тоном. Дом Руслана Григорьевича был открыт для иностранных историков, а двумя полками в его личной библиотеке, на которых были сосредоточены недоступные в Ленинграде книги американских, английских и немецких историков, пользовались многие русские коллеги.

Открытость Руслана Григорьевича и его интерес к разным подходам к российской истории предопределили то, что в его семинаре занимались студенты и стажеры из разных стран. Сейчас ученики Скрынникова преподают российскую историю или ведут исследовательскую работу в Венгрии (Магда Агоштон, Дюла Свак, Шандор Шили), в Англии (М. Унковская), на Украине (В.И. Ульяновский), и, конечно, в России. Именно в семинаре Скрынникова начались научные биографии его учеников: А.П. Павлова, Е.П. Семеновой, П.В. Седова, И.О. Тюменцева, В.А. Колбкова, В.Г. Вовиной-Лебедевой, П.А. Медведева, А.И. Алексеева, А.С.Лаврова и других.

Руслан Григорьевич был человеком своего поколения, бывшего свидетелем больших потерь и больших трагедий. Мы, представители другого поколения, часто приходили к нему рассказать о том, как в очередной раз рушатся устои, а уходили от него с облегчением, убедившись, что просто проводится очередная кампания. За всем этим не стояло какое-то безразличие, в духе того, что все само собой обустроится, но была очень четкая структура ценностей, в которой учреждения (например, факультет) были вторичны, а люди (например, его ученики) – всегда первичны. Если речь шла об интересах последних, Скрынников был упорен, негибам и не склонен к компромиссам. Его трудно было бы представить во главе какого-либо политического движения – прежде всего, в силу индивидуализма. Чужд был Руслан Григорьевич и всякого рода прославления своих заслуг. Однажды петербургский журналист, неплохо разбирающийся в исторической науке, захотел сделать фильм о Скрынникове. Ученый отказался сразу и бесповоротно. Попытки подвинуть его к автобиографическим рассказам обычно приводили к тому, что он рассказывал о своих друзьях и коллегах. К числу последних принадлежали Д.С. Лихачев, Н.Е. Андреев, В.А. Водов. Вместе с Р.Г. Скрынниковым ушла эпоха.

**К.и.н. А.И. Алексеев, к.и.н. В.Г. Вовина,
к.и.н. Л.К. Ермолаева, С.Г. Жемайтис,
д.и.н. А.С. Лавров, П.А. Медведев,
д.и.н. А.П. Павлов, к.и.н. П.В. Седов,
к.и.н. Е.П. Семенова, д.и.н. И.О. Тюменцев, Ш. Сили.**

Примечания

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966; *его же*. Опричный террор. Л., 1969; *его же*. Россия после опричнины. Л., 1975. Рекомендуем читателю знакомиться с опричной трилогией по последней авторской версии: Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

² Подробнее см.: Основные труды Руслана Григорьевича Скрынникова // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. Сборник статей, посвященный 35-летию научной и педагогической деятельности профессора Руслана Григорьевича Скрынникова. СПб.; Киев, 1993; Список печатных трудов профессора Р.Г. Скрынникова // Средневековая Русь. Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения профессора Р.Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 166–174; Семенова Е.П. Руслан Григорьевич Скрынников: путь в жизни и науке // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. Сб. науч. трудов в честь 75-летия профессора Руслана Григорьевича Скрынникова. СПб., 2007. С. 20–25; Свак Д. Руслан Григорьевич и Иван Грозный // Там же. С. 25–37; Библиографический указатель трудов Р.Г. Скрынникова // Там же. С. 38–55; Указатель литературы о Р.Г. Скрынникове // Там же. С. 54–55.

³ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. О реакции ЦК КПСС см. в послесловии Ханса-Иоахима Торке к немецкому изданию книги: Skrynnikow R.G. Ivan der Schreckliche und seine Zeit. München; Beck, 1992. S. 360.

⁴ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985; *его же*. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; *его же*. Смута в России в начале XVII века. Иван Болотников. Л., 1988; *его же*. Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. М., 1981.

⁵ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси. XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991; *его же*. Святители и власти. Л., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Структуры и символы российской государственности

Пчелов Е.В. – Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования	3
Аракчеев В.А. (Псков) – Опричнина и «земщина»: к изучению административной практики в русском государстве 1560–1580-х гг.	16
Ружицкая И.В. – Кодификационные проекты императора Николая I.	29

История российского конституционализма

Медушевский А.Н. – Политическая теория российского конституционализма XX в.	45
Шейнис В.Л. – Образование СССР и его первая Конституция	64
Сницын Ф.Л. – Конституционные принципы свободы совести и всеобщего избирательного права в СССР: попытка реализации и противодействие (1936–1939 гг.).....	81
Земцов Б.Н. – Уроки Конституции 1993 г.	93
Воробьев А.А. (Республика Белоруссия) – Правонарушения на выборах во Всероссийское Учредительное собрание на территории Витебской губернии.....	100

Статьи

Кизилев М.Б. (Израиль) —Толерантность, мистицизм и еврейские религиозные секты в эпоху императора Александра I.....	108
Волкова Т.И. (Ярославль) – Просветительская деятельность земства в ярославской деревне в конце XIX – начале XX в.	118
Чвикалов А.И. (Воронеж) – Деятельность земства Центрально-Черноземных губерний по обеспечению призрения покинутых младенцев.....	123

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

«Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории»	131
Кропачев С.А. (Краснодар) – Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг.	166

Критика и библиография

Шпотов Б.М. – Льюис Х. Сигелбаум. Автомобили для товарищей. Биография советского автомобиля	173
Нарский И.В. (Челябинск) – Г.А. Янковская. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма	176
Ростовцев Е.А. (Санкт-Петербург) – Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей.....	179
Минаков А.С. (Орел) – Н.П. Муратов. Записки тамбовского губернатора	182
Руднева С.Е. – Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX в.	184
Михеев С.М. – А. Поппэ. Христианская Русь в становлении	186

Научная жизнь

Соколова Н.В. – XXXI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	191
Мухаматуллин Т.А. – Россия и мир глазами друг друга: проблемы взаимовосприятия	194
Павлов Д.Б. – Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Саппоро, Япония).....	199
Памяти Р.Г. Скрынникова	203

CONTENTS

Structures and symbols of the Russian statehood

Pchelov E.V. – The territorial title of the Russian sovereigns: the structure and principles of construction	3
Arakcheev V.A. (Pskov) – <i>Oprichnina</i> and <i>zemschina</i> : studying Russia's administrative practices of 1560s-1580s	16
Ruzhitskaya I.V. – Nicolas's I projects of the codification of statutes.....	29

History of Russian constitutionalism

Medushevskii A.N. – Political theory of Russian constitutionalism of the XX th century	45
Sheinis V.L. – The formation of the USSR and its first Constitution	64
Sinitsyn F.L. – Constitutional principles of the freedom of conscience and universal suffrage: an attempt to realization and resistance (1936–1939).....	81
Zemtsov B.N. – The lessons of 1993 Constitution.....	93
Vorobiev A.A. (Republic of Belarus) – Law infringement on the elections to the Russian Constitutional Assembly in the Vitebsk region.....	100

Articles

Kizilov M.B. (Israel) – Tolerance, mysticism, and the Jewish sects during the reign of Alexander I	108
Volkova T.I. (Yaroslavl') – Educational activity of the <i>zemstvo</i> institutions in Yaroslavl villages in the late 19 th – early 20 th centuries.....	118
Chvikalov A.I. (Voronezh) – Zemstvo of the Black soil region providing the care for abandoned infants.....	123

Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

Discussing «Theory and methodology of the cognitive history» by O.M. Medushevskaya. A «round table»	131
Kropachev S.A. (Krasnodar) – Contemporary Russian historiography on the scale of political repressions of 1937–1938	166

Book reviews

Shpotov B.M. – Lewis H. Siegelbaum. <i>Cars for Comrades: The Life of the Soviet Automobile</i>	173
Narskii I.V. (Cheliabinsk) – G.A. Yankovskaya. <i>Art, money, and politics: an artist in the epoch of late Stalinism</i>	176
Rostovtsev E.A. (St. Petersburg) – <i>Problems of homeland history: sources, historiography, researches. A collection of research articles</i>	179
Minakov A.S. (Orel) – N.P. Muratov. <i>The memoirs of a Tambov governor</i>	182
Rudneva S.E. – <i>Tavria readings 2007: Current issues of the history of Russia's parliamentarism of the early 20th century</i>	184
Mikheev S.M. – A. Poppe. <i>Christian Rus in formation</i>	186

Academic Life

Sokolova N.V. – XXXI session of the Symposium on Eastern Europe's agrarian history.	191
Mukhamatulin T.A. – <i>Russia and the world in each others' eyes: the problems of mutual perception</i>	194
Pavlov D.B. – <i>Slavic Research Center at Sapporo (Japan)</i>	199
In memoriam of R.G. Skrynnikov.....	203

РЕДАКЦИЯ

- Секиринский С.С.** – Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В. – Отдел Новой истории
Мельникова Л.В.
Лисейцев Д.В. – Отдел Древней и Средневековой истории
Костина Р.В. – Отдел истории народов
Христофоров И.А. – Отдел историографии, источниковедения,
методов исторического исследования
Шахназарова М.Г. – Заведующая редакцией
Виккел О.Л. – Литературный редактор
Мац А.Г. – Младший редактор

Сдано в набор 30.07.2009

Подписано в печать 08.12.2009

Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆

Печать офсетная

Усл. печ.л. 13,0

Усл.кр.-отт. 16,9 тыс.

Уч. изд.л. 23,4

Бум.л. 6,5

Тираж 1273 экз.

Зак. 879

Свидетельство о регистрации № 0110244 от 8.02.1993 г.

в Министерстве печати и информации РФ

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 8-499-723-69-10

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6